

ISSN 1815-9176

Вестник

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ и ИСКУССТВ

1(41) / 2015

Scientific journal
«**HERALD**
of the Chelyabinsk State Academy
of Culture and Arts»

1 (41) 2015

**Included into the list of leading scientific editions under review
(Order No. 6/6 dated by February 19, 2010)**

Journal is being issued since 2002

Founder

Federal State Budget-funded Educational Institution of Higher
Professional Education «Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts»

Editor-in-chief Rushanin Vladimir Yakovlevich

Deputy editor-in-chief Shtoler Andrei Vladimirovich

Editorial director Berestova Tatiana Fedorovna

Responsible editor of the issue Makarycheva Vera Aleksandrovna

The Herald publishes materials on the problems of social communication,
philosophy, art criticism, sociology, culturology, historical and pedagogical
sciences (including only the problems of higher education sphere)

The journal is registered by the Federal Service of Supervision
in the sphere of mass media, mass communications and security
of cultural heritage

Registration certificate ПИ ФС77-30894 of 29.12.2007

All rights for the materials published
in the issue are reserved by the journal
«HERALD of The Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts».

No part of this publication may be reproduced
without the editorial board permission.
The articles of the journal are being reviewed.
The circulation of the «Herald of Chelyabinsk
State Academy of Culture and Arts»
is 500 copies.

Publishing house address:
454091, Russian Federation, Chelyabinsk,
Ordzhonikidze str., 36a, office 201.
Phone/fax: (351) 263-28-45; e-mail: vestnik@chgaki.ru,
science@chgaki.ru; URL: www.chgaki.ru

**Subscription index of the journal
in the United Catalogue «Pressa Rossii» [«Russian press»]
is 48677**

It is printed in the printing house of The Chelyabinsk State Academy
of Culture and Arts:
Chelyabinsk, Ordzhonikidze str., 36a, office 3602

Editorial stuff

The editors: Makarycheva V. A., Bozhe E. V., Poroshina A. I.
Translated by Meshcheryakov V. B.
Cover design by Khudyakova A. N.

© Chelyabinsk State
Academy of Culture and Arts, 2015

The Editorial Board

Kolin K. K. (Chairman) – Doctor of Engineering, Professor, Honored
worker of science of the Russian Federation, full-fledged fellow of Academy of
Science of Higher School, Senior associate of Institute of Informatics Problems
of Russian Academy of Sciences
Astafjeva O. N. – Doctor of Philosophy, Professor, Honored worker of Higher
professional education of RF, director of scientific-educational center “Civil
society and social communications”, Chair deputy of UNESCO of Russian
Academy of National Economy and State Service under the RF President
Hood P. A. – Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of
Rituals and Festivals Directing at the Byelorussian State University of Culture
and Arts (Minsk, Belarus)
Imhanitsky M. I. – Doctor of Arts Criticism, Professor of Russian Academy of
Music by name of the Gnesins
Macjiewski I. V. – Doctor of Art Criticism, Instrumentation sector Head of Russian
Arts History Institute, Academician of Russian Academy of Natural
Sciences and of UN International Academy of Informatization, Honored worker of
arts of Ukraine and Poland (St. Petersburg)
Nikonorova E. V. – Doctor of Philosophy, Professor, Director of scientific and
publishing activity of Russian State Library
Pavlovskaya E. Yu. – Ph. D., Professor of the University of Library Studies
and Information Technologies (Sofia, Bulgaria)
Sokolov A. V. – Professor of the informational technologies faculty of St.
Petersburg State University of Culture and Arts, Doctor of Pedagogics,
Candidate of Engineering, Professor, Corresponding fellow of Russian
Academy of Natural Sciences, Honored worker of science of the Russian
Federation, honoured worker of culture of the Russian Federation
Stoljarov Yu. N. – Doctor of Pedagogics, Professor, Senior associate of
Scientific Analytical Department of the Academic scientific publishing printing
and book-distributing centre of Russian Academy of Sciences
Ursul A. D. – Philosophy doctor, Professor, Honored worker of
science of the RF, Director of Center of researches of global processes and
stable development of Russian State Trade-economic University, Professor
of Lomonosov Moscow State University, Academician
of Moldavia Academy of sciences
Yudin B. G. – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding fellow
of Russian Academy of Sciences

The scientific editorial staff

(Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts)
Apukhtina N. G. – Doctor of Philosophy, Professor of Chair of
Philosophical Sciences (a scientific editor of the «Philosophy. Culturology.
Sociology» section)
Berestova T. F. – Doctor of Pedagogics, Professor (a scientific editor of
the «Information and Communication Sciences» section)
Bychkov V. V. – Doctor of Art Criticism, Professor of Variety Orchestra
Activities Chair (a scientific editor of the «Art Studies» section)
Zubanova L. B. – Doctor of Culturology, Head of Culturology and
Sociology Chair (a scientific editor of the «Philosophy. Culturology.
Sociology» section)
Kaluzhskih E. V. – Candidate of Pedagogics, Professor, Head of
Theatrical Art Chair (a scientific editor of the «Art Studies» section)
Lazareva L. N. – Candidate of Pedagogics, Professor of Theatricalized
Performances and Festivals Directing Chair (a scientific editor of the «Social-
Classical Knowledge» section)
Neveleva V. S. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Chair of
Philosophical sciences (a scientific editor of the «Philosophy. Culturology.
Sociology» section)
Rubanova T. D. – Doctor of Pedagogics, Professor of Librarian-
Informational Activity Chair (a scientific editor of the «Information and
Communication sciences» section)
Tolstikov V. S. – Doctor of History, Professor, Head of History Chair (a
scientific editor of the «Social-Classical Knowledge» section)
Khudyakov V. N. – Doctor of Pedagogics, Professor of Computer Science
Chair (a scientific editor of the «Social-Classical Knowledge» section)

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Научный журнал

1 (41) 2015

Включен в Перечень ведущих научных рецензируемых изданий
Приказ ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ ФС77-30894 от 29 декабря 2007 г.

Издается с 2002 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Челябинская государственная академия
культуры и искусств»

Публикуются материалы
по культурологии,
в том числе библиотековедению,
библиографоведению, книговедению;
искусствоведению,
философии культуры,
истории и педагогике
в сфере культуры и высшего образования

Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат журналу.
Перепечатка публикаций
без разрешения редакции запрещена.
Статьи рецензируются.

ISSN 1815-9176

Подписной индекс журнала
в объединенном каталоге «Пресса России»
48677

Главный редактор
Рушанин Владимир Яковлевич
Зам. главного редактора
Штолер Андрей Владимирович
Шеф-редактор
Берестова Татьяна Федоровна
Ответственный редактор
Макарычева Вера Александровна

Редакция журнала
Редакторы: Е. В. Боже, В. А. Макарычева,
А. И. Порошина
Перевод В. Б. Мещерякова
Дизайн обложки А. Н. Худяковой

Адрес редакции: ул. Орджоникидзе,
36а, к. 201, г. Челябинск,
Российская Федерация, 454091
Тел./факс: (351) 263-28-45, 263-94-67;
e-mail: vestnik@chgaki.ru,
science@chgaki.ru;
URL: www.chgaki.ru

Отпечатано: г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а,
к. 3602

© Челябинская государственная
академия культуры и искусств, 2015

Состав редакционного совета журнала

Колин Константин Константинович (председатель) – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Гуд Пётр Абрамович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой режиссуры обрядов и праздников Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Республика Беларусь)

Имханицкий Михаил Иосифович – доктор искусствоведения, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных (г. Москва)

Мацневский Игорь Владимирович – доктор искусствоведения, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации ООН, заслуженный деятель искусств Украины и Польши, заведующий сектором инструментоведения Российского института истории искусств (г. Санкт-Петербург)

Никонорова Екатерина Васильевна – доктор философских наук, профессор, директор по научной и издательской деятельности Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Павловска Елена Юрьевна – кандидат технических наук, профессор Университета библиотековедения и информационных технологий (г. София, Болгария)

Соколов Аркадий Васильевич – доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор, член-корреспондент Академии естественных наук России, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, профессор факультета информационных технологий Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (г. Санкт-Петербург)

Столяров Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-аналитического отдела Научно-издательского производственно-полиграфического и книгораспространительного центра Российской академии наук (г. Москва)

Урсул Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Академии наук Молдавии (г. Москва)

Юдин Борис Григорьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (г. Москва)

Состав научной редакции журнала

(Челябинская государственная академия культуры и искусств)

Апухтина Нина Георгиевна – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук (научный редактор раздела «Философия. Культурология. Социология»)

Берестова Татьяна Фёдоровна – доктор педагогических наук, профессор (научный редактор раздела «Информационные и коммуникационные науки»)

Бычков Владимир Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры эстрадно-оркестрового творчества (научный редактор раздела «Искусствознание»)

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, заведующая кафедрой культурологии и социологии (научный редактор раздела «Философия. Культурология. Социология»)

Калужских Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства (научный редактор раздела «Искусствознание»)

Лазарева Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников (научный редактор раздела «Социально-гуманитарное знание»)

Невелева Вера Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философских наук (научный редактор раздела «Философия. Культурология. Социология»)

Рубанова Татьяна Давыдовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры документоведения и издательского дела (научный редактор раздела «Информационные и коммуникационные науки»)

Толстиков Виталий Семёнович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории (научный редактор раздела «Социально-гуманитарное знание»)

Худяков Виктор Никитевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики (научный редактор раздела «Социально-гуманитарное знание»)

СОДЕРЖАНИЕ

Штолер А. В., Штолер Н. Н. Научно-исследовательская деятельность вузов культуры и искусств: опыт сопоставительного анализа	6
--	---

РАЗДЕЛ I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

Сокольская Л. В., Руссак З. В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов?	21
---	----

Сафаралиев Б. С., Буриев К. Б. Источники по истории таджикской советской библиографии (1920–1960-е гг.)	30
---	----

СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Смирнов Д. М. О современных проблемах авторского права в Российской Федерации	38
---	----

РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Флиер А. Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (<i>окончание</i>)	47
---	----

Астахов О. Ю. Творческая деятельность в гносеологии символизма Андрея Белого (по материалам статьи «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма»)	55
---	----

Ширинкин П. С. Культурный туризм как метод развития территории (концепция «Пермская Биармия»)	62
---	----

Биче-оол В. К., Халина Е. М. Эволюция православия на Таймыре	68
--	----

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Бенгардт Д. В. Ценность культуры России в эпоху глобализации	76
--	----

Карачканов А. А. Феномен организационной культуры в современной философии: методологические основания исследования	83
--	----

СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Чемодуров К. В. Философская исповедь: от Античности до Возрождения	89
--	----

Данилова Ю. Н. Универсалии «вина» и «стыд» как выражение русскости в морали	96
---	----

Кара-оол Ч. А. Детские словесные игры устного народного творчества в традиционной культуре тувинцев	101
---	-----

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ягодинцева Н. А. Литература как инструмент социально-культурного проектирования	107
---	-----

Ширяева О. Ф. Опера Т. Шкербиной «Дюймовочка»: к вопросу об истории и теории жанра детской оперы	114
--	-----

СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Пупина О. А. Музыкальная пауза как фактор исполнительского интонирования (на примере пятой пьесы <i>Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois</i> из третьего «Года странствий» Ф. Листа)	121
---	-----

Слюсаренко Т. А. Бандурное исполнительство как объект научного исследования (конец XX – начало XXI в.)	127
--	-----

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Кузнецов А. Б., Худяков В. Н. Электронный учебно-методический комплекс как аспект повышения качества подготовки студентов вуза	133
Литвак Р. А., Дударева Н. В. Проблемы формирования художественной культуры личности в современном социально-культурном пространстве	139
Иванова Е. К., Чемерилова И. А. Педагогические условия реализации воспитательного потенциала хореографических занятий с дошкольниками	145
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
Лешуков А. Г. Генезис информационно-рекламной коммуникации в политической сфере пореформенной России (вторая половина XIX в.)	151

ДИСКУССИИ

<i>Социокультурное проектирование новой библиотеки</i>	
Дыдров А. А. Противостояние библиотек и «эффект сгущения»	159
<i>К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне</i>	
Гушул Ю. В. Библиографическая деятельность библиотек в годы Великой Отечественной войны	165

РЕЦЕНЗИИ

Андреева И. В. От <i>tactica conclavium</i> до новой музеологии (Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург, 2014. 136 с.)	179
---	-----

НАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

<i>К 65-летию Н. Г. Апухтиной</i>	
Невелева В. С. Синтез философии и науки	187

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные и творческие проекты

Кочевков В. Ф. Парад дирижеров – эффективная форма совершенствования народно-оркестрового исполнительства	191
Культура – искусство – образование	195
Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве	196
Диссертационные советы	197
О новых изданиях	198
Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике ЧГАКИ» в 2014 г.	201
Сведения об авторах	207
Требования к материалам, представляемым для публикации в редакцию журнала	211

CONTENTS

<i>Shtoler A., Shtoler N.</i> Research activity of higher education institutions of culture and arts: experience of the comparative analysis.....	6
PART I. INFORMATION AND COMMUNICATION SCIENCES	
<i>Sokolskaya L., Russak Z.</i> Modern library: loss of identity or acquisition of new social meanings?.....	21
<i>Safaraliev B., Buriev K.</i> Sources on the history of tajik soviet bibliography (1920–1960s).....	30
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Smirnov D.</i> About modern problems of copyright in the Russian Federation	38
PART II. PHILOSOPHY. CULTUROLOGY. SOCIOLOGY	
<i>Flier A.</i> Evolution of culture as a social-regulative system (<i>ending</i>)	47
<i>Astakhov O.</i> Creativity in epistemology of symbolism of Andrei Belyi (on the article “Sense emblematics. Backgrounds for symbolism theory”).....	55
<i>Shirinkin P.</i> Cultural tourism as a method of development of the territory (the concept of “Permbjarmaland”).....	62
<i>Biche-ool V., Khalina E.</i> Evolution of orthodoxy on Taimyr	68
PHILOSOPHY OF THE PERSON IN THE CONTEXT OF CULTURE	
<i>Bengardt D.</i> The value of Russian culture in the era of globalization	76
<i>Karachkanov A.</i> Phenomenon of organizational culture in contemporary philosophy: methodological bases of research.....	83
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Chemodurov K.</i> Philosophical confession: from Antiquity to Renaissance.....	89
<i>Danilova Yu.</i> The universalities “guilt” and “shame” as an expression of the russionality in moral.....	96
<i>Kara-ool Ch.</i> The children's word games folklore in traditional culture of tuvinians	323
PART III. ART STUDY	
<i>Yagodintseva N.</i> Literature as a social-cultural designing too	107
<i>Shiryayeva O.</i> “Thumbelina” oper by T. Shkerbina: to the problem of children’s opera genre history and theory	114
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Pupina O.</i> Musical pause as a factor in performing inflexion (for example, the fifth play “Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois” from the third volume “Years of pilgrimage” by F. Liszt).....	121
<i>Sliusarenko T.</i> Bandura performing as an object of scientific research (the end of the XX th and the beginning of the XXI st century)	127
PART IV. SOCIAL-CLASSIC KNOWLEDGE	
<i>Kuznetsov A., Khudyakov V.</i> Electronic educational-methodological complex as a high-school students training quality increase aspect	133
<i>Litvak R., Dudareva N.</i> Formation problems art culture of the personality in modern welfare space	139
<i>Ivanova E., Chemerilova I.</i> Pedagogical conditions for realization educational potential of dance classes with preschoolers.....	145
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Leshukov A.</i> Genesis of information and advertising communication in the political sphere of post-reform Russia (second half of the XIX century).....	151
DISCUSSIONS	
SOCIO-CULTURAL PROJECTION OF THE NEW LIBRARY	
<i>Dydov A.</i> Confrontation libraries and “thickening effect”.....	159
TO THE 70 ANIVERSARY FROM THE DATE OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR	
<i>Gushul Yu.</i> Bibliographic activities of libraries during the Great Patriotic War	165
REVIEWS	
<i>Andreeva I.</i> From tactica conclavium to new museology.....	179
SCIENTIFIC PROFILE	
FOR THE 65th ANNIVERSARY OF N. APUKHTINA	
<i>Neveleva V.</i> Synthesis of philosophy and science.....	187
SCIENTIFIC LIFE OF THE CHELYABINSK STATE ACADEMY OF CULTURE AND ARTS	
Scientific and creative projects	
<i>Kochekov V.</i> Parade of conductors – an effective form of improvement of national and orchestral performance	191
Culture – art – education	195
Faces of traditional culture in modern cultural space.....	196
Dissertation councils	197
New publications	198
Index of materials published in Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts in 2014	201
Authors	207
Editorial board requirements to materials for publications	211

А. В. Штолер

канд. пед. наук, доцент,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: shtolerav@chgaki.ru

Н. Н. Штолер

канд. пед. наук, доцент,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: shtoler@chgaki.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Цель исследования – характеристика институциональных аспектов научно-исследовательской деятельности вузов культуры и искусств. Результаты исследования были представлены в виде доклада на XXXVI научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Челябинской государственной академии культуры и искусств «Культура – искусство – образование: научные и прикладные аспекты». База исследования – образовательные организации, подведомственные Министерству культуры Российской Федерации, исходя из общности целевых и организационных установок, комплекса образовательных программ. Источники информации – отчеты о самообследовании вузов (на 1 апреля 2014 г.), данные мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования, сайты вузов, сайт высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России. Анализ НИР образовательных организаций культуры и искусств позволяет оценить уровень реализации их научно-педагогического потенциала: во-первых, динамику структуры кадрового состава (возрастной, квалификационной и т. д.), во-вторых, результативность научной деятельности, в-третьих, институциональные условия ее осуществления (система подготовки научно-педагогических кадров, диссертационные советы, финансирование и т. д.). Сделан вывод, что НИР вузов в целом, культуры и искусств в частности реализуется в пределах «технологического коридора», нижние границы которого задаются критериями аккредитационных показателей и требованиями ФГОС, верхние – приоритетами государственной политики в сфере науки и образования, направлениями реформирования системы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров. Перед вузами культуры и искусств встает проблема интеграции усилий в инициации и осуществлении научных и творческих проектов: укреплении и расширении контактов с учредителем (Министерством культуры РФ), профильными образовательными и научными учреждениями и организациями, ведущими учеными по профильным специальностям, международными и зарубежными профессиональными объединениями, научными учреждениями и организациями.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, вузы культуры и искусств, эффективность научно-исследовательской работы

Для цитирования: Штолер, А. В. Научно-исследовательская деятельность вузов культуры и искусств: опыт сопоставительного анализа / А. В. Штолер, Н. Н. Штолер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 6–19.

Параметры организации, осуществления и результативности научно-исследовательской работы (НИР) вузов регламентированы в критериях аккредитационных показателей [5], требованиях к кадровому обеспечению реализации образовательных программ во ФГОС и ФГОС ВО. Науч-

ная и творческая деятельность образовательных организаций высшего образования становится предметом обязательного регулярного мониторинга со стороны Минобрнауки России [3], учредителей – федеральных органов исполнительной власти [4]. Очевидно, что столь пристальное

внимание к НИР обусловлено не только декларацией значимости научного поиска как одного из базовых направлений деятельности вуза. Априори предполагается, что ее интенсивность и продуктивность определяет качество и профессорско-преподавательского состава, и содержания и организации образовательного процесса, и его результатов (в первую очередь выпускников).

Данное положение применительно к вузу культуры и искусства требует принципиального уточнения: возможность и необходимость профессиональной самореализации преподавателей и студентов предполагает осуществление не только исследовательской, но художественно-исполнительской деятельности. Формирование уникальной атмосферы научного и творческого поиска – особенность специфического комплекса образовательных учреждений, созданных в нашей стране, – вузов культуры и искусств.

Цель исследования, результаты которого представлены вниманию читателей, заключалась в характеристике институциональных аспектов научно-исследовательской деятельности вышеупомянутых вузов. База исследования была сознательно ограничена только образовательными организациями, подведомственными Министерству культуры Российской Федерации, исходя из общности целевых и организационных установок, комплекса образовательных программ. Источниками информации выступили: отчеты о самообследовании вузов (на 1 апреля 2014 г.), данные мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования, сайты вузов, сайт высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России.

Проблема анализа НИР образовательной организации традиционно ориентирована на оценку уровня реализации его научно-педагогического потенциала, предполагающую выявление, во-первых, динамики структуры кадрового состава (возрастной, квалификационной и т. д.), во-вторых, результативности научной деятельности, в-третьих, институциональных условий ее осуществления (система подготовки научно-педагогических кадров, диссертационные советы, финансирование и т. д.).

В таблице 1 вузы культуры и искусств ранжированы по общей численности работников и профессорско-преподавательского состава (ППС).

Параметр общей численности не учитывает внешних совместителей и работающих по гражданско-правовым договорам. Позиции трех лидеров – наиболее крупных вузов культуры и искусств, имеющих и самый большой состав ППС, – укладываются в диапазоны более 300 (Краснодар), более 400 (СПб.), более 500 (Москва) человек ППС. Можно выделить группу из 4 вузов (Челябинский, Казанский, Кемеровский и Восточно-Сибирский), имеющих сопоставимые значения численности ППС (более 200 чел.).

Таблица 1

Общая численность ¹			
Позиция	Вуз	Общая численность работников образовательного учреждения, чел.	Общая численность ППС, чел.
1	МГУКИ	1029	562
2	СПбГУКИ	976	434
3	КГУКИ	615	321
4	ЧГАКИ	511	232
5	КазГУКИ	445	230
6	КемГУКИ	404	223
7	ВСГАКИ	430	201
8	СамГАКИ	340	191
9	ТюмГАКИСТ	315	154
10	ПГАИК	328	149
11	АлтГАКИ	374	140
12	ОГИИК	362	134
13	АГИКИ	–	114
14	ХГИИК	195	81

Стоит оговориться, что при оценке научно-педагогического потенциала вуза принципиально представлять масштаб образовательной организации, определяемый контингентом обучающихся. В таблице 2 приведены данные по общей численности студентов вузов культуры и искусств.

Необходимо заметить, что сопоставление вузов по контингенту студентов практически повторяет первые 7 позиций и по численности

¹ Данные в таблицах указаны на 1 апреля 2014 г. В связи с этим наименования образовательных организаций (и их сокращения) приводятся в соответствии с датой представления. Разное количество рассматриваемых вузов обусловлено объемом полученных от них сведений.

ППС. Если по общей численности студентов максимальный разрыв между вузами составляет практически 7 раз, то по отношению к числу студентов очной формы обучения, собственно и определяющих основной объем образовательной нагрузки педагогов, такая разница уже превышает 10-кратное значение.

Таблица 2

Позиция	Вуз	Общая численность студентов, чел.	Численность студентов по очной форме обучения (ОФО), чел.	Доля ОФО в общей численности студентов, %
1	СПбГУКИ	8046	3755	46,7
2	МГУКИ	6783	3285	48,4
3	КГУКИ	4407	2256	51,2
4	ЧГАКИ	4661	1754	37,6
5	КазГУКИ	2497	1587	63,6
6	КемГУКИ	2925	1496	51,1
7	ВСГАКИ	3732	1184	31,7
8	ТюмГАКИСТ	1704	1010	59,3
9	ПГАИК	1905	980	51,4
10	СамГАКИ	2001	968	48,4
11	АлтГАКИ	2238	942	42,1
12	ОГИИК	1745	819	46,9
13	АГИКИ	1299	686	52,8
14	ХГИИК	1178	342	29,0

Таблица 3

Позиция	Вуз	Значение показателя
1	СПбГУКИ	8,65
2	ЧГАКИ	7,56
3	КГУКИ	7,03
4	КазГУКИ	6,90
5	АлтГАКИ	6,73
6	КемГУКИ	6,71
7	ПГАИК	6,58
8	ТюмГАКИСТ	6,56
9	ОГИИК	6,11
10	АГИКИ	6,02
11	ВСГАКИ	5,89
12	МГУКИ	5,85
13	СамГАКИ	5,07
14	ХГИИК	4,22

Число студентов в расчете на 1 преподавателя позволяет оценивать интенсивность образовательной нагрузки ППС.

При характеристике кадрового состава решающее значение приобретают параметры научно-педагогического потенциала и возрастной структуры. Квалификационная структура ППС вузов культуры и искусств представлена в таблице 4.

Таблица 4

Позиция	Вуз	Кандидатов наук, %	Докторов наук, %	Доля от общего числа, %
1	ХГИИК	66,97	4,86	71,83
2	КГУКИ	44,75	15,01	59,76
3	СПбГУКИ	45,53	13,65	59,18
4	МГУКИ	41,62	9,57	51,19
5	ЧГАКИ	41,92	8	49,92
6	ОГИИК	43,8	4,08	47,88
7	КемГУКИ	40	7,3	47,3
8	СамГАКИ	40,84	5,4	46,24
9	ВСГАКИ	34,89	9,53	44,42
10	ПГАИК	37,7	6,26	43,96
11	АГИКИ	34,49	8,44	42,93
12	АлтГАКИ	37,55	4,23	41,78

В большинстве вузов культуры и искусств (8 из 12) удельный вес педагогов, имеющих степень кандидата наук, превышает 40 %. Лишь 4 вуза – Московский, Петербургский, Краснодарский и Хабаровский – имеют показатель острепенности выше 50 %. Реализация вузами творческо-исполнительских образовательных программ (группы «Искусство») предполагает значительное число преподавателей, имеющих ученые и почетные звания. Так, в академии доля педагогов с учеными степенями и учеными званиями в структуре штатного профессорско-преподавательского состава в 2014 г. составила более 79 % (2011 г. – 72,9, 2012 г. – 77,4 %, 2013 – 73,1 %).

Таблица 5 представляет удельный вес численности научно-педагогических работников без ученой степени – до 30 лет, кандидатов наук – до 35 лет, докторов наук – до 40 лет в общей совокупности научно-педагогических работников.

Любопытно, что последние позиции в таблице 5 занимают наиболее «старые» вузы культуры (за исключением Кемеровского и Восточно-Сибирского). Очевидно, что вузы, в которых доля молодых преподавателей ниже 20 %, сталкиваются с серьезной проблемой старения кадров. Так, в возрастной структуре ППС академии на долю преподавателей в возрасте 25–34 лет приходится чуть более 10 %, в возрасте 60 и более лет – 33,3 %.

Таблица 5

Доля «молодежи» в ППС

Позиция	Вуз	Значение показателя, %
1	ОГИИК	22,89
2	КемГУКИ	22
3	АГИКИ	19,3
4	ВСГАКИ	19,25
5	СамГАКИ	15,92
6	АлтГАКИ	14,97
7	КазГУКИ	14,61
8	ТюмГАКИСТ	13,83
9	ПГАИК	12,98
10	КГУКИ	11,8
11	ЧГАКИ	10,49
12	СПБГУКИ	10,41
13	ХГИИК	10,28
14	МГУКИ	10,19

Институциями, обеспечивающими воспроизводство научно-педагогических кадров вузов культуры и искусств, являются образовательные программы магистратуры и аспирантуры. В таблице 6 приведены данные удельного веса численности студентов, обучающихся по программам магистратуры, в общем количестве студентов.

Академия одной из первых среди вузов культуры и искусств начала развивать программы сначала бакалавриата (первая была открыта в 1996 г.), а затем, соответственно, и магистратуры (первая лицензирована в 2000 г.). В результате среди вузов культуры и искусств ЧГАКИ имеет сравнительно высокий контингент магистрантов. При этом стоит отметить, что в академии, так же как и в Московском,

Алтайском, Хабаровском, Пермском и Кемеровском вузах, подавляющую или значительную часть обучающихся по программам магистратуры составляют собственные выпускники.

Таблица 6

Доля магистрантов в общей численности студентов

Позиция	Вуз	Значение, %
1	МГУКИ	3,11
2	СПБГУКИ	2,75
3	ЧГАКИ	2,02
4	ХГИИК	1,7
5	КемГУКИ	1,3
6	АлтГАКИ	1,25
7	ВСГАКИ	1,02
8	КГУКИ	0,79
9	ПГАИК	0,37
10	ОГИИК	0,34

Таблица 7

Численность аспирантов

Позиция	Вуз	Общая численность аспирантов, чел.	Численность аспирантов по ОФО, чел.
1	МГУКИ	262	128
2	КГУКИ	138	31
3	СПБГУКИ	122	58
4	КазГУКИ	97	31
5	ЧГАКИ	83	28
6	ВСГАКИ	36	12
7	ХГИИК	27	7
8	КемГУКИ	26	19
9	АлтГАКИ	21	7
10	СамГАКИ	20	10
11	ПГАИК	17	10
12	ОГИИК	17	5
13	АГИКИ	11	6

Данные по численности аспирантов, приведенные в таблице 7, в определенной мере повторяют перечень вузов в таблице 2. Очевидно, что наиболее крупные по численности обучающихся вузы культуры и искусств имеют и самый высокий контингент аспирантов и ассистентов-стажеров. По численности магистрантов и аспирантов академия традиционно входит в пятерку

вузов культуры и искусств. При этом, имея сопоставимое число программ аспирантуры, ЧГАКИ значительно уступает Московскому, Санкт-Петербургскому, Казанскому, Краснодарскому и Хабаровскому институтам по числу программ ассистентуры-стажировки (табл. 8).

Таблица 8

Количество образовательных программ аспирантуры, ассистентуры

Позиция	Вуз	Аспирантура		Ассистентура-стажировка		Всего ОП с учетом профилей
		специальности	профили	специальности	профили	
1	МГУКИ	6	11	3	3	14
2	СПбГУКИ	6	9	4	4	13
3	КазГУКИ	5	7	4	4	11
4	КГУКИ	5	10	3	3	13
5	ЧГАКИ	5	6	1	1	7
	КемГУКИ	3	7	–	–	7
6	ХГИИК	1	2	4	4	6
	ВСГАКИ	3	6	–	–	6
7	СамГАКИ	3	4	–	–	4
8	АлтГАКИ	2	2	–	–	2
	ОГИИК	2	2	–	–	2
	ПГАИК	2	2	–	–	2
9	АГИКИ	1	1	–	–	1

Важным компонентом научно-исследовательской инфраструктуры вузов являются диссертационные советы. Из 29 советов, действующих сегодня при образовательных и научных учреждениях Министерства культуры РФ (по данным ВАК), 13 работают при вузах культуры и искусства (табл. 9).

Таблица 9

Количество диссертационных советов

Позиция	Вуз	Количество советов
1	МГУКИ	4
2	КазГУКИ	3
3	СПбГУКИ	2
	ЧГАКИ	2
4	КемГУКИ	1
	ВСГАКИ	1

Стоит отметить, что в диссертационных советах вузов культуры и искусств представлено различное количество научных специальностей. Так, 4 диссертационных совета МГУКИ принимают диссертации по 8 научным специальностям, советы Петербургского и Челябинского вузов – по 4, Казанского – по 3.

При этом интенсивность работы диссертационных советов вузов существенно различается (табл. 10) и фактически минимально коррелирует с числом аспирантов, научно-педагогическим потенциалом вузов.

Таблица 10

Количество защит в диссертационных советах

Позиция	Вуз	Количество защит
1	КазГУКИ	35
2	МГУКИ	18
3	СПбГУКИ	18
4	ЧГАКИ	12
5	КемГУКИ	5
6	ВСГАКИ	3

В показателях ежегодного самообследования вузов выделяется группа параметров научной продуктивности. Как отмечает Ф. Э. Шереги, основные формы научной продукции вузов приобретают «коммуникационный» характер (представление результатов в различных научных форумах, их публикация в форме статей, монографий, учебников и учебных пособий, отчетов по итогам исследований) [7, с. 134]. При этом, согласно Федеральному закону № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», научный (научно-технический) результат – продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе [8]. Очевидно, что базовым результатом научной деятельности в сфере социальных и гуманитарных наук становятся в первую очередь научные публикации.

Оценить как реальное число научных и творческих мероприятий, инициированных и реализованных вузами культуры и искусств, так и их уровень по данным отчетов по самообследо-

ванию в силу произвольности формы представления сведений чрезвычайно сложно. Тем не менее таблица 11 формирует общее представление об интенсивности и научной коммуникации, и концертно-творческой активности вузов.

Для формирования представления о масштабах и результатах данной работы целесообразно привести сведения по академии (табл. 12).

Таблица 11

Подготовка и проведение научных конференций						
Позиция	Вуз	Виды конференций				Всего
		междунар.	всерос.	регион.	вузов.	
1	ПГАИК	27	65	85	–	177
2	КГУКИ	10	5	16	61	92
3	КазГУКИ	6	4	3	45	58
4	ХГИИК	2	1	1	30	34
5	ЧГАКИ	9	5	5	10	29
6	МГУКИ				–	23
7	СПБГУКИ	2	4		17	23
8	СамГАКИ	3	2	2	12	19
9	ОГИИК	5	5	4	–	14
10	КемГУКИ	4			10	14
11	АГИКИ	10	2		–	12
12	ВСГАКИ	4	2	1	–	7
13	АлтГАКИ	4			2	6

Таблица 12

Научные и творческие мероприятия, организованные ЧГАКИ			
Уровень мероприятия	2012	2013	2014
Международные	8	9	4
Всероссийские	5	5	5
Региональные и областные	3	4	17
Внутривузовские	7	11	8
Всего	23	29	34

Всего в 34 научных и художественно-творческих мероприятиях различного уровня, проведенных академией в 2014 г., приняло участие более 6,5 тыс. человек. Их организаторами наряду с Управлением науки и инновации и концертно-творческим отделом стали 14 кафедр вуза. При определении календаря научных и творческих мероприятий, очевидно, что необходимо тщательно взвешивать целесообразность их проведения. Важность в данном отношении приобретают вопросы це-

левой аудитории, назначения, представления результатов научных изысканий, состав участников, источники финансирования.

Традиционно монографические издания в социальных и гуманитарных науках выступают в качестве базовой формы представления результатов научных исследований. Применительно к вузам культуры и искусств данный показатель приобретает определенную специфику (табл. 13): большинство вузов при характеристике выпуска монографий учитывают и творческие проекты (собственно книжных изданий зачастую может оказаться немного). Так, помимо 25 монографий Казанский вуз заявляет еще о 121 творческом проекте.

Таблица 13

Издание монографий		
Позиция	Вуз	Кол-во монографий
1	СПБГУКИ	96
2	КГУКИ	39
3	КазГУКИ	25
4	МГУКИ	17
5	ЧГАКИ	15
6	ОГИИК	15
7	ПГАИК	8
8	ХГИИК	7
9	СамГАКИ	6
10	АГИКИ	5
11	АлтГАКИ	5
12	ВСГАКИ	4

Одной из форм представления результатов научной и художественно-творческой работы ППС традиционно выступают и учебные издания. Реализуя задачу интеграции научной деятельности и образовательного процесса, вузы культуры и искусств, как правило, выпускают учебные пособия по дисциплинам по выбору, отражающим их профиль.

Общую количественную характеристику результативности научно-исследовательской деятельности вузов культуры и искусств позволяют получить данные мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования.

Стоит отметить, что логика оценки эффективности применительно к научной деятельности стала доминирующей в 2000-х гг. В нормативно-правовых актах 1990-х гг. [1; 8] понятие *оценка эффективности* отсутствовало.

Таблица 14

Издание учебной литературы				
Позиция	Вуз	Учебные издания		Всего
		учебники	учебные пособия	
1	ВСГАКИ		94	94
2	КГУКИ			71
3	КазГУКИ	2	68	70
4	ЧГАКИ		39	39
5	ОГИИК		35	35
6	СПбГУКИ	15	18	33
7	АлтГАКИ		27	27
8	ПГАИК	1	24	25
9	МГУКИ	1	23	24
10	СамГАКИ		22	22

В 2009 г. Минобрнауки России, реализуя требования постановления Правительства РФ [2], разработало методику оценки результативности деятельности научных организаций [6]. Данная методика включила 42 показателя, объединенных в 6 групп. Можно предположить, что этот документ послужил некоей методологической базой для разработки последующих систем критериев, имеющих непосредственное отношение к вузовской науке.

Минобрнауки России 19 июня 2012 г. утвердило Примерный перечень критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений. Представленный документ, вызвавший неоднозначную реакцию вузовского профессионального сообщества, сформировал критериальную базу мониторинга эффективности деятельности отечественных вузов. Эффективность НИР вузов оценивалась по 17 критериям, которые обобщенно можно представить в следующем виде:

- количество цитирований в расчете на 100 научно-педагогических работников в индексируемых системах цитирования (Web of Science, Scopus, РИНЦ);

- количество статей в расчете на 100 научно-педагогических работников в научной

периодике, индексируемой в системах цитирования (Web of Science; Scopus; РИНЦ);

- общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);

- объем НИОКР в расчете на одного НПП;

- доля расходов на НИОКР от общих расходов вуза;

- доля доходов вуза от НИОКР в общем доходе вуза;

- доходы вуза от НИОКР на одного НПП.

В мониторинге 2014 г., обобщившем результаты предыдущего года деятельности, все вузы культуры и искусств обозначили отсутствие цитирований в системе Web of Science (за исключением Краснодарского). В международной базе Scopus нашли упоминания о статьях собственных авторов 4 образовательных учреждения: Арктический, Пермский, Тюменский и Казанский вузы. Принципиальным препятствием расширения присутствия российских вузов в международных наукометрических ресурсах помимо отсутствия доступа (например, через центры коллективного пользования, отраслевые научно-информационные центры) и языковых барьеров выступает минимизация усилий на включение в международное научное сообщество.

Более значимым для российских вузов культуры и искусств в этих условиях становится Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), реализуемый Научной электронной библиотекой eLibrary. Таблица 15 представляет данные НЭБ eLibrary по числу цитирований в РИНЦ публикаций авторов, аффилированных с федеральными вузами культуры и искусств.

По общему количеству цитирований в 2013 г. академия уступала Московскому и Санкт-Петербургскому институтам, в 2014 г. вперед вышли Казанский и Краснодарский вузы. Относительные значения показателя числа цитирований в РИНЦ приведены в таблице 16.

Ситуация при пересчете относительно контингента ППС несколько изменяется. С 3-го места в 2013 г. академия опустилась на 4 в 2014 (при сопоставимых в целом показателях с КемГУКИ).

Таблица 15

Число цитирований всех публикаций в РИНЦ		
Вуз	2013	2014
МГУКИ	430	320
СПбГУКИ	175	155
КемГУКИ	119	83
ЧГАКИ	118	85
КГУКИ	114	102
КазГУКИ	91	209
АГИКИ	27	22
ВСГАКИ	24	25
ПГАИК	24	21
СамГАКИ	22	62
АлтГАКИ	13	15
ТюмГАКИСТ	12	15
ОГИИК	5	14
ХГИИК	2	7

Таблица 16

Число цитирований всех публикаций в РИНЦ в расчете на 100 НПР		
Вуз	2013	2014
КазГУКИ	39,6	90,9
МГУКИ	76,5	56,9
КемГУКИ	53,4	37,2
ЧГАКИ	50,9	37
СПбГУКИ	40,3	35,7
СамГАКИ	11,5	32,5
КГУКИ	35,5	31,8
АГИКИ	23,7	19,3
ПГАИК	16,1	14,1
ВСГАКИ	11,9	12,4
АлтГАКИ	9,3	10,7
ОГИИК	3,7	10,4
ТюмГАКИСТ	7,8	9,7
ХГИИК	2,5	8,6

В таблице 17 приведены данные НЭБ eLibra-гу по количеству статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах.

Безусловно, присутствие вузов культуры и искусств в РИНЦ заметно весомее (табл. 18).

Относительные значения ежегодных показателей вузов культуры и искусств по числу публикаций в РИНЦ приведены в таблице 19.

По общему количеству публикаций в РИНЦ на 100 НПР и в 2013 г., и в 2014 г. академия занимает 6 место. В определенной мере позиции вузов – лидеров по числу публикаций закономерны: они имеют свои диссертационные советы, рецензируемые научные журна-

лы. Особо стоит выделить результативность ППС Орловского вуза, который при отсутствии столь затратной научной инфраструктуры достиг чрезвычайно высоких результатов.

Таблица 17

Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus		
Вуз	2013	2014
АлтГАКИ	0	0
АГИКИ	0	1
ВСГАКИ	0	0
КазГУКИ	1	0
КГУКИ	0	0
КемГУКИ	1	0
МГУКИ	0	0
ОГИИК	0	0
ПГАИК	0	1
СамГАКИ	1	0
СПбГУКИ	2	1
ТюмГАКИСТ	2	0
ХГИИК	0	0
ЧГАКИ	1	1

Таблица 18

Общие количественные показатели РИНЦ		
Вуз	Общее число публикаций в РИНЦ	Суммарное число цитирований публикаций
МГУКИ	3538	1516
СПбГУКИ	2057	817
КГУКИ	1638	400
КазГУКИ	1524	469
ЧГАКИ	1328	492
КемГУКИ	1191	386
ВСГАКИ	484	121
ОГИИК	446	30
АлтГАКИ	276	68
СамГАКИ	273	129
ТюмГАКИСТ	239	59
ПГАИК	230	88
АГИКИ	189	118
ХГИИК	110	19

Таблица 19

Количество публикаций в РИНЦ в расчете на 100 НПР		
Вуз	2013	2014
АлтГАКИ	7,9	25,7
АГИКИ	36,0	43,9
ВСГАКИ	34,3	23,4
КазГУКИ	131,3	79,1
КГУКИ	62,9	76,3
КемГУКИ	80,3	72,2
МГУКИ	108,9	67,3
ОГИИК	102,2	100,7
ПГАИК	19,5	18,8
СамГАКИ	28,8	33,5
СПбГУКИ	97,5	52,3
ТюмГАКИСТ	32,5	19,5
ХГИИК	42,0	24,7
ЧГАКИ	74,6	53,9

В этой связи необходимо отметить, что в РИНЦ могут включаться любые публикации: монографии, авторефераты диссертаций, статьи в периодических, продолжающихся изданиях и сборниках научных конференций, и отдельно библиографическая информация о них, извлекаемая из списков литературы. Потенциально академия может быть представлена в РИНЦ ежегодно минимум 300 публикациями (табл. 20), реально же в 2013 г. – 173 аналитических материала, в 2014 – 125.

Таблица 20

Параметры	2012	2013	2014
Общее количество публикаций	787	507	515
в том числе ВАК	96	77	99
<i>География публикаций, в том числе:</i>			
– зарубежные	20	20	51
– центральные (Москва, С.-Петербург)	63	64	55
– другие города РФ	120	59	81
– г. Челябинск	584	364	328
– в том числе академия	510	261	269

Принципиальная задача исследователя при выборе научной конференции или журнала (как коммуникационной площадки) анализировать перспективы представления материалов в РИНЦ, оценивать статус мероприятия (его организаторов, финансовые и организационные аспекты участия, участников).

В ряду научных форумов различного уровня для оценки и результатов, и качества научной работы принципиальное значение приобретают мероприятия, которые можно обозначить как «центральные отраслевые» – научные и научно-практические конференции, организованные ведущими международными и национальными профессиональными ассоциациями. Участие в подобных форумах принципиально и для вуза, и для исследователей. Таких мероприятий немного, организуются они с жесткой регулярностью, поэтому необходимо планировать участие в них.

Именно участие в подобных форумах должно рассматриваться как базовая форма апробации научных исследований. В рекомендациях ВАК РФ указано на необходимость участия соискателя ученой степени доктора наук с докладами на конференциях, организо-

ванных ведущими международными профессиональными ассоциациями.

В ряду публикаций, учитываемых в РИНЦ, особое значение приобретают материалы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК.

Стоит особо оговориться о временном лаге между моментом публикации статьи и размещения информации о ней НЭБ eLibrary. Так, на момент подготовки отчета о результатах НИР академии в 2013 г. Управление науки и инноваций учитывало лишь 77 публикаций в рецензируемых научных журналах, сегодняшнее обращение к НЭБ свидетельствует о 93 статьях. В отчет 2014 г. включены сведения о 99 материалах, размещенных в рецензируемых научных журналах, НЭБ пока подтверждает лишь 74.

Таблица 21

Вуз	2013	2014
МГУКИ	324	193
КГУКИ	118	114
КемГУКИ	104	109
СПбГУКИ	97	109
КазГУКИ	162	81
ЧГАКИ	93	74
СамГАКИ	32	32
ВСГАКИ	35	31
АГИКИ	10	23
ПГАИК	14	19
ОГИИК	40	16
ХГИИК	26	13
ТюмГАКИСТ	25	13
АлтГАКИ	2	7

Таблица 22

Вуз	2013	2014
КемГУКИ	46,6	48,9
КГУКИ	36,8	35,5
КазГУКИ	70,4	35,2
МГУКИ	57,7	34,3
ЧГАКИ	40,1	31,9
СПбГУКИ	22,4	25,1
АГИКИ	8,8	20,2
СамГАКИ	16,8	16,8
ХГИИК	32,1	16,0
ВСГАКИ	17,4	15,4
ПГАИК	9,4	12,8
ОГИИК	29,9	11,9
ТюмГАКИСТ	16,2	8,4
АлтГАКИ	1,4	5,0

Лидерами, по данным таблиц 21, 22, являются вузы культуры и искусств, издающие собственные рецензируемые научные журналы. Безусловно, наличие «ваковского» издания – необходимый инструмент для повышения уровня объективации научного потенциала образовательных организаций. При этом его использование требует известной осторожности и бережности. Принципиальное значение приобретает проблема превращения журнала в «сборник научных трудов» вуза. Так, из 986 статей, опубликованных в «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств», 371 (более 37 %) приходится на авторов, аффилированных с вузом. По данным 2014 г. доля ППС, аспирантов и соискателей академии составляет до 50 % из 120 статей в «Вестнике».

Редакции «Вестника» удается сохранять лидирующие позиции среди рецензируемых научных журналов вузов культуры и искусств (табл. 23).

Таблица 23

Импорт-фактор научных журналов				
Журнал	Выпусков	Статей	Цит.	Импорт-фактор РИНЦ
Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств	34	1015	338	0,108
Вестник Московского государственного университета культуры и искусств	57	2933	825	0,043
Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств	32	931	377	0,069
Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств	44	1745	151	0,026
Культурная жизнь Юга России (КГУКИ)	43	1828	320	0,026

По общему числу авторов, чьи материалы представлялись в РИНЦ, академия находится на 5 месте (табл. 24). При этом около 75 % из них зарегистрированы Science Index. Данный показатель в ЧГАКИ выше, чем у вузов, зани-

мающих более высокие позиции в рейтинге числа публикаций. Правда, оказывается значительно ниже вузов с более высокими позициями по показателям цитирования (Орловский – 124,6; Тюменский – 250,8).

Данные по затратам вузов культуры и искусств из бюджетов всех уровней, внебюджетных источников, направляемых на НИР (заработная плата, командировки на научные конференции / творческие мероприятия, организация и проведение научных/творческих мероприятий, научных исследований, реализация творческих проектов, публикация материалов, издательская деятельность и т. д.), приведены в таблице 25. Общий объем НИОКР в целом коррелирует с масштабом образовательного учреждения (численность ППС, контингент обучающихся).

Таблица 24

Представленность авторов в РИНЦ

Вуз	Число авторов	Число авторов в Science Index
МГУКИ	348	119
СПбГУКИ	274	128
КемГУКИ	165	148
КГУКИ	159	107
ЧГАКИ	155	116
КазГУКИ	152	98
ОГИИК	69	86
ВСГАКИ	67	81
ТюмГАКИСТ	63	158
СамГАКИ	51	57
АГИКИ	47	51
ПГАИК	47	42
АлтГАКИ	43	23
ХГИИК	16	12

Таблица 25

Общий объем НИОКР

Позиция	Вуз	Значение показателя (тыс. руб.)
1	МГУКИ	42128,8
2	СПбГУКИ	41664
3	ТюмГАКИСТ	33671,6
4	ЧГАКИ	21600
5	КазГУКИ	20800
6	КГУКИ	19214,7
7	КемГУКИ	16060,7
8	АГИКИ	12397,7
9	АлтГАКИ	9257,1
10	ВСГАКИ	8462,1
11	ХГИИК	7342,8
12	СамГАКИ	6659,6
13	ПГАИК	6017
14	ОГИИК	4370

Относительные значения затрат, направленных на реализацию научных и творческих проектов, приведены в таблице 26.

Стоит отметить, что опережают академию в данном перечне образовательные организации, признанные неэффективными по результатам одного из предыдущих мониторингов.

При этом доля доходов от НИОКР в общих доходах у большей части вузов культуры и искусств находится в пределах статистической погрешности (табл. 27).

Таблица 26

Объем НИОКР в расчете на 1 НПР

Позиция	Вуз	Значение показателя (тыс. руб.)
1	ТюмГАКИСТ	218,65
2	АГИКИ	123,05
3	ПГАИК	93,91
4	ЧГАКИ	93,87
5	СПБГУКИ	90,66
6	КазГУКИ	90,43
7	ХГИИК	89,27
8	МГУКИ	73,66
9	АлтГАКИ	61,14
10	КГУКИ	56,02
11	КемГУКИ	55,8
12	ВСГАКИ	41,7
13	СамГАКИ	31,57
14	ОГИИК	25,87

Таблица 27

Доля доходов от НИОКР в общих доходах вуза

Позиция	Вуз	Значение показателя (%)
1	ТюмГАКИСТ	12,85
2	КазГУКИ	8,13
3	ПГАИК	7,75
4	ЧГАКИ	6,94
5	МГУКИ	6,21
6	ХГИИК	5,11
7	КемГУКИ	5
8	КГУКИ	4,78
9	АлтГАКИ	2,71
10	ВСГАКИ	2,89
11	СамГАКИ	2,53
12	ОГИИК	2,03
13	АГИКИ	1,5
14	СПБГУКИ	0,05

Данное обстоятельство в немалой степени продиктовано низкой продуктивностью усилий вузов по привлечению внешнего финансирования для реализации научных и творческих проектов со стороны учредителя, региональных орга-

нов власти, отечественных государственных и частных, зарубежных научных фондов. В этом отношении потенциал грантосоискательства и как инструмента экспертизы научно-исследовательских проектов, и как источника их финансирования используется вузами культуры и искусств в минимальной степени (табл. 28).

Опыт наиболее результативных вузов (Арктического, Самарского, Казанского, Кемеровского и др.) свидетельствует, что условием привлечения грантового финансирования является не только наличие региональных конкурсов РГНФ, но прежде всего включенность вузов в федеральные и региональные программы культурного развития территорий, сохранения культурного и природного наследия, внятность и целенаправленность региональной культурной политики органов власти субъектов РФ.

Таблица 28

Количество грантов в расчете на 100 НПР

Позиция	Вуз	Значение показателя (ед.)
1	АГИКИ	12,9
2	КазГУКИ	10,29
3	СамГАКИ	9,48
4	КемГУКИ	9,31
5	ХГИИК	6,08
6	АлтГАКИ	4,62
7	ВСГАКИ	4,43
8	ОГИИК	1,78
9	ЧГАКИ	1,3
10	СПБГУКИ	0,44
11	МГУКИ	0,17
12	ПГАИК	4,92
13	КГУКИ	0,58
14	ТюмГАКИСТ	0

Несмотря на отрицательные результаты текущего года (в 2014 г. 11 проектов, представленных на соискание грантов РГНФ, фонда Прохорова, не были поддержаны) в академии накоплены заделы для расширения работы по соисканию грантов государственных и негосударственных фондов. К сожалению, число соискателей грантов Совета по грантам при Президенте РФ для молодых ученых – кандидатов и докторов наук у нас в вузе катастрофически ограничено. В 2014 г. преподаватели кафедр культурологии и социологии, философских наук представляли проекты научных исследований на конкурс грантов Российско-

го научного фонда. Это был первый опыт участия в конкурсах нового государственного научного фонда, ориентированного преимущественно на естественно-научную проблематику. Несмотря на то, что заявленные проекты не получили поддержки, разработанная документация легла в основу заявки на гранты РГНФ. Тем не менее наличие научных институций предполагает выбор решения их продуктивного использования.

Безусловно, количественные показатели позволяют получить лишь самое общее представление о формах и масштабах научно-исследовательской деятельности вузов культуры и искусств. Используя принцип «результаты/затраты», вдумчивый исследователь может предпринять попытку оценки эффективности научного компонента деятельности образовательных организаций. Правда, данные выводы будут отвечать на вопрос: насколько эффективно одни вузы культуры и искусств расходуют на НИР ограниченные ресурсы (кадровые, финансовые, материальные) в сравнении с другими, но не позволят оценить продуктивность осуществления научной работы в конкретном вузе. Принципиальное ограничение подобного анализа – сложность оценки собственного *научного* результата как с точки зрения новизны полученных знаний и решений (как того требует ФЗ), так и обозначения широты тематики осуществляемых исследований, их признания научным сообществом.

Тем не менее, подводя итоги представления результатов НИР вузов культуры и искусств в прошлогоднем мониторинге деятельности образовательных организаций высшего образования

накануне очередной процедуры, можно обозначить ряд принципиальных моментов. НИР вузов в целом, культуры и искусств в частности реализуется, по сути, в определенном «технологическом коридоре», нижние границы которого задаются критериями аккредитационных показателей и требованиями ФГОС ВО, а верхние – приоритетами государственной политики в сфере науки и образования, направлениями реформирования системы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров.

Очевидно, что перед вузами культуры и искусств остро встает проблема интеграции усилий в инициации и осуществлении научных и творческих проектов. Речь должна идти об укреплении и расширении контактов с учредителем (Министерством культуры РФ), профильными образовательными и научными учреждениями и организациями, ведущими учеными по профильным специальностям, международными и зарубежными профессиональными объединениями, научными учреждениями и организациями. Приоритетом подобного взаимодействия должно стать преодоление локального (местного) характера большей части научных разработок, включение научно-исследовательской и художественно-творческой деятельности вузов культуры и искусств в общенациональный контекст через разработку и реализацию сетевых образовательных программ магистратуры, аспирантуры, ассистентуры-стажировки, масштабных исследовательских проектов, проведение международных и всероссийских научных и творческих форумов.

1. Положение о научной деятельности высших учебных заведений (утв. приказом Госкомвуза РФ от 22 июня 1994 г. № 614).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2013 г. № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования».
4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. № 1480 «Об утверждении критериев и целевых показателей эффективности деятельности учреждений высшего профессионального образования, учреждений среднего профессионального образования, учреждения дополнительного и послевузовского профессионального образования и научно-исследовательских учреждений, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации, и работы их руководителей на 2013 год».

5. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) от 25 октября 2011 г. № 2267 «Об утверждении критериев показателей, необходимых для определения типа и вида образовательного учреждения высшего профессионального и среднего профессионального образования».
6. Типовая методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 14 октября 2009 г. № 406).
7. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О науке и государственной научно-технической политике».
8. Шереги, Ф. Э. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ) / Ф. Э. Шереги, Н. М. Дмитриев, А. Л. Арефьев. – Москва: Центр соц. прогнозирования, 2002. – 552 с.

Получено 25.03.2015

A. Shtoler

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: shtolerav@chgaki.ru

N. Shtoler

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: shtoler@chgaki.ru

RESEARCH ACTIVITY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF CULTURE AND ARTS: EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. *The aim of the research consists in characterizing of institutional aspects of scientific-research activity of higher educational institutions of culture and arts. Results of research were presented in the report form at the XXXVI scientific and practical conference of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts "Culture – art – education: scientific and applied aspects". The research framework involves educational establishments within the jurisdiction of RF Ministry of Culture due to the common features of special-purpose and organizational arrangements and educational programs complex. Sources of information: reports of high-schools' self-inspection (on April 1, 2014), educational establishments of higher education monitoring data, high-schools' sites, site of Higher Certification Commission at Ministry of Education and Science of Russia. Analysis of scientific-research work of educational establishments of culture and arts allows evaluating their scientific-teaching potential realization level: firstly, teaching staff structure dynamics (age, qualification etc.); secondly, results of scientific activity; thirdly, institutional conditions of its realization (scientific-teaching personnel training system, dissertation board, financing etc.). They conclude by saying that scientific-research work of high-schools in general and high-schools of culture and arts in particular is carried out within the limits of "technological corridor", "lower border of which is determined by the accreditation indices criteria and by Federal State Educational Standards requirements, and upper border – by state policy in the field of science and education priorities and directions of scientific-teaching personnel training and certification modernization system. Higher educational institutions of culture and arts face the problem of efforts initiation integration and scientific and creative projects implementation: strengthening and widening of contacts with the constitutor (RF Ministry of Culture), profile educational and scientific establishments and organizations, leading scientists in profile specialties, international and foreign professional amalgamations, scientific establishments and organizations.*

Keywords: *scientific-research work, higher educational institutions of culture and arts, effectiveness of scientific-research work*

For citing: *Shtoler, A. Research activity of higher education institutions of culture and arts: experience of the comparative analysis / A. Shtoler, N. Shtoler // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 6–19.*

References

1. Polozhenie o nauchnoy deyatel'nosti vysshikh uchebnykh zavedeniy [Provisions of higher educational institutions scientific activity] (adopt. by the decree of RF State Committee on Higher Education (Goskomvuz) dated June 22, 1994 № 614).
2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 8 aprelya 2009 g. № 312 «Ob otsenke rezul'tativnosti deyatel'nosti nauchnykh organizatsiy, vypolnyayushchikh nauchno-issledovatel'skie, opytно-konstruktorskie i tekhnologicheskie raboty grazhdanskogo naznacheniya» [Regulation of the Russian Federation government dated April 8, 2009 № 312 “On scientific institutions fulfilling scientific-research, experimental-construction and technological works with civil purpose effectiveness evaluation”].
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 5 avgusta 2013 g. № 662 «Ob osushchestvlenii monitoringa sistemy obrazovaniya» [Resolution of the Russian Federation government dated August 5, 2013 № 662 “On educational system monitoring”].
4. Prikaz Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 2012 g. № 1480 «Ob utverzhdenii kriteriev i tselevykh pokazateley effektivnosti deyatel'nosti uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya, uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya, uchrezhdeniya dopolnitel'nogo i poslevuzovskogo professional'nogo obrazovaniya i nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniy, podvedom-stvennykh Ministerstvu kul'tury Rossiyskoy Federatsii, i raboty ikh rukovoditeley na 2013 god» [Regulation of the Russian Federation government dated November 30, 2012 № 1480 “On assertion of criteria and targets establishments of higher professional education, establishments of secondary professional education, establishments of post-university professional education and scientific-research institutions within the jurisdiction of RF Ministry of Culture effectiveness activity and their managers for 2013”].
5. Prikaz Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki (Rosobrnadzor) ot 25 oktyabrya 2011 g. № 2267 «Ob utverzhdenii kriteriev pokazateley, neobkhodimyykh dlya opredeleniya tipa i vida obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo i srednego professional'nogo obrazovaniya» [Order of the Federal Inspectorate in the field of education and science (Rosobrnadzor) date dOctober 25, 2011 № 2267 “On assertion of indices criteria for determination of a type and a kind of educational establishment of higher professional and secondary professional education”].
6. Tipovaya metodika otsenki rezul'tativnosti deyatel'nosti nauchnykh organizatsiy, vypolnyayushchikh nauchno-issledovatel'skie, opytно-konstruktorskie i tekhnologicheskie raboty grazhdanskogo naznacheniya [Standard methods of scientific institutions fulfilling scientific-research, experimental-construction and technological works with civil purpose effectiveness activity evaluation] (adopt. by the decree of RF Education and Science Ministry dated October 14, 2009 № 406).
7. Federal'nyy zakon ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ (red. ot 22.12.2014) «O nauke i gosudarstvennoy na-uchno-tekhnicheskoy politike» [Federal decree “On science and state scientific-technological policy” dated August 23, 1996 № 127-ФЗ] (edit. 22.12.2014).
8. Sheregi, F. E. Nauchno-pedagogicheskiy potentsial i eksport obrazovatel'nykh uslug rossiyskikh vuzov (sotsiologicheskiy analiz) [Russian high-schools scientific-teaching potential and educational services export (sociological analysis)] / F. E. Sheregi, N. M. Dmitriyev, A. L. Arefyev. – Moscow: Centre of social forecasting, 2002. – 552 p.

Received 25.03.2015

Раздел I

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
И КОММУНИКАЦИОННЫЕ
НАУКИ**

Л. В. Сокольская

канд. пед. наук, доцент,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: fdk3@chgaki.ru

З. В. Руссак

канд. пед. наук, доцент,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: fdk3@chgaki.ru

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА: УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ?

Современная действительность существенно трансформирует библиотечную идентичность, что наиболее ярко проявляется на уровне осмысления социального предназначения библиотечных учреждений, в частности, вопроса их многофункциональности. В настоящее время этот вопрос обостряет появление у библиотек видов деятельности, напрямую не связанных с их традиционным пониманием и преследующих цель расширения библиотечной территории как места разнообразных досуговых действий не книжного характера. Зарубежные и отечественные библиотеки в стремлении сохранить свой социальный статус прибегают к активному использованию неинформационных поводов привлечения пользователей. Как следствие – утрата библиотеками традиционного понимания их предназначения, что подлежит сегодня осознанию или в качестве деградиционного этапа, или естественной трансформации в новое качество, связанное с приобретением новых социальных смыслов. Отношение российских специалистов к происходящему также диаметрально противоположное: от оценки «понижение социального статуса библиотек» до мнения «библиотека была и есть полифункциональный центр». Эволюция библиотек как учреждений социальных услуг показывает, что не книжные мероприятия активно использовались библиотеками как для повышения своей привлекательности у населения, так и с целью создания поводов для дальнейшего привлечения к чтению в период создания модели зарубежной публичной библиотеки как культурного центра местного сообщества. Активный спрос на традиционные библиотечные услуги в XX в., связанный с потребностями образования и профессиональной деятельности, развитие родственных учреждений культуры снизили для зарубежных (американских, английских – прежде всего) библиотек необходимость использования «не книжных» форм деятельности. Однако при этом сама идея – формирование библиотеки как учреждения комплексных широко понимаемых информационных (и не всегда – информационных) услуг – оставалась актуальной. В начале XXI в., в ситуации объективного падения спроса на традиционные библиотечные услуги, создавая для населения нестандартные поводы для посещения библиотеки, ее сотрудники реализуют современное международное понимание роли библиотеки как «общественного места», где создается возможность для людей вступать в неформальные контакты, обеспечивается их комфортное общение.

Ключевые слова: библиотека, полифункциональность библиотеки, досуговая деятельность библиотеки, неинформационные поводы посещения библиотеки

Для цитирования: Сокольская, Л. В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? / Л. В. Сокольская, З. В. Руссак // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 21–29.

Проблема многофункциональности библиотечных учреждений – одна из наиболее обсуждаемых в библиотековедении на протяжении нескольких последних десятилетий.

В наши дни ее обостряют появление у библиотек видов деятельности, напрямую не связанных с традиционным пониманием их сущности, миссии: происходит процесс, обозна-

ченный профессором А. В. Соколовым как «разбиблиотечивание» [19].

С этим мнением, как правило, согласны и практики. Так, в 2009 г. на XIV Ежегодной сессии Конференции РБА Т. Е. Коробкина, директор Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева, отметила наличие в библиотечном сообществе представления о том, что «Иногда приходится выполнять не свойственные библиотекам функции: культурно-просветительскую, образовательную, воспитательную, досуговую, превращаясь в полифункциональное учреждение» [7]. Анализ совокупности подобных высказываний показывает, что наиболее критическое отношение вызывает содержание и масштаб требуемой от библиотек досуговой деятельности.

В то же время следует признать, что не все специалисты разделяют подобную точку зрения. Например, С. Г. Матлина не поддерживает мнение о «вынужденном характере использования публичными библиотеками досуговых форм» и утверждает, что публичная библиотека «всегда была полифункциональным социально-культурным институтом: и центром общения, и местом интеллектуальных встреч, и “свахой”, ибо сюда ходили знакомиться друг с другом молодые люди» [11, с. 8].

В поддержку этой позиции, как пример, приведем мнение библиотекаря из Тюменской области: «В нашей библиотеке проводится много мероприятий самой различной направленности для всех категорий граждан: интеллектуальные игры, познавательные программы, вечера, посвященные памятным и знаменательным датам, презентации книг... Да много чего еще! И библиотечные центры не просто способны предложить интеллектуальный досуг, они его предлагали, предлагают и будут предлагать!» [14].

Вероятно, расхождение во взглядах основано на разном понимании социального предназначения библиотеки. Для одних оно связано с метафорой «храм книги», для других важен тот факт, что публичная библиотека «крепко вросла корнями в социальную жизнь» [11, с. 9]. Соответственно, именно проблемы социальной жизни влияют на выбор библио-

теками приоритетов, форм деятельности в тот или иной период своего развития.

Если учесть заключение С. Г. Гришиной о том, что, «устав от борьбы за прошедшие 15 лет, библиотекари заработали психосоматические заболевания – синдром профессионального выгорания и синдром хронической усталости» [4, с. 14], то не исключено, что «жалобы» на вынужденность досуговой деятельности библиотек, ратования за «стерильную библиотеку» – не столько проявления сожаления об утрате классического образа библиотеки, сколько симптомы профессионального диагноза.

В русле этих проблем – формы и методы привлечения читателей, которые в современных условиях функционирования общедоступных библиотек оказались напрямую связанными прежде всего с досуговой деятельностью. По авторитетным заключениям, уровень читательской и общекультурной компетенции людей снижается, причем не только у детей, но и у работающего взрослого населения: «Основным мотивом к поиску и потреблению информации становится жажда развлечений, а не познавательные потребности, стремление к получению образования, повышению квалификации... приходит поколение Интернета, которое вместо того, чтобы ходить в библиотеки, искать, читать, анализировать, применяет простой и быстрый метод “сору and paste” (“скопируй и вставь”» [8, с. 15].

В результате общего снижения культуры времяпровождения, успехов компьютеризации, падения интереса к чтению и других факторов отечественные библиотеки находятся в ситуации отсутствия явной потребности в традиционных библиотечных услугах у большинства граждан: их реальными пользователями являются не более 17 % населения [3]. Оставаясь на позиции «библиотека – храм книги», т. е. пафосно рассчитывая на то, что кому необходимо – тот сам придет, библиотеки однозначно сокращают время своей жизни.

Известно, что сегодня российское общество, в том числе и библиотечная отрасль, по многим позициям находится в так называемом догоняющем режиме. За рубежом начиная с XX в., под влиянием социальных перемен, традиционная

«пассивная» модель публичной библиотеки постепенно разрушалась. В отечественной литературе наиболее концентрировано на примере американских библиотек это показано Д. К. Равинским в его книге – профессиональном бестселлере «Библиотека и вызовы XXI века» [16]. Так, он приводит пример библиотеки Эндрю Карнеги в Питтсбурге. Это был, выражаясь современным языком, целый культурно-развлекательный комплекс. При библиотеке в начале XX в. работали курсы стенографии, английского языка для эмигрантов, бухгалтерского дела, действовали несколько музыкальных коллективов (джаз-банд, хор, оркестр), функционировали гимнастический зал, бассейн, бильярдная, комната отдыха и парикмахерская.

Эти примеры более чем столетней давности экстравагантны для наших дней даже с учетом современных мутаций библиотек. Библиотека, изначально созданная как хранилище полезных для общества знаний, со временем стала еще и хранилищем знаний (информации) для общего просвещения, отдыха и приятного времяпровождения. Знание, как известно, может быть фиксированным – на бумаге, чаще всего, и нефиксированным. Долгие века библиотека была связана только с фиксированным знанием, но все меняется... Эндрю Карнеги рассуждал: знание (информация) есть все, и всему этому – место в библиотеке. Безусловно, следует учесть, что тогда других комплексных учреждений культурно-досугового типа не было, соответственно, эту роль могла исполнять библиотека. Как показывает статистика, исполняла успешно: только за один год мероприятия ее музыкального зала посетили 29 тыс. человек.

Активный спрос на традиционные библиотечные услуги в XX в., связанный с потребностями образования и профессиональной деятельности, развитие родственных учреждений культуры снизили для зарубежных (американских, английских – прежде всего) библиотек необходимость использования «некнижных» форм деятельности. Однако при этом сама идея – формирование библиотеки как учреждения комплексных широкопонимаемых информационных (и не всегда – информационных) услуг – остава-

лась актуальной. Так, английский библиотековед В. Мьюрисон в начале 1970-х гг. пишет: «...библиотека в качестве социального института существует в первую очередь для людей и уж во вторую – для книг и все, что она делает, должно соизмеряться с нуждами населения обслуживаемого района. Библиотеки существуют на деньги налогоплательщиков и обязаны доказывать соответствие затрат ценности оказываемых населению услуг...» [Цит. по: 18, с. 193]. В целом, констатируя положение английских библиотек, специалист Лакхэм говорил, что они проделали большой путь от положения «Золушки» в глазах местных сообществ и их властей до нынешнего положения, когда ставится вопрос о том, что они должны взять на себя роль культурных центров, объединяющих вокруг себя жизнь микрообщин в условиях современных мегаполисов: именно на них ляжет задача преодоления отчуждающего воздействия мегаполиса, для этого библиотеки должны будут обратиться к другим средствам коммуникации, упорочить свои связи с центрами и ассоциациями искусств [Цит. по: 18, с. 202]. Лакхэм утверждал, что обследования показывают желание местного населения усиления, активизации и большего разнообразия культурной деятельности библиотек.

В начале XXI в., под натиском характерных и для российского общества социокультурных обстоятельств, откровенным лозунгом зарубежного библиотечного дела стали слова «Чтобы привлечь людей в библиотеки, им нужно предложить гораздо больше, чем только книги», конкретизируемые признаниями типа «Не важно, что мы думаем. Главное, что думают они – наши читатели. Мы находимся на службе общества, мы их обслуживаем»; «В библиотеках все больше клиентов, которые приходят не для того, чтобы взять книги. Они приходят проверить электронную почту... полистать журналы и выпить чашечку кофе» [22; цит по: 5, с. 89; 15, с. 56]. Считаем важным обратить внимание на использование в последнем высказывании термина *клиент* вместо более привычного для библиотечной лексики *читатель*, *пользователь*: в отношении как новых, нетрадиционных для библиотеки ус-

луг, так и в целом для всего разнообразия сценариев поведения человека в библиотеке, он действительно более адекватен [17; 20].

Результаты многих успешных зарубежных библиотечных проектов не позволяют нам считать приведенные цитаты примерами профессионального цинизма и обвинять зарубежных коллег в недостаточном библиотечном патриотизме. Однако мнение об определенной профессиональной деградации библиотекарей развитых индустриальных стран прочитывается как в книге Д. К. Равинского, так и работах других авторов [16; 21]. Однако при этом им, как и нам, понятно: современное бытие библиотек определяют реалии, в которых они работают.

Привлечь читателей – почти любыми услугами – так сегодня поступают многие зарубежные библиотеки. Прокат электродрелей, демонстрационная разделка туш животных, работа групп по грудному вскармливанию, йога для младенцев и дошкольников, вечерние чтения эротической литературы, семинары «по смеху» и др. – такие услуги в ассортименте американских и английских библиотек. Аргументация их появления такова: «Новая библиотека Бирмингема обошлась в 189 миллионов фунтов, а следовательно, должна была быть более полезной, чем предыдущая», «...мероприятия, не относящиеся к литературе, могут преследовать двойную цель... Когда люди пришли, они охотнее воспользуются и образовательными услугами», «Мы открыты для новых идей. Мы хотим играть важную роль в жизни местной общины, быть местом встречи людей», «...чтобы оставаться актуальными, вынуждены прибегать к крайним мерам», «...расширение общественных, нелитературных программ находит живой отклик у посетителей библиотек» [13; 22].

Формально эти аргументы абсолютно приемлемы для отечественной библиотечной практики. Суровый прагматизм первого аргумента адекватен взглядам российских чиновников: «...если в год на библиотеку, на ее содержание тратится три миллиона и делается это ради десяти людей и пяти, которые там работают, – это та роскошь, которую город позволить себе не может» [2].

Об остроте проблемы привлечения читателей в библиотеку говорят не только статистические данные, но и авторитетные выводы и рефлексивные признания. Из выступления философа С. Н. Каташинских на Всероссийской конференции «Чтение как система трансляции духовного и культурного опыта»: «Отношение к классическому чтению с книгой в руках отныне в массовом сознании не является ни практической необходимостью, ни духовной потребностью»; из выступления участников Всемирного библиотечного и информационного конгресса: «...интерес общества к посещению библиотек в “чистом” виде падает. Общество сделало выбор в пользу получения информации через Интернет»; из статьи Д. Леонтьева, профессора факультета психологии МГУ, директора института экзистенциальной психологии и жизнестроительства: «У человека имеется множество возможностей получить книгу. Что касается меня, то библиотека будет последним местом, куда я приду читать художественную литературу. Посещаемость библиотек вырастет, если человеку будет комфортно прийти туда и заниматься чем-то еще, помимо чтения, и, конечно, если в библиотеке будет комфортно читать» [6, с. 63; 9, с. 17; 23, с. 79].

Безусловно, привлечение читателей – не самоцель библиотеки: истинные профессионалы помнят о действительном смысле этой деятельности: «...создание и предоставление всех условий для индивидуального развития граждан, улучшение качества их жизни в технократическом информационном веке», в связи с чем, как отмечает Я. Л. Шрайберг, «руководитель современной библиотеки в условиях изменяющегося информационного окружения и позиционирования библиотеки в современном информационном обществе должен находить тот уровень информационного обеспечения и сервиса, который позволит ему и сохранить читательский контингент, и привлечь новый», соответственно, среди чрезвычайно важных задач библиотек – «как привлечь к чтению, посещению библиотеки» [24, с. 46–47].

Прогрессивные урбанисты признают: «...модернизация экономики невозможна вне решения проблемы свободного времени, без обретения городскими жителями достойных форм

существования, важнейшими элементами которых являются культура и досуг» [15, с. 20]. Следует признать актуальность современной стилистики, связывающей деятельность библиотек с качеством жизни населения. В свою очередь важнейшим показателем качества жизни человека является его культура досуга.

Досуговый потенциал библиотечных ресурсов – как традиционных, так и электронных – огромен, опыт массовой просветительской деятельности также существенен. В полной мере это значение библиотек отражено и в качестве их перспектив развития в обсуждаемом проекте «Модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки» [12]. В этом регламентирующем документе открыто заявлено о необходимости активного использования некишечных форм библиотечной деятельности в формате функционирования как площадки обсуждения информации (место общения, просвещения), проведения социально значимых мероприятий, «третьего места», пространства для просмотра кинофильмов, проведения интеллектуальных игр и др.

Подобный подход целесообразен в ситуации масштабности деятельности библиотек по поддержке и продвижению чтения, которая, к сожалению, ожидаемого увеличения числа их читателей не дает. Соответственно, логично предполагать, что эта работа должна быть подкреплена другими действиями, а именно – сознательным созданием жизненно важных поводов, провоцирующих человека на посещение библиотеки (под поводом понимается обстоятельство, способное стать причиной какой-либо деятельности).

Таким образом, российские библиотеки действительно находятся в той же ситуации, что и зарубежные: «...чтобы оставаться актуальными, вынуждены прибегать к крайним мерам» [22, с. 25]. Если традиционные поводы посещения библиотеки имеют в своей основе потребность в фиксированной информации («информационные поводы»), то сегодня складывается практика активного использования «неинформационных поводов» – привлекательной услуги, действия, события, проис-

ходящих в помещении библиотеки и могущих выступить причиной для ее посещения.

Примеры подобных мер впечатляют. Так, в челябинских библиотеках вручают паспорта, проводят виртуальные игры по боулингу, собирают на переработку «севшие» батарейки; в Центральной универсальной научной библиотеке им. Н. А. Некрасова в Москве на семейном фестивале создавали мультфильмы, проводили круглый стол по семейному тайм-менеджменту, консультации психологов по раннему становлению речи, мастер-класс по приготовлению вегетарианских сладостей, выступали тренеры по детскому плаванию, по бэби-йоге, контактной импровизации; в других российских библиотеках создают комнаты временного пребывания детей, клубы различных рукоделий, открывают музеи варенья, студии исторических и спортивных танцев и т. п.

Все эти примеры – результат осознания библиотеками новой социокультурной ситуации, вызванной изменениями политического и социально-экономического характера, приведшей к новым характеристикам как состояния населения (помимо названных ранее факторов, добавим и такой, как «социальная усталость», что формирует потребность в досуге как релаксации), так и новым профессиональным ориентирам. По мнению С. Г. Матлиной, новая система общественных ценностей «существенно повлияла на деятельность публичных библиотек» [10, с. 165].

Создавая для населения нестандартные поводы для посещения библиотеки, ее сотрудники реализуют современное международное понимание роли библиотеки как «общественного места», где прежде всего создается возможность вступать людям в неформальные контакты, обеспечивается их комфортное общение. В конечном итоге это позволяет библиотеке раскрыть неиспользуемый ранее (или недостаточно используемый) потенциал значимого учреждения в формировании гражданского общества. С точки зрения С. А. Басова, «публичные библиотеки могут претендовать на роль основного социального института, действующего в сфере свободного времени, по гражданской социализации населения» [1, с. 30]. Следовательно, сам факт нахождения лю-

дей, объединенных проблемами, характерными для всего общества и для конкретной территории их места проживания, на библиотечной площадке – это возможность собственно библиотечными и сознательно привлеченными другими ресурсами реализовывать важнейшие функции социального института – просветительскую, социализирующую (в рамках досуговой деятельности).

Создаваемые зарубежными и отечественными библиотеками неинформационные поводы их посещения во всем складывающемся разнообразии тематики и форм актуализируют задачу их осмысления на предмет адекватности библиотечной миссии. Наиболее полно по этому вопросу высказалась И. И. Тихомирова: «...я все больше убеждаюсь, что... наши публичные библиотеки постепенно отходят от гуманитарной миссии в сторону технической и сползают на бытовой потребительский уровень. ...В целом же у российской библиотеки сегодня одна цель – выжить. А значит, необходимо, чтобы ее посещали. В погоне за посетителями библиотека вынуждена превращаться в центр бытового обслуживания населения, теряя тем самым смысл своего существования – “прокладывать путь к свету через лабиринт невежества”. Откликаясь на вызовы XXI века, библиотека в России, как и на Западе, часто теряет свое “Я”. Традиционная миссия библиотеки, нацеленная на социально значимое большое дело, подменяется малыми, бытовыми делами» [21, с. 10].

Нельзя не согласиться со словами уважаемого специалиста, но есть и другая правда: часто пустые библиотеки видны всем – и чиновникам от культуры, и простым людям. При этом здоровой выглядит точка зрения также опытного библиотечного руководителя, решившегося на откровенное профессиональное признание: «...продолжает развиваться... противоречие: несоответствие между самооценкой библиотекарей и существующей оценкой их в обществе... Завышенная самооценка – это характерно для библиотечных специалистов нашей страны... Не слу-

чайно с энтузиазмом подхвачено сказанное в конце прошлого года: библиотекари – последние святые на Руси. (А ведь от святых на равном расстоянии и боги, и блаженные.)» [4, с. 15].

Если сейчас библиотекам не закрепиться в местном сообществе, пренебречь его малыми, бытовыми делами (а это и есть то, что связано с качеством жизни), то очень скоро пафосные разговоры об их миссии будет вести некому. Кроме того, выступая в качестве общественной площадки, места, где решаются как личные, так и групповые проблемы, пусть даже несколько «бытового уровня», привлекая для этого другие учреждения, органы власти, библиотека может добиваться преференций для себя и в целях укрепления относительно своей главной миссии.

При этом нельзя отрицать тот факт, что неизбирательность, «неразборчивость» библиотек в выборе приемов, средств привлечения на свою территорию населения может привести к большим проблемам. С одной стороны, надежда на то, что даже с учетом наших традиций, менталитета, в российских библиотеках клиентам не будут выдавать на прокат отбойные молотки и проводить мастер-классы по пивоварению, не очень велика. С другой – «замалчивание» этой проблемы явно не приведет к ее купированию.

Таким образом, современная действительность существенно трансформирует библиотечную идентичность. Однако этот вывод не бесспорен: историк, заслуженный профессор библиотеки и информационных исследований в Университете штата Флорида У. Вигэнд считает неправыми тех, кто видит видоизменение библиотек как их «упадок». «Активность библиотек, нацеленная на общественные нужды, – далеко не новая разработка, – говорит он. – Это, скорее, повторение того, что делалось в прошлом» [Цит. по: 22, с. 26]. Даже если это «повторение», то, безусловно, оно также нуждается в серьезном анализе своих новых социальных смыслов.

1. Басов, С. А. Гражданская миссия публичной библиотеки / С. А. Басов // Информационный бюллетень РБА. – 2008. – № 7. – С. 30–33.
2. Библиотеки в эпоху Цукерберга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/42/biblioteki-v-epohu-tsukerberga>. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).

3. Вести от Сергея Миронова. Библиотека в XXI веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sergey-mironov.liyejournal.com/122379.html>. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).
4. Гришина, С. М. Психосоматические проблемы библиотечной профессии / С. М. Гришина // Научные и технические библиотеки. – 2009. – № 3. – С. 14–15.
5. Захаренко, М. П. Российский молодежный библиотечный конвент – 2012: вторая встреча в необычном формате (Москва, 9–11 октября 2012 г.) / М. П. Захаренко // Информационный бюллетень РБА. – 2013 – № 66. – С. 86–89.
6. Каташинских, С. Н. Чтение как способ аккумуляции духовных ценностей / С. Н. Каташинских // Чтение как система трансляции духовного и культурного опыта: материалы Всерос. конф. (Санкт-Петербург, 11–12 нояб. 2008 г.) / РНБ. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 64–65.
7. Коробкина, Т. Е. Публичная ли публичная библиотека в России? Итоги опроса, проведенного секцией публичных библиотек РБА в 2009 г. [Электронный ресурс] / Т. Е. Коробкина. – Режим доступа: <http://www.publiclibrary.ru/librarians/rba/conference-2009-25-Korobkina.htm>. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).
8. Кузьмин, Е. И. Закулисье глобального информационного общества: библиотеки и большая политика / Е. И. Кузьмин // Библиотековедение. – 2013. – № 2. – С. 13–18.
9. Леонтьев, Д. Расслоение чтения в эпоху массовой культуры / Д. Леонтьев // Библиотечное дело. – 2012. – № 18. – С. 14–17.
10. Матлина, С. Г. Публичная библиотека как феномен культуры / С. Г. Матлина // Информационный бюллетень РБА. – 2008. – № 47. – С. 20–23.
11. Матлина, С. Г. Место встреч изменить нельзя: еще раз о будущем библиотек / С. Г. Матлина // Библиотечное дело. – 2012. – № 4. – С. 8–9.
12. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mincultrk.ru/presscentr/novosti/novosti_ministerstva/v_ministerstve_kultury_rossii_razrabotan_proekt_modelnogo_standarta_deyatelnosti_obwedostupnyh_bibliotek. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).
13. Не только книги: как библиотеки привлекают посетителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/04/140408_ru_s_new_libraries. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).
14. Проект «Библиотеки России» [Электронный ресурс] / Тюменская областная Дума: официальный портал. – Режим доступа: <http://www.duma72.ru/ru/forum/forum9/topic34/?print=Y>. – Загл. с экрана (дата обращения 24.11.14).
15. Прянишников, Н. Е. «Трамплин для будущего» или Библиотека должна быть самой заметной / Н. Е. Прянишников // Библиотечное дело. – 2012. – № 4. – С. 16–25.
16. Равинский, Д. К. Библиотека и вызовы XXI века / Д. К. Равинский / РНБ. – Санкт-Петербург, 2011. – 132 с.
17. Руссак З. В. «Клиент» как слово-концепт современной библиотечной действительности / З. В. Руссак, Л. В. Сокольская // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 23–31.
18. Седов, Л. А. Массовая библиотека как разновидность организации (Реферативный обзор английских и американских исследователей) / Л. А. Седов // Библиотека и чтение: проблемы и исследования: сб. науч. тр. / РНБ, РГБ. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 188–219.
19. Соколов, А. В. Миссии и мутации библиотек / А. В. Соколов // Библиотечное дело. – 2009. – № 14. – С. 2–10.
20. Сокольская, Л. В. Библиотечное движение навстречу клиенту: к вопросу о наименовании пользователей библиотек / Л. В. Сокольская, З. В. Руссак // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 21–24.
21. Тихомирова, И. И. Библиотека: кризис идентичности. Есть ли выход? / И. И. Тихомирова // Библиотечное дело. – 2012. – № 20. – С. 7–11.
22. Чтобы привлечь людей в библиотеки, им нужно предложить гораздо больше, чем только книги // Библиотечное дело. – 2013. – № 1. – С. 25–26.
23. Шибаева, Е. А. Современная библиотека – источник вдохновения и новых возможностей: взгляд участников Всемирного библиотечного и информационного конгресса / Е. А. Шибаева // Библиотековедение. – 2012. – № 5. – С. 76–83.
24. Шрайберг, Я. Л. Интеграция библиотек в развивающееся информационное общество: что нас ждет впереди / Я. Л. Шрайберг // Научные и технические библиотеки. – 2013. – № 1. – С. 7–47.

Получено 2.12.2014

L. Sokolskaya

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: fdk3@chgaki.ru

Z. Russak

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: fdk3@chgaki.ru

MODERN LIBRARY: LOSS OF IDENTITY OR ACQUISITION OF NEW SOCIAL MEANINGS?

Abstract. *Modern reality essentially transforms library identity which is most strikingly revealed on the level of understanding of social predestination of library institutions and in their multiple activity functions in particular. At present this issue intensifies the appearance of new kinds of libraries functioning which are not directly connected with their traditional understanding and pursuing the aim of library territory as the site of different entertainment actions of non-books character widening. Striving to preserve their social status both foreign and domestic libraries actively use non-informational motive to attract readers. As a consequence – loss of traditional understanding of their predestination by many libraries that needs acknowledgement today either as a degradation period or as a period of natural transformation into a new quality connected with new acquired social meanings. Attitude of some Russian specialist to what is going on is diametrically opposite: from the rating of “libraries social status reduction” to the rating of “library was and remains the polyfunctional centre”. Libraries evolution as social service institutions shows that non-book activities were actively used by the libraries as an effort to raise its rating among population and to create reasons for further attraction to books reading while creating a model of a foreign public library as a cultural centre of some local community. Active demand for traditional library service in the XX century, connected with the requirements of education and professional activity, development of related cultural institutions have lowered the necessity to use “non-books” activity forms for foreign libraries (first of all for American and English ones). At the same time however the idea to form a library as a complex widely-understood informational (and not always informational) service institution was still urgent. At the beginning of XXI century when the demand for traditional library service subjectively lowered thus creating non-standard reasons for visiting a library and making library staff realize modern international understanding of a library role as “a public place” where there is an opportunity for people to communicate informally in a very comfortable atmosphere.*

Keywords: *library, polyfunctionality of a library, entertainment activity of a library, non-informational reasons for visiting a library*

For citing: *Sokolskaya, L. Modern library: loss of identity or acquisition of new social meanings? / L. Sokolskaya, Z. Russak // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 21–29.*

References

1. Basov, S. A. Civil mission of a public library / S. A. Basov // Informatsionnyy byulleten' RBA [Informational bulletin RBA]. – 2008. – № 7. – P. 30–33.
2. Biblioteki v epokhu Tsukerberga [Libraries in the epoch of Zuckerberg] [Electronic resource]. – URL: <http://expert.ru/expert/2014/42/biblioteki-v-epokhu-tsukerberga>. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
3. Vesti ot Sergeya Mironova. Biblioteka v XXI veke [News from Sergey Mironov. Library in XXI century] [Electronic resource]. – URL: <http://sergey-mironov.liyejournal.com/122379.html>. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
4. Grishina, S. M. Psychosomatic problems of a library profession / S. M. Grishina // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]. – 2009. – № 3. – P. 14–15.
5. Zakharenko, M. P. Russian youth library convent – 2012: second meeting in unusual format (Moscow, October 9–11, 2012) / M. P. Zakharenko // Informatsionnyy byulleten' RBA [Informational bulletin RBA]. – 2013 – № 66. – P. 86–89.

6. Katashinskikh, S. N. Reading as a way of intellectual values accumulations / S. N. Katashinskikh // *Chtenie kak sistema translyatsii dukhovnogo i kul'turnogo opyta* [Reading as the system of intellectual and cultural experience translation] / RNB. – Saint Petersburg, 2009. – P. 64–65.
7. Korobkina, T. E. Publichnaya li publichnaya biblioteka v Rossii? Itogi oprosa, provedennogo seksiey publichnykh bibliotek RBA v 2009 g. [Is public library in Russia public? Results of the polls conducted by RBA public libraries section in 2009] [Electronic resource] / T. E. Korobkina. – URL: <http://www.publiclibrary.ru/librarians/rba/conference-2009-25-Korobkina.htm>. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
8. Kuzmin, E. I. Global Informational society backstage: libraries and big politics / E. I. Kuzmin // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2013. – № 2. – P. 13–18.
9. Leontiev, D. Stratification of reading in mass culture epoch / D. Leontiev // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2012. – № 18. – P. 14–17.
10. Matlina, S. G. Public library a culture phenomenon / S. G. Matlina // *Informatsionnyy byulleten' RBA* [Informational bulletin RBA]. – 2008. – № 47. – P. 20–23.
11. Matlina, S. G. The place of meetings must not be changed: once again about libraries' future / S. G. Matlina // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2012. – № 4. – P. 8–9.
12. Model'nyy standart deyatel'nosti obshchedostupnoy biblioteki: proekt [Public library activity model standard: draft] [Electronic resource]. – URL: http://mincultrk.ru/presscentr/novosti/novosti_ministerstva/v_ministerstve_kultury_rossii_razrabotan_proekt_modelnogo_standarta_deyatelnosti_obwedostupnyh_bibliotek. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
13. Ne tol'ko knigi: kak biblioteki privlekayut posetiteley [Not only books: how libraries attract visitors] [Electronic resource]. – URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/04/140408_ru_s_new_libraries. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
14. “Libraries of Russia” project [Electronic resource] // Tyumenskaya oblastnaya Duma [Tyumen City Duma]. – URL: <http://www.duma72.ru/ru/forum/forum9/topic34/?print=Y>. – Title from the screen (Appeal date 24.11.14).
15. Pryanishnikov, N. E. “Jumping-off place for future” or Library must be most outstanding / N. E. Pryanishnikov // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2012. – № 4. – P. 16–25.
16. Ravinsky, D. K. Biblioteka i vyzovy XXI veka [Library and challenges of XXI century] / D. K. Ravinsky; RNB. – Saint Petersburg, 2011. – 132 p.
17. Russak, Z. V. “Client” as a word-concept of modern library reality / Z. V. Russak, L. V. Sokolskaya // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2013. – № 2 (34). – P. 23–31.
18. Sedov, L. A. Mass library as a kind of institution (review of English and American researchers) / L. A. Sedov // *Biblioteka i chtenie: problemy i issledovaniya* [Library and reading: problems and researches] / RNB, RGB. – Saint Petersburg, 1995. – P. 188–219.
19. Sokolov, A. V. Missions and mutations of libraries / A. V. Sokolov // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2009. – № 14. – P. 2–10.
20. Sokolskaya, L. V. Library movement towards a client: to the problem of a name of library users / L. V. Sokolskaya, Z. V. Russak // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2012. – № 2 (30). – P. 21–24.
21. Tikhomirova, I. I. Library: identity crisis. Is there a way out? / I. I. Tikhomirova // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2012. – № 20. – P. 7–11.
22. People must be offered much more than only books to stimulate their going to libraries // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2013. – № 1. – P. 25–26.
23. Shibayeva, E. A. Modern library as a source of inspiration and new possibilities: World library and information congress's participants view / E. A. Shibayeva // *Bibliotekovedenie* [Library science]. – 2012. – № 5. – P. 76–83.
24. Shreiberg, Ya. L. Libraries integration to the developing informational society: what are we waiting for in future / Ya. L. Shreiberg // *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and technical libraries]. – 2013. – № 1. – P. 7–47.

Received 2.12.2014

Б. С. Сафаралиев

доктор пед. наук, профессор,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru

К. Б. Буриев

канд. ист. наук, доцент,

Научно-исследовательский институт культуры и информации

Министерства культуры Республики Таджикистан

E-mail: kurbonalib@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОЙ СОВЕТСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ (1920–1960 гг.)

Рассмотрены труды ученых, книговедов, библиотековедов и библиографов, в которых освещены становление таджикской библиографии, вклад государства и научных учреждений в ее формирование, а также исследованы история библиотек в Таджикистане и проблемы, связанные с их строительством и дальнейшим развитием в 1920–1960 гг. Проанализированы наиболее важные декреты СНК РСФСР «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» (апрель 1920 г.) и «О передаче библиографического дела в РСФСР народному комиссариату просвещения» (июнь 1920 г.). Потребность в книге резко возросла с принятием в 1920 г. СНК ТАССР «Декрета о ликвидации безграмотности населения Туркестанской Советской республики РСФСР» и ряда др. Показана роль советской власти и советских государственных учреждений, внесших определенный вклад в развитие библиотечной отрасли в советском Туркестане в 1921 г. (в состав которого до 1929 г. входила и Автономная республика Таджикистан) Исследован вклад русских библиографов и местных специалистов, окончивших подготовительные библиотечные курсы, описан успех в области библиографического обслуживания читателей библиотеки региона, особенно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Обобщены такие формы библиографической работы, как составление тематических картотек, списков рекомендательной литературы, проведение литературных обзоров. Приведена динамика развития сети культурных учреждений, созданных не только в центре, но и на периферии, чему способствовало принятие ряда нормативно-правовых документов, в которых подчеркивалось громадное значение книги, агитационной работы и роли культурно-массовых мероприятий среди тружеников и тружениц в период социалистического строительства. Эти постановления, резолюции и рассмотрение вопросов оказали благотворное влияние на рост сети культурно-просветительских учреждений на селе. Охарактеризован процесс изучения края и ознакомления с колоссальным объемом публикаций, еще не нашедших своего отражения в указателях. Все это вызвало осознание необходимости библиографической работы в Таджикистане, в частности создания краеведческой библиографии. Изданные каталоги государственного издательства Таджикистана заложили историческую основу появления ретроспективной библиографии в республике, в том числе библиографии литературы для детей и подростков. За рассматриваемый период был выполнен ряд важных для ТАССР библиографических работ, хотя опубликовать удалось лишь некоторые указатели.

Ключевые слова: литература, история книги, библиотечная и библиографическая деятельность, история библиотек, массовый читатель, научно-вспомогательные библиографические пособия

Для цитирования: Сафаралиев, Б. С. Источники по истории таджикской советской библиографии (1920–1960 гг.) / Б. С. Сафаралиев, К. Б. Буриев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 30–37.

В начале XX в. таджикский народ перенес много потрясений и преобразований в политическом, экономическом и социально-культурном аспектах¹. В данной статье мы рассмотрим в основном труды русских и таджикских ученых, книговедов, библиотекведов и библиографов.

В работах Р. Шарофова [3, с. 68–119; 4, с. 22–42], А. Х. Рахимова [6, с. 104–110, 116–127; 7, с. 5–35, 50–64], С. И. Сулаймонова [6, с. 80–87], З. М. Шевченко [12, с. 94–104; 10], Г. А. Мушеева [3, с. 17–47; 12, с. 43–57], Н. Х. Бабаджановой и Л. Г. Козыревой [6, с. 5–23], Н. А. Сайфулиной (Курамшиной) [4, с. 58–76; 6, с. 88–99], А. Ю. Юнусова [6, с. 60–71], Дж. Раджабова [6, с. 72–79] Б. С. Сафаралиева [8, с. 28–39; 9, с. 152–161; 10, с. 17–21] и других освещены становление таджикской библиографии, вклад государства и научных учреждений в ее формирование, исследованы история библиотек в Таджикистане и проблемы, связанные с их строительством и дальнейшим развитием.

В 20-е гг. XX в. принимаются наиболее важные, относящиеся к нашей теме декреты СНК РСФСР «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» (апрель 1920 г.) и «О передаче библиографического дела в РСФСР народному комиссариату просвещения» (июнь 1920 г.). Потребность в книге резко возросла с принятием в 1920 г. СНК ТАССР «Декрета о ликвидации безграмотно-

сти населения Туркестанской Советской республики РСФСР» [14, с. 55].

Советская власть и советские государственные учреждения внесли определенный вклад в развитие библиотечной отрасли. В советском Туркестане 1921 г. (в состав которого входила и Автономная республика Таджикистан до 1929 г.) наряду с учреждениями, связанными с агитационно-просветительской работой, уделялось внимание и развитию библиотек. Поскольку библиотека является публичным учреждением, многие государственные и партийные документы – декреты, резолюции, постановления, решения – рассматривали развитие библиотек как важное государственное дело. По этому вопросу только до 30-х гг. XX в. уже было принято более 50 декретов, постановлений, резолюций, приказов, циркуляров и т. д.²

² Например, постановление СНК РСФСР «О постановке библиотечного дела» (7.07.1918), декрет СНК РСФСР «Об охране библиотек и книгохранилищ» (17.07.1918), декрет СНК РСФСР «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» (26.11.1918), резолюция VIII Съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне» (18–23.03.1919), декрет СНК РСФСР «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» (20.04.1920), декрет СНК РСФСР «О передаче библиографического дела в РСФСР народному комиссариату просвещения» (30.06.1920), декрет СНК РСФСР «О централизации библиотечного дела» (3.11.1920), декрет СНК РСФСР «О главном политико-просветительском комитете республики (Главполитпросвет)» (12.11.1920). X съезд РКП(б) рассмотрел вопрос «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии» (8–16.03.1921) и был принят циркуляр ЦК РКП(б) «О распространении агитационной литературы», затем декрет СНК РСФСР «О порядке приобретения и распределения заграничной литературы» (14.07.1921), приказ Народного комиссариата просвещения Туркестана «О централизации библиотечного дела в Туркестане», циркуляр ЦК РКП(б) «О политико-просветительской работе» (1921), резолюция XII съезда РКП(б) «По вопросам пропаганды печати и агитации» (17–25.04.1923), циркуляр ЦК РКП(б) «Об усилении партийного влияния на работу библиотек» (5.10.1923), XIII съезд РКП(б) принял резолюцию «О культурной работе в деревне» (23–31.05.1924), пленум ЦК РКП(б) принял постановление «Об очередных задачах партии в работе среди рабочих, крестьянок и тружениц Востока» (17–20.01.1925), ЦК РКП(б) принял постановле-

¹ Эти изменения отражены в трудах великих ученых, литераторов, политиков, академиков, таких как С. Айни, Б. Гафуров, А. Мухторов, Н. Негматов, Р. Масов и мн. др. Культурное строительство данного периода исследовали ученые М. Шукуров, Ф. Зикриёев, А. Арбобов, Б. С. Сафаралиев и др. Историей книги (в том числе и рукописной), библиотечной деятельности и библиографии данного периода занимались О. Ф. Акимовский, И. С. Брагинский, А. А. Семёнов, А. З. Валидова, А. Г. Касимова, Б. В. Лунин, Э. А. Ахунджанов, А. И. Кормилицин, Р. О. Тальман, З. М. Шевченко, Е. Г. Беляков, В. Т. Банк, А. Г. Биснек, К. Ф. Шафариновский, Н. М. Зельдович, А. Язбердыев, А. Языев, таджикские ученые Р. Шарофов, А. Х. Рахимов, С. Р. Мухиддинов, С. И. Сулаймонов, З. Шорахматов, Ш. К. Тошев (Ш. Комилзода), С. Х. Шосаидов, Г. А. Мушеев, Н. А. Курамшина, Г. Б. Махмудов, Б. С. Холов, К. Г. Авгонов, К. Б. Буриев, Ф. Ёров, С. Гуломшоев и мн. др.

В те годы фактически невозможно было найти библиотекаря с профильным образованием. Но постепенно с помощью русских библиографов и местных специалистов, окончивших подготовительные библиотечные курсы, налаживается библиографическое обслуживание в библиотеках. Значительного успеха в области библиографического обслуживания читателей библиотеки достигли только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Широко стали применяться такие формы библиографической работы, как составление тематических картотек, списков рекомендательной литературы, проведение литературных обзоров. В составлении и публикации библиографических указателей республиканским библиотекам продолжали оказывать помощь коллеги из Москвы и Ленинграда.

Для всех библиотек республики из Ленинграда была отправлена соответствующая техника (карточки, формуляры, ярлычки и др.), снабженная методическими инструкциями по ее применению, составленными на таджикском языке [7, с. 46].

Под пристальным вниманием правительственных структур Советского государства проходили преобразования, направленные на формирование мировоззрения советского человека, началось полномасштабное строительство культурно-

массовых и информационно-агитационных учреждений. В короткий промежуток культурные учреждения были созданы не только в центре, но и на периферии, чему способствовало принятие ряда нормативно-правовых документов¹, в которых подчеркивалось громадное значение книги, агитационной работы и роли культурно-массовых мероприятий среди тружеников и тружениц в период социалистического строительства. Эти постановления, резолюции и рассмотрения вопросов оказали благотворное влияние на рост сети культурно-просветительских учреждений на селе. Например, если в 1928 г. в республике существовало всего 11 библиотек, то в 1932 г. их количество достигло 119, а их книжные фонды составляли более 107 тысяч единиц. Только «в 1931 г. в колхозах республики было создано 19 клубов, 25 красных чайхан, 11 кинопередвижек, 19 библиотек-читален, 30 радиоустановок, 43 красных уголка, 161 школа ликбеза» [13, с. 33].

Большой вклад в создание библиографических указателей, каталогов и списков внес академик А. А. Семёнов. Им составлен целый ряд каталогов, в том числе: «Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки» (Ташкент, 1925, 32 с.); «Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии» (Ташкент, 1926, 31 с.) и др. [Там же, с. 97].

Одновременно с созданием Государственной публичной библиотеки Таджикской ССР и Научной библиотеки Таджикистанской базы АН СССР Библиотеке АН СССР в г. Ленинграде поручено составление библиографии Памира. Этому предшествовала конференция по сельскохозяйственному освоению Памира, для которой была организована выставка литературы о Памире на основе картотеки А. Г. Биснек [4, с. 99].

ние «О культурно-шефской работе на селе» (1925), ЦК РКП(б) принял постановление «О деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек» (1925), Второй расширенный пленум Оргбюро КП(б) Узбекистана и Таджикской АССР принял резолюцию «О задачах парторганизации в области политико-воспитательной работы среди населения» (25–30.10.1926), Первый учредительный Всетаджикский съезд Советов рассмотрел вопрос «О состоянии народного образования и культурно-просветительской работы в республике» (8.12.1926), Коллегия агитационно-пропагандистского отдела Обкома КП(б) Узбекистана в Таджикской АССР заслушала вопрос «О состоянии библиотечного дела в Таджикской АССР» (21.05.1928), постановление ЦК РКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя» (28.12.1928), постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы» (30.10.1929), постановление ЦК ВКП(б) «Об избах-читальнях» (11.11.1929) и многие другие документы, в которых особое внимание уделено развитию библиотек и библиографической деятельности.

¹Например, резолюция Второго расширенного пленума Оргбюро КП(б) Узбекистана и Таджикской АССР «О задачах парторганизации в области политико-воспитательной работы среди населения» (25–30.10.1926), рассмотрение в Первом Учредительном Всетаджикском съезде Советов вопроса «О состоянии народного образования и культурно-просветительской работы в республике» (8.12.1926), постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя» (1928) и др.

Изучение края и ознакомление с колоссальной литературой, опубликованной, но еще не нашедшей своего отражения в упомянутых выше библиографических указателях, вызвало осознание необходимости библиографической работы в Таджикистане, в частности создания краеведческой библиографии.

Один из первых издательских каталогов, «Каталог государственного издательства Таджикистана» был подготовлен в 1931 г. и отражал 425 наименований книг, а другое его издание (1936 г.) под тем же названием отражало уже 618 наименований. По мнению исследователя Ш. Комилзода, данные каталоги заложили историческую основу появления ретроспективной библиографии в Таджикистане, в том числе библиографии литературы для детей и подростков, поскольку в них впервые были отражены книги для детей и подростков.

В 1929 г. опубликован библиографический указатель «Что читать по истории революционного движения и партии в Средней Азии». Работа по изучению Таджикистана продолжилась. Был выполнен ряд важных для республики библиографических работ, хотя опубликовать удалось только ряд библиографических указателей: «Библиография Таджикистана». Ч. 1. География и гидрология (АН СССР. Труды Совета по изучению производительных сил. Серия Таджикская. Вып. 1. Л., 1933. 65 с.). Данная работа включает печатные и рукописные материалы в основном с 1826 г. по 1931 г. При ее составлении были использованы материалы крупных книгохранилищ Москвы, Ленинграда, Ташкента. Библиография представляет собой ценное пособие.

К числу первых библиографических указателей по Таджикистану относятся: 1. Сборник библиографических указателей «Библиография Таджикистана», в который вошли работы П. И. Иванова «Опыт систематического указателя книг, статей и заметок на русском и западноевропейских языках о Таджикистане» и Е. К. Бетгера «Перечень помещенных в “Туркестанских Ведомостях” статей и заметок, относящихся до областей, ныне входящих в Таджикистан» (Ташкент, 1926). Обе работы представ-

ляют собой первый опыт систематизации всех имеющихся материалов по Таджикистану. 2. «Памир, Таджикистан, Средняя Азия». Обзор трудов и материалов экспедиций 1932–1935 и 1928–1932 гг. (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 250 с.). 3. Д. Л. Марголина «Флора и растительность Таджикистана». Библиография, выпущена под редакцией Б. А. Федченко (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 346 с.). Составителю удалось систематизировать литературу за 1842–1937 гг., объединив сведения по флоре и растительности Таджикистана с полным библиографическим описанием и аннотациями [12, с. 98].

В апреле 1933 г. в Ленинграде состоялась Первая конференция по изучению производительных сил Таджикистана, организованная Академией наук СССР и правительством Таджикской ССР. На мероприятии было уделено большое внимание вопросам библиографии. Со специальным докладом «Опыт библиографии Таджикистана» на конференции выступил В. Э. Банк, первый председатель Таджикской Базы АН СССР академик С. Ф. Ольденбург [Там же, с. 97].

Замечательной сводкой библиографических трудов явилась опубликованная в 1936 г. работа А. Г. Биснек и К. И. Шафрановского [8]. Указатель содержит библиографические работы, посвященные республикам Средней Азии (Таджикской, Туркменской, Узбекской), с отражением материала за 1852–1935 гг.

Правительство республики в 1936 г., обращаясь к руководству Библиотеки АН СССР в Ленинграде, просит оказать содействие в составлении научно-вспомогательных библиографических пособий, посвященных Таджикистану, и для этой цели выделяет 7 тыс. руб.

Библиотека АН СССР приступила к составлению библиографии Памира и 4 января 1939 г. в своем письме за № Б-633-6 сообщала, что ею подготовлены аннотированные указатели литературы по географии, ботанике, зоологии, геологии, истории, этнографии и языкознанию Памира [10, с. 97].

К 1938 г. уже было опубликовано более 20 библиографических пособий по Средней Азии, а также ряд ценных списков литературы, приложенных к специальным трудам, в

них достаточно полно нашли отражение литературные источники по Таджикистану.

В 1933 г. созданы Государственная публичная библиотека и Центральная научная библиотека Таджикской базы АН СССР (ныне Академия наук), Фундаментальная научная сельскохозяйственная библиотека (ТГСХИ), а в 1937 г. – Книжная палата Таджикской ССР. На эти учреждения была возложена задача создать в республике текущую информационную, рекомендательную, персональную, отраслевую, научную, учетно-регистрационную и другие библиографии. Особое внимание следовало уделять развитию краеведческой библиографии.

Книжная палата Таджикской ССР занималась учетно-регистрационной библиографией. Но только с 1940 г. обязательные экземпляры всех республиканских изданий стали поступать в учреждение своевременно, поэтому была развернута работа по восполнению пробелов прошлых лет. Начиная с 1953 г. Книжная палата республики проводила большую работу, в результате чего пополнила свои фонды архивными материалами за 1925–1927 гг.

С 1939 г. Книжная палата начала выпускать свои первые издания. Так, в указанном году выходит в свет «Книжная летопись» за 1937–1938 гг. на таджикском и русском языках; в 1940 г. – первая «Летопись газетных статей» за 1939 г. А с 1941 г. Книжная палата республики начала выпускать ежемесячное издание «Летопись печати Таджикистана». Однако издательская деятельность учреждения была временно прекращена в период Великой Отечественной войны.

Библиотекой АН СССР в 1940 г. была опубликована библиография по Памиру под названием «Этнография народов Памира», которую составили А. Г. Биснек и Н. М. Зельдович. Данным изданием положено начало развитию отраслевой библиографии Таджикистана.

Больше всего было составлено указателей на сельскохозяйственную тематику: «Что читать трактористу», «В помощь садоводам и виноградарям Таджикской ССР», «Помощь животноводам Таджикистана», «Что читать о картофеле», «Что читать шелководу», «Новое в агротехнике хлопчатника», «Что читать о машинной уборке

хлопка» и др. Надо отметить, что тематика указателей весьма ограничена. Библиотеке не удалось составить библиографические указатели по ведущим отраслям сельскохозяйственного производства, но отдельные попытки этой работы предпринимались, например, издания «О развитии тонкорунного овцеводства в Таджикистане», «Кормовая база скота», «В помощь сборщику хлопка», «Хлопок – богатство нашей Родины», «Новое в агротехнике хлопчатника», «За высокие урожаи кукурузы» и др. [11, с. 125–155; 12, с. 100].

Только в 1956 г. библиотека Таджикской ССР серьезно стала заниматься публикацией библиографических и библиотечных работ, ежегодно выпуская не менее 7 указателей. А всего к этому времени уже опубликовано более 60 библиотечно-библиографических работ, в том числе 4 совместные с Центральной научной библиотекой, Книжной палатой Таджикской ССР и Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина.

Создаются указатели «Великая Октябрьская социалистическая революция и расцвет Советского Таджикистана» и «Участники гражданской войны и борьба за ликвидацию басмачества в Таджикистане», также появляются указатели-персоналии, их библиотекой было опубликовано 11: «Садриддин Айни», «Мирзо Турсун-заде», «Мирсаид Миршакар» и др. [12, с. 101].

Одна из ведущих научных библиотек Таджикистана – Центральная научная библиотека Академии наук до 1960 г. не имела в своей структуре библиографического отдела. А сектор библиографии (до 1960 г. в нем работало всего 3 человека) ограничивался в основном выдачей устных и письменных библиографических справок и информации о новых поступлениях, по возможности создавал картотеки по ведущим отраслям знаний.

В связи с созданием библиографического отдела в Центральной научной библиотеке Академии наук республики, в котором трудились специалисты по различным отраслям знаний, значительно улучшилась справочно-библиографическая работа. Только с 1960 г. библиотекой выдано более 500 устных и письменных справок, составлено и опубликовано 15 указате-

лей. По своему содержанию библиографические указатели, составленные на материалах краеведческого характера, делятся на учетно-регистрационные и отраслевые. К ним относятся указатели типа «Ежегодников...» (6 номеров, 1956–1961); ретроспективные учетно-регистрационные типа «Библиографии изданий Таджикской базы и Таджикского филиала АН СССР», «Библиографии изданий АН Таджикской ССР»; «Каталог кандидатских и докторских диссертаций, защищенных на материалах Таджикской ССР», прикнижные ретроспективно-отраслевые, в числе которых 4 указателя литературы по геологии Таджикистана. Библиотека приступила к составлению и публикации указателей-персоналий. Первый выпуск «А. М. Богоутдинов» вышел в 1961 г. в серии библиографии «Ученые Таджикистана» [12, с. 102].

В 1959 г. библиотекой Таджикского государственного университета был опубликован указатель «Библиографический сборник Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина». Несколько отраслевых библиографий издано Государственной медицинской библиотекой; к их числу можно отнести указатель литературы В. А. Невского. Указатели-персоналии были подготовлены В. А. Невским – «Великий таджикский врач Абу али Ибн-Сино (Авиценна)» в книге «Сборник работ по истории медицины и организации здравоохранения в Таджикистане» (1957), А. К. Писарчиком – «Список опубликованных научных работ М. С. Андреева» в Трудах АН Таджикской ССР (т. СХХ, 1960), Институтом почвоведения – «Список опубликованных научных трудов И. Н. Антипова-Каратаева» и др. [12, с. 103].

Большой вклад в развитие библиографической работы в республике вносят ученые Таджикистана, создавая прикнижные библиографические списки. Так, в 1950–1960-е гг. были опубликованы указатели литературы к работе «Арчовые леса Центральной части Туркестанского хребта» (1958), составленные группой сотрудников Ботанического института; к работе К. В. Станюковича «Растительность высокогорий СССР» (1960); к работе Б. Гафурова «История Таджикского народа в кратком изложении» (изд. 3, т. 1, 1955); к ра-

боте З. Ш. Раджабова «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в.» (1957) и др.

Видное место в числе библиографических указателей занимают опубликованные фундаментальные библиографические труды, такие как «Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР» (т. 1, 1960), составленный Отделом востоковедения и письменного наследия АН Таджикской ССР; «Диссертации ученых Таджикистана по медицине и биологии» (1959) И. Я. Расулова и В. С. Вайля.

Одним из особенных направлений библиографии для ученых является описание уникальных рукописных фондов библиотек. Как отмечает А. Х. Рахимов: «Оценивая работу по библиографированию таджикско-персидских рукописей в дореволюционный период, можно сказать, что она велась неорганизованно, самотеком, без особого внимания к ней государства» [7, с. 15]. Мы перечислим наиболее важные учреждения, имеющие библиографические каталоги и собрания восточных рукописей: издания ЛО ИВ АН СССР (таджикско-персидские рукописи ленинградских собраний); каталоги Института народов Азии АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Восточного отдела библиотеки ЛГУ; собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, восточные рукописи Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР (в 6 томах), каталог таджикско-персидских рукописей Восточного отдела ГРБ им. А. Фирдоуси [Там же, с. 5–34] и др.

Сложилась и государственно-регистрационная библиография, которая дала толчок появлению основополагающих ретроспективных указателей «Каталог книг Таджикской ССР» определенного периода почти с полным охватом изданных книг. Надо отметить самоотверженный труд русских ученых и первых таджикских библиографов, заложивших основу таджикской советской библиографии и создавших условия для ее роста. Их усилиями были подготовлены сотни великолепных и своевременно изданных указате-

лей в помощь народному хозяйству, которые в наши дни стали библиографическими редкостями. В этой среде выросло поколение молодых ученых, заложивших теоретическую и практическую основу дальнейшего развития отрасли, на их трудах развивается сегодняшняя библиография.

Становление рекомендательной, научно-вспомогательной и государственно-регистрационной библиографии совершилось, и даль-

нейшее ее развитие связывалось с централизацией выпуска текущих, ретроспективных и информационных (отраслевых указателей, реферативных журналов, обзорных реферативных сборников и т. д.) указателей, а также с появлением пособий по разным отраслям. Так были созданы условия для централизованной координации библиографической деятельности в Республике Таджикистан.

1. Айни, С. Намунаи адабиёти тоҷик / С. Айни. – Москва, 1926. – 700 с.
2. Архив АН РТ. Д. 23. Оп. 1. Св. 5. Ед. хр. 55. Л. 33–34.
3. Баъзе масъалаҳои китобшиносии тоҷик: Мачмӯаи мақолаҳо / ҚДР ба номи Фирдавси. – Душанбе, 1973.
4. Библиографиҳои Тоҷикистон: Мачмӯаи мақолаҳо. – Душанбе, 1981. – 100 с.
5. Виткин, Н. Я. Материалы к библиографии истории гражданской войны на Советском Востоке / Н. Я. Виткин. – Москва, 1934.
6. Китобхонаи ба номи А. Фирдавси. 50 сола: Мачмӯаи мақолаҳо. – Душанбе, 1983. – 160 с.
7. Проблемаҳои ташкилнамои ва баландгардони самаранокии хизмати китобхонавию библиографи ба аълоии Тоҷикистон: Мачмӯаи мақолаҳо. – Душанбе, 1986. – 138 с.
8. Сафаралиев, Б. С. Истоки просвещения. К истории таджикской культуры / Б. С. Сафаралиев. – Москва: МГУК, 1996. – 171 с.
9. Сафаралиев, Б. С. Прогрессивное влияние России на библиотечное дело и печать в Таджикистане / Б. С. Сафаралиев // История библиотек: исследования, материалы, документы. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2012. – С. 152–161.
10. Сафаралиев, Б. С. Развитие библиотечной деятельности – важное направления культурной политики Республики Таджикистан / Б. С. Сафаралиев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 4 (32). – С. 17–21.
11. Фаъолияти китобдори дар Тоҷикистон: Хрестоматия. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2010. – 200 с.
12. Шевченко, З. М. Из истории библиографической работы в Таджикистане / З. М. Шевченко // Известия отделения общественных наук. – 1962. – Вып. 3. – С. 94–104.
13. Шевченко, З. М. Из истории библиотечного дела в Таджикистане / З. М. Шевченко. – Душанбе: Дониш, 1968. – 134 с.
14. Шевченко, З. М. Развитие библиотечного дела в Таджикской ССР (1929–1932 гг.) / З. М. Шевченко // Известия отд. общ. наук. – 1967. – Вып. 2. – С. 54–62.

Получено 17.10.2014

B. Safaraliev

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru

K. Buriev

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Research institute of culture and information
Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan

E-mail: kurbonalib@mail.ru

SOURCES ON THE HISTORY OF TAJIK SOVIET BIBLIOGRAPHY (1920–1960s)

Abstract. *The works of scientists, knigovedov, bibliotekovedov and bibliographers, which dealt with the formation of the Tajik State contribution to the bibliography and scientific institutions in its formation, and researched the history of libraries in Tajikistan and the problems associated with their construction and further development of the 1920–1960. Analyzed the most important decrees nationalization of the RSFSR on the SOC stocks of books and other printed works (April 1920) and on the transfer of the RSFSR people's national Commissariat of education (June 1920 a.d). Demand for the book has increased dramatically with the adoption in 1920, 2005 JNC Tajikistan*

"Decree on the Elimination of illiteracy, population of Turkestan Soviet Republic of Russian Federation and a number of others. Showing the role of Soviet power and the Soviet State institutions that have made some contribution to the development of library industry in Soviet Turkestan 1921 (which was an Autonomous Republic of Tajikistan until 1929). Investigated the contribution of Russian bibliographers and local professionals who have completed training library courses. Describes the success of the library bibliographic service in the region, especially in the late 1920's and early 1930's. Compiled bibliographic work, such as drafting thematic files, lists, Advisory literature, conducting literature reviews. Are the statistics of the dynamics of development of the network of cultural institutions that have been established not only in the Centre, but on the periphery, which was facilitated by the adoption of a number of normative legal documents in which emphasized the great importance of the book, campaigning and the role of cultural events among the workers and workers in the period of Socialist construction. These Ordinances, resolutions and questions have had a beneficial effect on the growth of the network of institutions providing cultural and information services in rural areas. Describes the process of learning and familiarization with the colossal books published, but has not yet found its way into pointers which sparked the need bibliographical work in Tajikistan, in particular the establishment of a regional studies bibliography, illustrated catalogue of the State Publishing House of Tajikistan that had been prepared in 1931 and represents 425 titles of books, and the other his Edition (1936) under the same title already reflect 618 items. These directories have laid the historical basis of retrospective bibliography in Tajikistan, including a bibliography of literature for children and adolescents, since they were first recorded books for children and teenagers During this period a number of important bibliographic works, although only managed to publish a number of bibliographies.

Keywords: literature, history, library and bibliographic history, libraries, mass reader, supporting research and bibliography

For citing: Safaraliev, B. Sources on the history of tajik soviet bibliography (1920–1960s) / B. Safaraliev, K. Buriev // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 30–37.

References

1. Aini, S. The anthology "Samples of Tajik literature" / S. Aini. – Moscow, 1926. – 700 p.
2. Archives of the Academy of sciences RT. F. 23. Inv. 1. Cert. 5. Un. of issue. 55. P. 33–34.
3. Some problems of Tajik bibliology: collection of articles / State Republican library by Firdausi. – Dushanbe, 1973.
4. Tajikistan: compendium bibliography. – Dushanbe, 1981. – 100 p.
5. Vitkind, N. Materialy k bibliografii istorii grazhdanskoy voyny na Sovetskom Vostoke [Materials for a bibliography of the history of the civil war in the former Soviet East] / N. Vitkind. – Moscow, 1934.
6. The library named after A. Firdausi – 50 years: a collection of articles. – Dushanbe, 1983. – 160 p.
7. The problems of the Organization and enhancement of efficiency of library and bibliographic service of the population of Tajikistan. – Dushanbe, 1986. – 138 p.
8. Safaraliev, B. S. Istoki prosveshcheniya. K istorii tadjhikskoy kul'tury [Enlightenment sources. To the History of Tadjik culture] / B. S. Safaraliev. – Moscow: MGUK, 1996. – 171 p.
9. Safaraliev, B. S. Progressive influence of Russia on a library science and the press in Tajikistan / B. S. Safaraliev // Istoriya bibliotek: issledovaniya, materialy, dokumenty [History of libraries: researches, materials, documents]. – Saint Petersburg: Russian National Library, 2012. – P. 152–161.
10. Safaraliev, B. S. Development of library activity – an important direction of cultural policy In the republic of Tadjikistan / B. S. Safaraliev // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2012. – № 4 (32). – P. 17–21.
11. Library: Reader operating in Tajikistan. – Dushanbe: Education and culture, 2010. – 200 p.
12. Shevchenko, Z. M. From the history of bibliographic work in Tadjikistan / Z. M. Shevchenko // Izvestiya otdeleniya obshchestvennykh nauk [News of office of social sciences]. – 1962. – Issue 3. – P. 94–104.
13. Shevchenko, Z. M. Iz istorii bibliotechnogo dela v Tadjhikistane [From the history of library science in Tadjikistan] / Z. M. Shevchenko. – Dushanbe: Donish, 1968. – 134 p.
14. Shevchenko, Z. M. Development of library science in Tadjik SSR (1929–1932) / Z. M. Shevchenko // Izvestiya otdeleniya obshchestvennykh nauk [News of office of social sciences]. – 1967. – Issue 2. – P. 54–62.

Received 17.10.2014

Д. М. Смирноваспирант, Российская государственная
академия интеллектуальной собственности
E-mail: dms18-89@yandex.ru**О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ АВТОРСКОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Освещаются актуальные проблемы развития законодательства Российской Федерации и правоприменительная практика в сфере авторского права на современном этапе. На примере спорных ситуаций и правовых пробелов, с которыми сталкиваются на практике правообладатели и пользователи, раскрываются имеющиеся недостатки в правовом регулировании отношений по поводу создания, использования и охраны объектов авторских прав.

Особое внимание уделяется вопросу планируемого введения в отечественное правовое поле системы «глобального лицензирования» в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. На основе изучения зарубежного опыта, а также с учетом экспертных заключений, поступивших на законопроект о «глобальной лицензии», и общественной оценки последствий данного нововведения автором обозначен ряд проблем, с которыми столкнутся пользователи информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернет, после принятия соответствующего законопроекта о «глобальной лицензии».

Автором приводится собственное обоснование существующих вопросов авторского права, к которым относятся: проблема объекта авторского права; распоряжение исключительными правами на произведение, созданное в соавторстве; добросовестность правообладателей при охране принадлежащих им авторских прав; срок правовой охраны авторских прав. На основе обобщения судебной практики, а также системного анализа толкования норм права автором предложены возможные пути совершенствования правового механизма охраны авторских прав на произведения, распространяемые в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в Интернете, а также на произведения, созданные в соавторстве.

Ключевые слова: авторское право, информационно-телекоммуникационные сети, музыкальные произведения, глобальная лицензия

Для цитирования: Смирнов, Д. М. О современных проблемах авторского права в Российской Федерации / Д. М. Смирнов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 38–45.

Одним из направлений реформирования гражданского законодательства России на современном этапе стало совершенствование законодательства об авторском праве. Основные новеллы правового регулирования институтов авторского права нашли свое отражение в Федеральном законе от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15].

Вместе с тем на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации и в правоприменительной практике остается нерешенным ряд проблем в области авторского права, к числу которых можно отнести: распространение произведений литературы, науки и искусства в информационно-телекоммуникационных сетях с нарушением авторских и (или) смежных прав; отсутствие единых критериев охраноспособности произведений (проблема объекта авторского права); распоряжение исключительными права-

ми на произведение, созданное в соавторстве; добросовестность правообладателей при охране их личных авторских прав; срок правовой охраны авторских прав.

Остановимся более подробно на содержании каждой из вышеуказанных проблем авторского права.

Наиболее обсуждаемой проблемой авторского права в настоящее время является распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, произведений литературы, науки и искусства с нарушением авторских и (или) смежных прав.

Органами государственной власти совместно с научным и экспертным сообществом в последнее время был предпринят целый ряд действий, направленных к решению указанной проблемы.

Первое направление законодательной работы по данному вопросу связано с установлением на территории Российской Федерации досудебного ограничения доступа пользователей в отношении объектов авторского права, распространяемых в информационно-телекоммуникационных сетях с нарушением установленного правового режима. С 1 августа 2013 г. подобная процедура ограничения доступа существует в отношении фильмов, в том числе кино- и телефильмов [14].

Учитывая определенную эффективность правового механизма досудебного ограничения доступа пользователей к незаконно распространяемому контенту в виде фильмов, законодатель принял решение распространить указанный механизм ограничения доступа в отношении остальных объектов авторского права и смежных прав, за исключением фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии.

С указанной целью был принят Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [16].

Второе направление законодательной работы связано с разработкой и внедрением в отечественное законодательство принципиально ново-

го подхода борьбы с незаконным распространением объектов авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в Интернете, получившего название «глобальная лицензия» [11].

Смысл «глобальной лицензии» заключается в том, чтобы ввести в Российской Федерации государственную аккредитацию в сфере использования объектов авторских и смежных прав в цифровой среде («право на доведение до всеобщего сведения»).

Практическая реализация указанного подхода состоит в том, что пользователь информационно-телекоммуникационной сети, чтобы получить доступ к контенту, должен осуществить определенный платеж (в виде части платы за интернет-трафик) своему оператору связи, который в свою очередь перечисляет данный платеж аккредитованной организации по управлению авторскими и смежными правами с целью последующего перечисления вознаграждения за использование объекта авторских и смежных прав его правообладателю.

Несмотря на правильность идеи предлагаемого правового механизма, заключающейся в том, что поступившие от интернет-аудитории платежи за использование объектов авторских и смежных прав должны пойти на выплату вознаграждения правообладателям соответствующих объектов авторских и смежных прав, практическая реализация «глобальной лицензии» представляется весьма проблематичной по следующим причинам.

Во-первых, концепция «глобальной лицензии», по сути, предлагает ввести обязательный сбор за доступ к информационно-телекоммуникационной сети, не учитывая при этом, что предоставление абоненту данного доступа не является услугой доступа к объектам интеллектуальных прав, а правообладатели не могут быть стороной в правоотношениях по оказанию услуг связи.

Во-вторых, в концепции «глобальной лицензии» не в полной мере проработан вопрос возможности технической реализации мониторинга и анализа интернет-трафика, его содержания в увязке с размером вознагражде-

ния, причитающегося к выплате правообладателям соответствующих объектов авторских и смежных прав и его последующим распределением между правообладателями.

Указанное обстоятельство существенно затрудняет определение справедливого размера вознаграждения для каждого правообладателя в зависимости от частоты и количества использования (скачивания) объектов, на которые распространяются авторские и (или) смежные права.

На практике отследить факт использования контента в сети Интернет возможно только с применением отдельного программно-аппаратного комплекса, работающего с технологией Deep Packet Inspection (DPI), который должен располагаться в сегментах сети каждого оператора связи. Учитывая, что на сегодняшний день у большинства операторов связи указанный программно-аппаратный комплекс не установлен, им потребуется нести расходы по его установке, которые в последующем будут возмещаться ими за счет пользователей Интернета, что неминуемо приведет к увеличению стоимости интернет-трафика, а это в свою очередь может ограничить доступ к сети малообеспеченным слоям населения.

В третьих, ведение концепции «глобальной лицензии» также приведет к нарушению обязательств, принятых Российской Федерацией при вступлении во Всемирную торговую организацию (параграф 1218 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации [4]), так как предоставление права сбора и распределения платежей уполномоченной аккредитованной организации является нарушением обязательств об отказе от безоговорочного управления интеллектуальными правами, принятых Российской Федерацией при вступлении во Всемирную торговую организацию.

В четвертых, законопроектом не предусмотрен механизм обеспечения безвозмездного получения пользователем, заключившим договор глобальной лицензии, объектов авторских и смежных прав в цифровой форме,

что может повлечь обязанность пользователя оплачивать доступ к нему.

Как отмечает ряд экспертов, занимавшихся данным вопросом, предлагаемый правовой механизм «глобальной лицензии» не решает проблему пиратства, так как соответствующий законопроект не предполагает введение каких-либо дополнительных обязательств в отношении владельцев серверов, которые зачастую на коммерческой основе предоставляют возможность пользователям сети Интернет скачать музыкальные и иные произведения [5].

Учитывая, что законопроект о глобальной лицензии затрагивает права и законные интересы всего интернет-сообщества, принятию соответствующего закона должно предшествовать его широкомасштабное общественное обсуждение. Вместе с тем на сегодня данный законопроект был обсужден только на заседании Общественного совета при Министерстве культуры России, проведенном 18 февраля 2015 г. В ходе указанного обсуждения представителями общественности и профессионального сообщества были высказаны различные, порой противоположные мнения относительно необходимости введения в России глобального лицензирования [13].

Несовершенство правового режима глобальной лицензии, связанного в первую очередь с обязательным включением платы за использование охраняемых авторским правом результатов интеллектуальной деятельности в размер платы за пользование Интернетом (независимо от факта скачивания пользователем сети соответствующих произведений), наиболее наглядно можно проследить на зарубежном опыте.

Аналогичный законопроект, направленный на установление авторского сбора с интернет-провайдеров и операторов связи, планировали принять в Венгрии, однако массовые акции протеста воспрепятствовали этому.

Свое отрицательное отношение к введению в России глобального лицензирования также высказали и представители ряда зарубежных звукозаписывающих компаний. В частности, генеральный директор UK Limited Company Франсис Мур отмечает, что «возна-

граждение в виде фиксированной суммы за каждого абонента не может служить справедливой компенсацией расходов всем правообладателям, принимающим участие в создании и производстве контента, что окажет сдерживающий эффект на развитие рынка» [7].

Еще одна проблема авторского права связана с отсутствием в законодательстве и судебной практике Российской Федерации единых критериев охраноспособности (правообъектности) произведений литературы, науки и искусства, на основании которых созданное автором произведение признается объектом авторского права (результатом интеллектуальной деятельности) и приобретает соответствующую правовую охрану.

Учитывая, что гражданское законодательство Российской Федерации не устанавливает критериев охраноспособности произведений литературы, науки и искусства, а содержит лишь норму того, что результат интеллектуальной деятельности создается в процессе творческого труда автора (п. 1 ст. 1228, 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]), на практике возникает множество спорных ситуаций, при которых автору приходится доказывать, что созданное им произведение является результатом творческого труда и на него распространяется авторско-правовая охрана.

Не внесло определенности в решение данного вопроса и судебное толкование, согласно которому «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» [8].

В доктрине гражданского права в качестве критериев охраноспособности произведений авторским правом приводятся такие, как новизна и творческая самостоятельность произведения [6, с. 9], его оригинальность [2].

В отдельных случаях составные части произведения могут быть признаны самостоятельными произведениями, если они по своему характеру являются самостоятельными результатами творческого труда авторов и от-

вечают требованиям, установленным п. 3 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ). При этом, как показывает судебная практика, указанные вопросы входят в предмет доказывания по делу, в связи с чем составные части произведения, претендующие на самостоятельное значение, должны быть конкретизированы, а их статус и описание характерных черт – установленными [9].

Еще одной значимой проблемой авторского права является распоряжение исключительными правами на произведение, созданное в соавторстве. Указанный вопрос прежде всего обусловлен сложностью определения творческого вклада каждого из соавторов в создание произведения.

Под соавторством понимается совместный творческий труд двух и более граждан. При этом данный творческий труд может быть разграничен при создании каждым из соавторов определенной части произведения (например, написание главы в учебнике) или же не быть разграниченным при создании произведения.

Учитывая сложность определения суммы вознаграждения, причитающегося каждому из соавторов, в случае возникновения спора между ними, законодатель при реформировании части четвертой ГК РФ попытался урегулировать данный вопрос следующим образом.

Согласно ст. 1229 ГК РФ, взаимоотношения лиц, которым исключительное право принадлежит совместно, определяются соглашением между ними. Также закреплено правило о совместном распоряжении соавторами исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности, созданный в соавторстве. Доходы от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство индивидуализации распределяются между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Законодатель особо отмечает, что каждый из правообладателей вправе самостоятельно принимать меры по защите своих прав на ре-

зультат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации.

Проблема правовой охраны объектов авторского права, созданных в соавторстве, связана с тем, что соавтор, желающий защитить свои права на результат интеллектуальной деятельности, в то же время вынужден принимать меры к защите прав на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащих другому соавтору (который может быть не заинтересован в данной защите).

С целью решения указанной проблемы, по нашему мнению, необходимо закрепить в ст. 1229 ГК РФ норму о том, что лицо, являющееся соавтором произведения, при обращении в суд с иском о защите авторских прав на данное произведение должно принять меры к привлечению к участию в деле в качестве соистца другого соавтора (соавторов) или представить их мотивированную позицию относительно существа рассматриваемого спора.

Стоит отметить и такую актуальную проблему авторского права, как добросовестность правообладателей при охране личных авторских прав.

В рамках судебной практики обычным делом стало предъявление исков к нарушителям авторских прав со значительной ценой исковых требований.

Приходится констатировать, что истцы в отдельных случаях злоупотребляют принадлежащими им правами и пытаются извлечь для себя максимальную выгоду в связи с допущенными нарушениями их авторских прав.

Наиболее часто примерами злоупотребления служат следующие действия: предъявление исковых требований о взыскании компенсации за одно и то же правонарушение под видом нескольких случаев неправомерного использования результата интеллектуальной деятельности.

Так, некоммерческое партнерство «Эдельвейс» неоднократно предъявляет в суды иски, в которых просит взыскать с нарушителей исключительных авторских прав на персонажи мультипликационного сериала «Маша и Медведь» компенсации за неправомерное использование каждого из двух указанных персона-

жей, что противоречит смыслу п. 3 ст. 1252, 1301 ГК РФ, так как «если незаконное использование произведения совершается в рамках одного правонарушения, оно представляет собой единичный случай неправомерного использования произведения... право на взыскание компенсации за каждый случай неправомерного использования может быть реализовано один раз» [10].

Добросовестность играет большое значение также в случаях реализации правообладателем принадлежащих ему прав на произведение при использовании произведения после смерти автора. В соответствии с абзацем вторым п. 2 ст. 1266 ГК РФ, лицо, обладающее исключительным правом на произведение, при использовании произведения после смерти автора вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или в иной письменной форме.

Как отмечает Р. И. Ситдикова, «необходимость введения таких положений в законодательство Российской Федерации может быть оправдана в отношении отдельных объектов авторского права, таких, например, как компьютерные программы, произведения архитектуры, карты, когда это обусловлено назначением произведения. Однако в отношении произведений искусства это не представляется целесообразным. С какой целью иные лица, обладающие исключительным правом, будут вносить изменения, сокращения или дополнения в произведение после смерти самого автора, если он при жизни сам этого не сделал? ...К тому же критерии возможности внесения изменений, сокращений и дополнений носят оценочный характер, сложно достоверно оценить, искажается ли замысел автора, если автора уже нет» [12, с. 44].

Актуальной проблемой авторского права является и срок правовой охраны авторских прав.

Следует сразу отметить то обстоятельство, что срок охраны относится к имущественным (исключительным) авторским правам.

Данная проблема во многом обусловлена тем, что срок действия исключительного авторского права изменялся в нашей стране пять раз.

Основной вопрос, связанный со сроками правовой охраны произведений, заключается в том, что при установлении новых, более продолжительных сроков правовой охраны законодателю не следует распространять новый срок охраны на те произведения, в отношении которых до принятия соответствующего закона срок правовой охраны уже истек (т. е. не должно происходить восстановления правовой охраны произведений, перешедших в общественное достояние на момент установления нового

срока охраны), в противном случае возникает неопределенность с применением сроков правовой охраны таких произведений [1, с. 79].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в настоящее время законодательство Российской Федерации в области авторского и смежных прав испытывает наибольшую потребность в реформировании, направленном на соответствие правовых норм общественным отношениям и современному уровню передачи информации.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы путем решения вышеописанных проблем с обязательным учетом прав и законных интересов всех категорий субъектов авторских правоотношений.

1. Бузанов, В. Ю. Авторское право: сага о сроках / В. Ю. Бузанов // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 73–81.
2. Гаврилов, Э. П. Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом [Электронный ресурс] / Э. П. Гаврилов // Российская библиотека интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <http://www.rbis.su/article.php?article=434> (дата обращения: 01.03.2015).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в редакции от 31 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.
4. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2014).
5. Заключение Комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей по телекоммуникациям и информационным технологиям на законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования оборота интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Электронный ресурс] // Российский союз промышленников и предпринимателей: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://рспп.рф/news/32> (дата обращения: 08.01.2015).
6. Ионас, В. Я. Произведения творчества в гражданском праве / В. Я. Ионас. – Москва: Юридическая литература, 1972. – 168 с.
7. Мур, Ф. Об инициативе введения «налога на Интернет». 26 января 2015 г. / Ф. Мур // Информационная база Минкультуры России.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5 и постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации 26 марта 2009 г. № 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – № 70.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 июля 2014 г. по делу № А40-108107/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2014).
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 сентября 2014 г. по делу № А46-8340/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2014).
11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования оборота интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2015).

12. Ситдикова, Р. И. Добросовестность при охране личных авторских прав / Р. И. Ситдикова // Законы России. – 2010. – № 9. – С. 42–46.
13. Стенограмма заседания Общественного совета при Минкультуры России 18 февраля 2015 года [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.mkrf.ru> (дата обращения: 24.02.2015).
14. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // СЗ РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3479.
15. Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2014. – № 11. – Ст. 1100.
16. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6645.

Получено 20.02.2015

D. Smirnov

graduate student of Russian State

Academy of Intellectual Property

E-mail: dms18-89@yandex.ru

ABOUT MODERN PROBLEMS OF COPYRIGHT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Article is devoted to actual problems of development of the legislation of the Russian Federation and law-enforcement practice in the sphere of copyright at the present stage. On the example of disputable situations and legal gaps against which owners and users come up in practice, the author opens the available shortcomings of legal regulation of the relations concerning creation, use and protection of objects of copyright.

The author of article pays special attention to a question of the planned introduction to a domestic legal framework of system of "global licensing" in information and telecommunication networks, including in the Internet network. On the basis of studying of foreign experience and also taking into account the expert opinions which arrived on the bill of "the global license" and a public assessment of consequences of this innovation by the author designated a number of problems which users of information and telecommunication networks including the Internet network after adoption of the relevant bill of "the global license" will face.

The author gives own justification of the existing copyright problems which treat: problem of object of copyright; the problems connected with the order exclusive rights to the work created in a co-authorship; a problem of integrity of owners at protection of their personal copyright; a problem of term of legal protection author's. On the basis of synthesis of jurisprudence, and also the system analysis of interpretation of rules of law by the author possible ways of improvement of a legal mechanism of protection of copyright of the works extended in information and telecommunication networks including in the Internet network and also on the works created in a co-authorship are offered.

Keywords: copyright, information and telecommunication networks, musical works, global license

For citing: Smirnov, D. About modern problems of copyright in the Russian Federation / D. Smirnov // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 38–45.

References

1. Buzanov, V. Yu. Copyright: The saga of terms / V. Yu. Buzanov // *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. – 2014. – № 6. – P. 73–81.
2. Gavrilov, E. P. Originality as a criterion of protection of copyright [Electronic resource] / E. P. Gavrilov // *Rossiyskaya biblioteka intellektual'noy sobstvennosti* [Russian Library intellectual property]. – URL: <http://www.rbis.su/article.php?article=434> (access date: 01.03.2015).

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18 December 2006 № 230-FZ (as amended on December 31, 2014) // SZ RF. – 2006. № 52 (ch. 1). – St. 5496.
4. Doklad Rabochey gruppy po prisoedineniyu Rossiyskoy Federatsii k Vsemirnoy torgovoy organizatsii [Report of the Working Group on the accession of the Russian Federation to the World Trade Organization] [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 05.12.2014).
5. Opinion of the Committee of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs on Telecommunications and Information Technology on the bill “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in terms of improving the circulation of intellectual property rights in the information and telecommunications networks” [Electronic resource] // Rossiyskiy soyuz promyshlennikov i predprinimateley [Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]. – URL: <http://pcnn.pф/news/32> (access date: 08.01.2015).
6. Ionas, V. Ya. Proizvedeniya tvorchestva v grazhdanskom prave [Works of art in civil law] / V. Ya. Ionas. – Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1972. – 168 p.
7. Mur, F. About an introduction initiative of «a tax on the Internet». January 26, 2015 / F. Mur // Informacionnaya baza Minkulturu Rossii [Information base of the Ministry of Culture of the Russian Federation].
8. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on March 26, 2009 № 5 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, March 26, 2009 № 29 “On some issues arising in connection with the introduction of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – № 70.
9. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 30 iyulya 2014 g. po delu № A40-108107/2013 [The Court's ruling on the intellectual property rights of 30 July 2014 on the case number A40-108107 / 2013] [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 05.10.2014).
10. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 17 sentyabrya 2014 g. po delu № A46-8340/2013 [Judgment of the Court of intellectual property rights on September 17, 2014 on the case number A46-8340 / 2013] [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 05.10.2014).
11. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya oborota intellektual'nykh prav v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh» [Draft Federal Law “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in terms of improving the circulation of intellectual property rights in the information and telecommunications networks”] [Electronic resource]. – URL: <http://www.regulation.gov.ru> (access date: 29.01.2015).
12. Sitdikova, R. I. Protection of personal integrity in the copyright / R. I. Sitdikova // Zakony Rossii [Laws of Russia]. – 2010. – № 9. – P. 42–46.
13. Transcript of the meeting of the Public Council under the Ministry of Culture of Russia February 18, 2015 [Electronic resource] // Ministerstvo kul'tury Rossiyskoy Federatsii [The Ministry of Culture of the Russian Federation]. – URL: <http://www.mkrf.ru> (access date: 24.02.2015).
14. Federal Law of July 2, 2013 № 187-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the protection of intellectual property rights in the information and telecommunications networks” // SZ RF. – 2013. – № 27. – St. 3479.
15. Federal Law of 12 March 2014 № 35-FZ “On Amendments to the first, second and fourth of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (SZ RF) [Collection of Laws of the Russian Federation (SZ RF)]. – 2014. – № 11. – St. 1100.
16. Federal Law of November 24, 2014 № 364-FZ “On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Protection of Information" and the Civil Procedure Code of the Russian Federation” // SZ RF. – 2014. – № 48. – St. 6645.

Received 20.02.2015

Раздел II

**ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ (окончание¹)

Анализируется историческая динамика культуры как регулятивной системы и определяются ее основные социальные функции по упорядочению коллективной человеческой жизнедеятельности. Высказывается гипотеза о постепенной трансформации функций культуры от непосредственной регуляции социальной самоорганизации общества к опосредованному психологическому обеспечению процессов регуляции и ориентации человека в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: культура, регулятивная система, социальные функции, упорядочение, динамика, культура-обычай, культура-идеология, культура-референция

Для цитирования: Флиер, А. Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (окончание) // А. Я. Флиер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 47–54.

Речь идет о том, что в ходе истории постепенно произошло вытеснение традиционной культуры как обычая (т. е. программы стихийной саморегуляции социальных отношений и поведения человека) культурой как идеологией (т. е. программой управления социальным сознанием людей посредством выстраивания особых символических конструктов). А это совсем иной способ регулирования их социальной активности.

Традиционная культура (культура-обычай) формировалась параллельно становлению биологического вида *Homo sapiens* и являлась вполне очевидным развитием программы социального поведения стадных животных [12; 15]. Она по существу представляла собой программу поведения млекопитающих вида *Homo sapiens* со всеми неизбежными родовыми атавизмами. Отличие от поведенческих программ наших биологических предков в основном заключалось в том, что инстинкт, регулирующий социальные отношения животных и наследуемый генетически, в процессе антропогенеза был замещен обычаем, осваиваемым индивидом в процессе его социализации,

но функционально совершено аналогичным инстинкту.

Очень значимо и то, что так же, как и у высших животных, производитель продуктов этой культуры (материальных и символических) являлся и основным их потребителем. Первобытный человек, подобно крестьянину более поздних времен, практически не нуждался в обмене, торговле, рынке; обмен имел скорее ритуальный характер одаривания [9; 17]. Все необходимое для собственного жизнеобеспечения представитель традиционной культуры производил сам.

Эту культуру отличала и определенная психология, в рамках которой индивид практически «растворялся» в общине, мыслил ее групповыми категориями, был абсолютно лоялен ее социальным нормам. Но – главное – во всех значимых вопросах практической жизнедеятельности он был ориентирован на воспроизводство традиции (обычая) и не усматривал ни нужды, ни возможности в ее усовершенствовании [4; 6]. По этим правилам жили верхнепалеолитические охотники 40 тысяч лет тому назад, и по этим же правилам жили крестьяне российской «глубинки» еще столетие назад, в начале XX в.

Принципиально иное явление представляет собой культура как идеология. Она по своему

¹ Начало см.: Флиер А. Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (начало) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 33–39.

происхождению никакого отношения к генезису человека и программам социального поведения животных не имеет. Культура-идеология является плодом человеческого разума и отражает потребность человека в идеале, выраженном в каких-то символических формах. Если культура-обычай объединяла людей общим воспоминанием (о происхождении, великих предках и героях и т. п.), то культура-идеология объединяет людей общей мечтой (о спасении и загробном воздаянии, о построении светлого будущего). Это культура служения идеалу, борьбы «мира Добра» с «миром Зла» [7]. Она прежде всего выстраивает мировоззрение человека и уже таким образом, воздействуя на сознание, регулирует его практическое социальное поведение.

Исторически эта культура родилась с появлением городов и городского образа жизни во второй половине 4 тыс. до н. э., принципиально отличающегося от сельского тем, что человек-деятель ориентирован на производство продукции не для собственного пользования, а для продажи на рынке. Свой продукт горожанин продает (или исполняет по заказу), а на вырученные деньги покупает продовольствие. Эта особенность деятельности привела к ее поэтапной все более узкой специализации и появлению такого социального феномена, как *специалист*, особым образом подготовленный, со своей специфической профессиональной психологией. Специалист принципиально отличается от крестьянина-универсала. На процесс углубляющейся специализации деятельности, как на основу исторической социальной динамики общества, еще в конце XIX в. обратил внимание Эмиль Дюркгейм [18].

На протяжении Античности и Средневековья в Европе и в аналогичные периоды истории народов Азии подобная культура-идеология как городская культура сосуществовала с сельской традиционной культурой-обычаем, не вступая с ней в особое соперничество, поскольку доля городского населения в обществах аграрной стадии развития была ничтожно мала. И только со становлением индустриального общества, его урбанизацией, ускоренной социализацией и специализацией работников культура-идеология начала решительно вытеснять культуру-обычай

с площадки доминантной социальной активности. В течение XIX – XX вв. в Европе и Северной Америке эта культура полностью социально возобладала.

Очень показательно то, что в числе первых специализированных работников появились специалисты по производству символов – служители культа (шаманы, колдуны, жрецы, священнослужители) и художники (ремесленники, занимавшиеся изобразительным творчеством). Этот факт – важное свидетельство в пользу того, что символическое производство уже на самых ранних этапах истории было очень значимым элементом культуры, управлявшим социальным поведением человека не посредством обычаев, а посредством демонстрации идеальных образцов.

Это весьма существенный момент с точки зрения оценки эффективности выполнения культурой функций социального регулятора. В отличие от культуры-обычая, реализовывавшей эти функции непосредственно путем прямых указаний и запретов, культура-идеология осуществляет регуляцию главным образом путем демонстрации и манифестации эталонных образцов «правильного» поведения и мироощущения, что оказывается не менее эффективным, чем система прямых указаний и запретов. Здесь в большей мере задействована технология целенаправленного обучения человека желаемому поведению, нежели императивное руководство практикой такого поведения. Не следует забывать, что культура-идеология существует уже давно, с конца 4 тыс. до н. э., но до XVIII в. в зоне ее социального влияния была совершенно незначительная часть населения даже наиболее развитых государств. И только эпоха модерна (которая по Ю. Хабермасу началась с Просвещением [21]) явилась временем всестороннего расцвета этой культуры и ее полного социального преобладания (естественно, речь идет о Западной Европе). Важно и то, что производителями и потребителями культуры-идеологии были люди с иным складом социального сознания и ментальностями, нежели «человеческий материал» культуры-обычая.

Но во второй половине XX в. у людей, занимающихся изучением культуры, родилось

ощущение, что смыслопорождающий потенциал культуры-идеологии близок к исчерпанию. Наиболее жестко этот вопрос был поставлен французскими философами-постмодернистами. Поскольку эта проблема оказалась в центре научного осмысления одновременно с переходом наиболее развитых стран на новый этап социального развития – постиндустриальный, стало понятным, что ощущение кризиса возникло не случайно. Точно так же, как с началом индустриальной эпохи в XVI в. началось постепенное сокращение социального влияния культуры-обычая, кризис культуры-идеологии на этапе постиндустриального развития выглядит вполне закономерным.

Что же теперь может стать «фабрикой по производству новых смыслов»?

В истории человечества производителем новых смыслов всегда было знание – мифологическое, религиозное, естественно-научное, общественно-научное, и соответствующие области социальной практики выступали в роли «фабрик по производству смыслов» той или иной ориентированности. Что касается новых культурных смыслов нашего времени, то уже понятно, что они не будут воплощать ни ностальгию по великому прошлому, ни мечтания о светлом будущем. Это уже пройденные уроки истории, оставшиеся актуальными только для тех, кто плохо учился. Новые смыслы будут связаны с новым осознанием и пониманием настоящего. Какое знание будет способно производить новые актуальные смыслы понимания настоящего?

Мне представляется, что теперь основной «фабрикой по производству смыслов», специализирующейся на вопросах понимания настоящего, станут (фактически уже стали) *медиа* – средства массовой информации. Это предрекалось Маршаллом Маклюэном еще полвека назад [23]. Традиционные феномены культуры – наука, искусство, религия, образование – показывают себя способными скорее к интерпретации старых смыслов и в гораздо меньшей мере к производству новых, описывающих актуальное настоящее. Конечно, по уровню систематизации новых смыслов культурные возможности медиа не могут сравниться с наукой, образованием и религией, но вполне сопоставимы с искусством

и художественной литературой. Ну, а систематизация может начаться и позднее.

Главный вопрос в том, в какой мере информационное поле новых смыслов, которое создает медиа, сможет выполнять функции культуры, способствовать консолидации людей в сообщества, регулировать их социальные взаимодействия и коммуникации, манифестировать рекомендуемые эталоны социального поведения и сознания [10]? Пока определенного ответа на этот вопрос нет. Наблюдаются только отдельные проявления потенциала медиа по исполнению основных социально-регулятивных функций культуры. Но я уверен, что уже в обозримом будущем этот культурный потенциал медиа будет реализован в должной мере.

Другой вопрос, какими ценностями сплачивает людей культурное поле медиа? Культура-обычай объединяла людей общностью воспоминаний о прошлом и апелляцией к опыту и авторитету традиции регулировала их практическое социальное поведение в настоящем. Культура-идеология объединяет людей коллективной мечтой о будущем (Рае на небесах или на Земле) и регулирует поведение посредством системного выстраивания их мировоззрения. Культура, создаваемая медиа, может быть названа *культурой как референцией*. Она объединяет людей чувством их причастности к настоящему и регулирует их социальную активность опосредованно, давая им возможность распознать, идентифицировать, маркировать окружающие объекты и факты социальной реальности, ориентироваться в их множестве и самоопределиться в нем. Ее практическое влияние может быть выражено формулой «ориентация в ситуации диктует и адекватную ей программу действий». Эту функцию современной культуры хорошо исследовали постмодернисты [14; 16].

Культура-референция тоже не является исключительным изобретением нашего времени. Разные приемы массовой информации в устной форме существуют с глубокой древности, с XVI в. в Европе издаются печатные газеты, в начале XX в. началось радиовещание, с конца 1920-х гг. – телевидение, с 1990-х гг. –

массовое использование Интернета. Но основная социальная функция всей системы массовой информации оставалась неизменной и заключалась в обеспечении потребителей этой информации возможностью ориентироваться в актуальных обстоятельствах современности.

Таким образом, фактически в сегодняшней социальной реальности функционируют три культуры: культура-обычай, культура-идеология и культура-референция. Необходимость в одновременном функционировании всех трех обусловлена тем, что сегодня на Земле существуют сообщества, относящиеся ко всем историческим стадиям социального развития: первобытные, аграрные, индустриальные и постиндустриальные. Замечу, что даже в наиболее развитых государствах остаются социальные сегменты разной степени архаичности или приверженности к консервативным культурным установлениям с соответствующими привычками. Всем им функционально требуются совершенно разные культуры, обеспечивающие комфортную для них культурную среду.

Эта социальная и культурная ситуация уже активно исследуется учеными. Можно назвать пользующиеся популярностью работы А. В. Костиной, членящей современную культуру на народную, элитарную и массовую [3; 5]. Но по существу у Костиной речь идет о тех же самых культурных явлениях, о которых говорится в этой статье, только называемых по-иному и по-иному описывающих и систематизирующих характеристики этих культур. Фактически об этой же культурной триаде, но рассмотренной в другом проблемном ракурсе и выводящей три социокультурных ментальных типа – индивид, логоцентрик и личность, – пишет А. А. Пелипенко [8]. Есть и другие примеры.

Безусловно, можно называть эти три культуры народной, элитарной и массовой (это наиболее распространенные в научной литературе термины), можно характеризовать их как культуры индивида, логоцентрика и личности. Конечно, совпадения здесь не полные, и если характеристики культуры-обычая, народной культуры и культуры индивида в основном совпадают у всех трех авторов, то культура-идеология в моем по-

нимании скорее тяготеет к логоцентрической культуре Пелипенко, а культура-референция – к массовой культуре Костиной. Но эти несовпадения неизбежны в силу совершенно разных оснований типологизации, используемых перечисленными авторами, и разных исследовательских задач, которые они ставят перед собой. Главное заключается в том, что выделенные три модальности регулирования социокультурной активности человека – посредством воспроизводства традиции (культура-обычай), стимулирования его стремления к идеальной цели (культура-идеология) и помощи в распознавании и маркировании элементов социокультурного пространства (культура-референция) – устойчиво фиксируются исследователями, работающими в разных познавательных ракурсах.

Что из всего этого следует в контексте интересующей нас проблемы эволюции социально-регулятивных функций культуры?

Во-первых, то, что в культуре ничего не умирает. Родившаяся на каком-то этапе развития тенденция социокультурного самовыражения и самореализации людей может в последующем стать менее востребованной, быть вытесненной другой тенденцией из поля культурного мейнстрима на обочину, но она продолжает существовать и использоваться в реальной практике, поскольку всегда остается какая-то часть общества, тяготеющая именно к этому культурному регулятиву.

Во-вторых, то, что культура находится в развитии, выраженном не только в перемене стилей и модных форм, но и в эволюции ее социально-регулятивных функций. Культура-обычай формировалась на протяжении всего антропогенеза, верхнего палеолита и мезолита; «неолитическая революция», в ходе которой возникло производящее сельское хозяйство, может считаться временем, когда эта культура приняла свои окончательные не менявшиеся более формы. Культура-идеология зародилась с появлением первых городов-государств, в период «осевого времени» сформировалась окончательно, зафиксировав свои принципы в классических религиозных текстах Торы, Авесты, «Дао Дэ цзин», учениях буддизма, конфуцианства и др. [20], а на

более позднем этапе истории легла в основание идей социальной трансформации (либерализма, марксизма, фашизма). Этапом зарождения культуры-референции в Европе и Америке, по всей видимости, следует считать XIX в., когда распространилось массовое начальное образование, и все возрастающий процент горожан стал читать газеты, интересоваться актуальными новостями, что актуализировало проблему более четкого структурирования и маркировки социокультурного пространства общественного Бытия. О признаках завершения формирования этой культуры говорить еще рано. С этой точки зрения культура-обычай была характерна для бесписьменного общества, культура-идеология – для общества с контрастным противопоставлением образованного и необразованного сегментов, а культура-референция специфична для общества всеобщей грамотности.

Вместе с тем появление новых по своим социально-регулятивным функциям культурных явлений не приводило к полному вытеснению прежних, а только к понижению их социального влияния. Культура общества все больше и больше стала уподобляться «слоеному пирогу», каждый «слой» которого обеспечивает интересы той или иной социальной группы.

Суммируя, можно сказать, что в эволюции культуры как системы социального регулирования ясно выявляются две тенденции.

Во-первых, понижение жесткости и императивности непосредственной регуляции социального поведения людей и постепенный переход на управление их поведением посредством «мягкого воздействия» на социальное сознание, апелляцию к их интересам и расширение возможности самостоятельного выбора ими одного из возможных вариантов проявления социальной активности. Характерными явлениями этой тенденции могут служить:

- последовательное в ходе истории расширение пространства социальной свободы человека, наделение его политическими правами, неотчуждаемыми личными свободами и т. п.;

- по мере социального развития общества постепенное сокращение социального контроля над человеком, снижение вмешательства в его

личную жизнь, в его индивидуальный выбор образования, сферы деятельности и пр.;

- сближение прав и возможностей по социальной самореализации различных сословий, гендерных групп, этнических, культурных и субкультурных меньшинств и т. п.

Во-вторых, понижение значимости абсолютной социализации человека, использования его как безгласного «винтика» общественного механизма, бесправного раба общественного интереса и повышение значимости его индивидуализации, проявления личностной культурной самобытности. Это выражается в следующих проявлениях:

- активное развитие авторского начала в творчестве любой сферы деятельности (искусстве, науке, технике), превращение авторской оригинальности в главный критерий определения качества продукции;

- расширение прав человека на индивидуальность и оригинальность собственного имиджа (в одежде, причёске, макияже и пр.);

- расширение прав человека на индивидуальное политическое, социальное, религиозное, этническое, культурное самовыражение и др.

Осмысление этих тенденций рождает множество вопросов, среди них самый важный – как происходит историческое развитие общества и культуры. В науке давно уже завоевала прочный авторитет теоретическая схема, согласно которой историческое развитие не исчерпывается только неуклонным прогрессом, восходящим движением ко все большей сложности процессов и структур. Развитие представляет собой более сложный процесс, в котором имеет место попеременное доминирование:

- «горизонтального» (пространственного) расширения практикуемой модели социокультурного устройства с нарастанием числа ее частных вариаций (синергетики называют это бифуркацией),

- происходящего в одной из ветвей этого разрастающегося множества «вертикального» прогрессивного развития, в ходе чего система достигает нового, более высокого качества, что можно определить как фазовый переход [2; 8; 19; 22].

Рассмотренные в настоящей статье тенденции исторической эволюции социально-регулятивных функций культуры представляют собой еще один аргумент в поддержку именно этой синергетической модели развития [11; 13].

Как все это соотносится с популярными в наше время теориями о конце истории? Это зависит от того, что понимать под историей: историю государств, историю народов или историю культуры? В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще одну тенденцию. В течение XX в. (а в отдельных случаях и ранее) сотрудничество и соперничество между государствами переходило в сотрудничество и соперничество отдельных структур (организаций, фирм, команд), а то и отдельных деятелей. Это особенно показательно в искусстве, спорте и некоторых иных областях. На рубеже XX – XXI вв. данная тенденция получила развитие в экономике.

То, что принято называть экономической глобализацией, на самом деле представляет собой перенос процессов сотрудничества и соперничества с межгосударственного уровня на уровень отдельных фирм и корпораций [1]. Я думаю, что этот процесс «измельчания» субъектов истории на самом деле является глобальным. И можно в отдаленном будущем ожидать трансформации национальных государств в какие-то иные, более локальные и более эффективные формы самоорганизации.

Это будет, безусловно, концом истории государств. Но будет ли это концом истории культуры? Мне представляется, что в глобальном смысле культура тоже не вечна. Если тенденция «измельчания» субъектов истории продолжится, то культура как программа упорядочивания устойчивых социальных образований разделит их судьбу. Но, думаю, что это уже проблемы, находящиеся за границами обозримого будущего...

1. Богомолов, О. Т. Мировая экономика в век глобализации: учебник / О. Т. Богомолов. – Москва: Экономика, 2007.
2. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – Санкт-Петербург: Лань, 1999.
3. Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. – Москва: УРСС, 2004.
4. Костина, А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики / А. В. Костина. – Москва: УРСС, 2009.
5. Костина, А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе / А. В. Костина. – Москва: УРСС, 2009.
6. Костина, А. В. Тернарная функциональная модель культуры // Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса / А. В. Костина, А. Я. Флиер. – Москва: Согласие, 2011.
7. Пелипенко, А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории / А. А. Пелипенко. – Москва: МГУКИ, 2007.
8. Пелипенко, А. А. Избранные работы по теории культуры / А. А. Пелипенко. – Москва: Согласие-Артем, 2014.
9. Флиер, А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1.
10. Флиер, А. Я. Страсти по глобализации / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2003. – № 4.
11. Флиер, А. Я. Вектор культурной эволюции / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. – 2011. – № 5.
12. Флиер, А. Я. Культура как этап эволюции биологической жизни / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 4 (54).
13. Флиер, А. Я. Теория культуры как философия истории [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Культура культуры. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://cult-cult.ru/teoriya-kulitury-kak-filosofiya-istorii/>. – Дата обращения: 10.05.2014.
14. Baudrillard, J. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu / Jean Baudrillard. – Paris: Galilée, 1991.
15. Blumer, H. Collective Behavior. Principles of Sociology / Herbert Blumer. – New York: Barnes & Noble, 1951 (Блумер Г. Коллективное поведение. Американская социологическая мысль. Москва: Изд-во МГУ, 1994).

16. Derrida, J. L'Écriture et la difference / Jacques Derrida. – Paris: Seuil, 1967 (Деррида Ж. Письмо и различие. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000).
17. Dilthey, W. Einleitung in die Geisteswissenschaften / Wilhelm Dilthey. – Leipzig: Duncker und Humblot, 1883 (Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения истории и общества // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2000).
18. Durkheim, É. De la division du travail social / Émile Durkheim. – Paris: Presses Universitaires de France, 1893 (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва: Наука, 1991).
19. Grant, V. The Evolutionary Process. A Critical Review of Evolutionary Theory / Verne Grant. – New York: Columbia University Press, 1985.
20. Jaspers, K. The Origin and Goal of History / Karl Jaspers. – New Haven, CT: Yale University Press, 1953 (Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: Политиздат, 1991).
21. Habermas, J. Der philosophische Diskurs der Moderne / Jürgen Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985 (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва: Весь мир, 2003).
22. Haken, H. Principles of Brain Functioning. A Synergetic Approach to Brain Activity, Behavior and Cognition / Hermann Haken. – Berlin: Springer, 1996.
23. McLouhan, M. Understanding Media: The Extensions of man / Marshall McLouhan. – New York: McGraw Hill, 1964 (Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2003).

Получено 30.06.2014

A. Fliyer

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,

Russian Institute of Cultural Science

E-mail: andrey.flier@yandex.ru

EVOLUTION OF CULTURE AS A SOCIAL-REGULATIVE SYSTEM

(ending)

Abstract. *The article analyzes the dynamics of culture as a regulative system and determines its main social functions of collective human activity ordering. The author hypothesizes on gradual transformation of culture functions from a society social self-organization immediate regulation to a mediate psychological ensuring of regulation and orientation of man in social-cultural environment processes.*

Keywords: *culture, regulative system, social functions, ensuring, dynamics, culture-custom, culture-ideology, culture-reference*

For citing: *Flier, A. Evolution of culture as a social-regulative system (ending) / A. Flier // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 47–54.*

References

1. Bogomolov, O. T. Mirovaya ekonomika v vek globalizatsii [World economy in the century of globalization] / O. T. Bogomolov. – Moscow: Ekonomika, 2007.
2. Vasilkova, V. V. Poryadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem: Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii [Order and chaos in the social systems development: Synergetic and theory of social self-organization] / V. V. Vasilkova. – Saint Petersburg: Lan, 1999.
3. Kostina, A. V. Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva [Mass culture as a post-industrial society phenomenon] / A. V. Kostina. – Moscow: URSS, 2004.
4. Kostina, A. V. Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoy dinamiki [Correlation of traditionality and creativity as a basis of social cultural dynamics] / A. V. Kostina. – Moscow: URSS, 2009.

5. Kostina, A. V. Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura: «balans interesov» v sovremennom obshchestve [National culture – ethnic culture – mass culture: “balance of interests” in modern society] / A. V. Kostina. – Moscow: URSS, 2009.
6. Kostina, A. V. Ternary functional model of culture // Kul'tura: mezhdru rabstvom kon"yunktury, rabstvom oby-chaya i rabstvom statusa [Culture: between slavery of conjuncture, slavery of custom and slavery of status] / A. V. Kostina, A. Ya. Fliere. – Moscow: Soglasie, 2011.
7. Pelipenko, A. A. Dualisticheskaya revolyutsiya i smyslogenez v istorii [Dualistic revolution and semantic genesis] / A. A. Pelipenko. – Moscow: MGUKI, 2007.
8. Pelipenko, A. A. Izbrannye raboty po teorii kul'tury [Selected works in culture theory] / A. A. Pelipenko. – Moscow: Soglasie-Artem, 2014.
9. Fliere, A. Ya. Social experience as a basis of functioning and historical reproduction of communities / A. Ya. Fliere // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. – 2002. – № 1.
10. Fliere, A. Ya. Globalization passions / A. Ya. Fliere // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. – 2003. – № 4.
11. Fliere, A. Ya. Cultural evolution vector / A. Ya. Fliere // Observatoriya kul'tury [Culture observatory]. – 2011. – № 5.
12. Fliere, A. Ya. Culture as a stage of biological life evolution / A. Ya. Fliere // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Herald of the Moscow State University of Culture]. – 2013. – № 4 (54).
13. Fliere, A. Ya. Culture theory as philosophy of history [Electronic resource] / A. Ya. Fliere // Kul'tura kul'tury [Culture of culture]. – 2014. – № 1. – URL: <http://cult-cult.ru/teoriya-kul'tury-kak-filosofiya-istorii/>. – Appeal date: 10.05.2014.
14. Baudrillard, J. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu / Jean Baudrillard. – Paris: Galilée, 1991.
15. Blumer, H. Collective Behavior. Principles of Sociology / Herbert Blumer. – New York: Barnes & Noble, 1951.
16. Derrida, J. L'Écriture et la difference / Jacques Derrida. – Paris: Seuil, 1967.
17. Dilthey, W. Einleitung in die Geisteswissenschaften / Wilhelm Dilthey. – Leipzig: Duncker und Humblot, 1883.
18. Durkheim, É. De la division du travail social / Émile Durkheim. – Paris: Presses Universitaires de France, 1893.
19. Grant, V. The Evolutionary Process. A Critical Review of Evolutionary Theory / Verne Grant. – New York: Columbia University Press, 1985.
20. Jaspers, K. The Origin and Goal of History / Karl Jaspers. – New Haven, CT: Yale University Press, 1953.
21. Habermas, J. Der philosophische Diskurs der Moderne / Jürgen Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
22. Haken, H. Principles of Brain Functioning. A Synergetic Approach to Brain Activity, Behavior and Cognition / Hermann Haken. – Berlin: Springer, 1996.
23. McLouhan, M. Understanding Media: The Extensions of man / Marshall McLouhan. – New York: McGraw Hill, 1964.

Received 30.06.2014

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГНОСЕОЛОГИИ СИМВОЛИЗМА АНДРЕЯ БЕЛОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЬИ «ЭМБЛЕМАТИКА СМЫСЛА. ПРЕДПОСЫЛКИ К ТЕОРИИ СИМВОЛИЗМА»)

Рассматриваются вопросы становления русского символизма как нового мировоззрения начала XX в. Одним из теоретиков гносеологии символизма явился Андрей Белый. В работе «Эмблематика смысла» он указывает на необходимость определения предпосылок формирования новой теории, способной обратиться к усмотрению истины, не опираясь на одномерные доказательства. В поисках истинного познавательного принципа автор обращается к понятиям «символ» и «ценность», открывает новые возможности познавательных устремлений. Символ у А. Белого выступает как онтологический предел всех познаний и твореств, что позволяет его представить как жизненную реальность, необходимую для созерцания идеи во всей ее полноте. В результате автор актуализирует гносеологию интуитивизма, которая реализуется через обращение к творчеству, преодолевающему пределы привычного дискурсивно-аксиоматического сознания. Но А. Белый предлагает новую разновидность интуитивизма – «окультуренный интуитивизм». Именно культура становится местом сосредоточения жизненно важных вопросов человеческой жизни, способных преодолеть раздробленность на пути к цельному знанию во всей полноте его ценностных смыслов и значений. Ориентированность на культуру определила необходимость обращения к символическому творчеству как возможному способу познания – «схватывания» действительности, не игнорирующей одновременно и самого субъекта познания, включенного в контекст множества отношений с миром. Актуальность этих идей несомненно связана с дальнейшим развитием принципов антропологии. Обоснованное оправдание человека в творчестве и через творчество стало основанием для открытия бесконечного ряда экспериментов в художественных практиках начала XX в., ориентированных в дальнейшем на слияние с жизнью, что одновременно способствовало становлению и развитию идей культуроцентризма в гуманитарном знании, открывающем новые возможности миропонимания.

Ключевые слова: гносеология символизма, творческая деятельность, символ, ценность, интуитивизм

Для цитирования: Астахов, О. Ю. Творческая деятельность в гносеологии символизма Андрея Белого (по материалам статьи «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма») / О. Ю. Астахов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 55–61.

Гносеология символизма А. Белого традиционно сопровождается его неоднозначной оценкой, что во многом определяется многообразием источников его идей. Автор обращается к философии И. Канта и неокантианства, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Вл. Соловьева, Р. Штейнера в поисках предельных оснований символизма как нового мировоззрения, формирующегося в начале XX в. Такое полярное разнообразие источников символизма А. Белого вызывало к его воззрениям настороженное, а

иногда и отрицательное отношение со стороны отечественных философов и критиков. По этому поводу Н. Бердяев писал: «Одаренность А. Белого была огромная, и в его творчестве было что-то новое... А. Белый – самая характерная фигура эпохи, более характерная, чем В. Иванов, который был связан с культурными эпохами прошлого... А. Белый характерен для разных течений начала века, потому что он не мог оставаться в чистой литературе и в эстетическом сознании, его символизм носил мистический и ок-

культический характер, он отражал все духовные настроения и искания эпохи» [8, с. 443–444]. Главное, на что обращает внимание Н. Бердяев, это невозможность причисления А. Белого к уже состоявшимся философским течениям или направлениям, что порождало его непонимание и одиночество, которое в свою очередь оказывалось созвучно духу времени с его противоречиями и предчувствиями становящегося чего-то нового. Следствием подобных установок явилась сложность и неоднозначность оценки творчества автора, поэтому необходимость определения предпосылок развития содержания его идей сохраняет свою актуальность.

В 1909 г. А. Белый подготовил для сборника «Символизм» статью «Эмблематика смысла», материалы которой отчасти уже были представлены в его публичной лекции для религиозно-философского общества в Москве «Религия и символизм», однако содержание его работы требовало дополнительной рефлексии. Сам автор по поводу статьи в предисловии к сборнику отмечал: «Здесь я не стараюсь строго обосновать символизм; обоснование – цель отдельной книги, которую я надеюсь предложить вниманию читателя в ближайшем будущем» [6, с. 1]. Таким образом автор указывает на необходимость определения предпосылок формирования теории символизма и преследует в основном цель, связанную с критическим вскрытием aberrаций символического мировоззрения. «В “Эмблематике смысла”, – пишет А. Белый, – я даю негативное обоснование доктрины символизма; положительное ее раскрытие я откладываю» [Там же]. В дальнейшем можно считать антропософской транскрипцией статьи «Эмблематика смысла» книгу А. Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», которая была написана в 1915 г.

Ключевой вопрос, с которого начинается «Эмблематика смысла»: «В чем смысл эстетики символизма? В чем ее идеологическое оправдание?» [5, с. 25]. При внешнем взгляде на символическое искусство и с точки зрения его формы и используемых приемов, и с точки зрения идейного содержания оно не является принципиально новым, отличающимся от вечного ис-

кусства. Но одновременно А. Белый отмечает, что в этом неослабевающем стремлении сочетать художественные приемы разнообразных культур, в этом порыве создать новое отношение к действительности путем пересмотра серии забытых мирозерцаний – вся сила, вся будущность так называемого нового искусства [Там же, с. 26]. Обращенность к новому открывает потенциальную возможность символизма как мирозерцания, отмечает автор, но для этого необходимо его определение в контексте существующих гносеологических установок.

Пытаясь выявить пролегомены этого нового мирозерцания, А. Белый обращается к мировоззренческим поискам, актуализируя вариант реализации интуитивной гносеологии, позволяющей автору перейти к прямому усмотрению истины, не опираясь на доказательство [1, с. 9]. Подобные выводы явились результатом критического анализа логики формирования и развития научного знания. А. Белый отмечает, что первоначально знание произошло путем ограничения объекта знания; прежде таким объектом была вселенная; потом – вселенная, изучаемая с какой-либо определенной точки зрения; точка зрения породила науку; точка зрения развилась в метод [5, с. 26]. Дальнейшая логика эволюции знания определялась раздроблением наук, совокупность выводов которых совершенно не была способной формировать целостность знания. И кроме того, интенсификация развития отдельных наук содействовала разрушению системности, так как в центре научного мировоззрения не могут стоять частные выводы, они неизбежно оказываются в противоречии с другими выводами, даже понятия, вынесенные за пределы частных наук, теряют свою определенность и оказываются многосмысленными и неясными. Таким образом, А. Белый делает заключение: «Научного мировоззрения в смысле мировоззрения, выведенного из системы точных наук, не может существовать в наши дни; развитие любой науки ведет к централизации ее в определенном методе; принципы метода образуют частную логику любой науки; язык этой логики таков, что он способен истолковать все явления действительности на языке частной науки; но частных наук много; истолкований действитель-

ности столько же, сколько и методов» [Там же, с. 27]. В этой ситуации любое обобщение оказывается условным и более того – сама жизнь подменяется эмблемой, «соединяя результаты многих методических путей и называя это соединение “научным мировоззрением”, мы получаем глубокомысленный, правдоподобный “винегрет” понятий» [Там же, с. 28]. Соответственно догматы научных мировоззрений представляются А. Белому утопическими фантазиями, которые не решают вопросы жизненного смысла явлений.

В ряду наук особое положение занимает критическая философия, определяя себя как теория познания. Область ее исследования должна быть связана с рассмотрением предпосылок опытных знаний, т. е. внимание должно акцентироваться на единообразии познавательных категорий, что способствует постановке гносеологических проблем в аспекте формирования подлинной теории знания. Но в поисках принципов этого единообразия А. Белый указывает на дуализм отношения содержания и формы познания: «С одной стороны – бесформенный материал познания, лишь относительно систематизированный наукой; с другой стороны – необходимо предопределяющая этот материал форма» [5, с. 31]. Существуют различные попытки решения этого дуализма, но любая максима подвергается автором серьезной критике. В решении этой проблемы А. Белый пытается соединить возможные направления гносеологических установок. «Теория знания возможна лишь в том случае, если она, во-первых, есть восхождение от путей знания к формам, предопределяющим эти пути, во-вторых, есть норма или связь познавательных форм, в-третьих, есть отношение между познавательной формой и ее содержаниями, независимое от путей, внеопытной предпосылкой которых явилась данная форма» [Там же, с. 32]. В отношении к этой теории знания философия И. Канта – постановка проблемы, связанная с дуализмом данности опытного материала и данности самой познавательной деятельности.

В поисках истинного познавательного принципа после «Критик» Канта сформировались два направления, преодолевающих дуализм суждений. К одному А. Белый относит Фихте,

Шеллинга, Гегеля, к другому – Шопенгауэра и Гартмана. Но в любом случае, по мнению А. Белого, мыслители были ориентированы на поиск методов образования всевозможных метафизических единств, которые, наоборот, в конечном итоге выхолащивают гносеологическую проблематику без тщательного анализа отношений форм и содержания подлинной причинности явлений. Одновременно превращение гносеологии в метафизику неизбежно привносит в познавательную деятельность этический компонент, и практический разум осуществляет вмешательство в науку, не ограничивая свободы развития любой науки, он ограничивает пределы истолкования результатов методического знания; он указывает на то, что без ограничения смысл человеческой деятельности подменяется бессмыслицей; в процессе ограничения методических познаний практический разум воздвигает критическую философию, в которой он, ограничивая себя, является как разум теоретический [Там же]. Таким образом, А. Белый, следуя логике исследований Г. Риккерта, обосновывает необходимость обращения в гносеологии к вопросам этики, что в новом свете представляет основные проблемы познания. Если должное познание определяется императивами практического разума, оно неизбежно порождает аксиологическую проблематику. Ссылаясь на суждение Г. Риккерта о том, что «истинное есть ценное», А. Белый определяет понятие *ценность* как абсолютный предел гносеологии.

Но познавательная ценность не может быть результатом познавательной активности, скорее наоборот, так же как ценность познания не заключается в его объекте. И в связи с этим А. Белый делает очередной вывод: «Если смысл определить ценностью, то падают твердыни теоретической философии; мировоззрение становится творчеством; философские системы приобретают символический смысл; в познавательных терминах символизируют они представление о ценности и смысле жизни; нечего в них искать теоретической значимости; теоретическая значимость остается только за гносеологией; сама же теория знания в своей метафизической форме есть ликвидация твердынь чистого разума; в результате

такой ликвидации мировоззрение как теория переходит в творчество» [Там же, с. 36]. В рассуждениях автора актуализируется идея, связанная с рассмотрением познавательной ценности как творчества, ориентированного на создание идей-образов, опознание которых в свою очередь образует объективную действительность. Подобные идеи-образы для А. Белого выступают как символы, соответственно процесс творчества – это процесс символизации.

Соединяя понятия *символ* и *ценность*, автор открывает новые возможности познавательных устремлений, перерастающих в творческую деятельность, в которой символ выступает как предельное понятие. «Символ, – отмечает А. Белый, – есть всегда символ *чего-нибудь*; это “что-нибудь” может быть взято только из областей, не имеющих прямого отношения к познанию (еще менее к знанию); символ в этом смысле есть *соединение* чего-либо с чем-либо, т. е. соединение целей познания с чем-то находящимся за пределом познания; мы называем это соединение *символом*, а не синтезом» [5, с. 36]. И эта ориентированность символа на органическое соединение различных смысловых значений ставит в тупик теорию знания. Класс символических понятий порождает встречу художника и философа, и в этом случае теория знания должна стать теорией творчества, поскольку только в творчестве возможно сохранение реальности, ценности и смысла жизни [3].

Но одновременно А. Белый предостерегает себя от прямолинейных выводов; так же, как и в теории познания, в творчестве систематика форм может подчинить искусство гносеологическим принципам, и эти принципы так же могут быть предопределены метафизикой. «И на этот раз противоречие, по-видимому, безысходно; сущность познания, как и сущность творчества в их смысле; смысл же отсутствует и тут, и там; или же отыскание смысла и ценности жизни подкидываются: со стороны познания – в творчество, со стороны творчества – в познание; познание и творчество вытаскивают друг друга из одной бездны, в которую тем не менее оба они погружены» [5, с. 43]. Подобного рода противоречие – результат монистического решения проблем, по-

этому всякое суждение должно быть ориентировано на его символическую эмблематику, способствующую преодолению локализации его смысла. «Так освещаем мы в свете ценности пирамиду воздвигнутых познаний и творчеств; в углах оснований пирамиды ложится хаос и управляющее им число; в числе и хаосе разорвано бедное наше бытие; и только символическое единство бытию возвращает и ценность, и смысл; преобразуется бытие – возносится бытие», – отмечает А. Белый, решая проблему установления возможного единства, открывающегося через обращение к Символу, способного соединить крайние стороны пирамиды познаний и творчеств [Там же, с. 66]. Более того, автор пытается наглядно сконструировать полярные отношения мироустройства в его символическом единстве. С одной стороны, он выделяет число и обусловленные им соответствующие уровни форм символизации: физика – механика, форма познания – психология, норма познания – гносеология, метафизическое единство – метафизика; с другой – хаос и обусловленные им соответствующие уровни форм символизации: содержание образов – примитивный символизм, форма символизаций – эстетическое творчество, образ творчества – религиозное творчество, образ логоса – теургия, где пирамида стремится к завершению в синтезе с метафизикой. Пирамиду деятельностей должен увенчать Символ, в противном случае дуализм неизбежен с усугублением существующих противоречий.

Таким образом, перечисляя и подробно анализируя отношения трехчастных образований форм символизаций видов деятельности, А. Белый делает очередной вывод о том, что «в представлении бытия как нормы суждения, в утверждении, что любое суждение осуществимо не как истинное, но как должное, в совпадении истины с долженствованием и ценностью мы уже покидаем строгую почву гносеологического анализа; теория знания сближается здесь с метафизикой единства» [Там же, с. 67]. В итоге автор актуализирует значимость категории данности, что способствует утверждению онтологических суждений как исходных в понимании гносеологической проблема-

тики: символ есть единое, единое есть ценность, ценность есть долженствование, долженствование есть истинность [Там же, с. 71].

Символ у А. Белого выступает как онтологический предел всех познаний и творчеств, и в соответствии с этим автор перечисляет его основные характеристики, определяющие предпосылки всякой теории творчества.

Символ есть единство.

Символ есть единство эмблем.

Символ есть единство эмблем творчества и познания.

Символ есть единство творчества содержаний переживаний.

Символ есть единство творчества содержаний познания.

Символ есть единство познания содержаний переживаний.

Символ есть единство познания в творчестве содержаний этого познания.

Символ есть единство познания в формах переживаний.

Символ есть единство познания в формах познания.

Символ есть единство творчества в формах переживаний.

Символ есть единство в творчестве познавательных форм.

Символ есть единство форм и содержания.

Символ раскрывается в эмблематических рядах познания и творчества.

Эти ряды суть эмблемы (символы в переносном смысле).

Символ познается в эмблемах – образных символах.

Действительность приближается к Символу в процессе познавательной или творческой символизации.

Символ становится действительностью в этом процессе.

Смысл познания и творчества в символе.

Приближаясь к познанию всяческого смысла, мы наделяем всяческую форму и всяческое содержание символическим бытием.

Смысл нашего бытия раскрывается в иерархии символических дисциплин познания и творчества.

Система символизма есть эмблематика чистого смысла.

Такая система есть классификация познаний и творчеств как соподчиненной иерархии символизаций.

Символ раскрывается в символизациях; там он и творится, и познается [5, с. 75].

Представленная серия модуляций понятия *Символ* демонстрирует значимость творческой деятельности в его определении, которая необходима в связи с преодолением одномерно-плоскостного мировосприятия. Более того, А. Белый заявляет, что сам символизм – это и есть творчество. Подобные утверждения указывают на понимание автором жизненной реальности Символа, что необходимо для созерцания идеи во всей ее полноте. А. Белый в этом отношении развивает идеи Н. О. Лосского о том, что «мы должны прибегнуть к крайне своеобразному методу, именно строить философские теории, и притом прежде всего теорию знания, не опираясь ни на какие другие теории, т. е. не пользуясь утверждениями других наук как посылками. Говоря точнее, этот необычайно своеобразный метод состоит в следующем: теорию знания нужно начинать прямо с анализа действительных в данный момент наблюдаемых переживаний. Тот, кто хочет произвести этот анализ, не опираясь ни на какие теории, не имеет права даже и определять как-либо знание, например, не имеет права подходить к своему исследованию с мыслью, что “знание есть мысленное воспроизведение действительности” и т. п.» [10, с. 9]. Обоснование идей, связанных с актуализацией гносеологии интуитивизма, реализуется А. Белым через обращение к творчеству, преодолевающему пределы привычного дискурсивно-аксиоматического сознания. По мнению С. А. Колесникова, А. Белый предлагает новую разновидность интуитивизма – «окультуренный интуитивизм», в отличие от А. Бергсона, который обращался к витальному интуитивизму [9, с. 26]. Философия А. Бергсона была обращена к пониманию человеческой личности через ее «переживание жизни» в непосредственных очевидностях обыденного соз-

нения [7]. Для А. Белого именно культура становится местом сосредоточения жизненно важных вопросов человеческой жизни [4]. Как справедливо отмечал А. Малафеев, для автора ценным было преодоление раздробленности на пути к цельному знанию в культуре [2]. Ориентированность на культуру определила необходимость обращения к символическому творчеству как возможному способу познания – «схватывания» действительности во всей полноте ее смыслов и значений, не игнорирующей одновременно и самого субъекта познания, включенного в контекст множества отношений с миром. В свою очередь Символ – это есть возможность осуществления синтеза в творчестве, охватывающем все виды человеческой жизнедеятельности, формирующем живое содержание культуры.

Таким образом, А. Белый, обращаясь к проблеме определения гносеологических пределов символизма, приходит к выводу о необходимости обращения к творчеству, способному к осуществлению жизненно

важных идей не в противопоставление человеку, а с учетом его возможностей «схватывания» бытия во всей его целостности. Актуальность этих идей несомненно связана с дальнейшим развитием принципов антропологии, что было представлено в работах Н. Бердяева. Обоснованное оправдание человека в творчестве и через творчество стало основанием для открытия бесконечного ряда экспериментов в художественных практиках начала XX в., ориентированных в дальнейшем на слияние с жизнью, что одновременно способствовало становлению и развитию идей культуроцентризма в гуманитарном знании, открывающем новые возможности миропонимания. И подобного рода обоснование символизма неизбежно актуализировало значимость обращения автора к культуре. В дальнейшем эти выводы явились фундаментом для построения культуротворческих идей и в контексте конкретных практик, и в контексте понимания специфики мировосприятия человека.

1. Асмус, В. Ф. Проблемы интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII – начало XX века / В. Ф. Асмус. – Москва: Мысль, 1965. – 312 с.
2. Асоян, Ю. Открытие идеи культуры (опыт русской культурологии середины XIX – начала XX века) / Ю. Асоян, А. Малафеев. – Москва: ОГИ, 2000. – 344 с.
3. Астахов, О. Ю. Жизнетворческое содержание слова в эстетике Андрея Белого (на материале статьи «Магия слов») / О. Ю. Астахов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 118–121.
4. Астахов, О. Ю. Культуроцентричность эстетики русского символизма конца XIX – начала XX века (по материалам статьи Андрея Белого «Проблемы культуры») / О. Ю. Астахов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29/1. – С. 24–27.
5. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – Москва: Республика, 1994. – 528 с.
6. Белый, А. Символизм. Книга статей [С предисловием и примечаниями автора] / А. Белый. – Москва: Мусагет, 1910. – 635 с.
7. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память: собрание сочинений в 4 т. / А. Бергсон. – Москва: Московский клуб, 1992. – Т. 1. – 336 с.
8. Бердяев, Н. А. Самопознание: Сочинения / Н. А. Бердяев. – Москва: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 624 с.
9. Колесников, С. А. Стадиальные характеристики интуитивно-символической гносеологии Андрея Белого / С. А. Колесников // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 1. – С. 25–28.
10. Лосский, Н. О. Обоснование интуитивизма / Н. О. Лосский. – Москва: Правда, 1991. – 624 с.

Получено 19.12.2014

О. Астахов

Candidate of Culture Studies, Associate Professor,

Kemerovo State University of Culture and Arts

E-mail: astahov_oleg@mail.ru

**CREATIVITY IN EPISTEMOLOGY OF SYMBOLISM OF ANDREI BELYI (ON THE ARTICLE
"SENCE EMBLEMATICS. BACKGROUNDS FOR SYMBOLISM THEORY")**

Abstract. *The article is devoted to the issues of forming Russian symbolism as a new outlook in the early of the twentieth century. One of the theorists of the epistemology of symbolism was Andrew Belyi. In his work "Emblematic of meaning" he points to the need of defining the prerequisites for forming a new theory that can appeal to the discretion of the truth, without relying on one-dimensional proof. In searching a true cognitive principle the author refers to the concepts of "symbol" and "worth", opens up new possibilities for cognitive aspirations, growing into a creativity in which the symbol appears as a limiting concept. The symbol of A. Belyi acts as an epistemology limit of all knowledge and creativity that allows presenting it as the vital reality necessary for contemplation of idea in all its completeness. As a result the author actualizes epistemology intuitionism which is realized through the appealing to the creativity, overcoming limits of habitual discourse and axiomatic consciousness. But A. Belyi offers a new kind of intuitionism – "the cultivated intuitionism". The culture becomes a place of concentrating the vital questions of human life capable to overcome dissociation on the way to integral knowledge in all completeness of its valuable meanings and values. Focus on culture defined need for appealing to symbolical creativity as to a possible way of knowledge – "catching" the reality, which isn't ignoring at the same time the subject of the knowledge included into a context of the relations with the world. Relevance of these ideas is undoubtedly connected with further development of the antropodition principles. The reasonable justification of the person in creativity and through creativity became the basis for opening series of experiments in the art practices of the beginning of the twentieth century focused further on merging to life that at the same time promoted forming and developing the ideas of a centrist culture view in the humanitarian knowledge opening new opportunities for outlook.*

Keywords: epistemology of symbolism, creativity, symbol, worth, intuitionism

For citing: Astakhov, O. Creativity in epistemology of symbolism of Andrei Belyi (on the article "Sence emblematics. Backgrounds for symbolism theory") / O. Astakhov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 55–61.

References

1. Asmus, V. F. Problemy intuitsii v filosofii i matematike. Oчерk istorii: XVII – nachalo XX veka [The problems of intuition in philosophy and mathematics. History sketch: the XVIIth – beginning of the XXth centuries] / V. F. Asmus. – Moscow: Mysl', 1965. – 312 p.
2. Asojan, Ju. Otkrytie idei kul'tury (opyt russkoj kul'turologii serediny XIX – nachala XX veka) [Discovering culture idea (the experience of Russian culture sciences of the middle XIX – the beginning of the XXth centuries)] / Ju. Asojan, A. Malafeev. – Moscow: OGI, 2000. – 344 p.
3. Astakhov, O. Ju. Life creating contents of speech in aesthetics of Andrei Bely (on the article "Magic Words") / O. Ju. Astakhov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. – 2014. – № 26. – P. 118–121.
4. Astahov, O. Ju. Cultural centrism of aesthetics of the Russian symbolism of the late XIX – early XXth centuries (on the article of Andrei Bely "A problem of culture") / O. Ju. Astahov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. – 2014. – № 29/1. – P. 24–27.
5. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as world realizing] / A. Belyj. – Moscow: Respublika, 1994. – 528 p.
6. Belyj, A. Simvolizm. Kniga statej (S predisloviem i primechanijami avtora) [Symbolism. The book of articles (With author's introduction and notes)] / A. Belyj. – Moscow: Musaget, 1910. – 635 p.
7. Bergson, A. Opyt o neposredstvennyh dannyh soznanija. Materija i pamjat': sobranie sochinenij v 4 t. [The experience on spontaneous consciousness data. Matter and memory: collected works in 4 v.] / A. Bergson. – Moscow: Moskovskij klub, 1992. – Vol. 1. – 336 p.
8. Berdyajev, N. A. Samopoznanie: sochineniya [Self-knowledge: works] / N. A. Berdyajev. – Moscow: EKSMO-Press; Har'kov: Folio, 1999. – 624 p.
9. Kolesnikov, S. A. Stadijal characteristics of intuitive and symbolical gnoseology of Andrey Belyi / S. A. Kolesnikov // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki [Humanities and social and economic sciences]. – 2006. – № 1. – P. 25–28.
10. Losskij, N. O. Obosnovanie intuitivizma [Justification of intuitionism] / N. O. Losskij. – Moscow: Pravda, 1991. – 624 p.

Received 19.12.2014

КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРМСКАЯ БИАРМИЯ»)

Пермский край обладает значительными культурными и туристскими ресурсами, которые могут стать основой для значимых брендов, социокультурных проектов и турпродуктов. Одним из таких брендов является легендарная страна скандинавских викингов Биармия (Vjartaland). Среди специалистов до сих пор ведутся жаркие споры, и большинство не согласны с ее размещением на территории Северного Прикамья и юго-восточной части Республики Коми. Большинство географических и топонимических доказательств нахождения скандинавской Биармии на части территории Пермского края содержится в скандинавских сагах, например, указание на «Восточный путь» (Austrvegr). Историки и лингвисты используют любые аргументы, чтобы отвергнуть генетическую взаимосвязь между Биармией и Прикамьем, несмотря на то, что разнообразные археологические артефакты и сложный коми-пермяцкий эпос подтверждают нашу гипотезу. Северная Двина и Кама образуют транзитный водно-волоковый путь из Скандинавии до Уральских гор и далее до Каспия. Одновременно с продолжением научной полемики можно оптимизировать направление для разработки и реализации культурно-туристской концепции «Пермская Биармия». Эксплуатация и развитие существующих культурно-исторических ресурсов под общим брендом «Биармия» может стать эффективным методом для социально-экономического развития территории Прикамья. Будет создан уникальный туристский продукт для жителей Северной Европы, а Биармия как туристский мотив может привлечь реальных иностранных туристов. Развитие концепции «Пермская Биармия» в социокультурном и туристском плане позволит многим северным территориям Прикамья и юго-восточным районам Республики Коми, находящимся сегодня в депрессивном социально-экономическом состоянии, решить ряд проблем. Культурный туризм выступает как пропульсивный метод развития территорий, даже если в основе лежит историческая легенда, такая как «Пермская Биармия».

Ключевые слова: культурный туризм, туристские ресурсы, скандинавская Биармия, Пермский край, продвижение, социокультурные проекты, туризм, Восточный путь (Austrvegr), «серебро закамское», пермский звериный стиль, финноугорский эпос, скандинавские саги, туристский продукт, социально-экономическое развитие территории

Для цитирования: Ширинкин, П. С. Культурный туризм как метод развития территории (концепция «пермская Биармия») / П. С. Ширинкин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 62–67.

Прикамье – регион дисбаланса между туристским потенциалом и его минимальным использованием, помноженным на слабое продвижение и отсутствие уверенности муниципалитетов в своем историко-культурном наследии, в котором заложен мощный финансовый потенциал, а его эффективная эксплуатация гарантированно принесет запланированную прибыль. Один пример: именем «пермь», благодаря англичанину

Р. И. Мэрчисону, названа целая мировая геологическая система, коренным образом определившая становление и развитие жизни на планете. Однако как туристский ресурс пермская геологическая система у нас слабо позиционируется и уже требует ребрендинга, но она хотя бы фрагментарно представлена географически в виде музеев (города Пермь, Очер), мини-парка Пермского периода (Очер) и отдельных экспонатов на фоне слабого

внимания со стороны краевых, муниципальных властей и предпринимателей. Турист, при должной мотивации и дополнительных финансово-временных затратах, все-таки сможет составить себе определенные представления о пермской геологической системе при посещении Пермского края. К сожалению, этого нельзя сказать о скандинавской Биармии (Vjarmaland), восточная часть которой располагалась на территории Прикамья.

Величайшими морскими походами и территориальными завоеваниями скандинавских викингов известны IX – XI вв. н. э. На Западе они освоили Гринланд (остров Гренландия), еще западнее, почти за 500 лет до Колумба (около 1000 г.), открыли северо-восточные земли американского континента: Маркланд, Хеллуланд и Винланд («земля винограда» – остров Ньюфаундленд). В поисках богатств и наживы викинги плавали не только на Запад, но и на Восток, где помещали страну Биармию. Несмотря на то, что географическое положение Биармии достаточно точно описано в скандинавских сагах, сегодня она по-прежнему остается столь же неуловимой и притягательной, как и мифическая золотая страна Эльдорадо в Новом Свете. Только вместо золота в Биармии были... персидское серебро, пушнина и моржовый клык!

Викинги утверждали, что эта земля находилась далеко на Востоке за студенными морями и долгой полярной ночью. Там жили бьярмы, торговавшие серебром и мехами. Викинги называли ее Бьярмаландом (так именовались все территории, лежащие к востоку от Белого моря).

Краткая справка из Советской исторической энциклопедии: «Биармия – страна на крайнем северо-востоке Европейской части России, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью; известна по скандинавским и русским преданиям IX – XIII вв. Некоторые историки считают, что Биармия, или Бьярмаланд, – это скандинавское название берега Белого моря, Двинской земли; другие отождествляют Биармию с “Пермью Великой”» [13]. Этот текст сопровождается указанием на работы трех исследователей, специально занимавшихся данным вопросом, –

С. К. Кузнецова [4], К. Ф. Тиандера [16] и А. И. Соболевского [12].

Территорию от Северной Двины до самых Уральских гор викинги называли Бьярмаленд (Бьярмаланд) – «земля бьярм». Скандинав Огер в путевых заметках рассказывает, что «...Многое поведали ему бьярмийцы как о своей родной земле, так и о близлежащих землях: но он не знал, насколько правдивы эти рассказы, потому что сам этого не видел. Показалось ему, что и финны, и бьярмийцы говорят почти на одном [и том же] языке...» [5]. Викинги заметили языковое родство жителей этой страны – финно-угров – с уже известными им финнами и назвали их «бьярм». Так этноним диалектически перешел в топоним, из которого родилось: бьярма – парма – перемь – пермь. По еще одной близкой версии, «бьярм» созвучно названию медведя в северогерманских языках bjørne (датск.). Однако сами же коренные народы не имеют этнонима, созвучного со словом «бьярм». Вероятнее всего, слово каждый раз подхватывалось новыми волнами заселения: от викингов к новгородцам, от новгородцев к москвитам – и каждый раз слегка деформировалось: так «барм» (берм) могло с веками смягчиться до «перм»...

Еще одним из доказательств скандинавских походов в Биармию является «Сага о Харальде Серая Шкура»: «Харальд Серая Шкура поплыл одним летом со своим войском на север в страну Бьярмов, и совершал там набеги, и дал большую битву бьярмам на берегах Вины. Харальд конунг одержал победу и перебил много народу. Он совершал набеги по всей стране и взял огромную добычу» [2]. В этой саге фигурирует река Вина, и она реально существует – входит в бассейн Северной Двины. На языке коми-пермяков она называется Вынва, это означает, что викинги могли бывать на ее берегах и использовать реку как часть своего пути в страну бьярмов...

Интересно, что зарубежные, да и отечественные историки, рисуя схемы походов викингов, доводят «стрелочки» даже до Средиземного моря и Византии. Однако линия, огибающая Скандинавский полуостров, обычно прерывается в Белом море или в устье Северной Двины, и дальше на картосхемах прохо-

дит правая ограничительная линия рамки. В реальности экспансия викингов была похожа на диффузию, поэтому мнение, что на Запад и Юг они распространились куда дальше, чем, например, на Восток, вполне субъективно.

Анализируя саги, исследователи не всегда обращают внимание на принципиальную географическую привязку к маршруту – так называемый восточный путь – *Austrvegr!* «Сага о Хальфдане Эйстенссоне» и «Сага о Боси» повествуют даже о берегах Бьярмаленда (*undir Biarmaland*), о лесе Вины (*Vinuskogr*) [1], где происходят многочисленные события, включая нападение на святилище или набег отца берсеркеров Арнгрима на Биармаленд [16].

Многоплановой работой, специально посвященной вопросу о местоположении Биармии и возможной этнической принадлежности биармийцев/бьярмов, стала статья А. Л. Никитина «Биармия и древняя Русь» [8]. Автор категорически против размещения Биармии на территории Прикамья. Известные современные скандинависты, разрабатывающие данную тему, в первую очередь Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазырина, также отвергают мнение, что Биармия находилась в пермских землях, но и у них нет единого мнения с А. Л. Никитиным. За весь период полемики местоположения Биармии «на крайнем северо-востоке» исследователи помещали ее на Кольском полуострове (Олаус Магнус, XVI в.) [11], в норвежской Лапландии (И. Шеффер, XVII в.) [5], на Карельском перешейке (В. Н. Татищев, XVIII в.) [15], в Пермской области и нижнем Подвинье (Ф. И. Стреленберг) [14], в устье Северной Двины (К. Ф. Тиандер) [16], на берегу Рижского залива (А. Л. Никитин) [9; 10], в Ярославском Поволжье (К. Ф. Мейндер) [6], между реками Онега и Стрельна или Варзуга (Т. Н. Джаксон) [3], «вся территория Севера Восточной Европы от Кольского полуострова вплоть до Ладожского озера» (Е. А. Мельникова [7] и Г. В. Глазырина [1]).

Большинство историков и филологов подошли к вопросу исключительно на основе анализа филологического материала, топонимики и текста скандинавских саг, следуя проторенным путем за К. Ф. Тиандером.

Естественно, что мы являемся сторонниками местонахождения Биармии именно в пермских землях, хотя не отрицаем, что ее западные «ворота», как считают все сторонники альтернативной географии Биармии, находились на Кольском полуострове, на побережье Белого моря и в устье Северной Двины, там, где викинги впервые встречали финноговорящих жителей, видели характерные таежные ландшафты и очевидно присутствующую тогда в изобилии популяцию медведей. Кстати, на многих средневековых европейских картах вдоль по долине Северной Двины нарисованы многочисленные медведи в виде «внемасштабных» значков.

Следует понимать, что важнейшей частью экономики и хозяйственной деятельности любой страны, и в том числе древней Биармии, являются товарно-сырьевые потоки. В данном случае – серебро, пушнина и моржовый клык, но, вероятно, викинги даже не представляли, что начало серебряного пути находилось не в Биармии, а далеко на юге, в Персии. Никакие торговые трансконтинентальные пути не существуют из простого любопытства открытия других территорий. Пермская Биармия для викингов имела четкий экономический и товарно-ориентированный смысл. Совершенно естественной была их попытка выяснить у аборигенов источник серебра, и можно с уверенностью утверждать, что им показывали дальше против течения реки, уходящей вглубь земли бьярмов, в сторону восходящего солнца, говоря при этом: «*pera таа*» («дальняя страна, берег дальний»). В более поздние времена, начиная с XVII в., по этому пути повезли в Европу соль, боровую дичь, рыбу и чай.

Более того, пермские и вычегодские земли – это не просто транзитный регион, здесь серебро теряло монетарную основу, экономическую ценность и становилось частью приношений на святилища, во славу местным таежным богам, или частью культовых украшений, поясов, подвесок и ожерелий. Определенный торговый обмен мог иметь место, и тогда персидские монеты, в случае честного торга, а не грабежа, могли обмениваться на скандинавские вещи. Но, оказавшись в руках викингов, а позднее новгородцев, серебро

вновь обретало монетарную основу и вместе с пушниной наполняло скандинавскую и европейскую экономику.

Эксплуатация существующих культурно-исторических ресурсов под общим брендом «Биармия» могла бы привести к закреплению и установлению окончательного приоритета этой легендарной страны викингов именно за севером Пермского края. Воспользуемся виртуальной перспективой с тем, чтобы представить, какие муниципалитеты Прикамья, центры и ресурсы могли быть положены в основу нового перспективного туристского бренда «Биармия».

Создание и успешная эксплуатация туристского бренда «Биармия» для целей туризма не нуждается в научных доказательствах, фактах и мировом признании. Надо лишь создать на территории Прикамья законченный одноименный туристский продукт и продвинуть его на зарубежном и отечественном рынке. Кстати, это может стать новым поводом для научных форумов и конференций с целью возобновления полемики по данному вопросу.

Особенно интересным и познавательным предлагаемый туристский продукт станет для жителей Скандинавского полуострова, Дании, Прибалтики и всего финно-угорского мира. Самой яркой страницей Биармии, безусловно, является «серебро закамское» (монеты и посуда), а также многочисленные предметы пермского звериного стиля. География их экспонирования достаточно широка: музейные экспозиции в скандинавских странах, Прибалтике, Республике Коми, Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), в Перми и многочисленных прикамских муниципальных музеях. Это культурное наследие, представленное в пермских, коми-пермяцких и вычегодских землях, и является в каком-то смысле наследием Биармии.

Однако перечисленных ресурсов может быть явно недостаточно для цельного и законченного туристского продукта «Бьярмаленд» и значимого туристского мотива для посещения зарубежными и отечественными гостями территории Пермского края. В первую очередь это немелкое продвижение и слабая информационная наполненность этой тематики. Полагаем, что

здесь чрезвычайно важная роль может быть отведена театрализации, анимации и исторической реконструкции. При этом вновь подчеркнем, что историческая достоверность и даже географическая привязка не играет в туризме особо значимой роли. На начальных этапах продвижения бренда «Биармия» сложно будет оторваться от инфраструктуры: транспорта, связи, сервиса и гостеприимства. В перспективе могут быть созданы и эксплуатироваться маршруты активного туризма, связанные с тематикой Биармии. Бренд «Биармия» должен быть в первую очередь использован для перспективного развития территории бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа (город Кудымкар, Гайнский, Косинский, Кочевский, Кудымкарский, Юрлинский и Юсьвенский муниципальные районы). Географически в предлагаемый туристский продукт будет вовлечен и Чердынский муниципалитет, в нем можно позиционировать «свою долю» туристской Биармии. Начиная с отворота на Кудымкар (по трассе Пермь – Ижевск) и аналогично по автодороге Соликамск – Чердынь (в районе Редикора), вполне объективно разместить большие информационные стенды, сообщающие о пересечении туристами виртуальной юго-восточной границы скандинавской Биармии. Предпринимателям следует воспользоваться этой ситуацией для создания в этих местах автобусных стоянок с соответствующей инфраструктурой сервиса и гостеприимства.

Обязательной частью экскурсионного маршрута должно стать посещение Искорского городища, где на территории между Узкой Улочкой и самим городищем можно создать скандинавскую этнодеревню с «длинным домом», в которой туристы смогут ознакомиться с образом жизни викингов и финно-угров того времени и в завершение даже совершить плавание на дракаре викингов по Колве, в направлении Чердыни. Эффективный опыт организации такой деревни уже есть в Дании – Sagnlandet Lejre. На территории компактного проживания коми-пермяков также возможно создание этнодеревни и активное продвижение финно-угорской и «чудской» тематики – сегодня это необычайно популярное направление у современных зарубежных и отечественных туристов.

Наконец, венцом туристского бренда «Биармия» должен стать ежегодный этнофестиваль с рабочим названием «Биармия – это Пермия!», который необходимо «продвинуть» в первую очередь на весь финно-угорский мир. Как мы уже отмечали, подобного рода мероприятия будут носить пропульсивный экономический характер и станут локомотивом развития названных муниципалитетов. Географически вполне логично сделать центром такого фестиваля г. Кудымкар. Недавно построенный в городе театр обязательно должен иметь в своем постоянном репертуаре постановки «Царь Кор» и «Биармия» (по мотивам произведений К. Жакова) на русском и коми-пермяцком языках, так что туристам из Финляндии почти не потребуется перевода.

Биармия никогда не была для викингов страной в полном смысле этого слова. Биармия – это скорее «доступ» к ресурсам и торговым путям, пространство без границ и ограниченное во времени, затерянная земля в «зеленом океане» тайги к северо-западу от Уральских гор.

Таким образом, развитие концепции «Пермская Биармия» в социо-культурном и туристском плане позволит многим северным территориям Прикамья и юго-восточным районам Республики Коми, находящимся сегодня в явно депрессивном социально-экономическом состоянии, решить ряд проблем. Культурный туризм выступает в данном случае как пропульсивный метод развития территорий, даже если в основе лежит историческая легенда, такая как «Пермская Биармия».

1. Глазырина, Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси / Г. В. Глазырина. – Москва, 1996. – С. 65, 97.
2. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X – XIII вв. / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989. – Москва, 1991. – С. 86.
3. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с Древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий / Т. Н. Джаксон. – Москва, 1993. – С. 249.
4. Кузнецов, С. К. К вопросу о Биармии / С. К. Кузнецов // Этнографическое обозрение, кн. LXV – LXVI. – 1905. – № 2, 3.
5. Матузова, В. И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. / В. И. Матузова. – Москва, 1979. – С. 19–35.
6. Мейнандер, К. Ф. Бьярмы / К. Ф. Мейнандер // Финно-угры и славяне. – Ленинград, 1979. – С. 35–40.
7. Мельникова, Е. А. Древнескандинавские географические сочинения / Е. А. Мельникова. – Москва, 1986. – С. 199.
8. Никитин, А. Л. Биармия и древняя Русь / А. Л. Никитин. // Вопросы истории. – 1976. – № 7. – С. 56–69.
9. Никитин, А. Л. Костры на берегах / А. Л. Никитин. – Москва, 1986. – С. 333–493.
10. Никитин, А. Л. Точка зрения / А. Л. Никитин. – Москва, 1985. – С. 7–132.
11. Савельева, Е. А. Олаус Магнус и его «История северных народов» / Е. А. Савельева. – Ленинград, 1983.
12. Соболевский, А. Древняя Пермь / А. Соболевский // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 34, вып. 3–4. – Казань, 1929.
13. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – Москва: Совет. энцикл., 1961–1976.
14. Страленберг, Ф. И. Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии / Ф. И. Страленберг. – Санкт-Петербург, 1797.
15. Татищев, В. Н. История Российская. Т. I / В. Н. Татищев. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 108.
16. Тиандер, К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море / К. Ф. Тиандер. – Санкт-Петербург: типография И. Н. Скороходова, 1906.

Получено 19.11.2014

P. Shirinkin

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,

Perm State Academy of Arts and Culture

E-mail: ethnic1@yandex.ru

CULTURAL TOURISM AS A METHOD OF DEVELOPMENT OF THE TERRITORY (THE CONCEPT OF “PERM BJARMALAND”)

Abstract. Perm region has significant cultural and tourist resources, which can become the basis for significant brands, socio-cultural projects and products. One of such brands is by the legendary country Scandinavian Viking Biarmia. Among experts still lead by heated debate and the majority do not agree with the placement of this

country on the Northern Tell family and the South-Eastern part of the Republic of Komi. Most of the geographic and historic record of the evidence of Scandinavian governments Biarm on part of the territory of the Perm region is contained in the Scandinavian sagas, for example, reference to "Eastern way" (*Austrvegr*). Historians and linguists use any kind of arguments you to reject the genetic relationship between the Biarmia and Kama, despite the fact that different-shaped archaeological artifacts and complex Komi-Permyak epic confirms our hypothesis. CE-faithful Dvina and Kama form of transit water-wolokolie the way from Scandinavia to the Ural mountains, and Yes-more to the Caspian sea. Simultaneously with the continuing scientific debate can be optimized direction for raz-rabotki and implementation of cultural tourism the concept of "Perm Bjarmaland". Operation and development of existing cultural and historic resources under the common brand "Bjarmaland" can be effectiveness of the method for socio-economic development of the territory of the Perm region. Will create a unique tourist product for the people of Northern Europe, and Biarmia, as a tourist motive, can draw from there real foreign tourists. The development of the concept of "Perm Bjarmaland" in the socio-cultural and Tu-estscom plan will allow many Northern areas of the Kama region and South-Eastern regions of the Komi Republic, which is now depressed socio-economic status, to solve a number of problems. Cultural tourism acts as a propulsion method development, even if it is based on the historical legend, such as "Perm Bjarmaland".

Keywords: cultural tourism, tourist resources, Scandinavian Biarmia, Perm region, promotion, projects, tourism, Eastern path (*Austrvegr*), "silver Zakamskaya", Perm animal style, Finno-Ugric epic Scandinavian sagas, tourist product, socio-economic development of the territory

For citing: Shirinkin, P. Cultural tourism as a method of development of the territory (the concept of "Perm Bjarmaland") / P. Shirinkin // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 62–67.

References

1. Glazyrina, G. V. Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi [Icelandic Viking Saga of Northern Russia] / G. V. Glazyrina. – Moscow, 1996. – P. 65, 97.
2. Jackson, T. N. Icelandic kings' sagas as a source for the history of Ancient Russia and its neighbors. X – XIII centuries / T. N. Jackson // *Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1988–1989* [The oldest state in the territory of the USSR. Materials and research, 1988–1989]. – Moscow, 1991. – P. 86.
3. Jackson, T. N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope (s Drevnejshih vremen do 1000 g.) [Icelandic kings' sagas of Eastern Europe (from the Earliest times to 1000). Text, translation, commentary] / T. N. Jackson. – Moscow, 1996. – P. 249.
4. Kuznetsov, S. C. To the question of Biarmia / S.C. Kuznetsov // *Ehtnograficheskoe obozrenie, kn. LXV – LXVI* [Ethnographic review, vol. LXV – LXVI]. – 1905. – № 2, 3.
5. Matusova, V. I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX – XIII vv. [English medieval sources IX – XIII centuries] / V. I. Matusova. – Moscow, 1979. – P. 19–35.
6. Meinander, C. F. Biarm / C. F. Meinander // *Finno-ugry i slavyane* [Finno-Ugrians and the Slavs]. – Leningrad, 1979. – P. 35–40.
7. Melnikova, E. A. Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya [Norse geographical works] / E. A. Melnikova. – Moscow, 1986. – P. 199.
8. Nikitin, A. L. Biarmia and ancient Rus / A. L. Nikitin // *Voprosy istorii* [Questions of history]. – 1976. – № 7. – P. 56–69.
9. Nikitin, A. L. Kostry na beregah [Bonfires on the banks of the] / A. L. Nikitin. – Moscow, 1986. – P. 333–493.
10. Nikitin, A. L. Tochka zreniya [View] / A. L. Nikitin. – Moscow, 1985. – P. 7–132.
11. Savelyeva, E. A. Olaus Magnus i ego «Istoriya severnyh narodov» [Olaus Magnus and his «History of the Northern peoples»] / E. A. Savelyeva. – Leningrad, 1983.
12. Sobolevsky, A. Ancient Perm / A. Sobolevsky // *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i ehtnografii. T. 34, vyp. 3–4* [Proceedings of the Society of archeology, history and Ethnography. Vol. 34, ed. 3–4]. – Kazan, 1929.
13. Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya: v 16 t. [Soviet historical encyclopedia: in 16 vol.]. – Moscow, 1961–1976.
14. Stralenberg, F. I. Istoricheskoe i geograficheskoe opisanie severnoj i vostochnoj chastej Evropy i Azii [Historical and geographical description of the North and Eastern parts of Europe and Asia] / F. I. Stralenberg. – Saint Petersburg, 1797.
15. Tatishchev, V. N. Istoriya Rossijskaya. T. I [Russian History. Vol. I] / V. N. Tatishchev. – Moscow; Leningrad, 1962. – P. 108.
16. Tiander, C. F. Poezdki skandinavov v Beloe more [Travel Scandinavians in the White sea] / C. F. Tiander. – Saint Petersburg: Tipografy I. N. Scorohodova, 1906.

Received 19.11.2014

В. К. Биче-оолканд. культурологии, доцент,
Уральский государственный университет физической культуры

E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru

Е. М. Халинаканд. ист. наук, доцент,
Уральский государственный университет физической культуры

E-mail: uralgufk@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА ТАЙМЫРЕ

Исследованы основные вехи развития Русской православной церкви на полуострове Таймыр. Распространение христианства среди коренных народов Севера имело свои особенности, являлось важной задачей государственной политики Российской империи и служило средством укрепления государственности и духовного вразумления язычников. Деятельность церкви поддерживалась государством, так как православное христианство являлось официальной идеологией правительства. Определены три основных этапа распространения православия в Сибири в XVI – XVIII вв., во время которых произошло становление культурной и общерелигиозной общности региона.

К первому этапу относится поход дружины Ермака и строительство первых сибирских городов. Второй – учреждение Сибирской епархии и размещение архиерейской кафедры в Тобольске. Третий – начало строительства храмов в Тобольском уезде. Рассматривается история церковного строительства в Таймырском регионе: от возведения первой деревянной церкви в Хатанге в конце XVIII в. до возрождения церковной жизни в постсоветский период. Освещены результаты миссионерской деятельности православных священников, которая осуществлялась по двум направлениям: проповедь Евангелия среди язычников и совершение православных треб среди новообращенных.

Выявлены причины медленного воцерковления коренных этносов – отсутствие богослужений и проповеди на родном языке. Рассмотрено влияние христианства на традиционные верования и культы аборигенных народов – почитание православных святых, особенно Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, введение в традиционный календарь православных праздников, заимствование христианских обрядов. Современный этап деятельности Русской православной церкви отмечен строительством храмов, активным переводом Библии на языки коренных народов Таймыра, что содействует укоренению православных традиций как основы духовно-нравственного возрождения России.

Ключевые слова: Россия, православие, миссионеры, храмы, эволюция, коренные народы Таймыра, Сибирь, Ермак

Для цитирования: Биче-оол, В. К. Эволюция православия на Таймыре / В. К. Биче-оол, Е. М. Халина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 68–75.

За свою многовековую историю Россия присоединила десятки малых и больших аборигенных народов. Вслед за их присоединением следовало обращение в православную христианскую веру. Распространение христианства на Север России имело свои особенности.

С началом освоения Сибири в среду туземных народов проникло христианское влия-

ние. С первопроходцами пришла и новая, незнакомая вера. Основная их масса была и сама неграмотна, лишь единицы имели образование, несли с собой знания и истинную веру. Известно, что даже в Центральной России обыденное сознание русских значительно отличалось от традиционного христианского вероучения, проповедуемого церковью.

В крестьянской среде исторически сложился особый, бытовой вариант православия, в котором большую роль продолжали играть дохристианские народные верования и традиции. В результате на окраины России русские принесли с собой этот вариант православия [2, с. 99].

Христианизация коренных народов Севера являлась важной целью государственной политики России и рассматривалась как средство духовного наставления «язычников», поэтому деятельность церкви поддерживалась государственной властью. В Сибири создавались административные и духовные учреждения, которые утверждали официальную идеологию правительства – православное христианство.

Самыми первыми христианскими миссионерами были отдельные священники и монахи, посещавшие Русский Север еще в XII – XIII вв. Распространение христианства на Таймыре оказало решающее влияние на разрушение традиционного языческого мировоззрения аборигенов. Здесь действовали миссионерские группы митрополитов Филофея, Иоанна, епископа Иннокентия, священников и монахов, участвовавших в экспедициях по исследованию Севера.

В XIX в. деятельность миссионерских станций и походных церквей стала базой для христианского просвещения северных народов в форме церковных школ [11, с. 176].

Можно выделить три основных этапа распространения православия в Сибири в XVII – XVIII вв., во время которых общность государственной территории становится и общностью культурной, общерелигиозной. Православная церковь сыграла огромную роль в становлении Сибири как части российского государства. В XVIII в. началась активная миссионерская деятельность на северных, восточных и южных окраинах Сибири, которая привела к окончательному распространению православия.

Первым этапом распространения православия в Сибирь стал поход дружины Ермака, строительство первых сибирских городов. Летописец, говоря о походе Ермака в Сибирь и появлении там христианства, называл «костелами» мусульманские мечети: «И послал их Бог очистити место, где быти святыне, и победити бу-

сурманского царя Кучюма, и разорити богомерзкие и нечестивые их капища и костелы... И от казаков поставишася и святыя Божия церкви воздвигающаяся и благочестие просяща. Отпаде вся бесовская службы и костелы, и требища идольская вся разорися и сокрушися и боговидение всадися...» [12, с. 120].

По утверждению летописца, главная цель похода – очищение сибирской земли от «богомерзостей», о «прирастании России Сибирью» (не только воинский, но и духовный, нравственный) было сказано позднее. Летописец рассматривал подвиг дружины Ермака как подготовку сибирской земли к принятию православия. В большинстве своем участниками похода являлись православные христиане, для которых Сибирь традиционно была землей «басурманской», «нечистой». Первый этап освоения Сибири должен рассматриваться как духовно-нравственный процесс, следует ориентироваться на моральные ценности, свойственные человеку той эпохи.

Ко второму этапу христианизации Сибири относится учреждение Сибирской епархии, размещение архиерейской кафедры в Тобольске и назначение 8 сентября 1620 г. первого архиепископа – Киприана (Старорусенина). В основанных сибирских городах открывались православные храмы и монастыри, которые подчинялись епископам Казанской, Ростовской или Вологодской епархий.

Исследователь П. А. Словцов отмечал, что «политическое возобладание русскими Сибирью равномерно совершалось и в христианском разуме, через сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов. Общее правило тогдашних русских: где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня» [13]. Первому сибирскому архиепископу было предписано «достойно пасти словесное стадо», заботиться о чистоте нравов, обращать ко Христу магометан и идолопоклонников, и «да проповедь слова Божия растет и множится» [Там же].

«В Тобольске 25 июля 1636 г. явилась одной жене пресвятая Богородица с чудотворцем Николаем, повелевая сказать о своем святом явлении архиепископу, воеводам и всем христоролюбивым

людям, чтоб во имя ее святого, честного и славного знамения, которое было в Новгороде, воздвигнули в Тобольском уезде, в селе Абалак, другую церковь подле Преображения церкви» [6, с. 45]. Именно это событие, произошедшее через пятьдесят лет после основания первого сибирского города, следует считать *третьим этапом духовного освоения Сибири как православной земли*. Само знамение верующими людьми было воспринято как покровительство Богородицы над приобретенным краем, поскольку Пресвятая Богородица почитается заступницей России.

Православное духовенство появилось на Енисейском Севере вслед за первыми служилыми и промышленными людьми. В соответствии с путями проникновения русских в данную местность можно говорить и о вероятных первоначальных центрах миссионерского влияния на коренное население. Таким центром была Мангазей. Влияние русских Мангазеи вскоре распространилось до Енисея, где к 1607 г. были обьясачены остяки и тунгусы. В качестве форпостов русских образованы Туруханское, Хантайское, Хатангское и Дудинское зимовья. Первые церкви в районах, близких к кочевьям коренных жителей Таймыра, строятся в XVIII в. Так, в урочище Хантайском в 1788 г. имели дома священники Сергей и Алексей Укусусниковы [8].

В конце XVIII в. в Хатангском селе была построена первая деревянная церковь «тщением прихожан» на 72° северной широты (самый северный храм в мире), однако 23 декабря 1822 г. это здание сгорело «до окладного бревна». После пожара жители села Толстый нос (оно же Хатангское) предложили Туруханскому благочинному «вместо оной сгоревшей церкви ближе построить другую в Дудинской станке... так как место сие есть средоточие Введенского прихода, что тут в летнее время приплывают из Енисейска торговцев гораздо больше, нежели на Толстый нос и, наконец, что в Дудинском станке бывают проездом многие жители низовой тундры, пробирается в большом количестве инородцев, которые на Толстый нос никогда не выходят». Кроме того, на местах, куда коренное население Таймыра выходило для сдачи ясака и закупки продуктов и товаров, были выстроены часовни. Так, на

Норильских озерах в 1862 г. на средства, собранные с крестьян и тунгусов, построена деревянная часовня [3, с. 15].

История Русской православной церкви на Таймыре тесно связана с появлением в XVII в. Свято-Введенской православной церкви в селе Дудинском, которая и стала центром распространения православия среди инородцев. По данным метрических книг Дудинской Введенской церкви, до революции 1917 г. ее приход составлял 1178 человек, из них 596 коренных жителей, проживающих по Енисею [9].

Точной даты построения Дудинской церкви в Государственном архиве Красноярского края установить не удалось. В «Клировых ведомостях» за 1880 г. о Дудинской Введенской церкви пишется: «Построена без колокольни в 1855 году тщением братьев урядников Туруханской временной казачьей станицы Кипряну и Петру Сотниковым с помощью церковной суммы и уступкой им материала от прежней казенной церкви. Здание – деревянное с таковою же отдельною колокольней, построенною в настоящем году купцом Петром Сотниковым. Престол один во имя входа во храм Пресвятой Богородицы. Утварью ветхая. Притча по штату с 1872 года – положено священник и псаломщик, таковой штат состоял и прежде... Дом для священника в 1874 году выстроен прихожанами с помощью церковной суммы вблизи церкви, а диакон в должности псаломщика Никанор Кайданов по ветхости прежде бывшего дома священника помещался у купца Сотникова – очень в неудобном помещении. На содержание притча указом Святейшего Синода за № 3102 от 3 июля 1879 года положено жалованье от 1.01.1879 г. настоятелю 600 рублей и псаломщику 200 рублей, на разъезды 50 рублей 40 копеек и на церковные потребности 14 рублей в год... Расстоянием сия церковь от Енисейской Духовной консистории в 1914 верстах, а от мест Благочинного в 500 верстах. Ближайшая к сей церкви Толстоносковская Введенская в 250 верстах, Туруханская Преображенская в 500 верстах и Хатангская Богоявленская в 1000 верстах... Домовой церкви в сем приходе не имеется, а имеется две часовни» [7, л. 19–20].

Д. Андерсон отмечает, что 10 июля 1879 г. благочинный священник Михаил Сулов рапортовал епископу Енисейскому Антонию, что «...устройство Казанской часовни, что в Дудинском приходе при речке Гольчихе, ныне совершенно окончено» [1].

Следует отметить деятельность священника Михаила Сулова, который в 1869–1915 гг. побывал почти во всех приходах Туруханского края. Он был инициатором постройки в селе Хатангском новой церкви на пожертвования богатых прихожан. В его отчете отмечено обращение в христианство 387 язычников. Он отмечал, что жизнь инородцев как детей природы отличается особенной простотой, что многие из них крещены, но, к сожалению, наряду с христианскими понятиями уживаются у них языческие предрассудки и обычаи, т. е. сильно влияние традиционных культов.

Первые десятилетия XVIII в. на Хатанге и Хете проводилось массовое крещение в православную веру тунгусов, эвенков, якутов. Крестившимся присваивали фамилии их крестных отцов, которыми были русские ясачные сборщики или сопровождавшие их туруханские казаки (бывшие стрельцы). Не удивляет тот факт, что в Хатангском районе проживают Тюприны (Чуприны), Сотниковы, Портнягины, Уксусниковы, Федосеевы, Бархатовы, Киргизовы, Лаптуковы. Эти фамилии были указаны в документах XVIII в. и заимствованы у тех, кто крестил предков коренных народов.

Церковь вела учет православного населения с 1718 г. по указу Петра I. Акты гражданского состояния регистрировались в дореволюционной России в метрических книгах. Пять церквей Енисейского Севера, построенные в Монастырском, Дудинке, Хатанге, Ессее, Чиринде, являлись проводниками политики христианизации присоединенных к России народов.

После строительства церквей в Туруханском крае в 1851 г. по ходатайству томского епископа Афанасия при Троицком монастыре была учреждена православная духовная миссия, состоящая из двух священников и псаломщиков. Миссия эта действовала в пределах Туруханского края, отчето и называлась Туруханской. Основное населе-

ние было инородческим: тунгусы, якуты, долганы, самоеды. Туруханская миссия по условиям жизни и деятельности миссионеров, бесспорно, являлась одной из самых трудных в Российской империи. Миссионерская деятельность священнослужителей осуществлялась по двум направлениям: проповедь христианства среди «язычников» и «обращение их в истинную веру» и совершение православных треб среди «новообращенных». Для привлечения инородцев их одаривали подарками, в числе которых были предметы православного культа (нагрудные кресты, иконы, картины на библейские сюжеты), белые рубахи (новокрещеным), принадлежности для рукоделия (женщинам), гостинцы (детям). Миссионеры сначала уговаривали принять крещение старшин, а те, крестившись, склоняли к этому и своих «подданных».

Всеми церковными делами в конце XIX в. ведала Енисейская епархия, утвержденная в 1861 г. Более двухсот лет шла усиленная проповедь христианства. Усердие миссионеров не прошло бесследно для религиозного сознания коренных народов Таймыра. Они восприняли ряд положений православия, которые слились с их традиционными представлениями. Больше других приобщились к православию долганы, эвенки. В меньшей степени воспринято христианство ненцами, энцами, нганасанами, которые реже соприкасались с русскими переселенцами, не испытали прямого воздействия на хозяйственные занятия, быт, культуру. Хотя в местах их проживания действовали миссионеры, используя разные приемы христианизации, результаты их деятельности были менее заметны и ощутимы в религиозном сознании, представлении и культурах данных народов. Однако и при этих обстоятельствах происходило проникновение некоторых христианских представлений, особенно тех, которые по своему мифическому содержанию сливались с представлениями аборигенов [3, с. 16].

Главной причиной медленного воцерковления коренных народов миссионеры признавали отсутствие богослужения и проповедей на родном языке. Для проповеди среди аборигенного населения привлекались переводчики, но разве могли они заменить людей, говорящих с

ними на их родном языке. Христианская религия у местного населения ассоциировалась с властью, служением императору и в этом смысле вызывала чувство уважения и подчинения. Аборигенное население было открыто в отношении православных ритуалов, восприимчиво к участию в религиозных действиях, отличалось исключительной толерантностью. «Некрещеные» посещали церкви, ставили свечи, поклонялись иконам, заказывали для них оклады.

Усилия православных священников приобщить инородцев к христианству в ряде случаев сопровождались уничтожением языческих идолов и запрещением языческих молений, однако в основном сводились к разъяснительным беседам; инструкции миссионерам уже в XVII в. подчеркивали необходимость добровольного крещения. Утверждение о целенаправленности насильственной христианизации коренных народов Сибири, встречающееся в литературе, – по меньшей мере преувеличение.

С началом русской колонизации Сибири верховная власть проявляла терпимость к верованиям инородцев: насильно обращать их в христианство запрещалось. В 1694 г. Петр Великий приказал якутским воеводам не обращать в христианство инородцев, их жен и детей насильно, предварительно нужно было опросить всех. Насильственное крещение аборигенов вело к тому, что большинство новокрещенных формально относились к православию, сохраняя двоеверие.

Вот как описываются результаты христианизации аборигенов Таймыра А. Н. Николиной: «Некоторые "инородцы" надеялись на отмену ясака (налога) после принятия ими крещения. Если говорить о льготах, то до 1720 г. с новокрещенных по указу снимались все ясачные недоимки и долги» [10].

Крещеные самоеды (нганасаны) не держали икон, не носили крестов, жили «погано» (не венчано), креститься не умели. Они даже зачастую не помнили своих христианских имен, не знали имени Христа. Христианизация ненцев не имела успеха. Осложнению их положения, кроме учреждения новых органов управления – инородческих управ и института старшин, способствовала и православная церковь, которая сначала на Ев-

ропейском Севере, а затем и в Западной Сибири приступила к обращению ненцев в христианскую веру. Миссионеры не только убеждали ненцев креститься, но и уничтожали их святыни. Помимо уничтожения жертвенных (священных) мест, миссионеры осуществляли церковное освящение браков, а также крещение новорожденных [Там же, с. 135].

В целом христианство лишь поверхностно повлияло на религиозную жизнь местных народов, сохранивших в значительной степени традиционные верования и культы. Оно сказалось в отождествлении верховного, главного божества неба со всемогущим Богом христианства, а также в почитании отдельных святых, особенно Николая Угодника, покровителя моряков и воинов. Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, был и остается одним из самых почитаемых христианских святых на Таймыре. Считалось, что он силен, поскольку помогает русским плавать в суровых морях. Его иконы перед охотой, перекочевкой и другими важными событиями, так же как и своих идолов, мазали кровью или жиром, прося у Николая Чудотворца защиты и помощи [3, с. 17].

Традиционный календарь был дополнен православными праздниками (Благовещение, Успение, Егорьев день и т. д.). В домах появились иконы, некоторые люди стали носить нательные кресты. В религиозные представления и практику проникли христианские элементы: например, ненецкие, нганасанские шаманы, начиная камлать, звонили в колокол. Мифология народов Сибири восприняла библейский сюжет о потопе, сотворении мира и др. Изменился погребальный обряд: аборигены стали хоронить умерших в земле, в гробах и глубоких могилах, над которыми водружались кресты [Там же].

Рассмотрев самоотверженную деятельность православной миссии XVII – XIX вв. в лице приходского духовенства и миссионеров, приходим к выводу, что их труды увенчаны заслуженными плодами: сегодня по всей территории Таймыра возвышаются прекрасные православные храмы.

В 1990-е гг. начался процесс восстановления Русской православной церкви: открытие храмов, монастырей, увеличение количества приходов,

издание православной литературы и периодики.

В 1991–1992 гг. встал вопрос о возрождении православной общины в г. Дудинке. Официальное открытие молебного дома состоялось 9 августа 1992 г. По просьбе верующих владыкой Антонием настоятелем в Дудинку направлен иеромонах Евфимий (Гончаров). Первая служба была проведена на Пасху 26 апреля 1992 г. в Доме культуры.

Началось строительство Свято-Введенского храма в августе 1998 г., 14 сентября 2000 г. было осуществлено освящение и установка куполов с крестами на храме. Освящение происходило совместно настоятелем храма иереем Димитрием и благочинным Таймырского округа протоиреем Сергием. 16 сентября 2000 г. настоятель храма иерей Димитрий прочитал Пасхальный канон, а 17 сентября, в воскресенье, состоялась первая божественная литургия. Служба прошла очень торжественно. Указом Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Красноярского и Енисейского, 11 ноября 2000 г. настоятелем храма был назначен иерей Георгий Ицков. В день Похвалы Пресвятой Богородицы 31 марта 2001 г. освящены и подняты 10 колоколов, выполненных умельцами Екатеринбурга (вес самого большого составляет около 500 кг). Это был настоящий праздник на Таймыре.

В настоящее время возрождена традиция проведения крестных ходов на религиозные праздники вокруг церкви в пасхальную утреню, в праздник Богоявления, на Рождество Христово и на Рождество Пресвятой Богородицы. В них принимают участие все православные верующие, в том числе из коренных народов Таймыра [3, с. 18].

Институтом перевода Библии (ИПБ) в 1995 г. был начат проект по переводу отрывков Евангелия от Луки. Главный специалист Управления образования Таймырского муниципального района Д. С. Болина впервые перевела отрывки из Евангелия от Луки на свой родной энецкий язык.

Большую роль в распространении православных истин среди коренных народов полуострова сыграл почетный гражданин Таймыра, переводчик, журналист, сын долганского народа Н. А. Попов. В 1996 г. Николай Анисимович при-

ступил к переводу Библии на долганский язык. За эти труды он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени и орденом Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского III степени. В сотрудничестве с институтом перевода Библии Н. А. Попов выпустил в свет четыре книги переводов Библии на долганский язык: Евангелие от Марка (1996), Иисус – друг детей (1997), Евангелие от Луки (2002), отрывок из Евангелия от Иоанна 16–17 (2008). Он прекрасно понимал, что сохранение языка – гарантия сохранения не только культурных традиций народа, но и в целом самосознания долган.

В 2005 г. опубликовано первое издание библейского текста на нганасанском языке – отрывки из Евангелия от Луки. Перевод выполнен переводческой группой ИПБ, в состав которой входила переводчица С. Н. Жовницкая, главный специалист межшкольного методического центра г. Дудинки. Книга написана доступным и понятным языком, включает в себя цветные иллюстрации. Трудность проекта заключалась в том, что у нганасан не было литературы на своем языке и разработка новых терминов и выражений требовала усилий. Отсутствовали такие понятия как *Царство Божие, храм, служитель*, поэтому прибегали к описательным образам.

Тексты переводов на долганском, нганасанском и энецком языках транслируются Таймырским радио для отдаленных оленеводческих стойбищ и рыболовецких точек; радио долгое время оставалось и является до сих пор единственным источником информации для тундровиков. Библейские тексты широко используют в школах как материал для внеклассного чтения и воспитательной работы [4, с. 115].

Важным событием в культурной жизни Таймыра в декабре 2014 г. стало издание «Евангелие для детей» на двух языках: русском и долганском. Издание вышло в свет при грантовой поддержке международного конкурса «Православная инициатива», проводимого по благословению святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Презентация книги состоялась в день великого церковного праздника – Введения во храм Пресвятой Богородицы. В сво-

ем выступлении епископ Норильский и Туруханский Агафангел (Дайнеко) отметил, что коренные жители Севера приобщаются к православной вере, это дает им силы на преодоление всех жизненных трудностей. Епископ Агафангел подчеркнул, что служители Русской православной церкви будут создавать все условия, чтобы усилить православную веру населения Таймыра.

Распространение православного христианства на Таймыре, воспитание духовности на

основе православной веры, патриотизма на базе изучения русской истории и культуры является фундаментом здоровой гражданственности, творческого правопорядка, могучей армии, крепкого государства.

Сегодня в России множество храмов строится, восстанавливается и реставрируется – это свидетельствует о востребованности православия, его непреходящей актуальности, жизненности и духовной силе.

1. Андерсон, Д. Наследие Сулова / Д. Андерсон, Н. Орехова. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 2002. – 156 с.
2. Базыкина, С. Особенности распространения христианства на Таймыре / С. Базыкина, Л. П. Петрушенко // Таймырские чтения – 2011: сб. докл. Ч. 2 / науч. ред. Е. В. Майорова; Норильский индустр. ин-т. – Норильск: НИИ, 2011. – С. 99–105.
3. Биче-оол, В. К. Православие на Таймыре: исторический экскурс / В. К. Биче-оол // Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие: материалы Всерос. Науч.-практ. конф. VIII Славян. науч. собор «Урал. Православие. Культура». Вып. II. Ч. I / сост. И. Н. Морозова; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2010. – С. 14–18.
4. Биче-оол, В. К. Библия на языках народов Севера РФ / В. К. Биче-оол // Духовно-нравственная культура России: православное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф. IX Славян. науч. собор «Урал. Православие. Культура» / сост. И. Н. Морозова; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2011. – С. 114–119.
5. Биче-оол, В. К. Народная колонизация на Таймыре: социально-культурные последствия / В. К. Биче-оол, Н. Г. Апухтина // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 108–112.
6. Буцинский, П. Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим / П. Н. Буцинский. – Харьков, 1891. – С. 45.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1666.
8. Енисейские Епархиальные ведомости. – 1887. – № 2.
9. Ицков, Г. История Свято-Введенского храма г. Дудинки и его прихода / Г. Ицков. – Дудинка [б. и], 2003. – 74 с.
10. Николина, А. Н. К вопросу христианизации коренных народов Таймыра / А. Н. Николина // Таймырские чтения – 2004–2005. – Норильск: Норильский индустр. ин-т. – С. 134–136.
11. Норильская Голгофа / о-во «Мемориал»; регион. об-ние «Сибирь». – Красноярск: Кларетианум, 2002. – 176 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVI. – Санкт-Петербург; Москва, 1841–1989. – С. 120.
13. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 / П. А. Словцов. – Москва, 1836. – С. 36.

Получено 3.02.2015

V. Biche-ool

Candidate of Culture Studies, Associate Professor,
Ural State University of Physical Culture
E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru

E. Khalina

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Ural State University of Physical Culture
E-mail: uralgufk@mail.ru

EVOLUTION OF ORTHODOXY ON TAIMYR

Abstract. The article considers the main milestones of the development of the Russian Orthodox church on Taimyr peninsula. The spreading of Christianity among native peoples of the North had its own peculiarities and was an important aim of the Russian Empire state policy and served as the means of state power strengthening and

spiritual enlightenment of pagans. The church activity was encouraged by the government because the orthodox christianity was the state official ideology.

Three main periods of christianisation of Syberia in XVI – XVIII centuries are determined, during which the formation of cultural and religious unity of the region. The first period is connected with Ermak's crusade and foundation of the first Syberian towns. During the second period the Syberian eparchy and archbishop's chair in Tobolsk were established. The third period marked the temple building in Tobolsk region. Under consideration is the history of church reconstruction in Taimyr region from the first wooden church in Khatanga in XVIII till revival of ecclesiastical life in post-soviet period. The missionary work of orthodox priests including two main approaches (preaching the Gospel among pagans and orthodox rites ministry for neophytes) is viewed.

The main reasons of slow evangelization of native peoples (lack of liturgy and sermon in native languages) are revealed. The influence of christianity on traditional beliefs and cults of aboriginal peoples is exposed: the worship of orthodox saints (especially the Saint Nickolas, archbishop of Myrr Lykia), introduction of new orthodox holidays into traditional calendar; borrowing of christian rites. The modern period of the Russian Orthodox Church activity is characterized by church reconstruction, active translation of the Bible into native languages of the aborigen peoples, which leads to strengthening of orthodox traditions as the basis of spiritual and moral revival of Russia.

Keywords: Russia, orthodoxy, missionary, cathedrals, evolution, the native peoples of Taimyr, Syberia, Ermak

For citing: Biche-ool, V. Evolution of orthodoxy on Taimyr / V. Biche-ool, E. Khalina // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 68–75.

References

1. Anderson, D. Nasledie Suslova [Suslov's Legacy] / D. Anderson, N. Orekhova. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk book publishing house, 2002. – 156 p.
2. Bazykina, S. Features of spreading of Christianity on Taimyr / S. Bazykina, L. P. Petrushenko // Taymyrskie chteniya – 2011 [Taimyr readings – 2011]. P. 2 / scien. ed. of E. V. Mayorova; Norilsk industrial institute. – Norilsk: Scientific research institute, 2011. – P. 99–105.
3. Biche-ool, V. K. Orthodoxy on Taimyr: historical review / V. K. Biche-ool // Dukhovno-nravstvennaya kul'tura Rossii i Bolgarii: pravoslavnoe nasledie [Spiritual and moral culture of Russia and Bulgaria: orthodox heritage]. Ed. II. P. I / comp. I. N. Morozova; Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – Chelyabinsk, 2010. – P. 14–18.
4. Biche-ool, V. K. The Bible in languages of peoples of the North of the Russian Federation / V. K. Biche-ool // Dukhovno-nravstvennaya kul'tura Rossii: pravoslavnoe nasledie [Spiritual and moral culture of Russia: orthodox heritage] / comp. I. N. Morozova; Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – Chelyabinsk, 2011. – P. 114–119.
5. Biche-ool, V. K. The people colonization on Taimyr: social and cultural consequences / V. K. Biche-ool, N. G. Apukhtina // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skills]. – 2013. – № 3. – P. 108–112.
6. Butzinsky, P. N. Sibirskie arkhiepiskopy: Makariy, Nektariy, Gerasim [The Syberian archbishops: Makary, Nektary, Gerasim] / P. N. Butzinsky. – Kharkov, 1981. – P. 45.
7. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. F. 674. Op. 1. D. 1666.
8. Eniseyskie Eparkhial'nye vedomosti [Yenisey Diocesan Gazette]. – 1887. – № 2.
9. Itskov, G. Istoriya Svyato-Vvedenskogo khrama g. Dudinki i ego prikhoda [The history of St Vvedensky cathedral of Dudinka and its clergy] / G. Itskov. – Dudinka [b. i], 2003. – 74 p.
10. Nikolina, A. N. To a question of a hristianization of indigenous people of Taimyr / A. N. Nikolina // Taymyrskie chteniya – 2004–2005 [Taimyr readings 2004–2005]. – Norilsk: Norilsk industrial institute. – P. 134–136.
11. Noril'skaya Golgofa [Norilsk Golgotha] / society "Memorial"; regional association "Siberia". – Krasnoyarsk: Klaretianum, 2002. – 176 p.
12. Polnoe sobranie russkikh letopisey [The Full Set of Russian chronicles]. Vol. XXXXVI. – Saint Petersburg: Moscow, 1841–1989. – P. 120.
13. Slotstov, P. A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [The historial review of Siberia. Book 1] / P. A. Slotstov. – Moscow, 1836. – P. 36.

Received 3.02.2015

В «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств» № 3 (39) / 2014 была открыта рубрика «Философия человека в контексте культуры», представляющая исследования в рамках комплексной научной темы кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. В предыдущих номерах журнала опубликованы статьи А. А. Дыдрова, С. С. Бредихина, В. А. Помялова, Л. Д. Александровой, Д. А. Мордовиной. В настоящем номере рубрику продолжают материалы кандидата философских наук Д. В. Бенгардт и аспиранта кафедры философских наук А. А. Карачканова. Д. В. Бенгардт защитила диссертацию по теме «Ценность культуры в контексте будущего России» в 2012 г. Темой диссертационного исследования А. А. Карачканова является «Организационная культура как феномен и проблема современной философии». Научный руководитель Д. В. Бенгардт и А. А. Карачканова – доктор философских наук, профессор Нина Георгиевна Апухтина.

УДК 008

Д. В. Бенгардт

канд. филос. наук, ст. преп.,
Челябинский государственный университет
E-mail: da-re@mail.ru

ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Затрагиваются различные аспекты значимости культуры для стратегического развития современной России. Несмотря на довольно частое обращение к проблемам культуры представляется, что современной наукой недостаточно реализован комплексный, полидисциплинарный подход к анализу ценности культуры для российского общества и государства в условиях современной глобализации и становления информационного общества с его тенденцией к обществу знаний. В связи с этим автор считает необходимым выявить стратегическое влияние осознания ценности и сущности культуры на будущее развитие современного российского общества, а также различные аспекты этого влияния. Для решения поставленной научной проблемы необходимо охарактеризовать суть и противоречия мирового процесса глобализации в его взаимодействии с культурой, выявить критерии особого положения культуры России в мировом глобализирующемся сообществе и ее современное состояние.

Обращается внимание на характеристику глобализации с объективной и субъективной позиции (в негативном и позитивном смысле), акцентуируется значение культуры в процессе становления общества знаний в России и в мире, затрагивается явление «нового гуманизма» и проблема осознания культуры в русле концепции устойчивого развития. Представлены отличительные черты информационного общества и общества знаний, основная суть и цель общества знаний, охарактеризована связь культуры, образования и воспитания в нем. Также приводится классификация проблем сохранения и развития культуры и намечены способы разрешения данных проблем.

Ключевые слова: ценность культуры, глобализация, кризис культуры, культура в информационном обществе, культура России, сохранение и развитие культуры

Для цитирования: Бенгардт, Д. В. Ценность культуры России в эпоху глобализации / Д. В. Бенгардт // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 76–82.

Несмотря на довольно частое обращение к проблемам культуры представляется, что современной наукой недостаточно реализован комплексный, полидисциплинарный подход к анализу ценности культуры для России в условиях современной глобализации и становления информационного общества с его тенденцией к обществу знаний. Автор считает необходимым выявить стратегическое влияние осознания ценности и сущности культуры на будущее развитие современного российского общества, а также различные аспекты этого влияния.

Для решения поставленной научной проблемы необходимо охарактеризовать суть и противоречия мирового процесса глобализации в его взаимодействии с культурой, выявить критерии особого положения культуры России в мировом глобализирующемся сообществе и современное состояние российской культуры.

Глобализация – это, с одной стороны, объективный процесс, происходящий в мире, объединяющий человечество, способствующий формированию единой общечеловеческой культуры, особо влияющий на все мировые процессы; с другой – субъективный процесс, выражающийся в стремлении некоторых субъектов оказывать давление на весь остальной мир. Этим во многом обусловлено исключительно негативное отношение некоторых ученых к глобализации и толкование ее как вестернизации или американизации мира, распространения «западных ценностей».

Представляется, что критерием того или иного воздействия глобализации на жизнь мирового сообщества служит осознание сущности и ценности культуры, ее этического основания [1, с. 115–116, 119], способствующее преодолению глобальных проблем современности, глобального кризиса, становлению единой универсальной мировой культуры путем выстраивания диалога, созвучия различных национальных (локальных) культур.

Современное состояние российского общества может быть охарактеризовано как кризис, порожденный нарастанием акультурного [2, с. 29, 30]. Отсюда дегуманизация, наркомания, преступность и множество других проблем современной России. Это связано в том числе с

распространением принципиально чуждых для нашей страны (прежде всего их опасным воздействием на сознание детей и молодежи) псевдоценностных ориентаций, характерных для западного капиталистического общества.

Представляется, что для выхода из кризисного состояния необходимо осмысление духовного богатства прошлого России, накопленного ее культурой опыта и наследия, не соответствующего современному состоянию российского общества. Отсюда возникает необходимость осознания сущности культуры России, ее глубинного этического основания, обусловленного качествами духовности; соборности, общинности; искренности; уважением к земле и труду; нацеленностью на единение людей; памятью о войне и о Победе; чередой всемирно известных героев, носящих качество подлинной культурности; огромным пластом философской мысли, устремленной в будущее.

Следует подчеркнуть, что культура России, не утратившая свое глубоко заложенное этическое основание, имеет стратегическое значение для развития мировой культуры и глобализации позитивной направленности. Она способна объединить различные народы на основе внешних и внутренних факторов – геополитического положения, соединяющего два разнообразных культурных начала Востока и Запада; обширности территорий, дающих возможности для развития будущих поколений; широкого распространения «русского мира» далеко за рубеж; многонациональности, мирного сожительства различных конфессий – и тем самым содействовать становлению и развитию общечеловеческой культуры путем гармоничного выстраивания полилога культур в условиях глобализации.

Таким образом, осознание ценности культуры в России может быть интерпретировано как условие преодоления кризисного состояния российского общества, важнейший фактор стратегического развития России. Исторически присущее нашей самобытной культуре нравственное основание обуславливает ее ценность. Культуру России, осмысляемую в качестве ценности, важно сохранять, а также развивать посредством различных социокультурных проектов в условиях

глобализации. Осознание ценности, накопленного исторического опыта и наследия, колоссального потенциала культуры России выступает стратегическим фактором для развития будущего российского общества и может способствовать становлению и развитию общечеловеческой культуры в условиях глобализации.

Обозначим значение культуры в процессе становления общества знаний в России. Информационное общество и общество знаний, по нашему представлению, – это два различных, но взаимообусловленных образования. Основной характеристикой процесса становления информационного общества мы полагаем развитие и стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий, в то время как общество знаний несет смысл прообраза общества будущего, имеющего качественное своеобразие в развитии ноосферного мышления и сознания человека и человечества. По своей сути они диалектически взаимодействуют как количественно-информационное и качественно-сознательное проявление современных мировых процессов.

Исходя из анализа характеристик общества знания [7], можно сделать вывод, что понимание знания в его глубинном смысле способствует становлению общества знания в качестве социальной модели будущего, но не в виде социума с новым уровнем производства (основанного на понимании знания западными учеными, первыми разработчиками концепции общества знания, в исключительно экономическом смысле как производственного фактора). Концепция общества знания, необходимая для стратегического развития России будущего, может быть основана на концепции цельного знания В. С. Соловьева (заложенной им в труде «Философские начала цельного знания»), которое рассматривается как органический синтез науки, умозрительной философии и религиозной веры. Материал цельного знания, согласно автору, дается опытом. «Только в одной сфере – свободной теософии или цельного знания – отдельный человек является настоящим субъектом и деятелем, и здесь личное сознание идеи есть уже начало ее осуществления. Трудиться в этой сфере становится, таким обра-

зом, обязанностью для всякого, кто сознал нормальную цель человеческого развития... Цельное знание по определению своему не может иметь исключительно теоретического характера: оно должно отвечать всем потребностям человеческого духа, должно удовлетворять в своей сфере всем высшим стремлениям человека» [10].

Распространение информации вместе с положительными следствиями порождает и определенные риски: фальсификацию данных, огромное количество ненужной, бесполезной, акультурной информации, целенаправленное искажение истории России и мировой истории, манипуляции сознанием и т. д. [6]. По нашему мнению, культура, осознанная как ценность, может служить «фильтром», отграничивающим истинное и ценное от ложного и бессмысленного. Культура в обществе знаний выступает ориентиром для сознания человека в информационном пространстве, особенно для человека, обладающего качеством культурности [3, с. 8]; направляющим вектором от получения информации к восприятию знания (понимаемого как руководство к действиям, основанным на высших стремлениях человека); а также стратегическим фактором, обеспечивающим национальную и международную безопасность в обществе знаний [4, с. 122].

В обществе знаний огромную роль играют образование и воспитание. Культура, образование и воспитание тесно взаимосвязаны. Во-первых, одна из основных целей образования – в приобщении человека к культурным ценностям. Во-вторых, культура как ценность выступает ориентиром для образования и воспитания культурного человека, человека культуры, для преобразования современной педагогической системы в творчески, гуманистически и аксиологически направленную. В-третьих, в становлении общества знаний в России культура, обладающая этическим основанием, должна задавать основы грамотного воспитания, образования, способствующего стратегическому развитию России будущего. Особенно важно культурное образование в связи с посягательствами на информационную безопасность сознания людей.

Для построения России будущего мы полагаем важным явление «нового гуманизма» [5, с. 423], так как сущность его – в переосмыслении гуманистических начал культуры, в обращенности к этике, в объединении людей на основе нравственности. Новый гуманизм – это путь преодоления дегуманизации мира. Он фиксирует взаимное должностное отношение индивидов по отношению друг к другу, нравственный аспект долга, а также позволяет ускорить формирование общества знаний как общества будущего в России за счет направленности на реализацию совместных проектов, ориентированных на всеобщие ценности, хранимые и задаваемые культурой.

Россия будущего становится (стратегически развивается) в соответствии с концепцией устойчивого развития, в основу которой положена идея сохранения человечества и биосферы и удовлетворение потребностей будущих поколений. По моему мнению, базис стратегии устойчивого развития России должна составить необходимость сохранения и развития культуры для будущих поколений.

Также большое влияние на стратегическое развитие России и ее культуры имеет становление нового, ноосферного сознания человека, которое задается, согласно русским космистам, особой энергией культуры. Без нового сознания, нового гуманистического мировоззрения, немисливо становление общества знания как общества будущего.

Таким образом, Культура, осознанная как высшая ценность, может быть представлена в качестве ориентира для сознания человека в процессе развития информационного общества и становления общества знаний в России. Культура в ее ценностном понимании в условиях глобализации и становления общества знаний в нашей стране выступает своеобразным «фильтром» для сознания человека, способствующим ограничению акультурной, пагубной информации от культурной, ориентиром для сознания в информационном пространстве, а также фактором, обеспечивающим национальную и международную безопасность в обществе знаний.

В современной России и в мире существуют проблемы и противоречия, связанные с со-

хранением и развитием, защитой культуры. Под сохранением культуры мы понимаем защиту культуры, меры по бережению и охране культурных ценностей, обеспечению проявления гуманистической ценности феноменов культуры; под ее развитием – творческое созидание культурного, соответствующего осознанной сущности и ценности культуры, а также распространение знания о ценности культуры, все большее и качественное осознание культуры как метаценности, как стратегического фактора будущего России, а значит – и мира. Сохранение культуры призвано поддерживать преемственность общезначимых ценностей, а развитие культуры направлено на созидание новых.

Проблемы сохранения и развития культуры России можно классифицировать на четыре основных группы. *Первая* связана с законодательством о культуре и защите культурных ценностей и культурного наследия (необходимость принятия декларации об обязанностях человека, тщательного правового регулирования вопросов защиты нравственности, защиты детей и их сознания от проявлений акультурного в его различных формах). На основании сравнительного анализа [8; 9] можно сделать вывод, что законодательство России в сфере защиты нравственности по отношению к нормативно-правовому регулированию зарубежных стран представляется явно недоработанным, пробельным, что создает препятствия в сохранении и развитии культуры в России.

Вторая группа проблем связана с затруднениями сохранения и развития культуры на государственном уровне, не только в законодательной, но и в исполнительной ветвях государственной власти. Нехватка государственного внимания к культуре порождает в России проблемы национальной безопасности, затруднения в стратегическом развитии страны, безопасности общества, народа, государства и каждой личности.

К *третьей группе* можно отнести конкретные эмпирические проблемы: уничтожение памятников культуры и других культурных ценностей несмотря на принятые и действующие законодательные нормы и гарантии

(например, памятников героям Великой Отечественной войны, памятников архитектуры), которое происходит наряду с возведением «монументов» акультурного характера (например, памятник клизме).

К *четвертой группе* следует отнести проблемы сознания, мышления о культуре. Представляется, что эта группа проблем является первостепенной по отношению к другим. Сюда входит необходимость осознания ценности культуры России во всем ее величии для обеспечения выхода страны и ее культуры из кризиса. По нашему мнению, неосознание метаценностного аспекта культуры, ее этического основания не просто является важной проблемой для сохранения и развития культуры, но и выступает причиной для обострения других групп проблем.

Примером и подтверждением поиска в России путей решения вышеназванных проблем может служить Указ Президента России «О проведении в Российской Федерации Года культуры» в 2014 г. «в целях привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире» [11], разработка и принятие законопроекта о культуре, который в настоящее время находится на рассмотрении в Госдуме РФ, а также ряда нормативных актов, содержащих нормы по сохранению и развитию культуры. Уникальным примером защиты культуры, по нашему мнению, является Пакт Рериха и Декларация прав культуры Д. С. Лихачева.

Наряду с законотворчеством сегодня достаточно активно осуществляется обществен-

ный контроль за соблюдением законодательства о культуре. Субъектом общественного контроля выступает сеть общественных организаций – как международных, так и отечественных (сообщества ученых, художников, общественных и политических деятелей, такие как: Пагуошское движение ученых, Международный гуманистический и этический союз, международная общественная организация «Лига защиты культуры», Российское гуманистическое общество и др.). При этом на основе анализа создания и распространения общественных проектов, организации и проведения научно-практических конференций, так или иначе посвященных культуре вообще и русской культуре в частности, можно сделать вывод о том, что эффективнее сохранение и развитие культуры в России на сегодняшний день происходит за счет механизмов гражданского общества – общественного контроля и общественных проектов.

Таким образом, возможность сохранения культуры в России находится в прямой зависимости от охраны и защиты нравственности прежде всего детей и молодежи. Развитие культуры – ее динамика – заключается в духовном совершенствовании человека, его саморазвитии, направленности действий во благо человека и человечества, а также на создание новых общезначимых ценностей. В связи с этим необходимо развитие поликультурной системы образования и воспитания детей и молодежи, создание культуротворческих школ, нацеленных на воспитание человека культуры.

1. Бенгардт, Д. В. Аксиологическая сущность культуры: философский компендиум / Д. В. Бенгардт // Ценности и смыслы. – 2011. – № 6 (15). – С. 115–125.
2. Бенгардт, Д. В. Культурное и акультурное: грани соотношения / Д. В. Бенгардт // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы междунар. науч.-творч. форума (Челябинск, 2–3 ноября 2011 г.) Ч. 1 / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2011. – 354 с. – С. 29–32.
3. Бенгардт, Д. В. Культура и человек: аксиологические аспекты взаимосвязи / Д. В. Бенгардт // Традиционная и современная культура: история, актуальность, положение, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. 20–21 сентября 2011 г. – Пенза; Москва; Минск: Социосфера, 2011. – С. 7–9.
4. Булаева, Д. В. Ценность культуры в информационном обществе / Д. В. Булаева // Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств»; под общ. ред. Т. Ф. Берестовой. – Челябинск, 2010. – С. 119–122.

5. Бучило, Н. Ф. Философия: учеб. пособие / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – Москва: ПЕР СЭ, 2001. – 447 с.
6. Зенина, О. В. Информационное общество: цифровое настоящее и цифровое будущее, достижения и противоречия [Электронный ресурс] / О. В. Зенина // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Zenina/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения 07.10.2010 г.
7. Игнатъев, В. И. Россия в информационной цивилизации: проблемы вхождения и национальная специфика [Электронный ресурс] / В. И. Игнатъев, Ф. И. Розанов // Социальная онтология России (сборник научных статей по докладам II Всероссийских Копыловских чтений). – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2008. – 387 с. – С. 103–121. – Режим доступа: <http://firoz.narod.ru/science/informos.htm>. – Загл. с экрана. – Дата обращения 17.08.2011.
8. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности. Проект [Электронный ресурс] / Общественный совет Центрального Федерального округа, 2008. – Режим доступа: <http://www.state-religion.ru/files/concept01.pdf>. – Загл. с экрана. – Дата обращения 12.03.2014.
9. Понкин, И. В. Зарубежные законы и документы о формировании и защите общественной нравственности и нравственности несовершеннолетних // Приложение к проекту Концепции государственной политики формирования защиты нравственности детей в Российской Федерации / сост. И. В. Понкин. – Москва: Общественный совет Центрального Федерального округа; Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2008. – 246 с.
10. Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания [Электронный ресурс] // Сочинения в 2 т. / В. С. Соловьев. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 140–288. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/solvs02/index.htm>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 10.03.2014.
11. Указ Президента РФ от 22.04.2013 № 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры» [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система / НПП «Гарант-Сервис». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70264302/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 12.03.2014.

Получено 30.05.2014

D. Bengardt

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Teacher,
Chelyabinsk state university

E-mail: da-re@mail.ru

THE VALUE OF RUSSIAN CULTURE IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract. *The article covering different aspects of culture value for the strategic development of modern Russia. Despite the fairly frequent appeal to problems of culture, it seems that modern science is not enough implemented a comprehensive, multi-disciplinary approach to the value of culture analysis for the Russian state and society in the modern globalization and a development of the information society with its tendency to the knowledge society. In this regard, the author considers it necessary in this research to identify the strategic influence of awareness of the value and essence of culture for the future development of contemporary Russian society, and various aspects of this influence. To solve this problem it is necessary to characterize the nature and contradictions of world globalization in its interaction with culture, to identify criteria for the special position of Russian culture in a globalizing world community and the current state of Russian culture.*

The author draws attention to the characteristics of globalization, with the objective and subjective position (in a negative and a positive sense), the emphasis of the culture importance in the process of becoming a knowledge society in Russia and in the world, affects the phenomenon of the "new humanism" and the problem of understanding culture in line with the concept of sustainable development. In connection with the tasks the research presents the different of the information and knowledge society, the basic essence and purpose of the knowledge society, characterizes the connection of culture, education and training in the knowledge society. Also provides a classification of the problems of culture preservation and development and identifies ways of solving these problems.

Keywords: value of culture, globalization, crisis of culture, culture in the informational society, Russian culture, protection and development of culture

For citing: Bengardt, D. The value of Russian culture in the era of globalization / D. Bengardt // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 76–82.

References

1. Bengardt, D. V. Axiological essence of culture: philosophical compendium / D. V. Bengardt // *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. – 2011. – № 6 (15). – P. 115–125.
2. Bengardt, D. V. Cultural and uncultural: brink relations / D. V. Bengardt // *Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka* [Youth in Science and Culture of the XXI century] (Chelyabinsk, November 2–3, 2011). Part 1 / Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts; comp. E. V. Shvachko. – Chelyabinsk, 2011. – P. 29–32.
3. Bengardt, D. V. Culture and People: axiological aspects of the relationship / D. V. Bengardt // *Traditsionnaya i sovremennaya kul'tura: istoriya, aktual'nost', polozheniye, perspektivy* [Traditional and modern culture: history, relevance, position, prospects]. – Penza; Moscow; Minsk: Sotsiosfera, 2011. – P. 7–9.
4. Bulaeva, D. V. Value of culture in the information society / D. V. Bulaeva // *Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v sisteme kul'turno-tsivilizatsionnykh preobrazovaniy* [Information and communication technologies in the cultural and civilizational transformation] / Ministry of Culture of the Russian Federation; Chelyabinsk State. Acad. of Culture and Arts; under the total. ed. T. F. Berestovoy. – Chelyabinsk, 2010. – P. 119–122.
5. Buchilo, N. F. *Filosofiya* [Philosophy] / N. F. Buchilo, A. N. Chumakov. – Moscow: PER SE, 2001. – 447 p.
6. Zenina, O. V. Information Society: digital present and future of digital, achievements and contradictions [Electronic resource] / O. V. Zenina // *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. – 2009. – № 4. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Zenina/>. – Caps. from the screen. – Date of treatment 07.10.2010.
7. Ignatiev, V. I. Russia in the information civilization: the problem of occurrence and national identity [Electronic resource] / V. I. Ignatiev, F. I. Rozanov // *Sotsial'naya ontologiya Rossii* [Social Russian Ontology]. – Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2008. – P. 103–121. – URL: <http://firoz.narod.ru/science/informros.htm>. – Caps. from the screen. – Date of treatment 17.08.2011.
8. The concept of public policy in the field of spiritual and moral education of children in the Russian Federation and protect their morals. Project [Electronic resource] / *Obshchestvennyy sovet Tsentral'nogo Federal'nogo okruga* [Public Council Central Federal District]. – 2008. – URL: <http://www.state-religion.ru/files/concept01.pdf>. – Caps. from the screen. – Date of treatment 03.12.2014.
9. Ponkin, I. V. Foreign laws and documents about the formation and protection of public morality and the morality of minors // *Prilozhenie k proektu Konceptcii gosudarstvennoj politiki formirovaniya zashchity нравственности detej v Rossijskoj Federacii* [Annex to the Concept of state policy formation to protect morals of children in the Russian Federation project] / comp. I. V. Ponkin. – Moscow: *Obshchestvennyy sovet Tsentral'nogo Federal'nogo okruga; Institut gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy i prava*, 2008. – 246 p.
10. Soloviev, V. S. Philosophical Principles of Integral Knowledge [Electronic resource] // *Works in 2 vol.* / V. S. Soloviev. – Moscow: Mysl', 1988. – Vol. 2. – P. 140–288. – URL: <http://psylib.org.ua/books/solvs02/index.htm>. – Caps. from the screen. – Date of treatment: 03.10.2014.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 22.04.2013 № 375 «O provedenii v Rossiyskoj Federatsii Goda kul'tury» [Presidential Decree of 22.04.2013 № 375 “On carrying out Russia's Year of Culture”] [Electronic resource] // *Garant* [Guarantor] / NPP «Garant-Servis». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70264302/>. – Caps. from the screen. – Date of treatment: 12.03.2014.

Received 30.05.2014

ФЕНОМЕН ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дается общее определение организационной культуры в рамках философии как некоей системы ценностей, убеждений, attitudes и норм, разделяемых членами организации и связывающих ее в единое целое. Рассматриваются философско-методологические основания исследования феномена организационной культуры в условиях современных трансформаций. На основе проведенного анализа представляется возможным наметить основные перспективы исследования организационной культуры в рамках современной философской мысли средствами четырех методологических подходов. Это позволяет более глубинно исследовать организационную культуру, выходя за рамки привычного в современной научной литературе рационально-прагматического подхода, и более комплексно осветить данный еще сравнительно молодой для философии феномен, который в отечественной философской мысли еще недостаточно освещен. Также открываются новые возможности для проблематизации и концептуализации с оглядкой на современный социокультурный контекст в аспекте нелинейности, хаотичности, высокой структурной сложности и нестабильности происходящих в мире процессов. Приведенные в статье четыре подхода, безусловно, не являются исчерпывающими для современной философской мысли, но дают импульс к попытке целостного описания феномена организационной культуры, ее структурно-функционального содержания и перспектив смысловой интерпретации.

Ключевые слова: организационная культура, методология, философские основания исследования

Для цитирования: Карачканов, А. А. Феномен организационной культуры в современной философии: методологические основания исследования / А. А. Карачканов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 83–88.

В мире конца XX – начала XXI в. происходят кардинальные изменения социальной жизни. Они сопровождаются усложнением и трансформацией общественных систем, структур и институтов. От сбалансированного функционирования социальных систем на всех уровнях зависит в итоге динамическое единство и целостность не только государств, но и всего мира в нашем все более глобализирующемся обществе.

Данные трансформации носят как управляемый, так и хаотический характер. Процессы подчас просто не поддаются анализу на выявление субъектно-объектных связей. И в осуществлении необходимых преобразований важная роль принадлежит организационной культуре. В связи с отмеченными процессами возникает высокая необходимость опоры на философско-мето-

логические основания исследования специфики организации общественной жизни в ее культурной составляющей. Нарастание, уплотнение и усложнение всех структурных элементов в системе общественной жизни характеризует закономерное повышение роли и усложнение организационной культуры общества. Особую актуальность приобретают те технологии коммуникации человека и общества, которые прежде всего способствуют более быстрой и эффективной адаптации человека к законам существования социальных структур.

Симптомы актуальности проблемы организационной культуры многообразны, остаются неоднозначными понимание и толкование термина *организационная культура*. По мнению многих исследователей данной области научного

знания, понятие оргкультуры в концептуальном аспекте является очень «скользким», т. е. на сегодняшний момент времени остается не слишком понятным разграничение оргкультуры от, к примеру, привычного в менеджменте понятия корпоративной культуры [7].

Организационная культура трактуется в современных философских представлениях в качестве ценностей, убеждений, верований, ожиданий, аттитюдов и норм, разделяемых членами, которыми организация связывается в единое целое.

В широком, социально-культурном, смысле организационная культура это механизм воспроизведения, передачи социального опыта посредством взаимодействия (интеракционного общения), помогающего людям жить и развиваться в определенной среде, сохраняя единство и целостность своего сообщества.

Таким образом, организационная культура – это некая система координат, которая объясняет, почему организация функционирует именно таким, а не иным образом, позволяет в значительной мере сгладить проблему согласования индивидуальных целей с общей целью организации, формируя общее культурное пространство, включающее ценности, нормы и поведенческие модели, разделяемые всеми сотрудниками учреждения. Данные общие функции организационной культуры предопределяют и частные, используемые организационным менеджментом, проявляемые в том, что организационная социальная культура отношений становится мощным стратегическим, тактическим и оперативным инструментом, позволяющим ориентировать все подразделения учреждения и отдельных лиц на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников и обеспечить их продуктивное взаимодействие посредством интерактивного общения. На наш взгляд, требуется комплексное исследование данного явления за пределами традиционных позиций менеджмента и иных практико-ориентированных дисциплин.

Под методологией традиционно понимается система принципов и методов научного исследования. В общей практике научных ис-

следований выделяются четыре методологических уровня: философский, общенаучный, отраслевой и дисциплинарный.

Исследование организационной культуры на философском уровне задается: а) системной методологией и ее дальнейшими разработками в виде синергетики, а также семиотикой, б) гуманитарной методологией, ориентированной на герменевтический методологический стандарт. Нашей целью в рамках данной статьи является дать краткую характеристику вышеназванных подходов и построений, в которых феномен организационной культуры может быть целостно рассмотрен и проинтерпретирован в рамках современных философско-методологических оснований.

С позиции системной методологии организационная культура выступает как система, представляющая собой множество элементов различной природы, чья структура задает интегральные качества системы, являющейся в свою очередь подсистемой системы более высокого порядка – национальной культуры.

Ключевыми в системной методологии являются понятия системы, элемента, структуры, функции, историзма, воздействия и связи, программы.

Реализация данного подхода в исследованиях организационной культуры предполагает необходимость:

1) рассмотрения оргкультуры как системы, т. е. целостности с особыми свойствами, состоящей в одно и то же время из элементов и подсистем со специфическими свойствами; оставаясь относительно обособленными, они вступают в отношения между собой; так, оргкультура предприятия может рассматриваться в качестве состоящей из субкультур подразделений как подсистем, каждая из которых является внутренне сложной;

2) определения «границы» оргкультуры и ее среды, а в составе последней выделения ее составляющих – национальной культуры, профессиональной культуры, социальных субкультур и др.;

3) выделения оргкультуры как целенаправленной и многоцелевой системы, имеющей не-

однородные внутренние и внешние цели, самостоятельные подцели отдельных подсистем, многообразные стратегии их достижения;

4) анализа оргкультуры как полной системы с учетом ее элементов и структур, которые формируются формально (официально) и неформально (неофициально), а взаимодействие элементов системы – с учетом того, что изменение в одном элементе вызывает цепь изменений в других; для такого анализа традиционно применяется метод моделирования;

5) изучения динамики оргкультуры, что требует исследования внутри культуры процессов саморегулирования, координации, смены ценностных установок, принятия решений, поддержания оргкультурного баланса, а также анализа процессов роста, адаптивной эволюции, нововведений, общего «жизненного цикла» оргкультуры и ее частей [6].

Синергетика (теория самоорганизации) является следующим шагом в развитии системного подхода (Г. Хакен, И. Пригожин) и рассматривается сегодня как новое методологическое движение в науке, свидетельствующее о смене парадигмы в естественных и социальных науках в направлении самоструктурирования сложных систем [1].

Ключевые слова данного подхода – эволюция, коэволюция, самоорганизация, порядок, диссипация, среда, сложность, хаос, нелинейность, нестабильность, открытость, флуктуация, бифуркация, аттрактор, кооперация, конвергенция, дивергенция, энтропия, негэнтропия.

Синергетическая методология предполагает диалог естественников и гуманитариев, кроссдисциплинарную коммуникацию, диалог и синтез науки и искусства, науки и религии, западного и восточного миропонимания, т. е. своего рода «когнитивный плюрализм».

Открывая «другую сторону мира» – его нестабильность, нелинейность, возрастающую сложность, высокую динамику процессов, синергетика предполагает реализацию следующих методологических установок в изучении способов оптимизации организационной культуры (по схеме Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова) [2].

1. Оргкультура является сложноорганизованной системой, и как таковой, ей нельзя навязывать пути развития. Необходимо понять, как способствовать ее собственным тенденциям развития, как вывести систему на этот путь. «Проблема управляемого развития принимает, таким образом, форму проблемы самоуправляемого развития» [Там же].

2. Хаос может выступать как созидующее начало, играть конструктивную роль в функционировании оргкультурной системы, поскольку через хаос осуществляется связь различных уровней организации. В момент неустойчивости флуктуации (малые возмущения) могут разрастаться в макроструктуры, т. е. возникает неустойчивое состояние и появляется особая точка перехода (точка бифуркации), в которой система «делает выбор» (нового поведения, ценности, обобщения и т. д.). Новый порядок рождается через бифуркацию, и состояния неустойчивости действия каждого отдельного человека могут влиять на макропроцессы.

3. Для оргкультуры существует множественность путей развития. Предопределенность развертывания тех или иных процессов появляется на определенных стадиях эволюции с выбором пути в точках бифуркации (ветвления). Настоящее состояние оргкультуры порождается как ее прошлым (историей), так и ее будущим (т. е. формируется в соответствии с грядущим порядком).

4. Оргкультура как сложное эволюционное целое собирается из частей. Сложные развивающиеся структуры строятся из простых. При этом образующееся целое является качественно иным по отношению к своим частям. Другими словами, целостная оргкультура есть качественно иное образование по сравнению с составляющими ее субкультурами. Новым принципом согласования частей в целое является «установление общего темпа развития входящих в целое частей (сосуществование структур разного возраста в одном темпомире...)» [2].

5. Эффективное управление оргкультурными процессами с целью их развития в желательном направлении и оптимизации есть вопрос не силы воздействия, а правильной топо-

логической конфигурации, архитектуры воздействия на сложную систему и ее среду. При этом «малые, но правильно организованные – резонансные – воздействия на сложные системы чрезвычайно эффективны» [Там же].

6. Всякое развитие происходит через неустойчивость, через бифуркацию, через случайность.

Таким образом, синергетический подход позволяет осуществлять управленческую деятельность на базе соединения информированного вмешательства человека с познанной сущностью внутренних тенденций развивающихся систем. Как сформулировали И. Пригожин и И. Стенгерс, «в открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге» [8].

Далее, с точки зрения семиотики, организационная культура – знаковая система, подчиненная определенным правилам. Она может быть охарактеризована как совокупность семиотических систем (систем знаков), могущих служить для выражения некоторого содержания.

Практическая важность семиотики обусловлена тем, что она трактует различные знаковые системы как модели определенных фрагментов внешнего мира, строящихся в ходе познавательной и практической деятельности людей. В психологии, по образцу лингвистики, выявление внутренних структур и их моделирование осуществлялось Ж. Пиаже и Л. С. Выготским [12]. Социосемиотическую направленность имеют работы Г. Г. Шпета, Дж. Мида, Г. Блумера; Э. Гофман моделирует ситуации речевого и неречевого общения с помощью метафоры театра, объясняя взаимодействие в терминах *актер*, *маска*, *сценарий* и т. п. [10]. Как значимые для развития семиотики выделяются работы З. Фрейда и Ж. Лакана [4].

Ключевыми понятиями для семиотики являются: знак, символ, сигнал, язык, текст, модель, значение.

Семиотический подход к изучению оргкультуры может базироваться на следующих положениях.

1. Оргкультура есть текст, точнее – «иерархия текстов», зафиксированная в определенных знаках, и в этом смысле она противостоит внетекстовым структурам («не-культуре»). Текст (оргкультура) есть «целостный знак» специфического содержания [9].

2. Понятие *знак* подразумевает не только и не столько предмет, сколько отношение [9]. С точки зрения Ю. М. Лотмана, целью знаковой системы является передача определенного содержания [5]. Следовательно, оргкультура есть знаковая система, обеспечивающая обмен содержаниями и выработку отношения к этим содержаниям.

3. Контрастирующие культурные «тексты» и «коды» (С. С. Аверинцев) могут функционально переосмысливаться, создавая при этом по-иному организованный тип культуры. Адекватной формой переосмысливания, расшифровки кода является форма перевода на образно-метафорический язык (как это показано в работах К.-Г. Юнга и К. Леви-Стросса) [9].

4. Оргкультура как текст является также заданным нормативом существования смысла в сфере организационных коммуникаций. Восприятие смысла есть понимание.

5. «Вся совокупность текстов, взятых со стороны их смыслов и, следовательно, в аспекте их понимания, образует герменевтический универсум» [9].

6. «Между отдельными фрагментами (текстами) данного универсума устанавливается множество непосредственных и опосредованных связей, которые к тому же подвергаются постоянным изменениям вследствие непрерывного продуцирования новых текстов. Всякий новый текст вызывает некоторые «возмущения», «колебания», «волнения» в универсуме социальных коммуникаций» [11].

Таким образом, мы можем говорить о возникновении неравновесных состояний в герменевтическом «смысловом» универсуме организационной культуры. Неравновесное состояние в свою очередь используется для развития оргкультурного целого путем выхода в состояние временно равновесное (оптимизация) или выработки культурных механизмов, позволяющих

поддерживать оптимальное (контролируемое) неравновесие.

Герменевтика, буквально трактуемая как искусство истолкования текстов, фокусирует свое внимание на проблемах понимания и взаимопонимания людей, рассматривая их как проблему идентичности и различия сознаний, языковых способов достижения этой идентичности.

Ключевыми понятиями герменевтики являются: текст, язык, понимание, значение, интерпретация, смысл, интенциональность.

Для герменевтической методологии характерно выделение знаково-символической стороны познавательной деятельности и перенесение лингвистических и литературоведческих методов исследования в общую методологию гуманитарных наук. В. Г. Кузнецов выделяет следующие характерные особенности герменевтического методологического стандарта:

1) принятие дихотомии естественных наук и наук о духе (гуманитарных наук);

2) выделение в качестве предметной основы герменевтической методологии текста, понимаемого как знаково-символическая система в ее социокультурном и историческом контексте; при этом слово рассматривается как системообразующий элемент культуры;

3) диалоговый характер герменевтического методологического стандарта; принцип диалогизма (Ф. Шлейермахер, Э. Корет, Х.-Г. Гадамер, М. М. Бахтин, М. С. Каган и др.) требует установления понимания в диало-

ге; на ситуации диалога в исследованиях основаны вопросно-ответные методики;

4) «...разделение областей специфического знакового содержания (объективного смысла текста) и его психологических моментов... Текст обладает свойствами чувственно воспринимаемых объектов, но чтобы его понять, следует учесть, что он связан со смыслом и значением. Чувственные компоненты текста мы непосредственно воспринимаем, идеальную сторону текста понимаем. Субъективные намерения автора, его психологические характеристики и его внутренний мир (образование, увлечения, религиозность, воспитание, принадлежность к определенному классу или сословию, система архетипов коллективно бессознательных представлений, материальные условия его жизни) составляют тот фон, который оказывает существенное влияние на смысл текста. Он является внелингвистическим контекстом, в котором, в частности, и выделяются психологические моменты» [3].

Таким образом, в нашей статье были рассмотрены четыре основных философско-методологических основания, в рамках которых может ярко проследиваться перспектива исследования феномена организационной культуры, а именно – посредством системной методологии и ее дальнейших разработок в виде синергетики, семиотики и герменевтики, которые ориентированы на эффективное изучение организационной культуры современных человека и общества – новой предметности философии рубежа XX – XXI вв.

1. Вейл, П. Искусство менеджмента / П. Вейл. – Москва, 1993. – С. 224.
2. Князева, Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–21.
3. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. – Москва, 1991. – С. 149.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – С. 441.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва, 1970. – С. 44.
6. Мильнер, Б. З. Системный подход к организации управления / Б. З. Мильнер, Л. И. Евенко, В. С. Раппорт. – Москва, 1983. – 224 с.
7. Пригожин, А. И. Методы развития организации / А. И. Пригожин. – Москва, 2003. – С. 691.
8. Пригожин, И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва, 1994. – С. 272.
9. Савранский, И. Л. Коммуникативно-эстетические формы культуры / И. Л. Савранский. – Москва, 1979. – С. 76–78, 82.
10. Современный философский словарь. – Москва; Бишкек; Екатеринбург, 1996. – С. 511.
11. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Маркович, Ю. Л. Сорокин. – Новосибирск, 1989. – С. 21.
12. Философский энциклопедический словарь. – Москва, 1983. – С. 601.

Получено 30.04.2014

A. Karachkanov

graduate student,

Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: arman5879@mail.ru

PHENOMENON OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY: METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH

Abstract. *The general definition of organizational culture within philosophy as the certain system of the values, belief, attitud and norms shared by members of the organization and connecting it in a whole is given. The philosophical and methodological bases of research of a phenomenon of organizational culture in the conditions of modern transformations are considered. On the basis of the carried-out analysis it is represented possible to plan the main prospects of research of organizational culture within modern philosophical thought on means of four methodological approaches. It allows to investigate more deeply organizational culture, being beyond habitual rational and pragmatistical approach in modern scientific literature, and more in a complex to light a phenomenon, given still relatively young for philosophy, which in domestic philosophical thought is still insufficiently lit. Also new opportunities for a problematization and conceptualization with caution on a modern sociocultural context in aspect of nonlinearity, a randomness, high structural complexity and instability of the processes happening in the world open. Four approaches given in article, certainly, aren't exhaustive for modern philosophical thought, but give an impulse to attempt of the complete description of a phenomenon of organizational culture, its structurally functional contents and prospects of semantic interpretation.*

Keywords: *organizational culture, methodology, philosophical foundations of research*

For citing: *Karachkanov, A. Phenomenon of organizational culture in contemporary philosophy: methodological bases of research / A. Karachkanov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 83–88.*

References

1. Vejl, P. *Iskusstvo menedzhmenta [Management art]* / P. Vejl. – Moscow, 1993. – P. 224.
2. Knyazeva, E. N. *Synergetics as new mirovideniye: dialogue with I. Prigozhin* / E. N. Knyazeva, S. P. Kurdyumov // *Voprosy filosofii [Philosophy questions]*. – 1992. – № 12. – P. 3–21.
3. Kuznecov, V. G. *Germenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and humanitarian knowledge]* / V. G. Kuznecov. – Moscow, 1991. – P. 149.
4. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]*. – Moscow, 1990. – P. 441.
5. Lotman, Yu. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of the art text]* / Yu. M. Lotman. – Moscow, 1970. – P. 44.
6. Milner, B. Z. *Sistemnyj podkhod k organizacii upravleniya [System approach to the organization of management]* / B. Z. Milner, L. I. Evenko, V. S. Rapport. – Moscow, 1983. – P. 224.
7. Prigozhin, A. I. *Metody razvitiya organizacii [Methods of development of the organization]* / A. I. Prigozhin. – Moscow, 2003. – P. 691.
8. Prigozhin, I. *Vremya, kaos, kvant [Time, chaos, quantum]* / I. Prigozhin, I. Stengers. – Moscow, 1994. – P. 272.
9. Savranskij, I. L. *Kommunikativno-esteticheskie formy kul'tury [Communicative and esthetic forms of culture]* / I. L. Savranskij. – Moscow, 1979. – P. 76–78, 82.
10. *Sovremennyj filosofskij slovar [Modern philosophical dictionary]*. – Moscow; Bishkek; Ekaterinburg, 1996. – P. 511.
11. *Tekst kak yavlenie kul'tury [Text as culture phenomenon]* / G. A. Antipov, O. A. Donskikh, I. Yu. Markovich, Yu. L. Sorokin. – Novosibirsk, 1989. – P. 21.
12. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar [Philosophical encyclopedic dictionary]*. – Moscow, 1983. – P. 601.

Received 30.04.2014

К. В. Чемодуров

аспирант,

Курганский государственный университет

E-mail: kostya4500@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ИСПОВЕДЬ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Рассматриваются философские исповеди различных исторических эпох (от Античности до Возрождения). Предлагается методология их исследования, дается анализ и сравнение философских исповедей в рамках одной эпохи. Автор считает, что в одних исповедях доминирует самосознание автора, а в других его экзистенциальные переживания, и во всех присутствует дух эпохи. Философские исповеди исследуются в хронологической последовательности, что позволяет их сравнивать не только в рамках одной эпохи, но и на протяжении человеческой истории. Обосновывается актуальность темы, предлагается представление о философской исповеди как специфическом литературном жанре. С нашей точки зрения, к жанру философской исповеди в эпоху Античности относятся «Наедине с собой. Размышления» М. Аврелия и первые две книги «Утешения философией» С. Боэция, в Средневековье «Исповедь» А. Августина и «История моих бедствий» П. Абеляра, а в эпоху Возрождения «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» Ф. Петрарки. Автор считает, что все философские исповеди были написаны в «эпохи бездомности», переходные периоды в истории человечества. Философская исповедь Аврелия носит отпечаток рационалистического самосознания автора, а книги Боэция выражают экзистенциальные переживания автором состояний своей души, которые он стремится описать с помощью рациональных рассуждений. «Исповедь» Августина может считаться первым образцом исповеди человека с христианским мировоззрением, а произведение Абеляра представляет собой синтетический жанр, в котором доминирует рационализм. Петрарка в своей исповеди сравнивает два типа мировоззрения: средневековое и светское.

Ключевые слова: философская исповедь, методология исследования исповеди, дух эпохи, самосознание, экзистенциальные переживания

Для цитирования: Чемодуров, К. В. Философская исповедь: от Античности до Возрождения / К. В. Чемодуров // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 89–95.

Актуальность темы статьи обусловлена рядом причин. Несмотря на то что тексты жанра исповеди существуют на протяжении уже почти 2000 лет, их систематического анализа не проводилось ни в литературоведении, ни в философии. Не выяснены жанр философской исповеди и ее специфика, отличие от других философских текстов, генезис, эволюция и будущее. Большинство исследований посвящено немногим наиболее известным философским исповедям (А. Августина, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого).

Помимо того, что исповедь представляет собой признание (в том числе иногда и публичное)

в своих делах, прегрешениях и открывает «глубину души» автора, ее отличительными признаками являются раскаяние и покаяние. Однако такие исследователи, как Г. Л. Тульчинский и М. С. Уваров, утверждают, что для человека рубежа XX – XXI вв. (а теперь и XXI в.) эти особенности теряют свое значение: «Исповедоваться вдруг начинает каждый второй политик, далекий от раскаяния за прошлые и нынешние грехи, но пекущий свой православный имидж как горячие пирожки... Или появляется некая эстрадная дива, понимающая под исповедью винегрет из поп-музыки... При этом “классики жанра” не замеча-

ют, как сбиваются на пошлость, подменяют интимное слово исповеди многословием публичного срама... Девальвация идей раскаяния, покаяния, исповеди – одна из трагических отметин российского духовного опыта конца XX века» [17].

В научной литературе не сложилось единого представления о жанре исповеди, в том числе философской. Одни исследователи утверждают, что существует исповедальный жанр, к которому помимо исповеди относятся автобиография, дневники, мемуары, частная переписка и т. д., тогда как другие считают, что исповедь – разновидность автобиографии. Наиболее корректным, по нашему мнению, является подход, согласно которому философская исповедь представляет собой гибридный жанр литературы. Такой точки зрения придерживается Н. Казанский: «жанр [исповеди] возникает на пересечении традиций, связанных с повседневной жизнью... Другой... основой жанра остается автобиография...» [11].

При этом критериями исследования философской исповеди служат дух эпохи, самосознание и экзистенциальные переживания автора. «Исповедь, – утверждает Б. В. Марков, – интимный документ эпохи. И не потому, что сообщает о тайных сторонах сексуальной жизни, а потому, что раскрывает сокровенные надежды... Это образец дискурса об интимном, в котором сочетаются молитва и исследование» [14, с. 186]. При анализе данного феномена актуальными являются идеи М. Бубера, который выделял в истории человеческого духа, выражающего культурные архетипы, ценностные абсолюты, идеалы и нормы религии и морали, эпохи обустроенности и бездомности [7, с. 165]. Для характеристики самосознания в исповеди в литературе применяются методологии самоидентификации и самоидентичности *я*, конструирования *я*, повседневного мышления, а для экзистенциальных переживаний – методология диалога и концепция жизненного мира Э. Гуссерля [15, с. 105].

К эпохе Античности относятся такие философские исповеди, как «Наедине с собой. Размышления» М. Аврелия и первые две книги «Утешения философией» С. Бозция. Правление императора Аврелия завершает золотой век династии Антонинов. С. Котляревский утверждает,

что в это время господство философии уступает место разнузданному насилию, а империя входит в хозяйственный и культурный кризис [12, с. 6]. Раскол в обществе вызвал и раскол в человеческой душе. Человек начинает осознавать себя как личность, автономную от общества. Поэтому Аврелий сосредоточивает внимание на проблеме спасения, ища новые нравственные основания стратегии жизни человека. Философия рассматривается им как руководитель нравственной жизни человека-индивида. Как и все стоики, философ признавал обращенный к человеку девиз «Будь разумом», поэтому его этика является рационалистической. Например, счастье человека усматривается им в согласии с разумом: «Удовлетворенность твоего духа самим собой, где он может указать тебе путь действия, согласный с правым разумом...» (Ш 6) [3, с. 70]. Главными принципами этики им признаются подчинение судьбе и жизнь в согласии с законами природы, а его мировоззрение имеет пантеистический характер.

Доминирование методологии самосознания выражается у Аврелия в конструировании им своего *я*, следствием чего является нарратив, или набор жизненных историй, который и представляет собой первая книга «Размышлений». На протяжении всего произведения одной из главных является проблема самоидентичности, раскрываемая в форме поиска ответа на вопрос, каким должен быть идеальный человек. Философ обращается и к повседневному мышлению, утверждая в качестве его типичных конструктов благожелательность и снисходительность к людям. Несмотря на то что Аврелий использует ряд экзистенциалов (смерть, судьба, душевный покой), он подвергает их логическому анализу. Главное, что создал Аврелий, – новый моральный идеал мудреца-стоика, которому присущи отсутствие страстей (апатия), презрение к чувственным удовольствиям, углубление в свой внутренний духовный мир, одиночество, самодостаточность (автаркия), равнодушие к внешней стороне человеческой жизни, вера в судьбу.

Отнесение Бозция к эпохе Античности не является общепринятым, но наиболее корректным нам представляется утверждение В. И. Уколовой, что «фигура Бозция высится на “перекре-

стке времен” – античного и средневекового», а спланивающим идейным началом у Боэция было не только христианство, но и античное наследие [19, с. 4]. Эпоха, в которую жил Боэций, также представляет собой время «бездомности» человека. Рушится Римская империя, проходит ряд Вселенских соборов, на которых принимаются христианские догматы. Если во время Аврелия в центре философского мировоззрения находится личность, я, то теперь ее место занимает Бог, что позволяет говорить о религиозном характере эпохи. Религия пронизывает все сферы жизни общества, оказывая влияние на ценности, нормы, эстетические представления, повседневную жизнь, Бог становится онтологическим и нравственным Абсолютом.

Жанр «Утешения философией» Боэция определяется неоднозначно. Скорее можно считать, что исповедь Боэция встроена в многоаспектную философскую работу, где первые две книги представляют исповедь. В первой книге доминирует выражение самосознания автора, ведущего диалог не с Богом, а с Философией, которая узнает у Боэция, что тревожит его душу. Боэций в диалоге анализирует свой внутренний мир, высказывая ряд идей, родственных стоикам: самоконтроль, свобода духа, поднимающегося над суетой жизни, система логических доказательств. Неслучайно его работы считают основой средневековой схоластики [20, с. 60].

Но вместе с тем он выражает свою философскую позицию и экзистенциально. М. С. Уваров считает, что Боэций был неоднократным участником богословских споров, вследствие чего «философский дискурс предстает у Боэция как некий исход состояния души, как утешение, успокоение, даруемое отрешенностью от богословских споров...» [18, с. 45]. Логические рассуждения у него соседствуют с выражением таких глубоких экзистенциальных переживаний, как гнев, боль, смятение, печаль, скорбь, сокрушение. Поэтому Философия неслучайно ставит диагноз душе Боэция: «Смятение и многие страсти гнетут тебя, и разрывают тебе сердце гнев, скорбь и печаль» [6, с. 201]. Тем самым в исповеди Боэция имеет место синкретизм двух методологий – логического само-

анализа и экзистенциальных переживаний, что связано не только с его приверженностью античной философии (неоплатонизм), но и с христианским мировоззрением мыслителя.

К жанру философской исповеди эпохи Средневековья относятся «Исповедь» А. Августина и «История моих бедствий» П. Абеляра. Средневековое общество уже четко определило дом человека, отдавая ему определенное место в земной и небесной иерархии. Но Августин, по свидетельству В. В. Бычкова, «был человеком и мыслителем одного из сложнейших и интереснейших в истории культуры переходных периодов» [8, с. 292]. В это время христианство становится официальной религией Рима, утверждая свой приоритет в борьбе с ересями. Происходят и преобразования в душе верующих: «Всякий отдельный человеческий дух достигает полноты... возвращаясь к Богу и переставая быть отдельным, быть “я”...» [5, с. 12]. В жизни верующих главное место занимают проблемы первородного греха, раскаяния и спасения, а все формы духовной культуры приобретают религиозный характер. Главной методологией исповеди Августина являются экзистенциальные переживания. История жизни Августина, изложенная им в первых девяти книгах, рассказана не с помощью логического дискурса, а как выражается В. Л. Рабинович, «выплакана». Называя исповедь Августина «текстом-плачем», исследователь пишет: «Эта принципиально новая установка – воспитать-прояснить собственную душу – осуществляется в решительном отталкивании от многовековой традиции риторического научения» [16, с. 300].

Большинство страниц исповеди посвящено экзистенциальным переживаниям автора о своем обращении в христианство, о борьбе со своей душой, «переводе» ее из языческого в просветленное христианское состояние верующего. В отличие от исповеди Аврелия, работа Августина представляет исповедь-покаяние человека, уже ставшего глубоко верующим христианином. Эмпатический диалог, который отсутствует у Аврелия и Боэция, играет важную роль в «Исповеди» и происходит в двух плоскостях: обращение Августина к Богу и к самому себе с позиции человека, ставшего христианином. «Прими, –

взывает он, – исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим, который ты создал и побудил исповедовать имя Твое; выздоровели кости мои...» (V, 1) [2, с. 90].

Переживания Августина своей интенциональностью избирают Бога. Каждая часть его книг наполнена обращением к нему, откровенным диалогом, благодарностью и благоговением ученика перед учителем. Но вместе с тем на примере своей жизни он учит других христианской вере, «выплакивая душу, “учит”» [16, с. 305]. Одной из особенностей «Исповеди» является использование цитат из Библии, что усиливает религиозный смысл экзистенциальных переживаний автора. Все это позволяет утверждать, что на данное произведение оказал влияние дух эпохи, так как Бог рассматривался как высшая ценность, а жизнь человека считалась подлинной, если он стремился преодолеть свою греховность с помощью божественной благодати. В это время популярной была философия неоплатонизма, и большинство исследователей указывает на влияние этого направления на мировоззрение Августина. Э. Жильсон утверждает, что основой философских идей Гиппонского епископа является неоплатонизм. «Августин, – пишет он, – никогда не будет развивать и углублять его и, старея, станет все меньше и меньше из него черпать; но вся его философская техника – оттуда» [10, с. 96].

Время жизни Абеляра приходится на позднее Средневековье. По-прежнему в центре мировоззрения эпохи находится отношение человека к Богу, но теперь это отношение не только переживается, но и подвергается рефлексии. Как утверждает Ж. Ле Гофф, «в поисках новых доказательств схоласты (по крайней мере некоторые из них) все шире применяли наблюдение и эксперимент... Рождающаяся схоластика попыталась установить связь между свободными искусствами и механикой, между науками и техникой» [13, с. 423]. Религия продолжает влиять на различные сферы жизни общества, но все чаще происходят конфликты между светской властью и представителями церкви. Изменяется и философия этого периода, что связано с возникновением в XII в. схоластики, методология которой вела к росту интеллектуальной активности людей.

Исповедь Абеляра начинается с нарратива, благодаря которому мы узнаем биографические моменты из жизни мыслителя. Конфликт между реальным я и идеальным я выражается через рассказывание Абеляра в своих поступках, а повседневное мышление – через оценки взаимоотношений с другими людьми. В тексте присутствуют также экзистенциальные переживания, связанные с трагедийностью его жизни, и главным мотивом этих переживаний послужило оскотление Абеляра, о котором он сам говорил, что его больше мучили не физические муки, а душевные, унижение и стыд. Другим происшествием, вызвавшим отчаяние философа, стало сжигание его теологического трактата. Неслучайно Абеляр называет свою исповедь «историей бедствий». Вместе с тем на методологию исповеди Абеляра большое влияние оказало его участие в знаменитом средневековом диспуте об универсалиях, в котором он, по мнению одних, занимал позицию номинализма, а других – концептуализма. В связи с этим Л. М. Баткин считает жанр исповеди Абеляра синтетическим, объединяющим ученый трактат, вероучительную проповедь, инвективу, любовную новеллу, церковную хронику, эпистола, экземплум, исповедь, житие [4, с. 175–176]. Поэтому в философской исповеди Абеляра методологии самосознания и экзистенциальных переживаний взаимодействуют между собой.

В эпоху Возрождения происходит переориентация мировоззрения с религиозного на светское, утверждается рационализм, а Великие географические открытия, развитие торговли и рост городов приводят к расширению культурного кругозора и утверждению городской культуры. В философии начинает господствовать установка на антропоцентризм и гуманизм, но «гуманистические учения представляли собой сложный и причудливый сплав христианства с античной философией» [1, с. 53]. Поэтому тема Бога не исчезает полностью из философии.

Ярким образцом исповеди этой эпохи является «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» Ф. Петрарки. Книга представляет собой исповедь, написанную в форме диалога между Августином Блаженным и Франциском, т. е. самим Петраркой. А. Х. Горфункель рассматривает

эту диалогическую исповедь как литературную форму самоанализа и самооценки Петраркой противоречий своего духовного мира. «Спор в диалоге, – пишет он, – есть внутренний спор автора с самим собой, происходящий в нем самом спор гуманиста со сторонником христианской традиции» [9, с. 28].

В первой беседе объектом дискуссии является понимание человека. Если Августин считает, что люди оказываются несчастными в силу греховности человеческой природы, то Франциск утверждает, что люди привержены земным страстям, рассматривая последние как «лучшие радости» земной жизни. В этой беседе имеются и экзистенциальные моменты: душу Франциска охватывает смятение, которое является следствием мыслей о том, что человек смертен. Во второй беседе разбираются смертные грехи самого Франциска: отчаяние, корыстолюбие, печаль (акидея), гордость, зависть и т. д. Августин считает возможным избавление от них только с помощью божественной благодати, тогда как Петрарка предпочитает надеяться на собственные силы. Рассуждая о смерти, Августин и Франциск также находятся на разных позициях: если для первого смерть представляет собой переход к жизни вечной, то для Петрарки смерть – расставание с земными благами. В третьей беседе внимание уделяется личности поэта новой эпохи, и особую роль обретает тема любви. Петрарка полагает, что существует два вида любви: обычная любовь, которая связана с чувственными наслаждениями, и платоническая духовная любовь. При этом для Франциска платоническая любовь

служит не только источником страданий и мук, но и радости, что является непонятным для Августина, так как его представления о любви связаны со средневековой эпохой, религиозным мировоззрением. В конце спора оба остаются на разных мировоззренческих позициях.

Все исповеди написаны в «эпохи бездомности», переходных периодов в истории человечества. Философская исповедь Аврелия носит отпечаток рационалистического самосознания автора, Боэция – выражает экзистенциальные переживания автором состояний своей души, устремленной к Богу, которые тем не менее он стремится описать с помощью рациональных рассуждений, предвосхищая тем самым методологию зрелой схоластики, использующей аристотелизм для апологии христианской догматики. «Исповедь» Августина может считаться первым образцом литературной исповеди религиозного человека с христианским мировоззрением, а философская исповедь Абельяра представляет собой синтетический жанр, в котором доминирует рационализм. Петрарка сравнивает два типа мировоззрения: средневековое, имеющее форму религиозного фатализма, и светский гуманизм эпохи Возрождения, отдавая предпочтение последнему. Исторический дух различных эпох формирует разные формы мировоззрения философов, а оно – использование разных методологий для раскрытия внутреннего мира своей души и оценок прожитой жизни. Жанр философской исповеди получил дальнейшее развитие в XVIII – XX вв. в творчестве Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, Л. Н. Толстого и Н. А. Бердяева.

1. Абрамсон, М. Л. От Данте к Альберти / М. Л. Абрамсон. – Москва: Наука, 1979. – 176 с.
2. Августин, А. Исповедь / Аврелий Августин. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. – 400 с.
3. Аврелий, М. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. – 224 с.
4. Баткин, Л. М. Ради чего Абельяра написал автобиографию / Л. М. Баткин // Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 1005 с.
5. Баткин, Л. М. «Не мечтайте о себе». О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина / Л. М. Баткин. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1993. – 80 с.
6. Боэций, С. Утешение философией и другие трактаты / С. Боэций. – Москва: Наука, 1990. – 416 с.
7. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер // Два образа веры. – Москва: Республика, 1995. – 464 с.
8. Бычков, В. В. Aesthetic a patrum. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин / В. В. Бычков. – Москва: Ладомир, 1995. – 593 с.

9. Горфункель, А. Х. Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. – Москва: Высш. шк., 1980. – 368 с.
10. Жильсон, Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / Э. Жильсон. – Москва: Культурная революция: Республика, 2010. – 678 с.
11. Казанский, Н. Исповедь как литературный жанр [Электронный ресурс] / Н. Казанский // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. – Москва: Собрание, 2009. – Т. 6. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm (дата обращения 06.10.2014).
12. Котляревский, С. Вступительный очерк / С. Котляревский // Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. – 224 с.
13. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
14. Марков, Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации / Б. В. Марков. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 667 с.
15. Мотрошилова, Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 102–112.
16. Рабинович, В. Л. Человек в исповедальном жанре / В. Л. Рабинович // О человеческом в человеке. – Москва, 1991.
17. Тульчинский, Г. Л. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков [Электронный ресурс] / Г. Л. Тульчинский, М. С. Уваров // Исповедальное слово в метафизической перспективе. – Режим доступа: http://polbu.ru/tulchinsky_metaphysics/ch16_i.html (дата обращения 14.01.2015).
18. Уваров, М. С. Архитектоника исповедального слова / М. С. Уваров. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 256 с.
19. Уколова, В. И. «Последний римлянин» Бозций / В. И. Уколова. – Москва: Наука, 1987. – 160 с.
20. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва: Совет. энцикл., 1983. – 840 с.

Получено 14.10.2014

K. Chemodurov

graduate student,

Kurgan State University

E-mail: kostya4500@mail.ru

PHILOSOPHICAL CONFESSION: FROM ANTIQUITY TO RENAISSANCE

Abstract. *In this article philosophical confessions of different historical epochs (from antiquity to Renaissance) are considered. Their research methodology, analysis and comparison of philosophical confession within the scope of one epoch are given. The author assumes that in one confessions self-consciousness of the author is dominate, but in other his existential feelings, and in all confessions the time spirit is presented. In article philosophical confessions are studied in chronological order, which allows to compare them not only within the scope of one epoch, but during the human history. The actuality of the article theme is substantiated and the idea of a philosophical confession as a specific literary genre is presented. With the author's point of view the genre of philosophical confession in Antiquity include «Thoughts addressed to himself. Meditations» of M. Aurelius and the first two books of the «Consolation by philosophy» of C. Boethius, in the middle ages «Confession» by A. Augustine and the «History of my calamities» of P. Abelard, and in the Renaissance «My Secret Book» of F. Petrarch. The author considers that all philosophical confession was written in the «epoch of homelessness», transition periods in the history of mankind. Aurelius's philosophical confession has the imprint of the rational consciousness of the author, and Boethius's philosophical confession expresses existential experiences of the author states of his soul, which he tries to describe with rational meditations. Augustine's «Confessions» can be considered as the first example of the confession of a man with a Christian worldview and philosophical confession of Abelard is a synthetic genre in which rationalism is dominated. Petrarch in his confession compares two types of worldview: the medieval and secular.*

Keywords: *philosophical confession, research methodology, time spirit, self-consciousness, existential feelings*

For citing: *Chemodurov, K. Philosophical confession: from Antiquity to Renaissance / K. Chemodurov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 89–95.*

References

1. Abramson, M. L. Ot Dante k Alberti [From Dante to Alberti] / M. L. Abramson. – Moscow: Nauka, 1979. – 176 p.
2. Avgustin, Avrelii. Ispoved [Confession] / Avrelii Avgustin. – Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. – 400 p.
3. Avrelii, M. Naedine s soboi. Razmishleniya [Thoughts addressed to himself. Meditations] / Mark Avrelii. – Saint-Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2012. – 224 p.
4. Batkin, L. M. For what Abelard wrote autobiography / L. M. Batkin // Evropeiskii chelovek naedine s soboi. Ocherki o kulturno-istoricheskikh osnovaniyakh i predelakh lichnogo samosoznaniya [European human alone with yourself. Essays on cultural-historical foundations and the limits of personal identity]. – Moscow: Rossiiskii gosudarstvennii gumanitarnii universitet, 2000. – 1005 p.
5. Batkin, L. M. «Ne mechteite o sebe». O kulturno-istoricheskom smisle «Ya» v «Ispovedi» bl. Avgustina [Don't dream about yourself. About culture historical meaning of «I» in the bl. Augustine's «Confession»] / L. M. Batkin. – Moscow: Rossiiskii gosudarstvennii gumanitarnii universitet, 1993. – 80 p.
6. Boecii, S. Uteshenie filosofiei i drugie traktati [Consolation by Philosophy and other treatises] / S. Boecii. – Moscow: Nauka, 1990. – 416 p.
7. Buber, M. The problem of human / M. Buber // Dva obraza very [Two images of faith]. – Moscow: Respublika, 1995. – 464 p.
8. Bichkov, V. V. Aesthetic a patrum. Estetika Otcov Cerкви. I. Apologetika. Blazhennii Avgustin [The aesthetics of the fathers of the Church. I. Apologetics. Blessed Augustine] / V. V. Bichkov. – Moscow: Ladomir, 1995. – 593 p.
9. Gorfunkel, A. H. Filosofia epohi Vozrozhdeniya [The Philosophy of Renaissance epoch] / A. H. Gorfunkel. – Moscow: Vissh. Shkola, 1980. – 368 p.
10. Gilson, E. Filosofiya v srednie veka: ot istokov patristiki do konca XIV veka [Philosophy in the medieval ages: From the beginning of Patristics to the end of the XIV century] / E. Gilson. – Moscow: Kulturnaya revoliuciya, Respublika, 2010. – 678 p.
11. Kazanskii, N. Confession as the literature genre [Electronic resource] / N. Kazanskii // Vestnik istorii, literaturi, iskusstva [Journal of history, literature, art] / RAN, Otd–nie ist.-filol. Nauk; ch. ed. G. M. Bongard-Levin. – Moscow: Sobranie, 2009. – Vol. 6. – URL: http://krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm.
12. Kotlyarevskii, S. Vstupitel'nii ocerk [Introductory essay] / S. Kotlyarevskii // Avrelii M. Naedine s soboi. Razmishleniya [Thoughts addressed to himself. Meditations] / Mark Avrelii. – Saint-Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2012. – 224 p.
13. Le Goff, Zh. Civilizaciya crednevekovogo Zapada [The civilization of the medieval West] / Zh. Le Goff. – Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. – 560 p.
14. Markov, B. V. Ludi i znaki: antropologiya mezhlichnostnoi kommunikacii [People and signs: anthropology of interpersonal communication] / B. V. Markov. – Saint-Petersburg, 2011. – 667 p.
15. Motroshilova, N. V. Ponyatie i koncepciya zhiznennogo mira v pozdnei filosofii Edmunda Gusserlya [Term and concept of life world in late philosophy of Edmund Husserl] / N. V. Motroshilova // Voprosi filosofii [Questions of philosophy]. – 2007. – № 7. – P. 102–112.
16. Rabinovich, V. L. The man in the confessional genre / V. L. Rabinovich // O chelovecheskom v cheloveke [About human in the human]. – Moscow, 1991.
17. Tulchinskii, G. L. Perspectives of metaphysics: classical and non-classical metaphysics at the turn of the century [Electronic resource] / G. L. Tulchinskii, M. S. Uvarov // Ispovedalnoe slovo v metafisicheskoi perspective [Confessional word in the metaphysical perspective]. – URL: http://polbu.ru/tulchinsky_metaphysics/ch16_i.html.
18. Uvarov, M. S. Arhitektonika ispovedalnogo slova [Architectonics of the confessional word] / M. S. Uvarov. – Saint-Petersburg: Aleteiya, 1998. – 256 p.
19. Ukolova, V. I. «Poslednii rimlyanin» Boecii [«The last roman» Boethius] / V. I. Ukolova. – Moscow: Nauka, 1987. – 160 p.
20. Filosofskii enciklopedicheskii slovar [Encyclopedic dictionary of philosophy] / ch. ed.: L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. – Moscow: Sovet. Enciklopediya, 1983. – 840 p.

Received 14.10.2014

УНИВЕРСАЛИИ «ВИНА» И «СТЫД» КАК ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОСТИ В МОРАЛИ

Рассматривается путь развития русской морали от эпохи Средневековья до XX в. Изучается влияние христианства на русскую мораль. Понятия «совесть», «вина» и «стыд» являются центральными в сочинениях Владимира Мономаха, Даниила Заточника, Ф. Прокоповича, А. Кантемира, а также в произведениях писателей-моралистов XIX в. Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Русская мораль раскрывается через такие базовые этические понятия русской философии, как «правда», «истина», «совесть», «вина», «стыд», «долг», «грех», «любовь», «свобода воли». В статье анализируется моральный кризис российского общества начала XX в. и подчинение морали классовой борьбе пролетариата в советской России, означавшее оправдание тоталитаризма. Рассматриваются работы, посвященные проблеме морали, С. Л. Франка, Л. И. Шестова и А. И. Бродского. Суть нового понимания морали в XX в. раскрывается через труды известных политических деятелей этого столетия В. И. Ленина, А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. М. Коллонтай. Состояние морального сознания современной России характеризуется как раскол. Освещается переход от индивидуальной к профессиональной и корпоративной морали как результат трансформации России в массовое общество. Автор приходит к выводу, что русская мораль развивалась крайне противоречиво, подчиняясь социально-историческим поворотам в судьбе государства: от морали стыда к морали вины (XIX – начало XX в.), от нее к морали общественного долга и коллективной ответственности (в советский период), а затем в современной России к институционально оформленной корпоративной морали стыда.

Ключевые слова: русскость, универсалии, вина, стыд, профессиональная и корпоративная мораль

Для цитирования: Данилова, Ю. Н. Универсалии «вина» и «стыд» как выражение русскости в морали / Ю. Н. Данилова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 96–100.

Стыд и вина относятся к универсалиям культуры, определяющим наряду с другими мировоззренческими понятиями цели и ценности социальной жизни, на основе которых осуществляются деятельность и отношения людей друг к другу. Концепт «русскость», введенный в лингвокультурологию, можно рассматривать как обозначение русского национального самосознания. Л. Н. Синельникова, опираясь на русскую философию и поэзию, выделяет следующие этические понятия, которые выражают специфику русской души: «Для русской философской мысли характерна прямая нацеленность на описание [а нередко и предписание] национальных деон-

тических норм. Базовые этические понятия русской философии – правда, истина, совесть, стыд, вина, долг, грех, любовь, свобода воли» [8].

Русская мораль как феномен специфического цивилизационного типа культуры России прошла длинный исторический путь, но при этом сохранила свои базовые универсалии. Моральные нормы славянского язычества были тесно связаны с родоплеменной структурой общества. В «Повести временных лет» сообщается, что «княжий суд... не делал различия между правовым обычаем и моральным долженствованием, но руководствовался лишь представлениями о нормальном и справедливом» [3]. Христианство,

придя в X в. на Русь, утверждало нравственные принципы в борьбе с язычеством, указывая на бесстыдство языческих обрядов и считая стыд важным качеством истинного христианина. В «Поучении» великого князя киевского Владимира Мономаха и в «Слове Даниила Заточника» страх перед Богом и стыд перед людьми рассматривались как важнейшие нормы православной морали. Стыд связывался со справедливостью (человек должен был стыдиться несправедливых мыслей и поступков), ставшей архетипом русского национального самосознания.

В Петровскую эпоху такие деятели культуры, как Ф. Прокопович и А. Кантемир, обличая пороки человека, уже описывают феномен мук совести, терзающих неправедных, а в поучении «Юности честное зерцало» (1717 г.), где речь идет о нравственном воспитании дворянина, стыд связывается с потерей чести. Этическая проблематика широко представлена в XIX в. в работах западников и славянофилов. А. И. Герцен критиковал европейскую мораль за формализм и лицемерие и рассматривал совесть как естественную потребность человека, способную изменить к лучшему и его самого, и общество. К. С. Аксаков считал, что европейский конституционализм не подходит для русского народа, стремящегося следовать «внутренней правде» и справедливости. Нравственный выбор и совесть русского человека являются важными темами произведений многих русских писателей XIX в., которые становятся моралистами русского общества. Особенно глубоко проблемы совести, вины, стыда освещены в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Н. А. Бердяев писал о русской литературе XIX в., что «вся она в муках и страдании, в боли о мировом спасении, в ней точно совершается искупление какой-то вины» [1, с. 395].

В начале XX в. в моральном сознании русской интеллигенции преобладало представление о вине перед народом и желание служить ему [9, с. 156–157]. Революция была кумиром, и все нравственные явления, в том числе и совесть, подчинялись делу революции. Разоблачая кумир революции как идол, С. Л. Франк не смог предложить атеистической интеллигенции ничего кроме любви к Богу и ближнему. У Л. И. Шесто-

ва критика разума приводит к имморализму. Признавая мораль союзницей науки, он считал необходимым подвергнуть ее разным формам отрицания. Защищая идеи релятивизма, Шестов писал: «Философы выдумали автономную мораль, имеющую в своем распоряжении чистые идеи, решительно никакого отношения к эмпирическому содержанию жизни не имеющие» [10, с. 169]. Описывая глубокий моральный кризис этого периода, А. И. Бродский заключал: «Марксисты и декаденты, символисты и позитивисты – все стремились развенчать мораль, избавить человечество от ненужного моралистического гнета» [2]. Этот кризис не был преодолен в общественном сознании и стал одной из причин краха российского государства.

Большевистская власть с 1917 г. провозгласила полное подчинение морали политическим целям классовой борьбы. Программное понимание морали В. И. Ленин выразил следующим образом: «Классовая борьба пролетариата, – писал он, – и ее методы не могут быть обсуждаемы и осуждаемы с точки зрения какого-либо незыблемого морального мерил, – наоборот, этика пролетариата целиком и полностью определяется интересами его классовой борьбы» [4]. Данная позиция означала отрицание нравственных абсолютов и оправдание своевольной свободы в области нравственности. Мораль прагматизировалась, подчиняясь общественной пользе, из нее «вырезалось» духовное содержание. Поэтому неслучайно на XVI съезде ВКП(б) (1930 г.) говорилось о том, что доносительство широко распространено в обществе и среди коммунистов.

В 1920-е гг. в советском государстве преобладали вульгаризаторские и нигилистические идеи в отношении морали. Под революционным лозунгом «долой все условности» отрицалось само понятие морали. А. А. Богданов рассматривал мораль как фетиш человечества, предлагая заменить ее всеобщей организационной наукой, а совесть, раскаяние понимались им как месть, направленная против себя, «как бесплодная растрата психических сил, нужных для работы». А. К. Гастев сводил нравственное воспитание к тренажу, основанному на биомеханике и био-

энергетике, психотехнике и социальной инженерии, а Н. И. Бухарин требовал заменить этические нормы поведения пролетариата простыми техническими правилами. Е. А. Преображенский, усматривая в буржуазной морали выражение интересов буржуазии в мистической оболочке «голоса совести», предлагал взамен морали нравственных абсолютов понимание морали как социального инстинкта и допускал вмешательство науки и государства в интимную жизнь людей «в целях улучшения расы путем искусственного полового подбора» [7, с. 139]. Эти идеи представляют простую кальку идей утопического коммунизма, которые ожили в 1930-е гг. в евгенике, а сегодня – в идеологии трансгуманизма. Тем самым проблема морали, в частности совести, рассматривалась на основе методологии прагматизма, техницизма и сциентизма. В результате пропагандировалась вседозволенная свобода в быту, семейных и сексуальных отношениях.

В 1920–1930-е гг. на волне интереса общественной мысли России к этим темам прошел ряд дискуссий по проблемам морали, среди которых можно выделить дискуссии о партийной этике, простых нормах нравственности, семье и половой морали. В ходе них были осуждены «элементы разложения» в партии и разработаны обязательные для поведения членов партии принципы коммунистической морали, отброшены простые нормы нравственности и признано право женщины на свободу в любви и браке. Популярным стал сформулированный А. М. Коллонтай лозунг «Дорогу крылатому Эросу!». Социологические исследования этого периода обнаружили среди молодежи вседозволенность в сексуальных отношениях и отсутствие стыда перед общественным мнением.

В период культа личности И. Сталина, когда начались массовые репрессии против различных социальных слоев (до войны было расстреляно 7 млн человек), от народа требовалось их оправдание, что привело к глубокому моральному кризису в обществе. Только с 1960-х гг. начинают формироваться концепции морали, обосновывающие ее независимость от политики и признающие ценность личности и свободу выбора [4]. Несмотря на

классовый подход к морали в советской России в межличностных отношениях сохранялся дух товарищества, взаимопомощи, совестливости, ответственности, что составляет особенность русского национального характера.

Перестроив в 1990-е гг. экономику на рыночную основу, Россия стала потребительским обществом, мораль – потребительской моралью, в которой добродетелью является не труд, а потребление, главной задачей идеологии и массовой культуры – «санкционирование и моральное оправдание потребления в глазах людей: необходимость сделать его нравственным, легализовать право потреблять безгранично и получать от этого удовольствие» [6, с. 297]. В результате происходит упадок морали в силу утраты идеи общего блага. Это состояние усугубляется расколом морального сознания из-за того, что в период экономических реформ 1990-х гг. были растоптаны такие моральные ценности, как справедливость, долг и совесть.

В современном российском обществе осуществился переход от индивидуальной морали, опирающейся на общезначимые нравственные ценности, к институциональной в виде профессиональной и корпоративной, в которых моральное сознание и поведение определяются кодексами профессиональной и корпоративной этики, переносащей ответственность с личности на организацию, транслирующей ценности в конкретную деятельность, ориентирующей не на свободу выбора, а на корпоративные стандарты и нормы, что лишает индивидов субъектности в морали, диктует приоритет групповых интересов и, по сути дела, управляет ценностями. «Сегодня работник, – считают Н. Генявичюте и А. Васильев, – следует не наставлениям начальника или велениям “своей совести”, а подвластен *управляемой этике* той системы профессиональной деятельности (миссии), которую он сам выбрал, приходя на работу (“этика профессиональных ролей”» [5, с. 208]. Это означает, что происходит сдвиг в системе моральной мотивации. Индивид теперь руководствуется в поведении не регу-

лятивом *совесть – вина*, а регулятивом *совесть – стыд перед мнением членов корпорации*, в которую он входит.

Итак, мораль и нравственная культура развивались в России крайне противоречиво, что было связано с кардинальными социально-историческими поворотами в ее судьбе: от

морали стыда (до XIX в.) к морали вины (XIX – начало XX в.), от нее к идеологизированной морали общественного долга и коллективной ответственности (в советский период), а затем в современной России – к институционально оформленной корпоративной морали стыда.

1. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. – С. 381–528.
2. Бродский, А. И. Обоснование морали в русской философии XIX – XX веков: логико-эпистемологические аспекты [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. И. Бродский. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obosnovanie-morali-v-russkoi-filosofii-xix-xx-vekov-logiko-epistemologicheskie-aspekty> (дата обращения 12.01.2015).
3. Лядов, В. В. Мораль и право в политико-правовой мысли Древней Руси XI – XII вв. [Электронный ресурс] / В. В. Лядов // Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований. – Режим доступа: <http://www.hses-online.ru/2014/02/193.pdf> (дата обращения 13.10.2014).
4. Лядов, В. В. Мораль и право в советский период [Электронный ресурс] / В. В. Лядов. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/01/10/1220> (дата обращения 01.02.2015).
5. Генявичюте, Н. Этика организаций – способ формирования действенных ценностей нравственности / Н. Генявичюте, А. Васильев // Облики современной морали. – Москва: МАКС Пресс, 2009. – С. 207–210.
6. Овруцкий, А. В. К вопросу об этике и морали потребительского общества / А. В. Овруцкий // Облики современной морали. – Москва: МАКС Пресс, 2009. – С. 296–299.
7. Петропавловский, Р. В. Вульгаризаторские и нигилистические тенденции в этических идеях 20-х годов и борьба с ними / Р. В. Петропавловский // Марксистская этическая мысль в СССР (20-е – первая половина 30-х годов). – Москва, 1989. – С. 111–161.
8. Синельникова, Л. Н. Концепт русскости [Электронный ресурс] / Л. Н. Синельникова. – Режим доступа: <http://russmir.info/kul/1178-koncept-russkosti.html> (дата обращения 16.03.2013).
9. Франк, С. Л. Крушение кумиров // Сочинения / С. Л. Франк. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. – С. 147–244.
10. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности: опыт адогматичного мышления / Л. Шестов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 216 с.

Получено 11.02.2015

Yu. Danilova

Graduate Student,

Kurgan State University

E-mail: uriko73@mail.ru

THE UNIVERSALITIES “GUILT” AND “SHAME” AS AN EXPRESSION OF THE RUSSIONALITY IN MORAL

Abstract. *In the article it is considered the development way of the Russian moral from the Middle Ages epoch to the 20th century. It's considered the influence of Christianity on the Russian moral. The understanding the conscience, the guilt and the shame to appear a central in compositions of Vladimir Monomah, Daniel Zatochnik, F. Prokopovich, A. Kantemir and the productions of writer-moralists 19th century of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy. Russian moral to uncover over basic ethic ideas of Russian philosophy when a honesty, a truth, a conscience, a guilt, a shame, a duty, a sin, a love, a freedom of will. It's considered the works of S. L. Frank, L. I. Shestow and A. I. Brodsky to consecrations problem of moral and famous political activists of V. I. Lenin, A.A. Bogdanow, N. I. Bucharin, A. M. Kollontay. It is analyzed the moral crisis of the Russian soci-*

ety from the outset of the 20th century and the obedience of the moral to the class struggle in the Soviet Russia that became aware of the totalitarianism justification. The state of the moral consciousness of the modern Russia is characterized as a split. The way from the individual moral to the professional and corporative one is considered as a result of the transformation of Russia to the mass society.

Keywords: *russionality, universalities, guilt, shame, professional and corporate moral*

For citing: *Danilova, Yu. The universalities “guilt” and “shame” as an expression of the russionality in moral / Yu. Danilova // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 96–100.*

References

1. Berdiaev, N. A. The World-contemplation of Dostoevsky / N. A. Berdiaev // *Smisl tvorchestva: Opit opravdania cheloveka [Sense of creative: experience justifications of man]. – Moscow; Kharkiv, 2004. – P. 381–528.*
2. Brodskiy, A. I. Obosnovanie morali v russkoy filosofii XIX – XX vekov: Logiko-epistemologicheskie aspekti [Electronic resource] [Argument of moral in Russian philosophy XIX – XX ages] / A. I. Brodskiy. – URL: <http://www.disserscat.com/content/obosnovanie-morali-v-russkoi-filosofii-xix-xx-vekov-logiko-epistemologicheskie-aspekty>.
3. Liadov, V. V. Moral and right in politic-lawfulness mind of Old Russia XI – XII [Electronic resource] / V. V. Liadov // *Novie tendencii v obrazovanii i nauke: opit mejdisciplinarnih issledovaniy [New tendency in education and science: experience of inter-disciplines investigations]. – URL: <http://www.hses-online.ru/2014/02/193.pdf>.*
4. Liadov, V. V. Moral i pravo v sovietskiy period [Moral and right in soviet period] [Electronic resource] / V. V. Liadov. – URL: <http://www.proza.ru/2014/01/10/1220>.
5. Geniavichute, N. Ethics of organizations – the method to form of real value of moral / N. Geniavichute, A. Vasiliev // *Obliki sovremennoy morali [The featureless of moral contemporary]. – Moscow, 2009. – P. 207–210.*
6. Ovrutskiy, A. V. Questions of ethics and moral of society of consumption / A. V. Ovrutskiy // *Obliki sovremennoy morali [The featureless of moral contemporary]. – Moscow, 2009. – P. 296–299.*
7. Petropavlovskiy, R. V. Vulgarizing and nihilisting tendency in a ethics ideas of 20 years and struggle with this / R. V. Petropavlovskiy // *Marxistskaia eticheskaia mysl v SSSR (20-e – pervaya polovina 30-h godov) [The marxian ethics idea in USSR (20th – first half 30th years)]. – Moscow, 1989. – P. 111–161.*
8. Sinelnikova, L. N. Koncept russkosti [Concept of the russionality] [Electronic resource] / L. N. Sinelnikova. – URL: <http://russmir.info/kul/1178-koncept-russkosti.html>.
9. Frank, S. L. To Shattering of Idols // *Sochinenia [The Compositions] / S. L. Frank. – Moscow, 2000. – P. 147–244.*
10. Shestov, L. Apogey bespochvennosty: opit adogmatichnogo mishlenia [Apogees of unsolid: Experience of undogmatic thinking] / L. Shestov. – Leningrad, 1991. – 316 p.

Received 11.02.2015

ДЕТСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

Раскрываются особенности детских словесных игр устного творчества, их значение и функции в традиционной культуре тувинцев. Данный жанр устно-народного творчества имел большое значение, поскольку выполнял важные функции по воспитанию и развитию детей, был тесно связан с такими аспектами, как художественный текст, игра и особенности трудовой и хозяйственной деятельности. В данной работе были использованы собственные полевые материалы, собранные по районам Республики Тыва. Кроме того, мы используем классификацию периодов детства Г. Д. Сундуя (2009): младенчество (чаи уези) и детство (бичи уези). Данный принцип объясняется тем, что ребенок меняется в каждый период, ставятся новые, более сложные задачи в овладении им речевыми навыками, познавательными реакциями на окружающий мир. Так, во младенческий период и период детства чаще всего использовали считалки, скороговорки, загадки и дразнилки, которые отличались друг от друга по своей воспитательной и педагогической направленности, по возрасту детей, которым предназначались.

Ключевые слова: словесная игра, считалки, скороговорки, загадки, дразнилки

Для цитирования: Кара-оол, Ч. А. Детские словесные игры устного народного творчества в традиционной культуре тувинцев / Ч. А. Кара-оол // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 101–105.

Словесные игры устного фольклора (считалки, скороговорки, загадки, дразнилки и др.) относятся к такому виду детского творчества, как состязание поэтически организованной речи. Первые записи тувинского фольклора осуществлены в конце XIX – начале XX в. российскими учеными-востоковедами – В. В. Радловым, Г. Н. Потаниным, Н. Ф. Катановым. Исследователи детского фольклора обращают внимание в основном на педагогические и познавательные функции: нравоучение, умение приспособляться к требованиям социума, развитие кругозора, интеллекта и т. д.

Вместе с тем исследований по данному жанру традиционной культуры тувинцев практически нет, а имеющиеся работы носят фрагментарный характер. Целью данной статьи является введение в оборот материалов по малым жанрам детского фольклора, их систематизация и определение их значения, роли и функций, что позволит выявить

новые аспекты воспитания детей в традиционной культуре.

К ним первую очередь относятся *считалки (санадыг)*. По мнению В. П. Аникина, считалки – это короткие рифмованные стишки, состоящие по большей части из придуманных слов и созвучий с подчеркнуто строгим соблюдением ритма, по содержанию и функциям они разнообразны [1, с. 575].

При анализе считалок мы придерживались классификации, предложенной Г. С. Виноградовым, который выделяет две группы: считалки-числовки и считалки-заменки. Считалки-числовки – это считалки с числами, содержащие счетные слова, количественные и порядковые синонимы числительных, встречающихся в текстах с «условным» счетом [3, с. 199].

Следует отметить, что тувинцы проговаривают считалки, когда у ребенка начинают формироваться первые слова. Согласно полевым исследованиям, считалки-числовки встречаются в

простейшем трехкратном повторении цифр. Взрослые их использовали для четкости произношения и развития речи. Они по своей форме просты и легко запоминаются:

Би-рээ, би-рээ, би-рээ, Ра-аз, ра-аз, ра-аз,
Ийи, ийи, ийи, Два, два, два,
Уш, уш, уш, Три, три, три [7].

Также дети начинали рассказывать считалку, когда уже понимали обозначение цифр:

Бир дээрге дең, Один – это лампа,
Иий дээрге бомбук, Два – это мячик,
Уш дээрге теве, Три – это верблюд
Дорт дээрге, Четыре – это лошадь,
Беи дээрге. Пять – это корова

[Там же].

Схожие игровые считалки бытуют и в алтайском детском фольклоре:

Бир дегени билу, Один – это точилка,
Эки дегени – эгу, Два – это брусок,
Уч дегени – улу, Три – это часть,
Торт дегени тоо, Четыре – это верблюд,
Беи дегени бее. Пять – это кобылица

[13, с. 129–130].

Данная считалка реализует педагогическую функцию, т. е. через нее ребенок получает много информации.

Наиболее распространены у тувинцев математические считалки-числовки, такие как «30 белых кувшинов» («Ужэн ак донга»):

Чаа мен эки эр Ладно, я буду добрым
болуйн молодцем,
Ужэн ак донга Буду считать 30 белых
донга санаайн! кувшинов!
Бир ак донга, Один белый кувшин,
Ийи ак донга, Два белых кувшина,
Уш ак донга, Три белых кувшина,
Дорт ак донга, Четыре белых кувшина,
Беи ак донга, Пять белых кувшинов,
Алды ак донга, Шесть белых кувшинов,
Чеди ак донга, Семь белых кувшинов,
Сес ак донга, Восемь белых кувшинов,
Тос ак донга, Девять белых кувшинов,
Он ак донга Десять белых кувшинов.

Подобные считалки произносятся ритмично, монотонно. С их помощью у ребенка развивается мелкая моторика и слух. И. У. Самбу отмечает, что в традиционной культуре тувинцы нанизыва-

ли на нитку косточки заячьих лапок и подпоясывали или надевали их на шею детям как амулеты. Эти косточки и служили считалками. Каждую косточку передвигали с одного конца на другой, приговаривая. Некоторые дети с трудом пересчитывали до трех, им взрослые хлопали для поощрения [11, с. 118].

Кроме того, у тувинцев бытуют считалки-заменки. К ним относятся произведения, не содержащие в себе ни счетных, ни заумных слов [3, с. 199]. Например:

Пашта мун хайнын тур,
Ону барын ижип ал,
Соок болза чылдып ал,
Изиг болза ижип ал!

В котелке заварился суп,

Ты иди, покушай,

Если холодное, то подогрей,

Если горячее, то покушай¹!

По мнению Г. С. Виноградова: «считалки – это стихотворения. Именно считалки исполняются не речевым, не мелодическим, а песенно-речевым интонированием, напоминающим на слух как бы “качание” мелодической линии» [2, с. 37].

Таким образом, данный вид считалки развивает у детей не только начальные навыки социализации, но и память, слух, навыки интонирования.

Скороговорки (дурген чугаалар) – это словесные упражнения на быстрое повторение труднопроизносимых фраз, состоящие из отдельных выражений и коротких стишков. В них предлагается выговорить слова с нарочитым скоплением труднопроизносимых слогов [1, с. 580].

Как показывает практика, сначала ребенок слушает взрослого, но вскоре они вместе начинают повторять и проговаривать труднопроизносимые, непонятные слова, произнося их очень медленно и четко, разбивая на слоги:
Сыл-дыс, сыл-дыс, Звезд-да, звезд-да,
Чаан. Слон.

Иногда сами дети импровизируют:

Ак-ак аккыр хар, Белый-белый, белый снег,
Хар, хар соок хар. Снег, снег, холодный снег [8].

¹ ПМА, 2014.

У алтайцев данная тема звучит следующим образом:

Кар-р, кар-р! Кар-р, кар-р!
Ак кар-р! Белый снег! [13, с. 121].

Считалось, что ребенок, импровизируя скороговорку, упражняет речевой аппарат и подготавливает его к правильному усвоению звуков. Данная скороговорка отличается четкой ритмической формой, быстро запоминается детьми. По нашему мнению, скороговорки развивают реакцию, быстроту мышления, остроумие.

Загадки (тывызыктар). Само слово *загадать* в детском фольклоре означает «задумывать, замышлять, предлагать что-либо неизвестное для решения» [1, с. 497]. К. Е. Укачина установила, что загадка имеет глубокий внутренний смысл, это связано с ее ритуальным происхождением. На втором этапе загадка стала собственно детским жанром, она является испытанием мудрости и зрелости, содержит в себе некие смысловые элементы как знаки и символы. Кроме того, многие скороговорки в первоначальном оформлении были загадками. Затем, перейдя в жанр скороговорки, они теряют признаки загадок [12, с. 63].

Проанализировав тувинские загадки, Н. Ф. Катанов отмечает, что они тесно связаны с бытом народа, его хозяйственной деятельностью, требуют конкретных знаний, связанных со строением тела зверей, домашних животных и человека, с конструкцией юрты. Также ученый предлагает идейно-тематический принцип классификации загадок, разделяя их на 5 групп: о стихиях, насекомых, птицах, диких и домашних животных, человеку. По мнению исследователя, загадки построены по принципу положительного и отрицательного параллелизма, сближения и разъединения загадковых образов, что оттеняет их характерные черты [4, с. 335–337].

В традиционной культуре тувинцев дети очень рано начинали помогать родителям в их повседневных занятиях, и в ходе работы старшее поколение приучало младшее понимать иносказания. При этом дети младшего возраста (с 6 до 12 лет) сначала наблюдали игры в загадки, запоминая отгадки, они приобщались к пониманию ме-

тафорической речи. Например, загадки о природных стихиях:

Тывызыым дытта, Загадки мои на дереве,
Тоолум доошта. Сказки во льду.
(*дшин биле балык*) (белка и рыба) [10, с. 134].

Также древние загадки развивали у ребенка смекалку, навыки и приемы устного счета:

– *Каиш мыйыс, кулак, карак кудурук, думчук 160 хойда?*

– Сколько рогов, ушей, глаз, хвостов и ноздрей у 160 баранов? [5, с. 340].

И, наконец, у тувинцев бытуют шуточные загадки (*баитак*), которые впервые определил Г. Н. Курбатский. Ученый пишет: «особая выразительность отличала диалогические загадки-шутки в виде длинной цепочки коротких вопросов и ответов (*айтырыглар-харылылар*)» [5, с. 464]. Они требуют от ребенка остроумных ответов.

Вопрос: «Зимой реку люди переходят, а летом перейти не могут. Отчего? (*Кыжын хемни улус кежип болур, а чайын кежип шыдавас. Чуге?*)»

Ответ: Зимой река замерзает, а летом нет (*Дош кыжын тутчу бээр, чайын чок*) [4, с. 341].

В данной загадке загадываемый предмет спрятан, и тем надежнее, чем необычнее иносказание. Они обладают красочностью метафор, звучностью рифмы, конкретностью – все это привлекает к ним внимание детей.

Таким образом, загадка в детском быту являлась средством развития особой техники мышления, выработки критериев сравнения, сопоставления, формой веселого досуга, испытания мудрости, тайной речи.

Дразнилки (электээри) составляют сатирическую сторону детского фольклора. У тувинцев существует ряд разновидностей дразнилок (*шола*). К первому виду относятся дразнилки *шола-лар*, в которых высмеиваются качества, воспринимаемые детьми как негативные. Например, поддразнивают ябеду обидным сравнением с трусливым жуком (*кортук дооскара*):

Хопчу, хопчу, Ябеда, ябеда,
Хопчу, дооскара. Ябеда, жук;
трусишку – сравнением с зайчонком (*койгун*):
Кортук, кортук, Трусливый, трусливый,
Кортук, койгун! Трусливый, заяц! [8].

Остро высмеивается жадность ребенка:
Харам, харам. Жадная, жадная.
 Ответ:
Сен харам, харам, Ты жадная, жадная,
Ойнаар кызым Я тебе не дам
сенээ бербес мен. свою куклу [9].

Ко второму виду относятся дразнилки с рифмованным прибавлением к имени или фамилии:

Тас, тас, Лысый, лысый,
Тас баитыг. Лысая голова,
Кара, кара, Черный, черный,
Кара, Кара-ашак. Черный, черный старик [7].

Сарыг-оол, Желтый мальчик,
Сарыг-оолдун, Сын желтого
Сарыг оглу. Сарыг-оола [8].

У тувинцев часто встречаются фамилии *Тас-оол, Кара-оол, Кызыл-оол, Сарыг-оол.* Таким образом, дразнилками в большинстве случаев становились рифмованные прибавления к имени. В. П. Аникин отмечает, что у русских «в быту взрослых от прозвищ пошли семейные фамилии» [1, с. 577].

К третьему виду относятся дразнилки, содержащие обидные указания на внешние недостатки (*даитыкы овур-хевирге*). Например:
Бичии, бичии Маленький, маленький
семис оол жирный мальчик.
Кок, кок, Синие, синие,
Кок карактыг. Синие глазки [8].

В четвертый вид входят дразнилки с остроумными ответами, актуальными «защитными» фразами (*камгалал состер*), например, про плаксу:

Ыглагаамай, ыглап тур,
Мен сени дыннавайн тур мен!

Хочал долдур чаашкын чаап тур,
Ыглагаамай, ыглагаамай
 Плакса плачет,
 А я тебя не слышу!
 Полное ведро, дождик льется,
 Плакса, плакса [9].

Защитный ответ:
Мен ыглавайн даа тур мен,
Ааа-ааа, бодун чаашкын,
Кап-кап-кап!

Я не плачу,
 Ааа-ааа, сам ты дождик!
 Кап-кап-кап!

Несмотря на негативное содержание, дразнилки являются полифункциональным жанром детского творчества. О. В. Хухлаева отмечает, что дразнилка, с одной стороны, отражала то или иное негативное качество ребенка: жадность, обидчивость; с другой – прозвища не только позволяли нейтрализовать агрессию между детьми вербально, без драки, но и содействовали усилению я ребенка. Иногда позволяли ему приобрести позитивные изменения [14, с. 164–165].

По нашему мнению, несмотря на обидные слова, дразнилки выполняют воспитательные и развивающие функции. Они в занимательной форме учат ребенка социализироваться в обществе, формируют у него терпение, выдержку, умение контролировать свои эмоции.

Таким образом, словесные игры устного народного творчества тувинцев играют важную роль в детском быту, в развитии мышления и воспитания ребенка. Они укрепляют в нем чувство собственного достоинства, помогают познавать окружающий мир, осознавать себя как личность и интегрироваться в общество.

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – Москва: Высшая школа, 2001. – 726 с.
2. Виноградов, Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1 / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1930. – С. 191.
3. Виноградов, Г. С. Детские игровые прелюдии // Страна детей: избранные труды по этнографии детства / Г. С. Виноградов. – Санкт-Петербург, 1998. – 390 с.
4. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / Н. Ф. Катанов; подгот. рукописи, вступ. слово и коммент. А. К. Кужугет. – Кызыл, 2011. – 384 с.
5. Курбатский, Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора / Г. Н. Курбатский. – Кызыл, 2001. – 464 с.
6. Мельников, М. Н. Русский детский фольклор: учебник / М. Н. Мельников. – Москва, 1987. – 240 с.
7. ПМА. 2011–2012 гг. (Кара-оол Саяна Александровна, 1974 г. Кызылский район, пос. Баян-Кол).
8. ПМА. 2012 г. (Кара-оол Севильбаа Байкараевна, 1934 г. Кызылский район, пос. Баян-Кол).
9. ПМА. 2012–2013 гг. (Сенди-Хуурак Ульяна Александровна, 1957 г. Кызылский район, пос. Баян-Кол).

10. Орус-оол, С. М. Избранные научные труды / С. М. Орус-оол. – Абакан: Журналист, 2011. – 296 с.
11. Самбу, И. У. Тувинские народные игры: историко-этнографические очерки / И. У. Самбу. – Кызыл, 1978. – 199 с.
12. Укачина, К. Е. Детский обрядовый фольклор / К. Е. Укачина. – Москва, 1991. – 93 с.
13. Чочкина, М. П. Алтайский детский фольклор / М. П. Чочкина. – Горно-Алтайск, 2003. – 156 с.
14. Хухлаева, О. В. Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре: учеб.-метод. пособие / О. В. Хухлаева. – Москва: МПСИ, 2008. – 248 с.

Получено 12.08.2014

Ch. Kara-ool

graduate student,

East Siberian State Academy of Culture and Arts

E-mail: Chinchikaraool@mail.ru

THE CHILDREN'S WORD GAMES FOLKLORE IN TRADITIONAL CULTURE OF TUVINIANS

Abstract. This article is dedicated children's the word games tuvinians oral tradition. The author reveals the features of this genre, its meaning and function in the traditional culture of Tuvinians. This genre of folklore tuvin was of great importance as performing important functions on the upbringing and development of children, as has been closely linked to aspects such as the art text, game, and features labor and economic activity. In this work were used as their own field materials of collected by districts Republic of Tuva. In addition, we relied on classification childhood. Sundue (2009), periods that are existed in the traditional culture tuvinians: of lullabies (kavaylyg uezi) infancy (uezi bowls), and childhood (bichii uezi). This principle is explained by the fact that the child is changed in each period and of put new, more complex tasks in the of his language skills, reactions to the world. So, for infant period prior to the period of childhood is most often used rhymes, tongue twisters, riddles and teasers, which differed from each other in their educational and pedagogical orientation, depending on his age.

Keywords: word game, rhymes, patters, riddles, teaser

For citing: Kara-ool, Ch. The children's word games folklore in traditional culture of tuvinians / Ch. Kara-ool // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 101–105.

References

1. Anikin, V. P. Russkiy fol'klor [Russian folklore] / V. P. Anikin. – Moscow: Vyshaya shkola, 2001. – 726 p.
2. Vinogradov, G. S. Russkiy detskiy fol'klor [Russian children's folklore]. B. 1 / G. S. Vinogradov. – Irkutsk, 1930. – 191 p.
3. Vinogradov, G. S. Children's preludes // Strana detey: izbrannye trudy po etnografii detstva [Country children: selected works on the ethnography of childhood] / G. S. Vinogradov. – Saint Petersburg, 1998. – 390 p.
4. Katanov, N. F. Ocherki Uryankhayskoy zemli. Dnevnik puteshestviya, ispolnennogo v 1889 godu po porucheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk i Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obschestva [Essays Uraanhai land. Travel diary, made in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society] / N. F. Katanov; prepared the manuscript takes. the word and comment. A. K. Kuzhuget. – Kyzyl, 2011. – 384 p.
5. Kurbatskii, G. N. Tuvinty v svoem fol'klore: istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora [The Tuvans in his folklore: a historical-ethnographic aspects of Tuvan folklore] / G. N. Kurbatskii. – Kyzyl, 2001. – 464 p.
6. Melnikov, M. N. Russkiy detskiy fol'klor [Russian children's folklore] / M. N. Melnikov. – Moscow, 1987. – 240 p.
7. PMA. 2011–2012 (Kara-ool Sayan A., 1974, Kyzyl district, and the settlement of Bayan-Kol).
8. PMA. 2012 (Kara-ool, Sevilla Bakerina, 1934 Kyzyl district, and the settlement of Bayan-Kol).
9. PMA. 2012–2013 (Sandy-huurak Uliana Alexandrovna, 1957 Kyzyl district, and the settlement of Bayan-Kol).
10. Orus-ool, S. M. Izbrannye nauchnye trudy [Selected scientific papers] / S. M. Orus-ool. – Abakan: Journalist, 2011. – 296 p.
11. Sambu, I. U. Tuvinskie narodnye igry: istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuvan folk games: historical and ethnographic essays] / I. U. Samba. – Kyzyl, 1978. – 199 p.
12. Ukachina, K. E. Detskiy obryadovyy fol'klor [Child ritual folklore] / K. E. Ukachina. – Moscow, 1991. – 93 p.
13. Chochkina, M. P. Altayskiy detskiy fol'klor [Altai children's folklore] / M. P. Chochkina. – Gorno-Altai, 2003. – 156 p.
14. Huhlaeva, O. V. Etnopedagogika: sotsializatsiya detey i podrostkov v traditsionnoy kul'ture [Century Pedagogy: the socialization of children and adolescents in traditional culture] / O. V. Huhlaeva. – Moscow: NSI, 2008. – 248 p.

Received 12.08.2014

Раздел III

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Статья передает содержание доклада, прочитанного на XXXVI научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Челябинской государственной академии культуры и искусств «Культура – искусство – образование: научные и прикладные аспекты». С культурологических позиций детально анализируется современная литературная ситуация. Прослеживается ряд противоречий внешнего характера – в осмыслении роли литературы в обществе и её современных социокультурных задач. Рассматриваются и внутренние противоречия – между активизацией литературного процесса и размыванием литературных критериев, отношением к литературе как широкого самостоятельного творчества, так и производений прямой антикультурной направленности. Акцентируется внимание на фрагментарности современных литературных коммуникаций, затрудняющей проведение литературоведческого и культурологического анализа. Освещается спектр мнений относительно литературоцентричности современной российской культуры. Автор формулирует базовое противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, общество испытывает потребность в литературе как в регулятивно-проективном инструменте, действенность которого подкреплена исторически, а с другой – как в общественном понимании, так и в рамках самого литературного процесса размыты основополагающие понятия, главная социокультурная задача литературы сместилась из области общественного служения в область самовыражения. Стерты сущностные признаки литературы, критерии оценки и разграничение собственно художественной литературы и самостоятельного литературного творчества. Автор отмечает, что анализ и разрешение противоречия существенно затруднены неполнотой картины, политизированной субъективностью критики и объективно слабым знанием о реальном состоянии литературного процесса в стране в целом по причине разрушения системы литературных коммуникаций. Решая противоречие с позиций культурологии, мы предлагаем выделить из многообразия функций, выполняемых литературой в обществе, главную – целостное, образное, т. е. наиболее полное и емкое решение нравственных задач и вопросов бытия современного человека. Делается вывод о вторичности и соподчиненности остальных функций литературы главной функции самопознания человека – только при таком иерархическом подходе литература может выполнять задачи социокультурного проектирования. С этих позиций автор предлагает решение ряда как внутренних, так и внешних противоречий современного литературного процесса. В статье использованы документы, определяющие современную культурную политику и политику в области литературы.

Ключевые слова: современная художественная литература, литературоцентричность, критерии и сущностные признаки художественной литературы, литературный процесс, рыночные отношения в сфере литературы, функции литературы, нравственные задачи, художественный эксперимент, нравственный опыт, культурный код, общественная ценность литературы

Для цитирования: Ягодинцева, Н. А. Литература как инструмент социально-культурного проектирования / Н. А. Ягодинцева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 107–113.

Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «О проведении в Российской Федерации Года литературы» был подписан 13 июня 2014 г. [6]. Зерно упало на благодатную почву.

Начало 2015 г. было ознаменовано целым рядом литературных праздников и событий. Год литературы торжественно открывается в городах и районах, библиотеках, вузах и школах. О значи-

мости чтения, важности литературы, логоцентричности и литературоцентричности нашей культуры в целом и острой необходимости сохранения культурного кода нации говорят все. Но при этом выступают с разных, зачастую диаметрально противоположных позиций.

В широком общественном мнении в максимум возведены строка Е. Евтушенко из поэмы «Братская ГЭС»: «Поэт в России больше, чем поэт» [3] и слова П. Палиевского из его книги «Русские классики»: «Русская классическая литература, по стечению разных обстоятельств, взяла на себя роль, которую в других европейских странах выполняли философия, социология, политика и иные формы общественного сознания... Художественный образ позволял говорить обо всех проблемах вместе, не расчленяя их, был наиболее близок к жизни в ее непереводаемых оттенках... наконец, он был понятен большинству» [8, с. 8]. Однако установка безоговорочного признания безусловной ценности всей литературы не дает возможности разобраться в современных нам коллизиях и конфликтах вокруг литературы, острота которых нарастает с начала 1990-х гг.

С одной стороны, к художественной литературе сегодня автоматически относится все, что создано и издано, невзирая ни на какие иные критерии. С другой – современную русскую литературу периодически объявляют несуществующей, а классическую время от времени пытаются упразднить – в частности, под тем предлогом, что она якобы является имперской и уже поэтому не имеет права на существование [9]. Журналист А. Невзоров сообщил читающей публике другую печальную новость: у русской литературы вышел срок годности [5].

Кроме того, к художественной литературе относят и огромную массу самиздата. Сегодня при практическом отсутствии государственной поддержки подавляющее большинство художественных книг издается, что называется, за свой счет (или за счет спонсоров), и в этом книжном потоке самодельных авторов немногочисленные современные писатели просто теряются – тем более что в отсутствие систематической разно-

сторонней критики отделять зерна от плевел элементарно некому. Об этом, в частности, шла речь на круглом столе Совета по критике Союза писателей России [1].

Под предлогом «измельчания» литературу предлагается упразднить вообще: если все, что издается, – не литература, то что это? А если литература, то зачем она нам – такая? В частности, на эту тему неоднократно высказывался в своих телевизионных программах писатель Виктор Ерофеев.

В этом же пункте нашего анализа следует упомянуть о явлении противоположного свойства: когда писатели, преимущественно постмодернисты или называющие себя таковыми, издают произведения антикультурного скандального толка, вызывающие негативный резонанс и бурное обсуждение. И здесь опять возникает вопрос: если это литература, то нужна ли она такая, а если не литература, то что же это? Ее ведь создают профессиональные писатели!

Любая общественная или художественная проблема используется сегодня в качестве компромата по отношению не только к современной, но и ко всей русской литературе в целом, несмотря на то, что последняя уже давно является признанным мировым достоянием. Либеральная критика и журналистика пытаются под любым предлогом максимально снизить ценность литературы.

Усугубляет проблему еще один фактор. На развитии литературы не могли не сказаться рыночные отношения, под влиянием которых в зону читательского внимания попадает только определенная обойма «раскрученных» имен. Ведь рынку важны не создание целостного художественного образа современности и нравственная оценка событий, а количество продаж и сумма реальной прибыли. Поэтому то, что мы видим на книжных полках, не может являться репрезентацией литературного процесса в современной России в целом.

В первом десятилетии XXI в. реальный литературный процесс более-менее отражали «толстые» региональные журналы, которые были замкнуты на читателей своих регионов,

сегодня очень медленно эта ситуация начинает выправляться, возникают межрегиональные связи и проекты, одним из которых стала, в частности, созданная в Челябинске Южно-Уральская литературная премия. Однако рыночные регуляторы и региональная раздробленность по-прежнему затрудняют литературные коммуникации и отнюдь не способствуют снятию основных проблем. Даже такие полезные интернет-ресурсы, как, например, «Журнальный зал» [4], представляют только один сегмент литературного пространства по меньшей мере из трех: здесь нет журналов традиционно-патриотической направленности и большинства «толстых» региональных журналов.

Итак, в восприятии художественной литературы сегодня вполне отчетливо вырисовывается резкое противоречие. С одной стороны, в обществе ощущается насущная потребность в литературе и присутствует исторически подкрепленное понимание ее значимости, культурная память о ценности литературы. А с другой – размыты основополагающие понятия, раскрывающие главную задачу, которую призвана выполнять художественная литература в жизни общества. Стерты ее сущностные признаки, критерии оценки и разграничение собственно художественной литературы и самодеятельного литературного творчества, традиционно широко распространенного в России как в стране литературоцентричной. Анализ и разрешение противоречия существенно затруднены неполнотой картины, политизированной субъективностью критики и объективно слабым знанием о реальном состоянии литературного процесса в стране в целом.

Очевидно, что это противоречие не может быть решено средствами лингвистики. Строго лингвистический и литературоведческий подходы глубины такого явления, как литературно-художественный дискурс, в принципе не исчерпывают: его структура, содержание и направление определяются преимущественно экстралингвистическими факторами и требуют подхода интегративного.

Художественная литература многофункциональна и выполняет воспитательную, ге-

донистическую, коммуникативную, познавательную, эстетическую и даже политическую функции (этот ряд при желании можно продолжить). Но все они при внимательном рассмотрении оказываются соподчинены главной цели и являются по отношению к ней частными задачами той или иной степени значимости. Для формулирования этой магистральной цели мы обратимся к цитатам из работ двух известных советских ученых-гуманитариев, поскольку именно советская культура впервые широкомасштабно и довольно успешно использовала экзотропический (собирающий, структурирующий) потенциал и весь набор функций художественной литературы для решения социальных проблем критического характера. Не вспоминать сегодня об этом – значит утратить огромный опыт и начинать сначала безмерный труд.

Л. Тимофеев обращает внимание на то, что «в центре внимания художественной литературы стоит человек во всей полноте его деятельности и духовной жизни» [Цит. по: 10]. Г. Абрамович утверждает: «Художники, изображая явления жизни, соотносят их с идеалом прекрасной жизни. Этим и определяется воспитательная функция художественной литературы» [Цит. по: 2].

Итак, в центре внимания художественной литературы – человек в соотношении с неким проективным, идеальным представлением о нем. Это идеальное представление – не что иное, как максимальное соответствие личности нравственному закону, определяющему саму возможность выживания человека, рода, народа и человечества в целом. Реальный человек, на которого воздействуют две основных силы – стихия внешних событий и стихия его собственных чувств и желаний, – обладает в этой ситуации свободой выбора и сознательным или интуитивным пониманием нравственного закона, совестью. В данных координатах каждое литературно-художественное произведение – глубокое целостное исследование мотивов, а главное – последствий нравственного выбора человека в конкретных сложных жизненных обстоя-

тельствах. Это сопоставление изменчивой реальности и неизменного идеала, предполагаемого образца, который в разные исторические эпохи может изменяться по форме, но своим содержанием неизменно выражает накопленный опыт наиболее гармоничного существования человека в мире.

Таким образом, сюжет – это своеобразный виртуальный адронный коллаيدر, в котором герои – элементарные частицы – разгоняются, сталкиваются, и в результате пристального, последовательного, объемного изучения становятся более или менее очевидны законы их взаимодействия. Кстати, одна из основных задач реального коллайдера – изучение четырех фундаментальных взаимодействий: сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного. Обратите внимание, мы также говорим о четырех фундаментальных мотивах взаимодействий в пределах художественной реальности: сфера чувств и представлений личности, логика обстоятельств, свобода воли и нравственный закон.

Итак, если сфокусировать внимание на главной задаче литературы, становится понятно, что именно литература является наиболее точной, полной, целостной и как никогда актуальной сегодня наукой о жизни. Наукой, нужной каждому. Произведения художественной литературы – смысловые маяки, освещающие сложные жизненные ситуации во всей их полноте. Читатель получает эту информацию как некий дополнительный жизненный опыт, оставляющий ему свободу реального выбора, но дающий понимание (в том числе эмоциональное) определенных причинно-следственных связей и последствий личного выбора.

Обилие соподчиненных вторичных функций делает науку о жизни увлекательной, развивает эмоциональную сферу, учит сочувствию и переживанию, развлекает и т. д. Очень важно, чтобы литература в процессе развития и в свете требований общества к ней не выходила до голых схем и простейших идеологем. Но еще важнее, чтобы второстепенные функции не замещали собой главного – сложнейшего, многомерного, целостного художественного исследования, выяв-

ляющего и концентрирующего нравственную основу выживания и гармоничного бытия человека в обществе, человечестве, мироздании.

Степень глубины, характер художественных экспериментов, ценностные основания и приоритеты, формы и способы разрешения противоречий обусловлены множеством факторов, среди которых особенности ландшафта и климата, исторический опыт и все, что в целом создает национально-культурную самобытность. Литература, аккумулируя нравственный опыт народа, излагает его в разнообразнейших формах – поэзии и прозы, реализма и фантастики, пафоса и сарказма... Особенности этого опыта складываются в уникальный культурный код, обеспечивающий взаимопонимание в обществе как по вертикали времени – из прошлого в настоящее и будущее, так и по горизонтали, объединяя людей разных регионов большой страны в единый народ. Наличие общеизвестных героев, типичных характеров, коллизий и конфликтов, а также способов их разрешения существенно ускоряет и делает максимально информативными общественные коммуникации, обеспечивает эмоциональное взаимопонимание как основу любой социальной общности. Изменения тематической направленности, отражающие актуализацию тех или иных конкретных аспектов смыслообразования, словотворческий потенциал и выбор определенных средств художественной выразительности характеризуют в культурологическом плане состояние как смыслогенеза в культуре в целом, так и прямо связанные с ним изменения культурного кода и трансформации ментальной традиции.

Определившись с главной общественной задачей литературы, возможно проанализировать и разрешить противоречия, изложенные в начале данного сообщения.

Во-первых, у нас появились аргументы, чтобы заступиться за русскую классическую литературу. Ее достоинства определяются не живописностью изображения жизни давно прошедшего исторического периода, а масштабом постановки нравственных проблем и глубиной и точностью их решения. Прием, который использует А. Невзоров, говоря о «сроке годности» классики, назы-

вается подменой смысла, когда на первый план выводится второстепенное свойство или одна из рядовых функций и на этом основании явление отвергается целиком.

Второе. Художественная литература может называться таковой только тогда, когда она обретает общественное значение. А литературная самодетельность, интересная только автору и кругу его ближайших друзей и родственников, – это просто домашняя радость. Называть ее литературой – профанация, а отвергать значимость собственно литературы на основании обилия самиздата – подмена смысла. С другой стороны, если произведение не ставит и не решает нравственную задачу любого масштаба – локальную или глобальную, но в качестве главной решает задачу второстепенную – например, только развлечение, и все подчиняет этой задаче, оно не может относиться к литературе. Это какое-то другое занятие, и называется оно литературой с откровенно спекулятивными целями.

Сегодня тотально модным в литературной среде, особенно среди молодежи, стало понятие самовыражения. Вместо художественного исследования, предполагающего ответственность писателя за качество эксперимента и интерпретацию результатов, творения создаются по принципу «я так вижу» или «я так чувствую», который из подчиненного главной цели превращается в базовый. Установка на самовыражение не предполагает никакой ответственности за результат, следовательно, подобные творения рассчитаны на праздное любопытство. Они не имеют общественной значимости и при всей внешней схожести с литературой таковой не являются, поскольку подменяют ее магистральный смысл одной из второстепенных функций.

Откровенно безнравственные произведения не выполняют свою главную функцию – освещать пространство жизни человека, народа, человечества, а напротив, еще более хаотизируют это пространство. Следовательно, они относятся к антилитературе. В этом случае автор, критик или культуртрегер по завышенной цене «продает» общественному вниманию пустышку или откровенный духовный яд как жизненно необходимый культурный

продукт. Этот прием, как известно, называется спекуляцией.

И последний момент: чтобы литература объединяла и обеспечивала взаимопонимание, она должна быть не региональной, а общероссийской. Рыночные регуляторы литературного процесса работают только на его разрушение. Литература требует возделывания, взращивания, как, собственно, искусство и культура в целом, как духовный опыт вообще. Иначе на литературном поле прорастают дремучий самиздат и роскошные ядовитые сорняки.

Общественную ценность, значимость литературы определяют два внешних регулятора: культура общества и государственная цензура. Если культура не справляется, включается цензурное регулирование. В «Основах государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. [7], в качестве одного из принципов государственной политики провозглашены «свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность». Ставка сделана на первый – культурный – регулятор. Как он будет работать, зависит от нас – писателей, ученых-литературоведов, педагогов, библиотекарей.

Ни запретительство, ни безоглядная свобода в равной степени не дадут желаемого результата. Но, сохраняя все великолепное многообразие жанров, форм, стилей, интонаций, образов, лексики нашей литературной сокровищницы, нам нельзя допускать профанаций, спекуляций и подмен, иначе мы потеряем всю русскую литературу, в том числе и ее золотой фонд – нашу классику, всемирно значимый опыт многомерного, глубокого и точного нравственного исследования жизни.

Рассматривая литературу как инструмент социально-культурного проектирования, в Год литературы логично задаться вопросом: какие смыслы, образы, сюжеты актуальны для нас сегодня? Какие из них мы возьмем с собой в завтра? Что будет светить нам в непроглядной пока еще тьме грядущего – ломкие спички со вспышкой в полсекунды, зажигалка с небольшим запасом топлива, луч надежного фонарика или ясный свет высоких маяков? Что мы выберем, то и будет.

1. Бытийное зеркало русской жизни: круглый стол Совета по критике Союза писателей России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/ks-kritika4.htm>.
2. Воспитательная функция художественной литературы [Электронный ресурс] // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. – Режим доступа: http://literaturologiya.academic.ru/91/воспитательная_функция_художественной_литературы.
3. Евтушенко, Е. А. Братская ГЭС: поэма [Электронный ресурс] / Е. А. Евтушенко. – Режим доступа: <http://lib.babr.ru/?book=6906>.
4. Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>.
5. Невзоров, А. У русской литературы вышел срок годности [Электронный ресурс] / А. Невзоров. – Режим доступа: <http://krupasb.ru/piterbook/author.html?nn=17&ord=5&sb=&np=1>.
6. О проведении в Российской Федерации Года литературы: Указ Президента от 13 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/45904>.
7. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>.
8. Палиевский, П. В. Русские классики / П. В. Палиевский. – Москва: Художественная литература, 1987. – С. 8.
9. Томпсон, Э. Имперское знание: русская литература и колониализм / Э. Томпсон; пер. с англ. Т. Нядбай // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья / Европейский гуманитарный университет; Центр перспективных научных исследований и образования (CASE), проект «Социальные трансформации в пограничье: Беларусь, Украина, Молдова». – 2007. – № 1–2. – С. 32–75.
10. Художественная литература [Электронный ресурс] // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. – Режим доступа: http://literaturologiya.academic.ru/827/художественная_литература.

Получено 20.02.2015

N. Yagodintseva

Candidate of Culture Studies, Associate Professor,

Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: litmast@mail.ru

LITERATURE AS A SOCIAL-CULTURAL DESIGNING TOOL

Abstract. *The article contains detailed analysis of modern literature situation from culturology positions. A number of external contradictions in interpretation of literature role in a society and its modern social-cultural tasks are quite obvious. The author also considers internal contradictions between literature process stirring up and literature criteria washing out and treating literature both as a kind of wide amateur creative activity and as well as works of immediate anti-literature direction. The author attracts the readers' attention on fragment character of modern literature communications thus hampering philological and culturological analysis. The article also studies different opinions regarding literature centrism of modern Russian culture. The author formulates on the one hand basic contradiction consisting in the literature demand of the society as a regulative-projective tool that has been proved historically, and on the other hand both in public understanding and within literature process itself, fundamental notions of literature have been washed out, main social-cultural task of literature has been shifted from the field of public narrowing to the field of self-expression. The article abolishes essential signs of literature, evaluation criteria and differentiation of fiction in the true sense and amateur literary activities. The author points out that the analysis and disambiguation are very difficult to determine because of incomplete picture, politically loaded by criticism subjectivity and objectively weak knowledge of real state of literary process in the country on the whole by reason of literary communications system destruction. Trying to resolve contraindications from the viewpoint of culturology the author proposes to point out of many functions of literature in the society the main one consisting in integral and picturesque, i. e. mostly full and capacious solution of moral problems and questions of objective reality of modern man. The article draws a conclusion about unoriginality and adherence to other functions of literature, to its main function of self-knowledge of man. Only such hierarchical approach allows literature fulfill the tasks of social-cultural designing. From this point of view the author gives his own way of saluting a number of both internal and external contradictions of modern literary process. The article uses documents determining modern cultural and literature policy.*

Keywords: *modern fiction, literature centrism, criteria and essential signs of fiction, literary process, market relationship in the field of literature, functions of literature, moral tasks, artistic experiment, moral experience, cultural code, public value of literature*

For citing: *Yagodintseva, N. Literature as a social-cultural designing tool / N. Yagodintseva // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 107–113.*

References

1. Bytynoe zerkalo russkoy zhizni: kruglyy stol Soveta po kritike Soyuza pisateley Rossii [Russian life existing mirror: round table of the Criticism Board of Russia's Writers union] [Electronic resource]. – URL: <http://www.rospisatel.ru/ks-kritika4.htm>.
2. Educational function of fiction [Electronic resource] // Terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu [Terms thesaurus in literary criticism]. – URL: http://literaturologiya.academic.ru/91/воспитательная_функция_художественной_литературы.
3. Yevtushenko, E. A. Bratskaya GES [Bratskaya Hydro Power Station] [Electronic resource] / E. A. Yevtushenko. – URL: <http://lib.babr.ru/?book=6906>.
4. Zhurnal'nyy zal [Magazine room] [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/>.
5. Nevzorov, A. U russkoy literatury vyshel srok godnosti [Russian literature application time is over] [Electronic resource] / A. Nevzorov. – URL: <http://krupasb.ru/piterbook/author.html?nn=17&ord=5&sb=&np=1>.
6. O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda literatury: Ukaz Prezidenta ot 13 iyunya 2014 g. [Literature Year in the Russian Federation: President's decree dated June 13, 2014] [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/news/45904>.
7. Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Fundamentals of State Culture Policy] [Electronic resource]. – URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>.
8. Paliyevsky, P. V. Russkie klassiki [Russian classical writers] / P. V. Paliyevsky. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987. – P. 8.
9. Thompson, E. Imperial knowledge: Russian literature and colonialism / E. Thompson; transl. from English by T. Nyadby // Perekrestki: zhurnal issledovaniy vostochnoevropeyskogo pogranch'ya [Crossroads: East-European frontier research journal] / European Humanities University; Centre of Computer-Aided Software Engineering and Education (CASE), draft “Social transformations in frontier territories: Belarus, Ukraine, and Moldova”. – 2007. – № 1–2. – P. 32–75.
10. Fiction [Electronic resource] // Terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu [Term thesaurus in literary criticism]. – URL: http://literaturologiya.academic.ru/827/художественная_литература.

Received 20.02.2015

ОПЕРА Т. ШКЕРБИНОЙ «ДЮЙМОВОЧКА»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЖАНРА ДЕТСКОЙ ОПЕРЫ

Исследуется детская опера челябинского композитора Т. Шкербиной «Дюймовочка» (либретто К. Рубинского). Сочинение рассматривается с точки зрения истории и теории данного жанра. Автором предпринята попытка выявления имманентных признаков жанра детской оперы посредством анализа драматургии и композиции произведения уральского композитора.

Затрагивая проблему периферийности жанра детской оперы, исследователь указывает на вклад композиторов конца XIX – первой половины XX в. Особо отмечено влияние Н. И. Сац и ее театра детской оперы на процесс становления классического образца жанра.

Анализ партитуры Т. Шкербиной показывает наличие всех характерных признаков жанра, как то адресованность детям (слушателям или исполнителям); сказочный сюжет с включением картин природы и персонажей животного мира; яркий мелодико-ритмический рисунок музыкального материала с опорой на жанровость (песня, танец, марш). Композитор также применяет средства звукоизобразительности и метод цитирования музыкальных произведений известных композиторов.

Статья также содержит сравнительную характеристику оперы челябинского композитора с одноименными музыкально-сценическими произведениями других авторов.

Отмечено, что сочинение Т. Шкербиной, адресованное детям, раскрывает важнейшие духовно-эстетические, нравственные вопросы. Язык данного произведения, его форма, драматургия по своему уровню приближены к критериям большой оперы. Наличие сквозного развития при номерной структуре способствует объединению произведения в единое художественное полотно, подчиненное принципам симфонического развития, к чему стремились композиторы XIX и XX вв.

Важно отметить, что опера неоднократно ставилась на сцене Челябинского концертного объединения и была высоко оценена слушателями.

Ключевые слова: опера, жанр, музыкальная драматургия, лейттема, музыкальная композиция, музыкальная форма, рондо, вариационная форма, сквозное развитие, номерная структура, ария, дуэт, ансамбль, финал, действие

Для цитирования: Ширяева, О. Ф. Опера Т. Шкербиной «Дюймовочка»: к вопросу о и жанра детской оперы / О. Ф. Ширяева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 114–120.

Проблема теории жанра – одна из важнейших в литературоведении и искусствознании. Условия бытования жанра, его эволюция, существование в рамках синтетических явлений или в своем самостоятельном виде, жанры «главные» и те, которые находятся на периферии исследовательской мысли, – эти и другие векторы изучения жанра всегда остаются актуальными.

Жанр детской оперы – уникальное явление музыкального искусства. Долгое время этот феномен оставался на периферии отечественного музыкознания. В последнее время исследователи стали уделять жанру пристальное внимание. Н. Изюграфова считает, что «к детской опере, следовательно, к жанровой форме оперы, полностью основанной на семантике детскости, относятся только две разновидности оперы: опера для

детей от 2 до 12 лет и опера, исполняемая детьми» [5, с. 1]. Жанр, по ее мнению, отпочковался от взрослой оперы. Предпосылки его зарождения Н. Изуграфова видит в середине XVIII – начале XIX в.; развитие – в эпоху романтизма (в частности, сказочно-фантастическая опера). Также автор называет немаловажные примеры на пути формирования детской оперы как самостоятельного жанра: детские хоровые эпизоды из опер «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Фауст» Ш. Гуно, «Турандот», «Тоска» Дж. Пуччини и др.

А. Ермаков в свою очередь уточняет: «Детская опера, будучи одной из разновидностей классического оперного прототипа, в то же время существенно отличается от него по ряду внешних и внутренних особенностей, связанных с возрастом исполнителей» [1, с. 4]. Исследователь включает в понятие детская опера как профессиональное исполнение произведений для детей с соответствующей тематикой, так и любительские спектакли, поставленные силами юных исполнителей (выделяя в последней позиции ряд разновидностей: опера-сказка, опера-игра, опера-картина).

Собственно жанр отечественной детской оперы появился в своем чистом виде к концу XIX в. в творчестве Н. В. Лысенко («Коза-дереза», 1888; «Зима и весна, или Снежная красавица», 1892), Ц. А. Кюи («Снежный богатырь», 1906; «Красная шапочка», 1911; «Кот в сапогах», 1912; «Иванушка-дурачок», 1913), А. Т. Гречанинова («Елочкин сон», 1911; «Теремок», 1921; «Кот, Петух и Лиса», 1924), Б. В. Асафьева («Золушка», 1906; «Снежная королева», 1910), В. И. Ребикова («Елка», 1900; «Сказка о Принцессе и Короле-лягушке», 1908) и т. д.

В XX в. особый вклад в развитие жанра внесен деятельностью Н. И. Сац и ее детским музыкальным театром (основан в Москве в 1965 г.), в котором «взамен любительского театра была предложена концепция коллектива профессионально обученных взрослых артистов и музыкантов, где ребенку заведомо отводилась лишь роль зрителя-слушателя» [4, с. 6; 9].

Среди зарубежных образцов жанра выделяются сочинения П. Хиндемита («Мы строим город», 1930) и Б. Бриттена («Маленький тру-

бочист, или Давайте ставить оперу», 1949; «Ноев ковчег», 1958).

Фактологический материал свидетельствует о том, что детская опера имеет в своей основе дидактическую направленность [6; 10]. Например, опера Б. Бриттена «Маленький трубочист, или Давайте ставить оперу»: в действие вовлекается зал – маленькие зрители репетируют и поют специальную «Песню для публики». Опера М. Минкова «Волшебная музыка» (2005), поставленная в рамках просветительского проекта «Музыкальная академия для детей», дает возможность слушателям познакомиться с оперной терминологией, певческими голосами; учит, как слушать музыку в театре, и также призывает публику к совместному с артистами исполнению.

Уникальность и универсальность жанра детской оперы в том, что он охватывает как сферу любительства, так и сферу профессионального исполнения. Детская опера может быть поставлена как взрослыми, так и юными артистами. Существует масса взрослых театров, в которых ставятся детские оперы («Дитя и волшебство» М. Равеля – Большой театр; «Чиполлино» Т. Камышевой, «Сказка о попе и работнике его Балде» – Камерный музыкальный театр им. Б. А. Покровского; «12 месяцев» С. Баневича, «Призраки Рождества» Д. Батина – Пермь и т. д.). Интересны примеры собственно театров детской оперы с профессиональными исполнителями-детьми: Оперный театр детей им. Г. Вишневской, Экспериментальный детский музыкальный театр в Москве (создан на базе Школы им. Гнесиных), в г. Благовещенске Амурской обл. – постановки ЦДШИ, академического хора «Детство» и камерного оркестра «Концертино», в Киеве – Детская опера (создана на базе Дома детского творчества Подольского района), в Венском оперном театре работает Детская опера с оперной школой для детей 8–14 лет и т. д.

К чертам жанра детской оперы можно отнести: адресованность детям (слушателям или исполнителям); яркость образов (зачастую, сказочных; имеют место также картины природы, персонажи животного мира); яркий запоминающийся тематический материал, опору

на жанровость (танцевальность, маршевость), фольклорный материал [1], звукоизобразительность; четкость формы и т. п.

Всеми перечисленными параметрами обладает опера Т. Шкербиной «Дюймовочка». Законченная в 2009 г. эта опера-розыгрыш по одноименной сказке Г.-Х. Андерсена была поставлена на сцене Челябинской филармонии. Композитор относит свое произведение к жанру детской оперы. Рассмотрим своеобразие этого произведения с точки зрения жанровой характеристики, специфики композиции, образного строя и других важных составляющих.

С 2000 г. было написано сразу несколько музыкально-сценических произведений на данный сюжет датского писателя-сказочника: опера-балет «Дюймовочка, или чудесный полет» Е. Подгайца (2001), балет С. Баневича (2004), балет Е. Русинова (Одесса, 2011), а также поставлены балеты на музыку Д. Шостаковича (Екатеринбург, 2006), И. Штрауса (Азербайджан, 2009). В жанре оперы написано произведение Е. Борисовой (Расстригиной) (поставлено в г. Зеленограде во дворце творчества детей и молодежи в 2005 г.).

Опера Т. Шкербиной, как и первоисточник, акцентирует несколько важных общечеловеческих тем: соотношение добра и зла, света и тьмы, тепла и холода, духовного и материального, красоты и безобразности и т. д. [3]. В дополнение к идее Г.-Х. Андерсена показать все времена года, весь природный круг Т. Шкербина и К. Рубинский (либреттист) раскрывают здесь тему жизненного человеческого цикла через взросление Дюймовочки и игру трех актрис – от самой маленькой до взрослой.

Все ведущие вокальные партии исполняются взрослыми. При этом в спектакле задействованы дети, участвующие в массовых сценах – хоровых номерах, хореографических эпизодах, диалогическом чтении текстовых фрагментов (№ 2, 9 «Диалоги эльфов»; № 10 «Колдовство эльфов (хор эльфов и Добрая женщина)»; № 12 «Игра лягушат (Жабич и хор лягушат)» (хореографическая сцена); № 16 «Зима» (танец снежинок); Танец мышинной свиты после «Арии Старой Мыши» (№ 18). Фактически каждый персонаж

выходит со своей свитой, и здесь налицо важность хореографической составляющей.

В характеристике действующих лиц композитор использует форму арий-портретов (иногда это песня в куплетной форме, иногда – развернутая сцена). Есть персонажи, написанные в виде карикатуры, – Жабища, Жук, Крот и др. В партии Жабищи применен особый способ звукоизвлечения – не оперный, вальжный; Жабичу поручена единственная реплика, призванная отметить крайнюю степень интеллектуальной ограниченности; глубокий бас Крота содержит широкую амплитуду психологических состояний – от эмоциональной скупости, неповоротливости до резкого изменения настроения в момент торга; в образе Червяка-регистратора на свадьбе как нельзя лучше представлен контртенор [2].

Иным образом раскрыты патетически возвышенные образы. В песне Доброй женщины «Ах, где мне найти ребеночка-крошку» раскрывается отнюдь не детская тема. Слова «Появись, дитя мое» звучат на высокой ноте, на повышенной динамике, как отчаянный призыв. Композитор практически в первом же вокальном номере настраивает маленького слушателя на серьезную проблематику. Тем более что среди слушателей есть представители старшего поколения. И таким образом в опере расширяются возрастные границы адресата – в этом также заключена уникальность и универсальность произведения Т. Шкербиной.

Персонажи оперы не статичны по своей сути. Многогранен полет Ласточки. Создатели оперы расщепляют образ: Ласточка появляется в виде юноши (танец на сцене); партия летающей на лонже Ласточки поручена девушке; наконец, в конце оперы у Ласточки появляется вокальная партия (сопрано). В свою очередь Дюймовочка трижды вырастает в опере. Ее хореографическая партия заключена в образе ребенка (на музыку увертюры); затем – подростка (картина 3. «Болото Жабищи», картина 4. «Модельное агентство Жуков»); девушки (картина 5. «Встреча с Мышью и Кротом»). После встречи с Ласточкой у Дюймовочки прорезается голос (сопрано): как гово-

рят о ней эльфы: «Она заговорила? – Нет, еще лучше – запела».

Часто динамика образов зависит от поворотов сюжета: меняет свое мнение о Дюймовочке Жук; оживляются Жабич и Крот, теряя Дюймовочку; чрезвычайно мобильна Мышь в зависимости от ситуации. На игровых моментах в образе Старой Мыши строятся широкие сцены, заключены важнейшие поворотные моменты в судьбе героев. Это псевдосправедливый, лжезаботливый образ. На лице – полуулыбка, сквозь которую прорывается раздражение и агрессия.

Все эти образные трансформации – сюжетного плана, внешне визуального, или внутренне характерного – способствуют динамизации всего произведения [11].

Важное средство характеристики персонажей в опере – метод цитирования. Приведем примеры. Песня «Добрый жук» в картине 4. «Модельное агентство жуков» завуалирована – от нее остается лишь гармонизация и мелодический остов, но общие очертания угадываются, накладываясь на образную ассоциацию; здесь проявляется сарказм, так как в данном случае добрый Жук оказывается отнюдь не добрым; вокруг него снуют репортеры, фотографы, поклонники («полюбили мы жука»). Цитата П. И. Чайковского «Танец маленьких лебедей» выступает в качестве завершения вокальной фразы Мыши «Ведь не все в округе мыши хлебосольные, как я» (№ 18 «Ария Старой Мыши»). В первый раз он звучит фрагментом, намеком, а затем развернуто. Изящный танец становится тяжеловесным (используются медные, выделяется маршеобразный ритм «восьмая – две шестнадцатые»). В другом эпизоде Мышь пляшет «Коробочку» с ведрами, сторговавшись с Кротом, поэтому и «полна коробочка» (№ 21 «Приход Мыши», ц. 5 – цитата проводится у тромбонов в усеченном виде). Мышь торжествует победу (цитата «Канкана»).

Портретные характеристики персонажей помещены внутрь картин, между которыми нет глубокой цезуры. Картины соединены друг с другом связками, тематическими арками на макро- и микроуровне, что, безусловно, скрепляет все произведение, делает его монолитным, вырастающим на едином векторе своей идеи.

Первое, что выхватывает слух, – это интонационные повторы, меняющие свое значение в зависимости от образной смены. Они помогают слушателю выявлять смысловые, образные связи, а также охватывать всю драматургию оперы и всю композицию целиком. Повторы более крупных построений позволяют говорить о наличии в опере лейттематизма как системы (тема танца Дюймовочки, тема превращения, тема снежинок, тема Ласточки и др.).

Другой принцип композиционной динамики – сопряженность арий с дуэтами и, далее, с более крупными сценами с массовым участием исполнителей.

Отметим диалогичность сцен, наличие в них сквозного развития. Кроме того, в них включена хоровая составляющая с расширенной функцией: хор является полноправным участником действия, подающим реплики, рассуждающим, побуждающим главных героев к действию. Например, Дуэт Доброй женщины и Ведьмы с хором (№ 6): развитие куплетной формы происходит за счет динамизации фактуры, нагнетания динамики, уплотнения хоровой массы. Сватовство Крота (№ 19) фактически является портретной характеристикой персонажа, перерастающей в сцену торга между Мышью и Кротом: многосоставная, многофункциональная сцена включает в себя выходящую Арию Крота (раздел А), в вокальной партии которого доминирует пафосность, включены восходящие ходы по звукам аккордов, восклицания; в продолжении арии (раздел В) происходит диалог Крота с хором и зарождение темы торга; далее в диалог включается Мышь (раздел С), функция арии-портрета снимается, происходит полилог (хор, Крот, Мышь – раздел Д); далее в сцене появляется Дюймовочка (раздел Е); завершается вся сцена общей пляской (Реприза, повтор тематического материала раздела С).

Еще более крупные разделы в опере, как было уже отмечено, – сцены с участием большого количества исполнителей, с использованием массовой хореографии. «Модельное агентство Жуков» (Картина 4. № 15) и «Свадьба» (Картина 7. № 22) выполняют роль своеобразных кульминаций действия (неслучайно здесь оставлен знак равенства между картиной

и номером, картина не делится, номер заполняет ее целиком). На сцене присутствуют несколько планов. Участники действия постепенно увеличиваются в количестве, создавая восходящую линию развития вплоть до кульминации. Жуки представлены и маленькими жучатами на роликах, и танцем с линейками взрослых жуков (визуальная ассоциация с танцем с саблями из балета А. И. Хачатуряна «Гаянэ»), и изящным выходом бабочек-красавиц.

В свадебной сцене, как указывает либреттист К. Рубинский, картина идет «в двух параллельных измерениях. Зритель одновременно наблюдает свадьбу Дюймовочки и Крота под землей и встречу весны птицами, букашками и зверюшками на земле».

Многоплановость используется и в другом случае. Например, наплывом появляется болотная сцена – постепенно цветы сменяются кувшинками, затем на сцену выбегают лягушата и вот перед нами уже не спальня Дюймовочки, а болото Жабищи (Картина 3).

Нельзя не отметить особую значимость в композиции оперы ритмического рисунка текста К. Рубинского. Например, сцена свадьбы с Кротом почти целиком построена на вальсе, исходящем из природы поэтической метрики («Разгорается солнышко, разбегаются ручейки»). Вальсовый ритм выражен в основном в триолях, уложенных в рамки четных размеров, т. е. танец выступает здесь не в чистом виде, а лишь как ассоциация праздника. Образ вальса также трансформируется с ходом развития сцены: в разделе А звучит мягкий изящный вальс вестников Весны; в разделе В – блестящий вальс, открывающий пышное свадебное торжество, в оркестровую краску подключены медные и ударные инструменты; в разделе С дважды проводится «исковерканный» (по либретто) марш Мендельсона – секундовые дублировки голосов, политональное сочетание фактурных пластов создают диссонантное звучание; затем вальс «выравнивается» в ослепительном до-мажоре, но завершается все той же издевательской гармонизацией; в кульминации (бегство Дюймовочки, раздел Е) вальс преобразован в шествие гостей Крота; при появлении

Ласточки (раздел F) вальс превращается в парение, стремительный полет.

Организирующая форма функция жанра отмечается и в случае использования колыбельной. Это универсальный жанр, способный заключать в себе многое – тему детства, тему материнства, а также лирические чувства, печаль, тоску, умиротворение, картину ночи и пр., его черты проявляются в первом же вокальном номере, когда Добрая женщина баюкает Дюймовочку; далее – в партии Мыши; а уже ближе к концу оперы Дюймовочка баюкает Ласточку. Эта непрерывная цепь также скрепляет оперу по содержанию, по композиции, по стилю [7].

Язык оперы Шкербиной свежий, оригинальный, наполненный гибким мелодизмом, пульсирующей ритмикой, подчиненный морфологии танца, специфике хореографической диалектики. Все наполнено кинетикой, жесткостью. Слушая это произведение, хочется двигаться, играть, подпевать. Такой и должна быть музыка для детского восприятия. Используя политональность, полигармонию, Т. Шкербина не усложняет, не увлекается сплошным диссонансом. Все предельно ясно, лаконично и вместе с тем динамично. И, конечно, есть моменты разрядки. Здесь можно отметить средства звукоизобразительности: эпизоды полета Жука, парения Ласточки, где в обоих случаях, но каждый раз по-разному использована ритмоформула «восьмая – две шестнадцатые», а остигатный рисунок создает импульс к развитию; картина Зимы (№ 16) выписана акварельными красками, метель видится в хроматических нисходящих ходах флейт и трели струнных, игра лягушат (№ 12) воплощена в хоровом звукоподражании, при появлении Жука рычит мотоцикл и т. д.

Отмечу также роль оркестра, который по-разному окрашивает сцену, в зависимости от действия – то прозрачными красками, то густым фоном. Таково, например, использование инструментов медной группы: труба звучит как победный призыв в полете Жука (Ц. 2), тромбона – зловеще в бегстве Дюймовочки. В марше Мендельсона медные вообще опощают весь смысл действия.

В живом исполнении оперы налицо огромная работа декораторов (хотя этот аспект, разумеется, выходит за рамки данного исследования). Их находки привлекают внимание маленьких слушателей, помогая им воспринимать спектакль как единое целое и слушать не отрываясь. Ведь перед ними – опера, сложный для восприятия жанр. Поэтому надувные круги у лягушат, самокат у Жука, кроссовки с роликовым механизмом у Жучков и линейки у

Жуков в модельном агентстве, куча мусора у Мыши, ведра у Мышат и пр. очень способствуют возникновению интереса, визуально приковывают внимание малышей [8].

Безусловно, перед нами яркий образец детской оперы, решенной в лучших традициях театра Н. И. Сац, оперы с серьезным идейным содержанием, сложным музыкальным языком и всей художественно-эстетической системой воплощения замысла.

1. Байрамова, З. Детские оперы и балеты азербайджанских композиторов [Электронный ресурс] / З. Байрамова // Harmony: международный музыкальный культурологический журнал. – Режим доступа: <http://harmony.musigi-dunya.az/rus/archiveader.asp?s=1&txtid=300> (дата обращения 11.08.2013).
2. Богатырев, В. Ю. Актер и роль в оперном театре / В. Ю. Богатырев. – Санкт-Петербург: Издатель Е. С. Алексеева, 2008. – 254 с.
3. Гончаренко, С. С. О поэтике оперы / С. С. Гончаренко. – Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория (акад.), 2010. – 260 с.
4. Ермаков, А. А. Жанровые особенности детской оперы для любительского театра (на примере творчества уральских композиторов): автореф. дис. ... канд. искусствоведения, специальность 17.00.02 – Музыкальное искусство [Электронный ресурс] / А. А. Ермаков. – Магнитогорск, 2012. – Режим доступа: www.dissercat.com/content/zhanrovye-osobennosti-detskoj-opery-dlya-lyubitelskogo-teatra (дата обращения 12.10.2013).
5. Изуграфова, Н. Детская опера в контексте современной музыкальной культуры [Электронный ресурс] / Н. Изуграфова // Научный вестник Одесской государственной музыкальной академии им. А. В. Неждановой. – 2008. – Вып. 9. – Режим доступа: http://esteticamente.ru/Portal/Soc_Gum/Mmik/2008_9/tekstu/Izygrafova.htm (дата обращения 5.06.2013).
6. Лю Цзинь. Жанр детской оперы в эстетическом воспитании подрастающего поколения Китая: к истории вопроса [Электронный ресурс] / Лю Цзинь // Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности: материалы междунар. конф. «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации». – Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2010. – С. 354–356. – Режим доступа: www.dissers.info/abstract_517498.html (дата обращения 23.08.2013).
7. Мишаева, А. С. От колыбельной песни к жанру детской оперы [Электронный ресурс] / А. С. Мишаева // Музыкаведение / Северо-Кавказский государственный университет искусства. – Т. 10. – Нальчик: Научтехлитиздат, 2010. – С. 22–25. – Режим доступа: <http://194.190.182.65/Opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:348346/Source:default> (дата обращения 27.08.2013).
8. Покровский, Б. А. Об оперной режиссуре / Б. А. Покровский. – Москва: ВТО, 1973. – 308 с.
9. Сац, Н. И. Новеллы моей жизни / Н. И. Сац. – Москва: Искусство, 1985. – 497 с.
10. Шониа, Л. А. Особенности постановки детской оперы в школе [Электронный ресурс] / Л. А. Шониа. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/604994/> (дата обращения 19.09.2013).
11. Ярустовский, Б. Очерки по драматургии оперы XX века / Б. Ярустовский. – Москва: Музыка, 1971. – 356 с.

Получено 2.10.2014

O. Shiryayeva

Candidate of Art Criticism, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: shiryayeva_olga72@mail.ru

“THUMBELINA” OPER BY T. SHKERBINA:

TO THE PROBLEM OF CHILDREN’S OPERA GENRE HISTORY AND THEORY

Abstract. The article is devoted to studies of the children’s opera “Thumbelina” by composer T. Shkerbina from Chelyabinsk (libretto by K. Rubinsky). The author considers this composition from the viewpoint of this genre’s history and theory. The author has tried to reveal immanent signs of children’s opera’s genre by means of

dramaturgy and the Ural composer's work composition analysis. Touching upon the issue of the children's opera' genre's circumference the researcher appreciates the contribution of the end-XIX – first half of XX centuries' composers. The author points out special contribution to the process of making this genre's classical example of N. I. Sats and her theatre of children's opera. Judging by the analysis by T. Shkerbina's score it contains all characteristic features of the children's opera genre such as address to the children (both singers and listeners); fairy tale plot including pictures of nature and fauna characters; bright melody-rhythmic pattern of musical material relying on the genre's peculiarities (song, dance, march). The composer also uses acoustic innovative means and the method of citing musical works of famous composers. The article also contains comparative characteristics of the opera by the Chelyabinsk composer with the musical-stage compositions under the same title of some other composers. It's worth while mentioning that the composition by T. Shkerbina addressed to children discloses important spiritual-esthetic and moral issues. The language of this composition, its form, and dramatics by its level possesses those of big opera criteria. End-to-end development with the number structure enable to unite this composition into a whole artistic canvas which submits to the principles of symphonic development to which the composers of XIX and XX centuries were striving to. It is important to stress that the opera has been repeatedly staged by the Chelyabinsk Philharmonic Society and highly appreciated by the listeners.

Keywords: opera, genre, musical dramatics, leittheme, musical composition, musical form, rondo, variation form, transparent development, number structure, aria, duet, ensemble, finale, act.

For citing: Shiryayeva, O. "Thumbelina" oper by t. Shkerbina: to the problem of children's opera genre history and theory / O. Shiryayeva // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 114–120.

References

1. Bairamova, Z. Children's operas and ballets by Azerbaijan composers [Electronic resource] / Z. Bairamova // Harmony. – URL: <http://harmony.musigi-dunya.az/rus/archivereader.asp?s=1&xtid=300> (Appeal date 11.08.2013).
2. Bogatyrev, V. Yu. Akter i rol' v opernom teatre [Actor and his role in the opera house] / V. Yu. Bogatyrev. – Saint Petersburg: Publisher E. S. Alexeyeva, 2008. – 254 p.
3. Goncharenko, S. S. O poetike opery [On opera's poetics] / S. S. Goncharenko. – Novosibirsk: Novosibirsk State Conservatoire (Acad.), 2010. – 260 p.
4. Yermakov, A. A. Zhanrovye osobennosti detskoj opery dlya lyubitel'skogo teatra (na primere tvorchestva ural'skikh kompozitorov) [Children's opera for amateur theatre genre peculiarities (by the example of the Ural composers creative activity)] [Electronic resource] / A. A. Yermakov. – Magnitogorsk, 2012. – URL: www.dissercat.com/content/zhanrovye-osobennosti-detskoi-opery-dlya-lyubitelskogo-teatra (Appeal date 12.10.2013).
5. Izugrafova, N. Children's opera in the modern musical culture context [Electronic resource] / N. Izugrafova // Nauchnyy vestnik Odesskoj gosudarstvennoy muzykal'noy akademii im. A. V. Nezhdanovoy [Scientific herald of the Odessa State Musical Academy named after A. V. Nezhdanova]. – 2008. – Issue 9. – URL: http://esteticamente.ru/Portal/Soc_Gum/Mmik/2008_9/tekstu/Izygrafova.htm (Appeal date 5.06.2013).
6. Lyu Tzin. Children's opera genre in esthetic education of younger generation in China: to the problem history [Electronic resource] / Lyu Tzin // Filosofsko-kul'turologicheskie problemy identichnosti v kontekste sovremennosti [Philosophy-Culturology identity in the context of modernity problems]. – Saint Petersburg: Publishing house of the Polytechnic University, 2010. – P. 354–356. – URL: www.dissers.info/abstract_517498.html (Appeal date 23.08.2013).
7. Mishayeva, A. S. From lullaby to children's opera genre [Electronic resource] / A. S. Mishayeva // Muzykovedenie [Musicology] / North-Caucasian State Art University. – Vol. 10. – Nalchik: Nauchtekhlitizdat, 2010. – P. 22–25. – URL: <http://194.190.182.65/Opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:348346/Source:default> (Appeal date 27.08.2013).
8. Pokrovsky, B. A. Ob opernoj rezhissure [On opera stage direction] / B. A. Pokrovsky. – Moscow: WTO, 1973. – 308 p.
9. Satz, N. I. Novelly moey zhizni [Short stories of my life] / N. I. Satz. – Moscow: Iskusstvo, 1985. – 497 p.
10. Shonia, L. A. Osobennosti postanovki detskoj opery v shkole [Peculiarities of children's opera direction at school] [Electronic resource] / L. A. Shonia – URL: <http://festival.1september.ru/articles/604994/> (Appeal date 19.09.2013).
11. Yarustovsky, B. Oчерки po dramaturgii opery XX veka [Sketches on dramatics of opera in XXI century] / B. Yarustovsky. – Moscow: Muzyka, 1971. – 356 p.

Received 2.10.2014

О. А. Пунина

старший преподаватель,

Харьковский национальный университет искусств им. И. П. Котляревского

E-mail: lesiapu@gmail.com

**МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА КАК ФАКТОР ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО
ИНТОНИРОВАНИЯ (на примере пятой пьесы *Sunt lacrymae rerum,
en mode hongrois* из третьего «Года странствий» Ф. Листа)**

Музыкальная пауза рассматривается в аспекте коммуникативного процесса. Раскрывается риторическая природа фортепианного высказывания Ф. Листа-композитора, трактуемого как графическое запечатление исполнительского интонирования. Дается определение термина В. Вахромеевым и Х. Риманом. Указывается, что основное воздействие паузы связано с физиологией дыхания, а также, что этот знак обладает силой эмоционального воздействия на слушателя. Перечисляются функции паузы, разработанные музыковедами О. Тагановым и Т. Барсуковой. Феномен паузы освещается в исторической проекции: осмысление паузы в системе барочной риторики (фигуры пауз, связанные с различными драматургическими ситуациями), осознание ее в творчестве композиторов-романтиков Р. Вагнера и А. Брукнера («пауза молчания»), ее трактовка композиторами XX в., в частности В. Сильвестровым («пауза – это звук»). Отмечается значительная функциональная роль пауз в фортепианных сочинениях Ф. Листа, что связывается с риторичностью музыкального мышления венгерского романтика. Это подтверждает возможность трактовки паузы в его творчестве в контексте риторической речи, т. е., как существенного элемента устного обращения к аудитории. Указывается на полифункциональность музыкальной паузы в анализируемой пьесе *Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois* Ф. Листа из третьего «тома» его «Года странствий», где осмысление композитором-пианистом паузы аналогично мастерам ораторского искусства. Помимо синтаксической и формообразующей функции, паузы несут важную эмоциональную и семантическую нагрузку, охватывают все уровни музыкального текста: композиционный, тематический, синтаксический, артикуляционный, пространственно-временной, семантический, в конечном счете, определяют характер эмоционального и энергетического воздействия на слушателя.

Ключевые слова: Ф. Лист, «Третий год странствий», музыкальная пауза, исполнительское интонирование, риторические фигуры

Для цитирования: Пунина, О. А. Музыкальная пауза как фактор исполнительского интонирования (на примере пятой пьесы *Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois* из третьего «Года странствий» Ф. Листа) / О. А. Пунина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 121–126.

В IV томе «Музыкальной энциклопедии» В. Вахромеевым пауза трактуется как «прекращение, остановка... длящийся определенное время перерыв в звучании одного, нескольких или всех голосов музыкального произведения, а также нотный знак, обозначающий этот перерыв в звучании. В крупных инструментальных сочинениях, ансамблях, хорах и в оперных массовых сценах общий перерыв звучания называется *генеральной паузой*» [3, стб. 207]. На наш взгляд,

такая характеристика данного термина едва ли раскрывает истинную сущность обозначаемого им явления, поскольку пауза выступает одним из равноправных элементов интонационной речи, имеющих как композиционные, так и образно-драматургические функции. Симптоматично, что музыкальная пауза не обделена исследовательским интересом. Не углубляясь в историю ее изучения, укажем на суждения о ней, содержащиеся в словаре Х. Римана, придававшего паузе

эстетическое значение [14, с. 717–718], а также на размышления о данном феномене современных авторов, связанные с пространственно-временными и семантическими его свойствами. В статье о пространственных аспектах музыкального ритма О. Таганов указывает, что основное воздействие паузы «воспринимается сквозь призму психофизиологического феномена дыхания». Автор выделяет следующие ее функции в ритмическом контексте: в качестве элемента дыхания; смыслового разделителя, объединителя и усилителя; дистанционно-пространственного элемента; равноправного звукового объекта (при замене ожидаемого). Благодаря паузам, делает вывод О. Таганов, «достигается ощущение ”воздушности”, широты и безграничности пространства, невесомости звуков, окруженных тишиной» [13, с. 83]. И далее: «Именно ритмические регулярность и нерегулярность прежде всего способны напрямую вызвать у слушателя через ощущение стабильности и нестабильности чувство пространственной устойчивости или неустойчивости» [Там же, с. 84]. Знак паузы также обладает силой эмоционального воздействия на слушателя. Не только исполнители-музыканты, но и поэты, писатели и чтецы «рассчитывают на продолжение внутренней деятельности слушателя в мгновения тишины» [10]. Т. Барсукова приводит интересную мысль в отношении коммуникативности в исполнительском искусстве: «В паузе заключена немая передача энергии от актера к зрителю, за которыми стоит понимание сути, всего того, что невозможно передать словами» [2, с. 70]. Рассматривая паузу с позиции музыкального ритма, музыковед определяет ритм как чередование акцентов и интервалов, т. е. повторяющихся фигур и пространственных промежутков. Автор утверждает, что «пауза скорее интервал или промежуток, нежели акцент» [Там же, с. 69]. Наделяя паузу семантическим значением, Т. Барсукова определяет ее следующие функции: «1) пауза как процесс предвосхищения образа, как созерцание, мотивационное начало зарождения идеи; 2) пауза как обдумывание игрового хода, подача, наблюдение, размышление; 3) пауза как способ обновления духа, остановка, восстановление духовной энергии; 4) пауза как концентрация энергии в умозаключении и как

”мироустановленность” в достижении результата и момента истины» [Там же, с. 70].

Очевидно, что, поскольку интонационно-звуковое воплощение музыкального текста – это всегда процесс развертывания исполнительской мысли во времени и пространстве, пауза выступает одним из универсальных элементов исполнительской выразительности, или исполнительского интонирования. В определении последнего можно сослаться на формулировку, предложенную А. Малинковой: «Исполнительское интонирование – это процесс осмысленно-выразительной, в его направленности на слушательское восприятие, звуковой реализации музыкального произведения» [7, с. 36]. Отсюда очевидно, что стратегия исполнительского интонирования в определенных пределах программируется композитором. Существенная роль в «исполнительской разметке» музыкального текста отводится им паузе, наделенной множеством функций. Например, А. Михайлов пишет, что у Р. Вагнера генеральная пауза «есть молчание, наполненное ожиданием», у А. Брукнера же – «пауза молчания» [9, с. 120–121]. Чаще всего на роль пауз в музыкальном тексте указывают в связи с музыкой XX в. Так, Т. Веркина использует выражение «эмансипация паузы» [4, с. 12], В. Сильвестров утверждает, что «пауза – это тоже звук... немота, но через сильный звук» [11, с. 81–82].

Если рассматривать паузу в исторической проекции, то следует указать на опыт ее осмысления в системе барочной риторики. О. Захарова выделяет, в частности, *aposiopesis* (греч. – ‘сокрытие, утаивание’), *apokope* (греч. – ‘отсечение’), *suspiratio* (лат. – ‘вдох’), *tnesis* (греч. – ‘отделение, разрыв’), т. е. фигуры пауз, связанные «с неожиданным обрывом в музыке, усечением, генеральными паузами, паузами-”вздохами”» [5, с. 366]. Показательно, что музыкальная пауза рассматривается автором в контексте риторической речи – как существенный элемент *устного* обращения к аудитории. В этом плане исполнительский процесс допускает аналогии с ораторским словом, что превращает паузу в фактор интонационной выразительности, обладающий значительным потен-

циалом эмоционального и энергетического воздействия. Ф. Лист, блистательно владея искусством риторики на концертной эстраде, мыслил паузы аналогично мастерам ораторского искусства – как мощное средство коммуникации, выразительности и «внушаемости» преподносимых идей. С особой очевидностью эти свойства паузы раскрываются в фортепианных произведениях Ф. Листа, чье исполнительское красноречие составляет важнейшую сторону его артистического темперамента. Учитывая «двуликость» амплу музыканта – композитора и пианиста, допустимо представить его фортепианные опусы как графическую фиксацию исполнительского интонирования.

В качестве образца для анализа избрана пятая пьеса *Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois* из третьего «Года странствий» Ф. Листа [6, с. 188–193]. Выбор музыкального материала мотивирован программной подоплекой его образного содержания, вербализированного с помощью названия и подзаголовка. Напомним, что *Sunt lacrymae rerum* («Есть слезы для [чужих] бед») – это цитата из «Энеиды» Вергилия, слова Энея, увидевшего в одном из карфагенских храмов изображение событий Троянской войны [12, с. 777]. В совокупности со второй частью названия *en mode hongrois* приведенные строки настраивают на авторское высказывание в духе гражданского пафоса, что сообщает ему свойства высокой риторики, ораторского обращения. Как и любая ораторская речь, пьеса насыщена выразительными паузами, наделяемыми разнообразными функциями. Во вступлении и развивающей его исходную музыкальную идею начальной теме первой части сложной трехчастной формы фортепианная фактура, за некоторым исключением, фактически сводится к монодийной мелодии речитативного характера. Отмеченная национальными ладовыми особенностями (венгерская гамма), импровизационным изложением, она подобна зачину, предшествующему повествованию рапсода-сказителя об исторических событиях. Невольно вспоминаются строки А. Пушкина: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток...». На протя-

жении всего речитатива паузы встречаются неоднократно. Выступая в роли синтаксического «разделителя», они упорядочивают импровизацию, выделяя в ней три фазы¹, каждая из которых открывается вариантом исходного мотива с постепенным повышением тесситуры ($f-f^1-a^1$) и продолжительным развертыванием, этап которого также отмечен паузой. Помимо синтаксической функции, паузы здесь несут на себе важную эмоциональную и семантическую нагрузку. Неизменные *diminuendo* в концах фаз мелодического движения в совокупности с его нисходящей графикой вызывают ощущение душевной тяжести, когда бремя скорби лишает сил продолжить речь. В таком контексте пауза оказывается логически обусловленным звеном интонационного процесса, переживаясь исполнителем как вслушивание в себя, эмоция, утратившая голос, но продолжающая жить во «внутреннем пространстве» импровизатора в качестве «сокровенной сущности» – романтического *Innerlichkeit*. Окончание первой фазы речитатива (вступление) отмечено к тому же состоянием ожидания, создаваемым посредством неразрешенности доминантового тона, его отделенности от предшествующего и последующего, соответственно, четвертной паузой и длительным молчанием, равным четверти – половинной – четверти с фермой. Заметим, что, учитывая ремарку *ritenuto*, и без того медленный темп *Lento assai* на «территории» пауз должен быть еще более растянут, вследствие чего время выжидания возобновления звучания зависит от воли пианиста, его способности сохранять собственную и слушательскую концентрацию внимания, продлевая сосредоточенность на протекании музыкальных событий. Более короткими, восьмыми, паузами во второй и третьей фазах речитатива (*Più lento*) выделено изложение тематического ядра и его дальнейшего развертывания. Здесь пауза выполняет двойную – синтаксическую и семантическую – функции, акцентируя вни-

¹ Вступление – первое предложение начальной темы первой части сложной трехчастной формы – второе предложение темы.

мание на ядре как ключевом музыкальном «тезисе»¹.

Рассмотренные с точки зрения оперирования паузой, чередования «зон тишины» и звучания вступление и начальная тема первой части пьесы свидетельствуют об осведомленности Ф. Листа о законах риторики. Приведем в этой связи наблюдение О. Захаровой: «Несмотря на смену стилей и систем музыкального мышления, в музыке и последующих периодов нередко наблюдаются приемы, заставляющие вспомнить музыкально-риторические фигуры барокко... Это объяснялось самим характером таких фигур: ведь они далеко не всегда были чисто условными музыкальными формулами; гораздо чаще они появлялись как естественные и эффективные приемы изображения или выражения определенного смысла или эмоции, инстинктивно возникавшие в определенных ситуациях» [5, с. 376]. Действительно, в пьесе Ф. Листа очевидно применение пауз не только в роли одного из универсальных элементов музыкального текста, но и в собственном риторическом значении: как конкретных фигур, обнаруживаемых в искусстве эпохи барокко. Во вступлении – это *apokope* (в конце первой фазы развертывания темы, т. 8) и *aposiopesis*² (протяженная пауза после него, т. 9). Первая из названных фигур возникает в преддверье кадансовой зоны всей пьесы (т. 123), как бы замыкая движение музыкальной мысли в круг.

Во второй теме первой части, написанной в стилистике вербункоша, паузы на сильном и слабейшем времени в появившемся активном аккордовом сопровождении заостряют характерную для венгерской музыки синкопу. Как пишет А. Алексеев, «именно в области ритма у Листа, как и у Шопена, сильнее всего сказались национальные особенности исполнения. Лист любил и хорошо знал исполнительскую манеру вербун-

коша по игре венгерских цыган – ритмически очень свободную, с неожиданными акцентами и ферматами, увлекающую своей страстностью» [1, с. 229]. Несколько иначе трактует листовское понимание ритма Я. Мильштейн: «Ударения и паузы Лист рассматривает не как формальные элементы метра, а как отображение пульсации "непосредственного ритма чувств". Каждое чувство имеет свой собственный ритм, следовательно, надо уметь передать этот ритм во всем его своеобразии, надо уметь не замутить его искусственной формой метра» [8, с. 445–446]. Подтверждением данного наблюдения может служить изменение ритмической пульсации в тот момент развертывания второй темы первой части пьесы, когда в нее в качестве продолжающего тематизма вписываются повторения начального оборота произведения. Разделенные паузами, они воспроизводят фигуру *suspiratio*, выявляя семантическую связь этого оборота с ключевым словом названия пьесы: *lacrymae*.

Интересно сделан подход к репризе первой части пьесы. Длительное нарастание звуковой энергии с использованием низкого регистра фортепиано и густой педали, «собирающей» разные гармонии, создает ситуацию ожидания мощного кульминационного взрыва. Однако вместо него Ф. Лист выставляет паузу, равную трем четвертям: фигуру *aposiopesis*, и лишь после этого начинает исходную речитативную тему, в которой все паузы усилены ферматой. Напротив, тема средней части сложной трехчастной формы, производная из второй темы первой части, возникает наплывом. В то время как басовый голос «досказывает» предыдущую музыкальную мысль, в верхнем регистре выставлены паузы, позволяющие сделать цезуру для дыхания перед широким разворотом новой мелодической фразы, подобно тому, как это происходит в вокальном искусстве. Существенное преобразование национального образа, первоначально преподнесенного в виде маркированной темы, в духе *dolcissimo, amoroso*, во многом осуществляется благодаря переосмыслению пауз в партии сопровождения. Нижний пласт фактуры как бы «дышит», паузы, выписанные автором на педали, придают мягкость, легкость, гибкость неплотной фактуре. Возникает

¹ В исходном виде он ритмически совпадает с первыми двумя словами пьесы: *Sunt lacrymae* – «есть слезы».

² Фигура *aposiopesis* служила, «как правило, изображению смерти и вечности», либо соответствовала противоположным по смыслу словам «о бесконечности или бессмертии... данное явление возникает в связи со словами: "воскреси меня"... и "нет конца"» [5, с. 366].

аналогия со скульптурой, материал которой может в силу меры своей плотности быть непроницаем для глаза, либо, напротив, светиться благодаря пронизанности лучами света.

В кульминационной зоне, совпадающей с репризой сложной трехчастной формы, усиленные широким скачком повторения ядра темы по-прежнему выделены паузами; однако сплошное волнообразное движение в басу нивелирует жанровые свойства речитатива, и даже в предкадансовой зоне, где возвращается октавно удвоенная монодийная линия, паузы прибегаются лишь для последних тактов. Тем выразительнее воспринимается предчувствие гармонического устоя в кадансовой области, когда чередование аккордов *Fis-dur* и *A-dur* прославляется «паузами ожи-

дания», нарушаемыми только октавой *cis* – «посредником» между двумя возможными тониками.

Подведем итог сделанного анализа. В пьесе *Sunt lacrymae rerum* Ф. Лист запечатлевает процесс исполнительского интонирования как «прямой речи», обращенной к аудитории. Об этом свидетельствуют выверенные цезуры, логика «лепки» музыкальной формы, в чем существенную роль играет строго продуманная система пауз. Она охватывает все уровни музыкального текста: композиционный, тематический, синтаксический, артикуляционный, пространственно-временной, семантический и, в конечном счете, определяет характер эмоционального и энергетического воздействия на слушателя.

1. Алексеев, А. Д. Ф. Лист – исполнитель и педагог. Фортепианная музыка Листа: стилевые черты, жанры. Интерпретация произведений композитора // История фортепианного искусства: учебник для студентов муз. вузов: в 3 ч. / А. Д. Алексеев. – 2-е изд., доп. – Москва: Музыка, 1988. – Ч. 2. – С. 213–235.
2. Барсукова, Т. Метафизика паузы в художественно-творческой игре / Т. Барсукова // Вестник Челябинского государственного университета. № 31 (212). Сер. Философия. Социология. Культурология. – Челябинск, 2010. – Вып. 19. – С. 68–72.
3. Вахромеев, В. Пауза / В. Вахромеев // Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – Москва, 1978. – Т. 4. – Стб. 207–209.
4. Веркіна, Т. Актуальне інтонування як виконавська проблема: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 17.00.03 – Музичне мистецтво / Т. Веркіна; Одес. держ. муз. акад. ім. А. В. Нежданової. – Київ, 2008. – 20 с.
5. Захарова, О. Музыкальная риторика XVII – первой половины XVIII в. / О. Захарова // Проблемы музыкальной науки / ред. кол. М. Тараканов, Ю. Тюлин, В. Холопова и др. – Москва, 1975. – Вып. 3. – С. 345–378.
6. Лист, Ф. Год третий [Ноты] / Ф. Лист // Годы странствий: для фп. / Ф. Лист; ред. и коммент. Я. И. Мильштейна. – Москва: Музгиз, 1959. – С. 151–203.
7. Малинковская, А. Класс основного музыкального инструмента. Искусство фортепианного интонирования: учеб. пособие для студентов вузов / А. Малинковская. – Москва: ВЛАДОС, 2005. – 381 с.
8. Мильштейн, Я. Ференц Лист: монография: в 2 т. Т. 1 / Я. Мильштейн. – Москва: Музгиз, 1956. – 862 с.
9. Михайлов, А. В. Отказ и отступление. Пространство молчания в произведениях Антона Веберна / А. В. Михайлов // Музыка в истории культуры: избранные статьи / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. – Москва, 1998. – С. 111–127.
10. Паузы в музыке [Электронный ресурс] // КиноМузыка.ру. – Режим доступа: <http://www.kinomyzuka.ru/pauzy-v-muzyke>.
11. Сильвестров, В. Модуляция // Дождаться музыки. Лекции-беседы. По материалам встреч, организованных Сергеем Пиллютиковым / В. Сильвестров. – Киев, 2010. – С. 59–83.
12. *Sunt lacrymae rerum* // Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / Н. Бабичев, Я. Боровский; под ред. Я. М. Боровского. – 3-е изд., стер. – Москва, 1988. – С. 777.
13. Таганов, О. Пространственные аспекты ритма / О. Таганов // Метроритм – 2: колективна монографія / під ред. І. М. Юдкіна; НАН України, Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. – Київ, 2005. – С. 82–86.
14. Riemann, H. Pause / H. Riemann // Musik lexikon. – В. Schott's Söhne. – Mainz, 1967. – S. 717–718.

Получено 26.12.2014

**MUSICAL PAUSE AS A FACTOR IN PERFORMING INFLEXION
(for example, the fifth play “Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois”
from the third “Year of Pilgrimage” by F. Liszt)**

Abstract. Musical pause is considered in terms of the communicative process. The rhetorical nature of piano statements of Liszt – composer, interpreted as a graphic imprint of performing intoning, is revealed. The definition of the term was given by V. Vakhromeev and H. Riemann. It is noted, that the main impact of the pause is associated with the physiology of breath and that this sign has the capacity of emotional impact on the listener. The functions of pause developed by musicologists O. Taganova and T. Barsukova are enumerated. The phenomenon of pause is referred to the historical perspectives: understanding the pause in the Baroque rhetoric (figures of pauses associated with the various dramaturgical situations), perception of it in pieces of Romantic composers R. Wagner and A. Bruckner (“pause of the silence”), its interpretation by the composers of the XX century by V. Silvestrov in particular (“pause is the sound”). There is considerable functional role of pauses in piano works of F. Liszt, which associates with the rhetorical musical thinking of this Hungarian romantic composer. This confirms the possibility of interpretation of the pause in his pieces in the context of a rhetorical language as an important element of a verbal appeal to the audience. The multifunctionality of pauses is indicated in the analysis of the piece “Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois” by Liszt from the third “volume” of his “Years of Pilgrimage”, where comprehension of the pause by the composer-pianist is similar to the masters of elocution. In addition to the syntactic and forming functions, pauses have important emotional and semantic meaning. Pause covers all levels of musical text: compositional, thematic, syntactical, articulatory, spatiotemporal, semantic, and finally it determines the nature of emotional and energy impact on the listener.

Keywords: F. Liszt, musical pause, performing modulation, rhythm, rhetorical figures

For citing: Pupina, O. Musical pause as a factor in performing inflexion (for example, the fifth play “Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois” from the third “Year of Pilgrimage” by F. Liszt) / O. Pupina // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 121–126.

References

- Alekseev, A. F. Liszt – performer and teacher. Liszt's piano music; stylistic features, genres. Interpretation of the pieces of composer // Istoriya fortepiannogo iskusstva [History of the piano art: in 3 parts] / A. D. Alekseev. – 2nd ed., ext. – Moscow: Music, 1988. – Part 2. – P. 213–235.
- Barsukova, T. Metaphysics of the pause in artistic and creative play / T. Barsukova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 31 (212). Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya [Bulletin of the Chelyabinsk State University № 31 (212). Philosophy. Sociology. Cultural Studies]. – Chelyabinsk, 2010. – Ed. 19. – P. 68–72.
- Vakhromeev, V. Pause / V. Vakhromeev // Muzykal'naya entsiklopediya [Music encyclopedia]: [in 6 vol.] / ch. ed. V. Keldysh. – Moscow, 1978. – Vol. 4. – P. 207–209.
- Verkina, T. Aktual'ne intonuvannya yak vikonav'ska problema [Actual intoning as a performing problem] / T. B. Verkina; Odessa State A. V. Nezhdanova Academy of Music. – Kiev, 2008. – 20 p.
- Zakharova, O. Musical rhetoric of the XVII – the first half of the XVIII centuries / O. Zakharova // Problemy muzykal'noy nauki [Problems of musical science] / editorial board M. Tarakanov, Yu. Tyulin, V. Kholopova and others. – Moscow, 1975. – Ed. 3. – P. 345–378.
- Liszt, F. The third year [Notes] / Liszt // Gody stranstviy: dlya fp. [Years of Pilgrimage: for piano] / F. Liszt; ed. and comments of Ya. I. Milshtein. – Moscow: Muzgiz, 1959. – P. 151–203.
- Malinkovskaya, A. Klass osnovnogo muzykal'nogo instrumenta. Iskusstvo fortepiannogo intonirovaniya [Class of the main musical instrument. Art of piano intoning] / A. Malinkovskaya. – Moscow: VLADOS, 2005. – 381 p.
- Milshtein, Ya. Ferents List [Ferenc Liszt]: in 2 volumes. Vol. 1 / Ya. Milshtein. – Moscow: Muzgiz, 1956. – 862 p.
- Mikhailov, A. V. Rejection and retreat. The space of silence in the pieces of Anton Webern / A. V. Mikhailov // Muzyka v istorii kul'tury: izbrannye stat'i [Music in the history of culture: Selected articles] / Moscow State P. I. Tchaikovsky Conservatory. – Moscow, 1998. – P. 111–127.
- Pauses in music [Electronic resource] // KinoMuzyka.ru. – URL: <http://www.kinomyzuka.ru/pauzy-v-muzyke>.
- Silvestrov, V. Modulation // Dozhdat'sya muzyki. Lektsii-besedy. Po materialam vstrech, organizovannykh Sergeem Pilyutikovym [Wait for music. Lectures – conversations. According to the materials of meetings organized by Sergei Pilyutikov] / V. Silvestrov. – Kiev, 2010. – P. 59–83.
- Sunt lacrymae rerum // Slovar' latinskikh krylatykh slov [Dictionary of Latin winged words]: 2500 units / N. Babichev, Ya. Borovsky; edited by Ya. M. Borovsky. – 3rd ed., stereotype ed. – Moscow, 1988. – P. 777.
- Taganov, O. Spatial aspects of rhythm / O. Taganov // Metroritm – 2 [Metroritm – 2] / ed. by I. M. Yudkin; National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M. T. Rylsky. – Kiev, 2005. – P. 82–86.
- Riemann, H. Pause / H. Riemann // Musik lexikon. – B. Schott's Söhne. – Mainz, 1967. – S. 717–718.

Received 26.12.2014

БАНДУРНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

Теоретически осмысливаются проблемы бандурного исполнительства как объекта научного исследования, в частности изучение аспектов его функционирования в конце XX – начале XXI в. Рассматриваются вопросы жизненного и творческого пути кобзарей дореволюционного и послереволюционного периода, анализируются тенденции развития искусства бандуристов на современном этапе, их ансамблево-исполнительское творчество в искусствоведческом и психолого-педагогическом аспектах, проблемы формирования исполнительского мастерства, формулируются выводы о вокально-инструментальном синкретизме бандурного исполнительства, деятельности просветительских заведений, генезис становления и развития профессиональных кобзарских школ XVII – первой половины XX в. В основном исследования ученых указанной проблематики носят фрагментарный характер, отсутствует детальный подход к изучению предложенной темы. Свидетельством активного научного интереса теоретиков и практиков бандурного исполнительства к осознанию в широком спектре функционирования данного типа искусства становится ряд диссертационных исследований, которые появились в научном обращении с конца 90-х гг. XX в.

Бандурное исполнительство в украинской культуре выступает исторически культурным, художественным явлением, которое составляет отечественное духовное наследие в традиционном и современном измерениях. Анализ исследований и публикаций, посвященных изучению аспектов бытия бандурного искусства в разные исторические периоды, удостоверяет активный научный интерес этнографов, фольклористов, культурологов, музыковедов, теоретиков и практиков к вышеозначенному явлению в украинской культуре.

Конец XX – начало XXI в. характеризуется многогранностью, детализацией и разработкой актуальных проблем бандурного исполнительства, обобщая методически теоретический, репертуарный и органо-логичный аспекты деятельности ведущих бандуристов современности, в том числе музыкантов-педагогов, которые создали собственные школы исполнительско-концертной работы с молодежью разных поколений.

Ключевые слова: бандурное исполнительство, кобзарское искусство, харьковская бандурная школа, искусство бандуристов, академическая исполнительская практика

Для цитирования: Слюсаренко, Т. А. Бандурное исполнительство как объект научного исследования (конец XX – начало XXI в.) / Т. А. Слюсаренко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 127–131.

Бандурное исполнительство как объект научного исследования привлекало внимание многих теоретиков, музыковедов, культурологов и практиков бандурного исполнительства. Среди них: И. Хоткевич, А. Омельченко, В. Дутчак, О. Ваврик, Н. Брояко, Н. Морозевич, Л. Мандзюк, Н. Супрун, И. Панасюк, В. Мишалов и др. Рассматриваются вопросы жизненного и творческого пути кобзарей до-

революционного и послереволюционного периода, анализируются тенденции развития искусства бандуристов на современном этапе, ансамблево-исполнительское творчество бандуриста в искусствоведческом и психолого-педагогическом аспектах, проблемы формирования исполнительского мастерства бандуриста, попытки формулирования выводов о вокально-инструментальном синкретизме бан-

дурного исполнительства и т. д. В основном исследование ученых по указанной проблематике носят фрагментарный характер, отсутствует детальный подход к изучению предложенной темы, которая обуславливает актуальность данной статьи.

Большинство украинских и российских ученых занимались изучением бандурного исполнительства в разные исторические периоды развития народноинструментального искусства Украины. Вторая половина XX в. обозначена в научной литературе детальным изучением жизненного и творческого пути кобзарей дореволюционного и послереволюционного периода.

Вопросы эволюции бандуры как инструмента, значение кобзы-бандуры в музыкальном быту украинского народа, развитие искусства бандуристов в советское время, вопросы усовершенствования бандуры были рассмотрены в диссертации А. Омельченко «Развитие кобзарского искусства на Украине» в 1968 г. В этот период бандурное искусство впервые рассматривается исследователями как «специфическое художественное явление», которое является «порождением своеобразных исторических условий» [7].

Свидетельством активного научного интереса теоретиков и практиков бандурного исполнительства к осознанию в широком спектре функционирования бандурного искусства становится ряд диссертационных исследований, которые появились в научном обращении с конца 90-х гг. XX в. Среди них работы: К. Черемского, О. Ваврик, Н. Супрун, В. Дутчак, Н. Морозевич, Л. Мандзюк, В. Мишалова, Н. Брояко, И. Панасюка и др.

Так, в диссертации В. Г. Дутчак «Розвиток професійних засад бандурного мистецтва 1970–1990 роки. Творчість і виконавство» (1996 г.) определены особенности современных стилей игры и репертуара бандуристов народно-аутентичного и академического исполнительства [3].

Проблемы, связанные с формированием исполнительского мастерства в инструментальном исполнительстве, рассматриваются в

диссертации Н. Б. Брояко «Теоретичні аспекти формування виконавської техніки бандуриста» (в 1997 г.) [1].

Н. В. Морозевич посвятила свою диссертацию «Бандурне мистецтво як культурне надбання сучасності» (в 2003 г.) исследованию бандурного искусства в постижении смысловых параметров бандурного выражения из позиций философии и поэтики бандурного речевого звучания с определением вокально-инструментального синкретизма бандурного творчества [6]. Также в исследовании отмечена концепция стилистических изменений в исторической эволюции бандурного искусства и исполнительства в нем, предложены типологические дифференциации художественно-образных и формально-структурных наследий бандурного репертуара, отражен вокальный аспект бандурного артистизма как реальный и потенциально присутствующий в инструментальной игре бандуриста, пение определяется исследователем через специальное понятие *бандурный вокал* [Там же, с. 14].

Л. С. Мандзюк в своем исследовании рассмотрела ансамблево-исполнительское творчество бандуриста в искусствоведческом и психолого-педагогическом аспектах (2007 г.). В работе впервые осуществлен комплексный анализ ансамблевого бандурного исполнительства во всех его разновидностях (моноансамбль, малые формы, капеллы бандуристов, группы, в оркестре украинских народных инструментов). Впервые дана психолого-физиологическая оценка координационных функций-действий бандуриста в вокально-инструментальном моноансамбле; ансамблево-исполнительство научно рассматривается как источник становления и развития творческой личности бандуриста в его профессиональной деятельности исполнителя (солиста, ансамблиста сольного типа, участника вокально-инструментального и инструментального коллектива), педагога (владеющего вокальной, инструментальной, дирижерской методиками), дирижера (владеющего голосом, инструментом, предметно ознакомленного с основами педагогики и искусством и мышлением

дирижера-режиссера) [4]. Наряду с этим проанализировано последующее развитие изучения личного вклада Г. Хоткевича как основателя и организатора ансамблевого исполнительства на бандуре во всех его формах, академической школы игры на бандуре и создания методической базы для этого.

Исследованию творческой деятельности основателя и лидера киевской школы академического бандурного исполнительства была посвящена диссертация И. В. Панасюка «Творча діяльність С. В. Баштана в контексті становлення кївської школи академічного бандурного виконавства» (2008 г.) [8].

Проблема исследования этапов развития харьковской школы игры на бандуре от феномена этнической музыкальной традиции к профессиональной исполнительской школе была изучена в диссертации В. Ю. Мишалова «Культурно-мистецькі аспекти генези і розвитку виконавства на харківській бандурі» (2009 г.) [5].

Фундаментальным трудом в исследовании исторического развития кобзарского искусства Украины является и монография О. Ваврик «Кобзарські школи в Україні» (2006 г.) [2], в которой рассмотрены деятельность просветительских заведений, генезис становления и развития профессиональных кобзарских школ XVII – первой половины XX в. На основе архивных, печатных и рукописных материалов ученый исследовал ряд проблем кобзарского образования и исполнительства. В частности, проанализированы предпосылки становления кобзарства от времен Киевской Руси (деятельность музыкальных цехов и др.) с характеристикой основных вех в развитии кобзарского искусства в период казацкого государства (первая половина XVI – XVII в.); освещена деятельность Глуховской школы хорового пения и инструментальной игры; отмечена роль теоретиков и практиков кобзарского искусства в сохранении и развитии его профессиональных принципов, в частности в Харьковском институте (усовершенствование аутентичного инструмента, класс бандуры в Харьковском музыкально-драмати-

ческом институте – центр профессионального бандурного образования, деятельность кобзарских капелл в 1920–1930-х гг., первоисточники кобзарского искусства диаспоры) [Там же].

Исторической разведкой и в то же время практическим материалом для бандуристов и кобзарей современности является работа И. Хоткевича «Бандура та її можливості» (2007 г.), посвященная раскрытию сущности украинского инструмента бандуры, традициям исполнительства на инструменте и перспективам его развития [10]. В частности, в ней рассматривается: анализ особенностей и традиций исполнительства на бандуре (исполнительские средства: тремоло, глушение струн, арпеджио и арпеджиато, мелизмы и др.), описание типов игры или выбор школы игры на бандуре, вопрос стабилизации инструмента и др.; освещена деятельность выдающегося общественного деятеля украинской культуры начала XX в., известного бандуриста И. Хоткевича.

В монографии Н. Супрун «Гнат Хоткевич – музикант» (1997 г.) на архивных и документальных материалах рассмотрены музыкальная деятельность и творчество универсального украинского музыканта И. М. Хоткевича (1877–1938 гг.) [9].

Изучение бандурного искусства как объекта научного исследования конца XX – начала XXI в. позволяет сделать следующие выводы. Бандурное исполнительство в украинской культуре выступает исторически культурным, художественным явлением, которое составляет отечественное духовное наследие в традиционном и современном измерениях. Анализ исследований и публикаций, посвященных изучению аспектов бытия бандурного искусства в разные исторические периоды, удостоверяет активный научный интерес этнографов, фольклористов, культурологов, музыковедов, теоретиков и практиков бандурного искусства к вышеназванному явлению в украинской культуре.

Период конца XX – начала XXI в. характеризуется многогранностью, детализацией и разработкой актуальных проблем

бандурного исполнительства, обобщением методического, теоретического, репертуарного и органо-логического аспектов деятельности ведущих мастеров бандурного исполнительства современности, в том числе музыкантов-педагогов, которые создали собственные школы исполнительско-концертной работы с молодежью разных поколений.

1. Брояко, Н. Б. Теоретичні аспекти формування виконавської техніки бандуриста: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 17.00.03 – музичне мистецтво / Н. Б. Брояко; Національна музична академія України ім. П. І. Чайковського. – Москва, 1997. – 20 с.
2. Ваврик, О. Кобзарські школи в Україні / О. Ваврик. – Тернопіль: Збруч, 2006. – 221 с.
3. Дутчак, В. Г. Розвиток професійних засад бандурного мистецтва 1970–1990 років. Творчість і виконавство: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.03 – музичне мистецтво / В. Г. Дутчак. – Київ, 1996. – 25 с.
4. Мандзюк, Л. С. Ансамблево-виконавська творчість бандуриста: мистецтвознавчий та психолого-педагогічний аспекти: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 17.00.03 – музичне мистецтво / Л. С. Мандзюк; Харківський державний університет мистецтв ім. І. П. Котляревського. – Харків, 2007. – С. 16.
5. Мішалов, В. Ю. Культурно-мистецькі аспекти генези і розвитку виконавства на харківській бандурі: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 26.00.01 – теорія та історія культури / В. Ю. Мішалов. – Харків: ХДАК, 2008. – 20 с.
6. Морозевич, Н. В. Бандурне мистецтво як культурне надбання сьогодення: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 17.00.03 / Н. В. Морозевич; Одеська державна музична академія ім. А. В. Нежданової. – Одеса, 2003. – С. 14.
7. Омельченко, А. Развитие кобзарского искусства на Украине / А. Омельченко. – Киев, 1968. – 25 с.
8. Панасюк, И. В. Творча діяльність С. В. Баштана в контексті становлення київської школи академічного бандурного виконавства: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: спец. 17.00.03 – музичне мистецтво / И. В. Панасюк; Національна музична академія України ім. П. І. Чайковського. – Київ, 2008. – 16 с.
9. Супрун, Н. О. Гнат Хоткевич – музикант / Н. О. Супрун. – Рівне: Ліста, 1997. – 320 с.
10. Хоткевич, И. Бандура та її можливості / И. Хоткевич; передмова В. Мішалою. – Харків: Глас-Майдан, 2007. – 92 с. (Серія «Музична спадщина Гната Хоткевича». Вип. 1).

Получено 30.09.2014

T. Sliusarenko

assistant lecturer at Culturology Department,

Yaroslav Mudryi National Law University

E-mail: izida8888@mail.ru

BANDURA PERFORMING AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH (THE END OF THE XXth AND THE BEGINNING OF THE XXIst CENTURY)

Abstract. *This article is devoted to the theoretical understanding of the problems of bandura performing as an object of scientific research, particularly to the study of the aspects of bandura performing at the end of the 20th and the beginning of the XXIst century. The article deals with the life and creative development of kobzars in pre-revolutionary and post-revolutionary period. The development of bandura art at the present stage, ensemble performing art of a bandurist in psychological and pedagogical aspects, problems of formation of bandura performing skills, attempts to draw conclusions on the vocal and instrumental syncretism of bandura performance, activities of educational institutions, the genesis of the formation and development of professional kobzar schools in the 19th and first half of the XXth century were analyzed. In general, the researches of scientists on the given scientific issue are fragmentary; there is no detailed approach to the study of the proposed theme, which determines the relevance of this article. The proof of the active scientific interest of the theorists and the practitioners of bandura performing to realization in a wide range the functioning of bandura lies in a number of dissertation researches, which appeared in the scientific reference of the late 90-s of the XXth century.*

Bandura performing in the Ukrainian culture is a historically cultural, artistic phenomenon, which is a native spiritual heritage in the traditional and contemporary dimensions. The analysis of researches and publications on aspects of bandura art existence in different historical periods proves the active scientific interest of ethnographers, folklorists, cultural specialists, musicologists, theorists and practitioners of bandura art to the above mentioned phenomenon in the Ukrainian culture.

The end of the XXth century and the beginning of the XXIst century are characterized by complexity, detailization and elaboration of actual problems of bandura performing, summarizing methodically theoretical, repertoire and organological aspects of the leading masters of bandura performing of modern age, including musicians and educators who have created their own schools of the concert and performing work with young people of different generations.

Keywords: *bandura performing, kobza art, Kharkov bandura school, bandurist skills, academic performance practice*

For citing: *Sliusarenko, T. Bandura performing as an object of scientific research (the end of the XXth and the beginning of the XXIst century) / T. Sliusarenko // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 127–131.*

References

1. Broyako, N. B. Teoretychni aspekty formuvannia vykonavskoi tekhniky bandurysta [Theoretical aspects of formation of performing technique of a bandurist] / N. B. Broyako; National Musical Academy of Ukraine named after P. Chaikovskyi. – Moscow, 1997. – 20 p.
2. Vavryk, O. Kobzaski shkoly v Ukraini [Kobzar schools in Ukraine] / O. Vavryk. – Ternopil: Zbruch, 2006. – 221 p.
3. Dutchak, V. G. Rozvytok profesiinykh zasad bandurnoho mystetstva 1970–1990 rokiv. Tvorchist i vykonavstvo [The development of professional basis of bandura art in 1970–1990 years. The art and performance] / V. G. Dutchak. – Kiev, 1996. – 25 p.
4. Mandziuk, L. S. Ansamblevo-vykonavska tvorchist bandurysta: mystetstvoznavchyi ta psykhologo-pedahohichnyi aspekty [Ensemble and performing art of bandurist: art and psychological aspects] / L. S. Mandziuk; Kharkiv National University of Arts named after I. Kotliarevskyi. – Kharkov, 2007. – P. 16.
5. Mishalov, V. Yu. Kulturno-mystetski aspekty genezy i rozvytku vykonavstva na kharkivskii banduri [Cultural and art aspects of genesis and development of performing on Kharkiv bandura] / V. Yu. Mishalov. – Kharkov: Kharkov State Academy of culture, 2008. – 20 p.
6. Morozevych, N. V. Bandurne mystetstvo yak kulturne nadbannia sohodennia [Bandura art as cultural acquisition of modern age] / N. V. Morozevych; Odessa State Musical Academy named after A. V. Nezhdanova. – Odessa, 2003. – P. 14.
7. Panasiuk, I. V. Tvorchia diialnist S. V. Bashtana v konteksti stanovlennia kyivskoi shkoly akademichnoho bandurnoho vykonavstva [Creative activity of S. V. Bashtan in the context of formation of Kyiv school of academic bandura performing] / I. V. Panasiuk; National Musical Academy of Ukraine named after P. Chaikovskyi. – Kiev, 2008. – 16 p.
8. Omelchenko, A. Razvitie kobzarskogo iskusstva na Ukraine [The development of kobza art in Ukraine] / A. Omelchenko. – Kiev, 1968. – 25 p.
9. Suprun, N. O. Gnat Khotkevych – muzykant [Gnat Khotkevych as a musician] / N. O. Suprun. – Rivne: Lista, 1997. – 320 p.
10. Khotkevych, I. Bandura ta ii mozhlyvosti [Bandura and its abilities] / I. Khotkevych; foreword by V. Mishalov. – Kharkiv: Glas-Maydan, 2007. – 92 p. (Series “Musical heritage of Gnat Khotkevych”. Vol. 1).

Received 30.09.2014

Раздел IV

**СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОЕ
ЗНАНИЕ**

А. Б. Кузнецов

канд. пед. наук, доцент,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: kab@chgaki.ru

В. Н. Худяков

доктор пед. наук, профессор,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: kafinf@chgaki.ru

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК АСПЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Освещается проблема подготовки электронного учебно-методического комплекса (УМК) и его содержательная сторона, основные педагогические принципы построения электронного УМК, роль преподавателя при использовании электронных образовательных ресурсов (ЭОР). Рассматриваются требования современных образовательных стандартов высшего профессионального образования к обучению информационной культуре, использованию информационных технологий и ЭОР, а также способы их применения в составе электронного УМК: их достоинства и недостатки, ряд специфических требований, которым должна удовлетворять организация использования ЭОР для обеспечения эффективной информационной поддержки образовательного процесса. Возможность контроля с помощью компьютерного тестирования (электронных тестов) показана как важный элемент содержания электронного УМК, использующего многообразные возможности компьютера. Представлена точка зрения авторов на роль преподавателя в образовательном процессе при традиционной аудиторной форме проведения занятий и в связи с использованием ими электронных УМК. Выделены и указаны аспекты подготовленности преподавателей к эффективному применению электронных УМК в учебном процессе.

Ключевые слова: электронный учебно-методический комплекс, педагогический принцип, электронный образовательный ресурс, электронный тест, компьютерные сети

Для цитирования: Кузнецов, А. Б. Электронный учебно-методический комплекс как аспект повышения качества подготовки студентов вуза / А. Б. Кузнецов, В. Н. Худяков // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 133–138.

Практически все современные образовательные стандарты высшего профессионального образования содержат требования, обязывающие в той или иной мере обучать информационной культуре использования и применения информационных технологий и электронных ресурсов.

1. Компетенции, предусматривающие овладение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, а также приобретение навыков работы с компьютером как средством управления информацией.

2. Требование необходимости обеспечения индивидуальным неограниченным доступом к электронно-библиотечной системе каждого обучающегося.

В случае же применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий каждый обучающийся в течение всего периода обучения должен будет исполь-

зовать электронные образовательные ресурсы (ЭОР) в рамках некоторой электронной информационно-образовательной среды [4].

При этом одним из современных направлений в совершенствовании методики технологии преподавания учебных дисциплин является разработка и внедрение в учебный процесс электронных учебно-методических комплексов (УМК) по различным учебным дисциплинам.

Известно, что электронный УМК – это структурированная совокупность образовательных ресурсов [2], представленных в электронно-цифровой форме (систематизированные учебные, научные, профессиональные, специальные, методические материалы по определенной учебной дисциплине, методике и технологии ее изучения средствами информационно-коммуникационных технологий) и обеспечивающих необходимые

условия для осуществления различных видов учебной деятельности по освоению студентами содержания соответствующей образовательной программы по ГОС.

Основными целями и задачами разработки электронного УМК являются: его нацеленность на реализацию требований государственных образовательных стандартов; создание условий для оптимизации процесса освоения учебной дисциплины и активизации самостоятельной деятельности студентов в учебном процессе; введение критериев стандартизации процесса оценки усвоения студентами ключевых положений учебной дисциплины и создание механизма по анализу качества методики изучения данной учебной дисциплины; оснащение учебного процесса учебно-методическими и другими материалами, способствующими повышению качества подготовки специалистов; создание инструмента планирования, управления и организации работ по совершенствованию учебно-методической базы учебного заведения [3].

Электронный УМК учебной дисциплины призван выполнять следующие функции: выступать в качестве инструмента системно-методического и профессионального обеспечения учебного процесса по соответствующей дисциплине, его предварительного проектирования; объединять в систематизированное и единое целое различные дидактические средства и формы обучения, подчиняя их целям обучения и воспитания; раскрывать требования к содержанию изучаемой дисциплины, к знаниям, умениям и компетенциям, содержащимся в образовательном стандарте; служить накоплению новых знаний, новаторских идей, проектов и разработок.

При разработке электронного УМК дисциплины, опираясь на соответствующие принципы, необходимо обеспечить своевременное отражение достижений науки и опыта, следует основываться на принципе научности передовой практики, связанном с соответствующей учебной дисциплиной, т. е. нужно опираться на принцип научности, связи теории с практикой; систематичное и последовательное изложение учебного материала (принцип систематичности и последовательности), исключая дублирование текста;

реализацию межпредметных и междисциплинарных связей (принцип межпредметных связей); использование современных форм и методов, технологий и технических средств в обучении (принцип новизны – принцип, обеспечивающий поддержание интереса к учению, повышению мотивации, развитию коммуникативной функции мышления); планирование, рациональное распределение времени обучения, организацию и методическое обеспечение самостоятельной работы студентов (принципы управления процессом обучения и самостоятельности) [3; 8].

Также основными принципами формирования электронного УМК являются: структурированное представление учебного материала в виде логически завершенных модулей, соответствующих разделам учебной программы (принцип соответствия); наглядное представление учебного материала с необходимым минимумом текста и визуализацией, облегчающей понимание и усвоение новых понятий (принцип наглядности), взаимосвязь учебных модулей и других элементов электронного УМК с помощью гиперссылок (принцип научности); предоставление пользователю возможности самостоятельного выбора учебных модулей (принцип сознательности); возможность адаптации электронного учебно-методического комплекса к нуждам конкретного пользователя (принцип эффективности).

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) в составе электронного УМК могут быть организованы для локального (без подключения к компьютерной сети), сетевого (на основе локальной сети данного учебного заведения или сети Интернет), смешанного использования (включает возможность как локального, так и сетевого использования). Известно, что у каждого способа применения электронного образовательного ресурса есть свои преимущества и недостатки, в частности, УМК, разработанный для локального использования, не требует наличия подключений к сети и позволяет получить доступ к любым и ко всем дидактическим материалам (ЭОР), сохраненным на жестком диске компьютера или на сменном носителе (CD, DVD и т. д.).

При этом организация использования ЭОР с любым вариантом доступа к ним в рамках электронного УМК для обеспечения эффективной информационной поддержки образовательного процесса должна удовлетворять ряду специфических требований: 1) управляемость ЭОР, которая предполагает поддержку как минимум трех возможностей: а) изменения и дополнения ЭОР, б) интерактивность доступа к ЭОР и в) технологическая встраиваемость предлагаемого ресурса в образовательный процесс в соответствии с его спецификой; 2) защищенность и разграничение доступа к ЭОР на уровне прав пользователей – в целях предотвращения непреднамеренного или несанкционированного изменения некоторых ЭОР [5].

Разумеется, к ЭОР (дидактическим материалам) относится не только текстовая информация, но и разного рода аутентичные обучающие мультимедийные файлы (видеофильмы, аудиозаписи и т. п.), которые занимают достаточно большой объем памяти. Поэтому электронные УМК, предоставляющие доступ к подобным материалам (в основном локально, а не по сети), отличаются «громоздкостью» и «тяжеловесностью». Кроме того, электронные учебно-методические комплексы, созданные для локального использования, имеют определенные трудности с обновлением имеющейся в них информации, так как для этого необходимо переписывать их материалы на новый сменный носитель, что «утяжеляет» работу.

Всех этих недостатков практически лишены электронные УМК, созданные для использования в локальной или глобальной сети, которые обеспечивают доступ к дидактическим материалам зарегистрированным пользователям, подключенным к данной компьютерной сети. При такой схеме все дидактические материалы хранятся на центральном сервере, а пользователи получают к ним сетевой (дистанционный) доступ в любое удобное и для студентов, и для преподавателей время. Функционально подобные сетевые электронные УМК работают по принципу веб-сайтов с разнообразным текстовым и мультимедийным контентом, но следует заметить, что электронные УМК отличаются от них строгой структурой и четкой иерархией представленного материала,

которые прописаны в соответствующих регламентирующих документах.

К недостаткам сетевых электронных УМК можно отнести зависимость от работоспособности сервера и скорости передачи данных по сети, а также от настроек компьютера каждого пользователя и наличия в нем необходимого программного обеспечения, что вызывает определенные трудности в процессе их использования.

Электронные УМК, представляющие смешанный тип доступа к материалам (локальный + сетевой), представляют собой «золотую середину», когда наиболее статичную информацию и программные средства сохраняют локально (на жестком диске, CD и т. п.), а регулярно меняющиеся и обновляющиеся материалы, контрольные тесты и задания размещают на сервере в сети [1; 3].

С другой стороны, к преимуществам электронных УМК можно отнести следующие.

1. Составляются в соответствии с учебной программой и учебным планом по дисциплине для конкретной специальности (на основании государственных стандартов). Это означает, что студенты, для которых создан электронный УМК, имеют в своем распоряжении доступ ко всему основному и дополнительному дидактическому материалу, подобранному и разработанному преподавателями непосредственно для их специализации.

2. Имеют четкую функционально-организационную структуру модульного типа, которая строго следует хронологии в системе программной тематики и представлена в виде «дерева» тем с исчерпывающей наполненностью дидактическими материалами. Благодаря этому любой студент в любой удобный момент времени может получить информацию о том, что было пройдено на конкретном занятии, какие были выполнены лабораторные работы, практические примеры и каково было домашнее (семестровое) задание. Таким образом, даже отсутствующие на занятии студенты могут подготовиться по пройденному материалу, выполнив указанные в электронном УМК требования.

3. Дидактические материалы организовываются в соответствии с методикой преподавания дисциплины в целом либо с индивидуальной ме-

тодической конкретной преподавателя, что позволяет наиболее рационально организовать учебный процесс и добиться высокой эффективности усвоения студентами учебного материала.

4. У преподавателя (администратора) есть неограниченный доступ ко всем элементам электронного УМК для внесения текущих изменений и назначения прав пользователей из числа студентов, в частности, у преподавателя есть техническая возможность ограничить доступ студентов к материалам, не относящимся к текущей теме, и т. д.

5. Контроль знаний студентов традиционно основывается на тестовых заданиях: открытого или закрытого типа, на установление порядка или соответствия и т. п. [6]. Этот вид контроля вполне эффективен для проверки знаний (об этом чуть позднее). Раздачу контрольных тестов и заданий также можно ограничить по времени, задав в параметрах заданий начальную и конечную дату проведения контроля, вплоть до указания конкретного времени, по истечении которого, например, прекращается доступ к тексту.

6. Мультимедийные элементы электронных УМК позволяют не только предоставить студентам доступ к аутентичной аудиовизуальной информации, но и расширить их знания в области сопряженных учебных дисциплин.

Важным элементом содержания электронного УМК является наличие (при необходимости) электронных тестов, так как значимым этапом в обучении является разработка специальных материалов, приемов контроля, норм и критериев оценок.

Компьютерное тестирование является качественным и объективным способом оценивания, его объективность достигается путем стандартизации процедуры проведения, проверки показателей качества заданий и тестов целиком. Оно ставит всех обучаемых в равные условия как в процессе контроля, так и оценки, практически исключая при этом субъективизм преподавателя [Там же].

Основные преимущества компьютерного тестирования проявляются в текущем контроле, при самоподготовке и самоконтроле студентов;

благодаря компьютеру можно быстро выдать тестовый балл, принять меры по коррекции усвоения нового материала. Выделяют различные функции контроля, например: развивающая, обучающая, проверочная, оценочная и т. д., на практике эти функции контроля, как правило, выполняются в комплексе, без четкого их разделения, это касается и электронных тестов.

Возможности контроля с помощью компьютерного тестирования значительно увеличиваются благодаря инновационным типам тестовых заданий, использующих многообразные возможности компьютера при включении аудио- и видеофайлов, интерактивности, динамической постановки проблем, проектов с помощью мультимедийных средств и т. д. Кроме того, есть весьма полезная возможность сгруппировать вопросы, задания по уровню сложности [3; 7].

По результатам прохождения тестов в базе данных сохраняется подробная статистика по каждому студенту, которая может быть использована преподавателем в дальнейшем для анализа динамики успеваемости как отдельного студента, так и группы в целом, при собственных отчетах на кафедре и т. д.

Следует отметить, что при составлении компьютерных тестов необходимо учитывать особую трудоемкость формирования базы данных тестов и высокую степень зависимости от технических средств, сложности использования некоторых специальных символов, а также недостаточно высокую объективность результатов дистанционного тестирования, в частности, через Интернет, что связано с отсутствием визуального контроля за поведением тестируемого (студента) в момент прохождения теста.

Довольно часто в научно-педагогической литературе встречаются полярные точки зрения на роль преподавателя в образовательном процессе – одни предсказывают в будущем отсутствие преподавателя в нем, что весьма и весьма спорно (мы категорически не согласны с этим мнением), другие считают, что роль преподавателя в учебном процессе значительно видоизменится, но его участие в нем будет необходимым и достаточным условием (мы придерживаемся этого положения) качества учебного процесса.

Мы считаем, что использование электронных УМК не может полностью заменить традиционной аудиторной формы проведения занятий по всем учебным дисциплинам, а компьютер не исключает реального общения с преподавателем, но он может стать прекрасным помощником, позволяющим экономить драгоценное учебное время и избавиться от весьма трудоемкой работы, например, по проверке письменных (в том числе и тестовых) работ студентов [3; 8].

Мы считаем, что очень важным аспектом в работе с ЭОР, входящими в состав электронных УМК, является подготовленность преподавателей к их эффективному использованию в учебном процессе, а именно:

– взять на себя всю ответственность в решении познавательных задач, что связано с постановкой и осмыслением цели, задач, овладением методами управления познавательной деятельностью студентов [8];

– выбрать оптимальный вариант алгоритма решения познавательных задач, т. е. определить задачи, разработать план решения каждой из задач, выделить главные и сопутствующие задачи, определить логику решения задач и познавательной деятельности;

– определить уровень глубины осмысления материала, владеть высоким качеством соответствующих знаний и умений, проявлять

быстроту и эффективную ориентировку в решении познавательных задач;

– осуществлять инновационную деятельность, т. е. включение преподавателя в деятельность по созданию, освоению и использованию информационно-педагогических новшеств в практике обучения и воспитания студентов, по созданию инновационной среды в образовательном учреждении;

– контролировать свой личностный рост как непрерывный процесс саморазвития и как повышение уровня своего методического мастерства, под которым мы понимаем психическое новообразование, проявляющееся в результате интеграции элементов присвоенной педагогом методической культуры и свойств его личной индивидуальности [9].

Таким образом, электронный УМК в настоящее время вполне может конкурировать с традиционными печатными изданиями, во многом превосходя их по скорости доступа к информации и разнообразию дидактических средств представления учебного материала, а, следовательно, и по уровню образовательной мотивированности студентов, что позволяет существенно повысить качество учебно-воспитательного процесса и, как следствие, качество профессиональной подготовки студентов.

1. Балабанова, Т. Н. Использование компьютерных технологий для осуществления текущего и итогового контроля знаний по иностранным языкам / Т. Н. Балабанова // Материалы научно-практической конференции / под ред. А. В. Иванова. – Могилев: УА, 2009. – С. 87–90.
2. ГОСТ Р 53620-2009. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы. Общие положения: электронный учебно-методический комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-53620-2009>.
3. Иванов, В. Л. Структура электронного учебника / В. Л. Иванов // Информатика и образование. – 2001. – № 6. – С. 63–71.
4. Кузнецов, А. Б. Использование и создание электронных образовательных ресурсов в контексте современных образовательных стандартов высшего образования в сфере культуры и искусств / А. Б. Кузнецов // Культура – искусство – образование: взаимосвязь результатов науки и практики: тез. докл. XXXV науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава акад. (Челябинск, 7 февр. 2014 г.). – Челябинск, 2014. – С. 425–428.
5. Кузнецов, А. Б. Предпосылки организации коллекции цифровых образовательных ресурсов в вузах культуры и искусств / А. Б. Кузнецов // Открытое образование. – 2010. – № 3 (80). – С. 63–68.
6. Кузнецов, А. Б. Создание и использование компьютерных тестов: метод. рекомендации / А. Б. Кузнецов; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 28 с. – (Система качества).
7. Педагогические технологии / М. В. Буланова-Топоркова, А. В. Духавнева, В. С. Кукушкин, Г. В. Сучков. – Ростов-на-Дону: МарТ: Феникс, 2010.
8. Худяков, В. Н. Методы принятия управленческих решений: вариативно-монографический курс / В. Н. Худяков, Е. И. Семушина. – Челябинск: ЧИРПО, 2013.
9. Худяков, В. Н. Педагогические технологии формирования и развития математической культуры у учащихся средних специальных учебных заведений: монография / В. Н. Худяков. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2008.

Получено 14.01.2015

A. Kuznetsov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: kab@chgaki.ru

V. Khudyakov

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: kafinf@chgaki.ru

ELECTRONIC EDUCATIONAL-METHODOLOGICAL COMPLEX AS A HIGH-SCHOOL STUDENTS TRAINING QUALITY INCREASE ASPECT

Abstract. *The problem of preparation of the electronic educational and methodical complex (EMC) and its substantial party, the basic pedagogical principles of creation of electronic EMC, role of the teacher when using the electronic educational resources (EER) is covered. Thus requirements of modern educational standards of the highest professional education to training in information culture, use and application of information technologies and EER, and also EER methods of application as a part of an electronic educational and methodical complex are considered: their merits and demerits, a number of specific requirements with which the organization of use of EER for ensuring effective information support of educational process has to satisfy. Besides in work it is told about possibility of control by means of computer testing (electronic tests) as important element of the maintenance of the electronic EMC using diverse opportunities of the computer. The point of view of authors for a role of the teacher in educational process is also presented at a traditional classroom form of carrying out occupations and in connection with use of electronic educational and methodical complexes by them. Thus aspects of readiness of teachers to effective application of electronic EMC in educational process are allocated and specified.*

Keywords: *electronic educational-methodological complex, pedagogical principle, electronic educational resource, electronic test, computer nets*

For citing: *Kuznetsov, A. Electronic educational-methodological complex as a high-school students training quality increase aspect / A. Kuznetsov, V. Khudyakov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 133–138.*

References

1. Balabanova, T. N. Use of computer technologies as run-time and resulting control of foreign languages knowledge / T. N. Balabanova // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Materials of scientific-practical conference] / ed. by A. V. Ivanov. – Mogilev: UA, 2009. – P. 87–90.
2. GOST R 53620-2009. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obrazovanii. Elektronnye obrazovatel'nye resursy. Obshchie polozheniya: elektronnyy uchebno-metodicheskii kompleks [SSS R 53620-2009. Information-communicative technologies in education. Electronic educational resources. General regulations: electronic educational-methodological complex] [Electronic resource]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-53620-2009>.
3. Ivanov, V. L. Electronic textbook structure / L. I. Ivanov // Informatika i obrazovanie [Computing and education]. – 2001. – № 6. – P. 63–71.
4. Kuznetsov, A. B. Use and creation of electronic educational resources in the context of modern educational standards of higher education in the sphere of culture and arts / A. B. Kuznetsov // Kul'tura – iskusstvo – obrazovanie: vzaimosvyaz' rezul'tatov nauki i praktiki [Culture – arts – education: interrelation of scientific and practical results]. – Chelyabinsk, 2014. – P. 425–428.
5. Kuznetsov, A. B. Digital educational resources in cultural higher educational institutions collection creation prerequisites / A. B. Kuznetsov // Otkrytoe obrazovanie [Open education]. – 2010. – № 3 (80). – P. 63–68.
6. Kuznetsov, A. B. Sozдание i ispol'zovanie komp'yuternykh testov [Creation and use of computer tests] / A. B. Kuznetsov; Chelyab. St. Acad. of Culture and Arts. – Chelyabinsk, 2009. – 28 p. – (Quantity system).
7. Pedagogicheskie tekhnologii [Pedagogical technologies] / M. V. Bulanova-Toporkova, A. V. Dukhavneva, V. S. Kukushkin, G. V. Suchkov. – Rostov-on-Don: MarT; Feniks, 2010.
8. Khudyakov, V. N. Metody prinyatiya upravlencheskikh resheniy [Management adoption decisions methods] / V. N. Khudyakov, E. I. Semushina. – Chelyabinsk: CHIRPO, 2013.
9. Khudyakov, V. N. Pedagogicheskie tekhnologii formirovaniya i razvitiya matematicheskoy kul'tury u uchashchikhsya srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy [Pedagogical technologies of vocational schools students mathematic culture formation and development] / V. N. Khudyakov. – Chelyabinsk: REKPOL, 2008.

Received 14.01.2015

Р. А. Литвак

доктор пед. наук, профессор,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Н. В. Дударева

соискатель ученой степени канд. пед. наук,

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Художественная культура имеет множество направлений: ее деление на массовую и элитарную, наличие в ней народного творчества, классического и современного искусства представляет широкие возможности для эстетического развития личности. Для ориентации молодежи в данных направлениях требуется педагогическое руководство. Проведен анализ подростковых субкультур и рассмотрены данные социологического опроса молодежи по восприятию ими различных форм художественной культуры.

Проанализирован педагогический потенциал народной художественной культуры, выделены особенности элитарной культуры, ее противоречивость и оригинальность, влияние на национальные и общечеловеческие ценности как средства развития личности. Но восприятие и понимание современного элитарного искусства для молодежи остается сложной проблемой.

Современная социокультурная ситуация характеризуется широким распространением среди подростков и молодежи массовой культуры, что является фактором, влияющим на формирование сферы духовно-нравственных и художественно-эстетических ценностей. Широкое распространение массовой культуры вызывает серьезную озабоченность и культурного, и педагогического сообщества, которые видят в ней угрозу снижения духовно-нравственного и художественно-эстетического уровня общества.

Участие молодежи в социально-художественном проектировании позволяет реализовать ее потребности в самостоятельной социально значимой деятельности, в общении, а также реализовать свои способности, проявить и осознать свою индивидуальность, сформировать художественную культуру как личностное качество.

Ключевые слова: художественная культура, народная культура, элитарная культура, социально-культурное пространство

Для цитирования: Литвак, Р. А. Проблемы формирования художественной культуры личности в современном социально-культурном пространстве / Р. А. Литвак, Н. В. Дударева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 139–144.

Формирование художественной культуры личности относится к числу непреходяще актуальных социально-культурных проблем, которые необходимо решать на новом этапе развития культуры и общества. Сегодня наиболее сложные аспекты развития личности связаны с отсутствием мировоззренческих основ, с разрушением механизма духовной преемственности поколений, снижением интереса к отечествен-

ным культурным традициям. В этих условиях значительно возрастает роль художественной культуры как сферы духовно-нравственных и художественно-эстетических ценностей, которые способствуют формированию мировоззрения подрастающего поколения на основе гуманизма и творческого опыта.

Современная художественная культура представляет сложное поликультурное про-

странство, в котором непросто ориентироваться молодежи, поэтому педагоги ставят задачи поиска наиболее эффективных путей вовлечения личности в мир художественной культуры и искусства.

По мнению Е. Ю. Ежовой, художественная культура нашего времени отличается синтезом художественного и нехудожественного, локального и универсального, инновационного и традиционного, классического и неклассического; для нее характерно появление новых синтетических видов искусства и жанров на фоне позитивной открытости к экспериментам и новаторству [4].

В этих условиях сохраняется необходимость освоения личностью художественных ценностей, заложенных в народной и элитарной художественной культуре. В концепции Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг.) указывается, что формирование художественной культуры подрастающего поколения осуществляется в процессе освоения ценностей отечественной и зарубежной художественной культуры, лучших образцов народного творчества, классического и современного искусства [6].

Кратко рассмотрим некоторые педагогические аспекты этих и других типов художественной культуры.

Народная художественная культура (фольклор) создается анонимными творцами, включает мифы, сказания, легенды, песни, танцы, сказки, ремесла, поделки; связана с традициями местности, носит открытый демократический характер.

Прежде всего необходимо остановиться на таких направлениях народной художественной культуры, содержащей мощный педагогический потенциал, как ее образы, отражающие духовно-нравственные и художественно-эстетические ценности и традиции народа. Освоение народной культуры личностью начинается с детства в семье, продолжается на уроках изобразительного искусства в общеобразовательных или специальных школах. Отмечаем высокое качество школьных программ по изобразительному искусству, в которые

включены блоки по изучению русского народного искусства. Данные программы обеспечены учебниками, рабочими тетрадями, наглядными пособиями. Ограниченное количество учебных часов на этот предмет в школах не позволяет глубоко освоить материал. Также констатируем, что в общеобразовательных школах не изучается региональная художественная культура, в гуманитарных науках исследованы глубокие пласты региональных художественных культур, накоплен обширный художественный материал, но он мало осваивается учащимися. К сожалению, следует признать, что сегодня народная художественная культура может стать сферой интересов отдельных групп молодежи социума, специалистов и мастеров-профессионалов. Возрастает значение системы дополнительного образования детей и молодежи и всей системы культурно-досуговой деятельности, в которых созданы необходимые условия для освоения народной художественной культуры, наряду с которой такой же целостностью обладает и элитарная художественная культура, не теряющая своей актуальности во все времена.

Рассмотрим особенности элитарной художественной культуры. В художественном развитии подрастающего поколения она имеет большое значение, и освоение ее ценностей признается исследователями ведущим компонентом формирования художественной культуры подростков. Выдающиеся специалисты элитарной культуры творили на уровне эксперимента, искали новые выразительные языки для раскрытия тем своих произведений, осваивали технические новшества, новые материалы и технологии. В современной культуре к элитарной относят фильмы Ф. Феллини, А. Тарковского, книги Ф. Кафки, Г. Белля, картины П. Пикассо, музыку Ф. Дюваля, А. Шнитке. Иногда элитарные произведения становятся популярными (например, фильмы Ф. Ф. Coppola и Б. Бертолуччи, произведения Сальвадора Дали и М. Шемякина). Элитарная культура – профессиональная, требующая специального усвоения норм, ценностей, правил, навыков, технологий, т. е. специального

обучения. Накопленный опыт (знания, навыки и приемы деятельности, смыслы, образы и пр.) фиксируется в текстах, воплощаемых в знаковых системах (языках, естественных и искусственных), передается преимущественно посредством целенаправленного обучения на базе специализированных институтов (учебных заведений, студий и др.). Элитарная художественная культура, как важнейший хранитель подлинных ценностей, находится в постоянном движении, в ней формируются новые художественные стили и направления.

Сегодня значительная часть элитарной культуры и искусства определяется эстетикой постмодернизма, для которого характерен отказ от классического наследия, а ее инновационные формы ориентированы на личное самовыражение художника, на необычность формы и содержания. Художники в своем творчестве не стремятся быть понятыми и ориентированы больше на оригинальность, необычность, стремясь разбудить в зрителях эмоции, чувства, иногда и вызвать эмоциональный шок. Поэтому многие исследователи видят в постмодернизме угрозу уничтожения подлинных ценностей культуры и отрицание важнейших функций искусства, таких как культурная преемственность эстетического опыта, катарсическое воздействие на личность, формирование личности в рамках национальных и общечеловеческих ценностей.

Другие ученые видят в постмодернизме начало нового этапа в развитии культуры и представляют его как поле экспериментов, творческих поисков, которые всегда были характерны для элитарного искусства. Художественные качества произведений постмодернизма проявляются, по мнению В. Набокова, В. Пелевина, В. Сорокина и др., в процессуальности, парадоксальности, провокативности. Все-таки нужно признать, что современное элитарное искусство в его инновационных формах чаще всего мало понятно неподготовленному зрителю, а иногда вызывает негативную оценку. Поэтому сегодня молодежь предпочитает массовую культуру, которая излагает содержание на доступном художественном

языке, ориентируясь на усредненное восприятие, стандартные вкусы и пассивно-созерцательные формы культурного потребления. Большое значение для отдельных групп имеет рок-культура, являющаяся, по мнению некоторых исследователей, видом молодежной массовой культуры.

Широкое распространение массовой культуры вызывает серьезную озабоченность и культурного, и педагогического сообщества, которые видят в ней угрозу снижения духовно-нравственного и художественно-эстетического уровня общества. Для массовой культуры характерен китч как художественный язык. По мнению А. Ф. Полякова, китч является способом адаптации высоких образцов культуры к условиям массового потребления: художественность приобретает специфический вид, для которой определяющими становятся однотипность эстетических установок, чрезмерность внешнего декора, заслоняющего содержательный аспект произведения. Положительным проявлением художественности в китче исследователь считает гармоничное мироощущение, красоту, спокойствие и миролюбие, поэтому китч достаточно эффективно удовлетворяет невзыскательные художественно-эстетические потребности многих людей [9]. Необходимо отметить позитивный потенциал массовой культуры, который проявляется в ее просветительских возможностях, в формировании гуманистических представлений в социуме, в обращении к общечеловеческим ценностям.

В современном социально-культурном пространстве функционирует большое количество подростково-молодежных субкультур, формирующихся чаще всего вокруг ярких сказочно-мифологических кинообразов. Такие субкультуры рассматриваются учеными как определенный этап в развитии личности, способствующий осмыслению художественных качеств окружающего мира, наполняющий новым содержанием понятия красоты, эстетического вкуса и идеала. Основной проблемой подростков и молодежи – приверженцев молодежно-подростковых культур является «застывание» художественного развития в рамках субкультуры. Р. А. Литвак отмечает позитивный потенциал молодежных субкультур

эстетической направленности как начальной ступени самостоятельного освоения художественной культуры. К сожалению, молодые люди в период взросления зачастую не переходят на более высокий уровень формирования данного вида культуры [8].

Важное направление формирования художественной культуры подростков и молодежи – освоение возможностей компьютерных программ в создании художественных образов. Сегодня в художественной культуре получили развитие компьютерная графика, живопись, художественная цифровая фотография, 3D-моделирование и пр. Эти формы искусства вызывают особенно большой интерес среди подростков, но стоимость программного обеспечения не позволяет его применять в условиях общего и дополнительного образования.

Итак, мы рассмотрели педагогический потенциал народной художественной культуры, выделили особенности элитарной культуры, ее противоречивость и оригинальность, влияние на национальные и общечеловеческие ценности как средства развития личности. Но восприятие и понимание современного элитарного искусства для молодежи является весьма сложной проблемой. Исследование, проведенное нами в социально-культурных учреждениях г. Кемерово, подтвердило этот вывод. Так, из 285 респондентов в возрасте до 35 лет (большинство из которых имеет высшее гуманитарное образование) только 9 % являются постоянными посетителями выставок, картинных галерей, музеев изобразительного искусства; 36 % не знакомы с инновационными формами элитарного искусства; 18 % понимают только классические формы искусства; остальные 5 % предпочитали не отвечать на заданные вопросы.

Для решения поставленной проблемы мы обратились к исследованиям особенностей социально-культурного пространства развития личности (В. М. Диановой и др.) [3].

Социально-культурное пространство развития личности представляет собой систему, связанную с влиянием воспитания, наследст-

венности, среды на развитие личности еще со времен античности. Концепции социальных факторов развития личности и общества рассматривались в трудах М. Вебера [2], Н. Б. Крыловой [5] и др. Исследователи указывали, что развитие общества обусловлено системой таких факторов, как способ жизнедеятельности, культура, традиции, взаимоотношения и др.

В педагогике выделяются социокультурные и природные (воспитание, окружающая среда, наследственность) факторы, в которых социокультурное пространство выступает посредником между воспитанием и социумом, а культура – результатом деятельности человека. В данном случае социокультурное пространство есть своеобразный концепт взаимодействия личности и среды и является ядром взаимодействия и фактором развития. Относительно нашей проблемы социальные факторы (среда, воспитание, взаимодействие личности с социокультурным пространством) имеют свой предмет влияния, т. е. художественную культуру во всем ее разнообразии, глобальная направленность которой – решение задач эстетического, интеллектуального, этического, нравственного и другого плана.

Соприкасаясь с художественной культурой или непосредственно участвуя в ее творении, личность формирует культурные отношения, устанавливает духовно-нравственные отношения с поколениями классиков художественной литературы, искусства, музыки, где личность духовно обогащается, раскрывает творческий потенциал как гражданин своей страны, как участник, творец развития общества, развития культуры.

Развивающаяся личность имеет дело с конкретными социально-педагогическими факторами, которые выполняют функции социализации, удовлетворения личностных и социальных потребностей, вводят ее в мир культуры, искусства, человеческих отношений, способствуя приобщению и включению в социально-культурные ценности.

Высокий уровень сформированности художественной культуры в социально-культурном пространстве позволяет создавать качественно новые продукты, принимать инноваци-

онные решения, занимать социально значимую позицию в обществе.

Сформированная художественная культура выражается в типах и формах организации жизни и деятельности людей, во взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Содержательная часть художественной культуры включает знания о природе, обществе, историческом прошлом, настоящем и будущем.

Следовательно, культура – это многоаспектное явление, отражающее:

- процесс, в котором личность познает, творчески преобразует и совершенствует себя;
- особую линию поведения личности в процессе общения, направленную на ценностные ориентации.

Освоение художественной культуры личности требует духовно-нравственных усилий, чтобы соответствовать внутреннему состоянию, актуальным социальным ожиданиям. Это процесс, по убеждению В. И. Андреева, направлен на эффективность самопознания, самосовершенствования личности [1].

Таким образом, формирование художественной культуры подростков и молодежи является актуальной проблемой, связанной с особенностями современного этапа развития худо-

жественной культуры, для решения которой необходимо использовать современные педагогические подходы, среди которых наиболее педагогически целесообразным является деятельностный (А. Н. Леонтьев [7], С. Л. Рубинштейн [10] и др.). Этот подход используется для активизации самих подростков в освоении художественного наследия через вовлечение их в активную проектную художественную деятельность в различных образовательных, социально-культурных и социально-художественных проектах, которые становятся одной из приоритетных форм развития художественной культуры, способом решения формирования художественной культуры подростков. В педагогике проектирование представляет собой самостоятельный выбор личностью деятельности, больше всего соответствующей ее интересам и способностям. В таком случае подростки получают реальный шанс создания социально значимого художественного продукта. Участие молодежи в социально-художественном проектировании позволяет реализовать ее потребности в самостоятельной социально значимой деятельности, в общении, а также реализовать свои способности, проявить и осознать свою индивидуальность, сформировать художественную культуру как личностное качество.

1. Андреев, В. И. Конкурентология / В. И. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 468 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва: Прогресс, 1990.
3. Дианова, В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность / В. М. Дианова. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1999. – 409 с.
4. Ежова, Е. Ю. Развитие художественной культуры личности: современные культурологические модели / Е. Ю. Ежова // Вопросы культурологии. – 2010. – № 1. – С. 58–63.
5. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – Москва: Гнозис, 2000. – 311 с.
6. Культура России (2012–2018 годы): федеральная целевая программа. – Режим доступа: <http://www.fcpkultura.ru/>.
7. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Книга по требованию, 2011. – 130 с.
8. Литвак, Р. А. Формирование межкультурного общения молодежи в полиэтничном обществе / Р. А. Литвак // Формирование полиэтничной культуры: методология, теория и практика: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Костанай, 2014.
9. Поляков, А. Ф. Китч как феномен художественной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии / А. Ф. Поляков. – Улан-Удэ, 2012.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2000.

Получено 19.06.2014

R. Litvak

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

N. Dudareva

competitor of a scientific degree Candidate of Pedagogical Sciences,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

FORMATION PROBLEMS ART CULTURE OF THE PERSONALITY IN MODERN WELFARE SPACE

Abstract. *The art culture has a set of the directions: its division on mass and elite, existence in it of national creativity, the classical and modern art represents wide opportunities for esthetic development of the personality. Orientation of youth in this directions requires the pedagogical management. The analysis of teenage subcultures is carried out and data of sociological poll of youth on perception by them various forms of art culture are considered.*

Pedagogical potential of national art culture is analysed, features of elite culture, its discrepancy and originality, influence on national and universal values as development tools of the personality are marked out. But the perception and understanding of modern elite art for youth remains a complex problem.

The modern sociocultural situation is characterized by a wide circulation among teenagers and youth of mass culture that is the factor influencing formation of the sphere of spiritual and moral, art and esthetic values. The wide circulation of mass culture causes serious concern of both cultural, and pedagogical community who see in it threat of decrease in spiritual and moral and art and esthetic level of society.

Participation of youth in social and art design allows to realize her needs for independent socially significant activity, for communication, and also to realize the abilities, to show and realize the identity, to create art culture as personal quality.

Keywords: *art culture, national culture, elite culture, welfare space*

For citing: *Litvak, R. Formation problems art culture of the personality in modern welfare space / R. Litvak, N. Dudareva // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 139–144.*

References

1. Andreev, V. I. Konkurentologiya [Konkurentologiya] / V. I. Andreev. – Kazan: Center of innovative technologies, 2004. – 468 p.
2. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya [Chosen works] / M. Veber. – Moscow: Progress, 1990.
3. Dianova, V. M. Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost' [Post-modernist philosophy of art: sources and present] / V. M. Dianova. – Saint Petersburg: Petropolis, 1999. – 409 p.
4. Ezhova, E. Yu. Development of art culture of the personality: modern culturological models / E. Yu. Ezhova // Voprosy kul'turologii [Cultural science questions]. – 2010. – № 1. – P. 58–63.
5. Krylova, N. B. Kul'turologiya obrazovaniya [Education cultural science] / N. B. Krylova. – Moscow: Gnozis, 2000. – 311 p.
6. Kul'tura Rossii (2012–2018 gody): federal'naya tselevaya programma [Culture of Russia (2012–2018): federal target program]. – URL: <http://www.fcpkultura.ru/>.
7. Leontyev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality] / A. N. Leontyev. – Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2011. – 130 p.
8. Litvak, R. A. Formation of cross-cultural communication of youth in multiethnic society / R. A. Litvak // Formirovanie polietnicheskoy kul'tury: metodologiya, teoriya i praktika [Formation of multiethnic culture: methodology, theory and practice]. – Kostanay, 2014.
9. Polyakov, A. F. Kitch kak fenomen khudozhestvennoy kul'tury [Kitsch as phenomenon of art culture] / A. F. Polyakov. – Ulan-Ude, 2012.
10. Rubinshtein, S. L. Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of the general psychology] / S. L. Rubinshtein. – Saint Petersburg: Piter, 2000.

Received 19.06.2014

Е. К. Иванова

доктор пед. наук, профессор,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова

E-mail: Ivanova_EK_chuvsu@mail.ru

И. А. Чемерилова

канд. пед. наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова

E-mail: irina737983@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ С ДОШКОЛЬНИКАМИ

Анализируется влияние хореографических занятий на формирование и развитие личности ребенка дошкольного возраста. Подчеркивается роль хореографического искусства как средства широкого осуществления воспитательных задач в детском танцевальном коллективе. Раскрыта сущность понятия «воспитательный потенциал хореографических занятий», под которым понимается совокупность воспитательных ресурсов, используемых педагогом-хореографом в системе его работы с воспитанниками, способствующих полноценному развитию личности ребенка, его успешной социализации.

Авторы описывают педагогический эксперимент, в котором были задействованы 2 группы детей среднего дошкольного возраста (4–5 лет) первого года обучения (по 20 детей в каждой группе). Для успешной реализации воспитательного потенциала хореографических занятий с дошкольниками были созданы соответствующие педагогические условия. Оценка хореографических умений участников эксперимента проводилась по специальным критериям, позволяющим определить уровни освоения дополнительной образовательной программы по хореографии. Для оценки уровня подготовки детей были разработаны критерии воспитанности: 1) внешняя культура; 2) отношение к педагогу; 3) отношение к членам коллектива; 4) внутренняя культура; 5) эстетика внешнего вида.

Результаты эксперимента показали, что хореографические занятия в системе дополнительного образования при создании выделенных авторами педагогических условий оказывают положительное воздействие на общее развитие детей дошкольного возраста, способствуют развитию их мотивационно-эмоциональной сферы, мышления, творческих способностей и личностному росту.

В статье рассматриваются возможности создания педагогических условий для оптимальной реализации воспитательного потенциала хореографических занятий с дошкольниками; разработан механизм проведения мониторинга уровня воспитанности детей в условиях работы детской хореографической студии.

Ключевые слова: хореографическое искусство, воспитательный потенциал хореографических занятий, дополнительная образовательная программа хореографической студии, мониторинг воспитанности детей

Для цитирования: Иванова, Е. К. Педагогические условия реализации воспитательного потенциала хореографических занятий с дошкольниками / Е. К. Иванова, И. А. Чемерилова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 145–150.

О влиянии хореографических занятий на формирование и развитие личности ребенка писали многие выдающиеся ученые и деятели искусства (Л. С. Выготский, О. А. Апраксина, Е. А. Флерина, Ф. В. Лопухов, Ю. А. Бахрушин, В. М. Красовская и др.).

Особую значимость становление хореографических умений приобретает в дошкольном детстве, когда закладываются основы ценностного отношения ребенка к миру, формируется базис его личностной культуры (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец и др.).

Анализ научной литературы о влиянии хореографических занятий на развитие ребенка показал, что занятия танцами оказывают ничем не заменимое воздействие на общее развитие детей дошкольного возраста: ребенок становится чутким к красоте в искусстве и в жизни, учится понимать и создавать прекрасное, у него формируется образное мышление, фантазия, пластика движений (Т. В. Пуртова [7]); танец выступает как средство физического развития (Л. Н. Эйдельман [12]), эстетического воспитания и обучения детей (Н. М. Стукаленко, А. Г. Исмагулова [9], Е. Б. Юнусова [13]), способствует формированию нравственных позиций детей и развитию интеллектуальных способностей (М. С. Боголюбская [2], О. А. Рындина [8], Е. Н. Фокина [10]).

В танце ребенок учится слушать и воспринимать музыку, передавать в движении чувства, эмоциональные состояния, создавать пластические образы. Взаимодействие дошкольников в детском танцевальном коллективе развивает мотивационно-эмоциональную сферу, формирует у них навыки общения, умение понимать партнера, работать в команде, воспитывает дисциплинированность, аккуратность, прививает чувства взаимовыручки и ответственности.

Таким образом, можно утверждать, что хореографическое искусство имеет богатую возможность широкого осуществления воспитательных задач в детском танцевальном коллективе.

Актуальные проблемы решения воспитательных задач в процессе хореографических занятий с детьми в системе дополнительного образования рассматривались в работах А. Б. Баранова [1], В. Л. Зайкиной [5], И. Н. Ерошенкова [4], З. А. Каргиной [6] и др., методические основы работы педагога дополнительного образования, в том числе хореографа, раскрыты в трудах И. Э. Бриске [3], Т. В. Пуртовой [7], И. И. Фришмана [11] и др.

Поскольку система хореографических занятий с дошкольниками наилучшим образом организована в учреждениях дополнительного образования, важно подчеркнуть, что, по мнению ученых, дополнительное образование дошколь-

ников является особым, личностно ориентированным пространством, способствующим расширению культурного, развитию творческих способностей и самореализации личности (А. Г. Асмолов, А. Я. Журкина, Н. А. Каргапольцева, М. Б. Коваль и др.).

Под воспитательным потенциалом хореографических занятий с дошкольниками мы понимаем совокупность воспитательных ресурсов, используемых педагогом-хореографом в системе его работы с воспитанниками, способствующих полноценному развитию личности ребенка, его успешной социализации.

В основу нашего исследования положена гипотеза, согласно которой воспитательный потенциал хореографических занятий с дошкольниками в системе дополнительного образования значительно повысится, если будут созданы следующие педагогические условия:

- разработка дополнительной образовательной программы с учетом потребностей и возрастных особенностей детей, запросов родителей, актуальных воспитательных задач;
- создание эмоционально благополучной атмосферы в танцевальной группе;
- осуществление мониторинга развития уровня воспитанности детей, учет его результатов в дальнейшей работе.

Опытно-экспериментальная работа по теме исследования осуществлялась на базе МБОУ ДОД «Центр развития творчества детей и юношества» им. А. И. Андрианова (Чувашская Республика, г. Новочебоксарск), в котором с сентября 2010 г. успешно работает хореографическая студия «Империя танца».

По программе «Империя танца KIDS» дети занимаются с 4–5 лет. Срок обучения – четыре года. Целью программы является создание условий для развития творческой личности ребенка через познание естественной природы движения в хореографии; содержание разработано в соответствии с требованиями программ нового поколения, что делает возможным выстроить индивидуальный маршрут развития каждого обучающегося, который будет пронизывать самые разнообразные образовательные области. Внедрение в содержание программы элементов

психохореографии на занятиях, индивидуальных и интегрированных форм занятий, интегрированных уроков с элементами импровизации является отличительной чертой данной программы. В репетиционно-постановочные занятия педагоги включают определенное количество разделов программы, самостоятельно структурируя их в зависимости от сложности постановки танца или его тематики.

На первом году обучения, когда складываются межличностные отношения и система ценностей в коллективе, главные идеи и основы эффективности танцевальной деятельности воспитанников реализуются через игровые технологии. Роль игр на втором, третьем и четвертом годах обучения видоизменяется в зависимости от возраста, характера, способностей детей и хореографической подготовки.

Особенностью второго года обучения является включение в программу уроков музыки и ритмики, «Фэнтэзи данс» с элементами импровизации. Основные часы занятий третьего и четвертого годов обучения занимает постановочная деятельность. В программу вводится новая форма постановок – работа над танцами малых форм и социальными номерами.

В эксперименте были задействованы 2 группы детей среднего дошкольного возраста (4–5 лет) первого года обучения (по 20 детей в каждой группе). На констатирующем этапе эксперимента мы провели диагностическое обследование детей обеих групп с помощью наблюдения, анкетирования родителей и педагогов, методик «Лесенка», «Фантастический выбор», экспертной оценки.

С целью осуществления мониторинга уровня воспитанности детей – участников танцевальной группы была разработана Диагностическая карта воспитанности детей, предназначенная для выявления уровня развития их творческих способностей и личностного роста.

Для оценивания уровня хореографических умений использовались следующие критерии: точность выполнения танцевальных движений, умение сразу повторить их после показа педагога; эмоционально-выразительное исполнение; наличие творческого воображения, умение импровизировать; пластика дви-

жений. В соответствии с этими критериями мы определили уровни освоения дополнительной образовательной программы.

1 уровень – ребенок с трудом повторяет танцевальные движения после показа педагога, движения неточные, хотя присутствует желание воспроизводить движения так же хорошо; навыков выразительности нет, пластика движений отсутствует.

2 уровень – ребенок выполняет танцевальные движения достаточно точно, хорошо, владеет навыками эмоционально-выразительного исполнения, движения пластичны, но способность к импровизации развита недостаточно.

3 уровень – ребенок сразу может повторить танцевальные движения после показа педагога, имеет творческое воображение, навыки актерской выразительности, импровизирует, танцевальные движения эмоционально окрашены, хорошо развита пластика.

Профессиональные успехи детей (уровень освоения программы) были оценены педагогами-хореографами. Полученные баллы позволили распределить участников группы по трем уровням. Дети, набравшие по показателю «эстетика танцевальных движений» 4–7 баллов, были отнесены к низкому уровню; 8–11 баллов – к среднему, 12 баллов – к высокому. Так как воспитанники обеих групп к моменту обследования занимались танцами только три месяца, преобладающим стал низкий уровень в обеих группах.

Для заполнения Диагностической карты были разработаны и другие параметры, определенные нами как критерии воспитанности детей, в качестве которых выбраны следующие:

1) внешняя культура (показатели критерия: общительность, поведение, аккуратность, дисциплинированность);

2) отношение к педагогу (показатели: уважительность, вежливость, правильное восприятие критических замечаний педагога);

3) отношение к членам коллектива (показатели: коллективная ответственность, умение сотрудничать, желание положительно оценивать работу товарищей);

4) внутренняя культура (показатели: проявление таких нравственных качеств, как чуткость, отзывчивость, доброта, старание);

5) эстетика внешнего вида (показатели: опрятность, подтянутость, чистоплотность).

По результатам обследования была заполнена Диагностическая карта воспитанности для детей обеих групп. В результате каждый участник группы набрал некоторое количество баллов, определенное как среднее арифметическое из суммы всех выставленных баллов. Показатели воспитанников на констатирующем этапе эксперимента не имели существенных различий.

В процессе формирующего эксперимента мы сосредоточили свое внимание не только на хореографических достижениях детей, но и на их воспитании и развитии. Вся воспитательная работа в экспериментальной группе была направлена на решение трех основных проблем: 1) создание в группе благоприятного эмоционального климата с помощью специальных приемов; 2) сплочение детского коллектива, формирование у детей чувства коллективной ответственности, желания помогать и поддерживать друг друга; 3) эмоциональное, эстетическое и нравственное развитие воспитанников на занятиях хореографией.

Для создания в группе положительного эмоционального климата, а также снятия эмоционального напряжения у старших дошкольников использовали: 1) игру «Волшебный стул»; 2) игру «Морская фигура, замри»; 3) воспитательные приемы: «сюрприз», «зайки идут в гости», «подражание». Вторая проблема решалась проведением мероприятий, сплачивающих детский коллектив: совместные прогулки, поездки, подготовка к творческим концертам, обсуждения выступлений других коллективов, коллективная рефлексия после проведенных занятий.

С целью эстетического, эмоционального, нравственного развития детей мы использовали потенциал хореографических занятий, обращая внимание на развитие эмоциональной выразительности, пластики движения, умения чувствовать музыку, артистических способностей. Во время бесед, предусмотренных программой, мы с детьми обсуждали нравственные темы. Для этого был специально подобран дидактический мате-

риал, содержащий тексты миниатюр-зарисовок на темы добра, справедливости, красоты, вежливости, чуткости, мужества, стыда и др. Мы привлекали воспитанников к обсуждению этих миниатюр, высказыванию своего мнения, стимулируя к осознанию нравственных категорий и готовности соблюдать их в жизни. Для развития субъектной позиции ребенка использовалась известная методика Н. Е. Щурковой «Три вопроса».

Для сравнительного анализа результатов исследования мы провели контрольный эксперимент. Он осуществлялся в основном по методике констатирующего этапа экспериментальной работы. По результатам первого контрольного среза, который выявил результаты освоения детьми дополнительной образовательной программы, в контрольной и экспериментальной группах не были выявлены существенные различия. Воспитанники обеих групп показали довольно хорошие результаты. В каждой группе результаты улучшились: появились дети, показавшие высокий уровень освоения дополнительной образовательной программы (небольшой процент); увеличилось количество детей, освоивших программу на среднем уровне. Другая картина наблюдалась при сравнении показателей уровня воспитанности детей контрольной и экспериментальной групп. Как мы и предполагали, уровень воспитанности детей экспериментальной группы оказался намного выше. Этот вывод был сделан на основе разработанных критериев, с опорой на такие методы, как наблюдение, опрос родителей, самих детей, анкетирование, а также математическую обработку полученных данных. Экспериментальная группа детей по количеству набранных баллов значительно опередила контрольную.

Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы показали, что хореографические занятия с дошкольниками при создании выделенных нами педагогических условий способствуют формированию мотивации к творческой деятельности, адекватной самооценки и их личностному росту. Итак, гипотеза исследования возможности повышения воспитательного потенциала занятий хореографией с дошкольниками в системе дополнительного образования детей подтвердилась.

1. Баранов, А. Б. Создание условий для формирования позитивного отношения к культурным ценностям в процессе обучения танцам / А. Б. Баранов // *Дополнительное образование*. – 2005. – № 10. – С. 54–56.
2. Боголюбская, М. С. Музыкально-хореографическое искусство в системе эстетического и нравственного воспитания: учеб.-метод. пособие / М. С. Боголюбская. – Москва: ВНИЦ НТ и КИП, 1986. – 92 с.
3. Бриске, И. Э. Основы детской хореографии. Педагогическая работа в детском хореографическом коллективе: учеб. пособие / И. Э. Бриске; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Изд. 2-е, перераб. доп. – Челябинск, 2013. – 180 с.
4. Ерошенков, И. Н. Культурно-воспитательная деятельность среди детей и подростков / И. Н. Ерошенков. – Москва: ВЛАДОС, 2004. – 221 с.
5. Зайкина, В. Л. Роль педагога дошкольного образования в развитии творческих способностей детей / В. Л. Зайкина // *Дополнительное образование и воспитание*. – 2011. – № 1. – С. 48.
6. Каргина, З. А. Особенности воспитательной работы в системе дополнительного образования детей / З. А. Каргина // *Внешкольник*. – 2006. – № 9. – С. 14–18.
7. Пуртова, Т. В. Учите детей танцевать: учеб. пособие / Т. В. Пуртова, А. Н. Белякова, О. В. Кветная. – Москва: ВЛАДОС, 2003. – 256 с.
8. Рындина, О. А. Хореография как средство интеллектуально-эстетического развития ребенка / О. А. Рындина // *Проблемы педагогического образования*. Вып. 12.: сб. науч. ст. / под ред. В. А. Сластенина, Е. А. Левановой. – Москва: МПГУ – МОСПИ, 2003. – С. 103–107.
9. Стукаленко, Н. М. Исследование возможностей хореографии в эстетическом воспитании дошкольников / Н. М. Стукаленко, А. Г. Исмагулова // *Международный журнал экспериментального образования*. – 2014. – № 8. – С. 81–82.
10. Фокина, Е. Н. Хореография в общеобразовательной школе как средство гармонизации развития личности: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Н. Фокина. – Тюмень, 2002. – 23 с.
11. Фришман, И. И. Методика работы педагога дополнительного образования: учеб. пособие / И. И. Фришман. – Москва: Академия, 2004. – 160 с.
12. Эйдельман, Л. Н. Хореография и классический танец в физическом воспитании дошкольников / Л. Н. Эйдельман // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2009. – № 109. – С. 140–143.
13. Юнусова, Е. Б. Основные функции методики становления хореографических умений у детей дошкольного возраста / Е. Б. Юнусова // *Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф.* (г. Уфа, июнь 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – С. 62–64.

Получено 12.11.2014

E. Ivanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Chuvash State University of I. N. Ulyanov
E-mail: Ivanova_EK_chuvsu@mail.ru

I. Chemerilova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chuvash State University of I. N. Ulyanov
E-mail: irina737983@mail.ru

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR REALIZATION EDUCATIONAL POTENTIAL OF DANCE CLASSES WITH PRESCHOOLERS

Abstract. *The article analyzes the influence of choreographic practice on the formation and development of personality of the child of preschool age. Emphasizes the role of choreographic art as a means wide implementation of educational problems in children's dance team. Opens the essence of the concept of "educational potential of choreographic practice", by which is meant the totality of the educational resources used by the teacher-choreographer in its work with pupils, promote the comprehensive development of the child's personality and his successful socialization.*

The study authors defined hypothesis, according to which the educational potential of choreographic practice with preschool children in the system of additional education will increase, if you create such

pedagogical conditions, such as: the development of additional educational programs tailored to the needs and age characteristics of children, parent demand on urgent educational tasks; create stimulating emotional atmosphere in the dance group; monitoring the development of the level of education of children, taking into account its results in future work.

The authors describe an educational experiment that involved 2 groups of children of secondary school age (4–5 years) first year of study (20 children in each group). For the successful implementation of educational potential choreographic practice with preschoolers have created special pedagogical conditions. Evaluation of the choreographic skills of the participants in the experiment were carried out according to the developed criteria for determining the levels of development of additional educational programs on choreography. To assess the level of children's abilities were developed criteria of their education: 1) external culture; 2) attitude toward the teacher; 3) attitude to the team members; 4) internal culture; 5) aesthetic appearance.

The results of the experiment showed that the creation of the necessary pedagogical conditions dance classes in the system of additional education have a positive impact on the overall development of children of preschool age, contribute to the development of their motivational and emotional spheres, their mindset, creative skills and personal growth. The article discusses the possibility of creating pedagogical conditions designed for optimal implementation of educational potential of the choreographic practice with preschoolers; determine methods of monitoring of the level of children's education in terms of children's choreographic studio.

Keywords: choreography, educational potential of choreographic practice, additional educational program of the choreographic studio, monitoring children's education

For citing: Ivanova, E. Pedagogical conditions for realization educational potential of dance classes with preschoolers / E. Ivanova, I. Chemerilova // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 145–150.

References

1. Baranov, A. B. Creating conditions for the formation of positive attitudes to cultural values in the process of learning dance / A. B. Baranov // *Dopolnitelnoe obrazovanie* [Additional education]. – 2005. – № 10. – P. 54–56.
2. Bogolyubskaya, M. S. Muzykalno-horeograficheskoe iskusstvo v sisteme esteticheskogo i npravstvennogo vospitaniya [Musical-choreographic art in the system of aesthetic and moral education] / M. S. Bogolyubskaya. – Moscow: VNMC NT i KPR, 1986. – 92 p.
3. Briske, I. E. Osnoviy detskoj horeografii. Pedagogicheskaya rabota v detskom horeograficheskom kollektive [The children's dance Foundation. Pedagogical work in the children's choreographic ensemble] / I. E. Briske; Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – 2nd ed. – Chelyabinsk, 2013. – 180 p.
4. Eroshenkov, I. N. Kulturno-vospitatelnaya deyatel'nost' sredi detei i podrostkov [Cultural and educational activities among children and adolescents] / I. N. Eroshenkov. – Moscow: VLADOS, 2004. – 221 p.
5. Zaykina, V. L. The role of the teacher of preschool education in the development of creative abilities of children / V. L. Zaykina // *Dopolnitelnoe obrazovanie i vospitanie* [Additional education and training]. – 2011. – № 1. – P. 48.
6. Kargina, Z. A. Osobennosti vospitatel'noy raboty v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya detey [Features of educational work in system of additional education of children] / Z. A. Kargina // *Extra school student*. – 2006. – No. 9. – P. 14–18.
7. Purtova, T. V. Uchite detei tancevat [Teach children to dance] / T. Purtova, A. N. Belyakov, O. V. Kvetnoy. – Moscow: VLADOS, 2003. – 256 p.
8. Ryndina, O. A. Choreography as a means of intellectual and aesthetic development of the child / O. A. Ryndina // *Problemy pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of teacher education]. Vol. 12 / ed. by V. A. Slstenin, E. A. Lanovoy. – Moscow: Moscow State Pedagogical University – MOSPI, 2003. – P. 103–107.
9. Stukalenko, N. M. Research of opportunities of choreography in esthetic education of preschool children / N. M. Stukalenko, A. G. Ismagulova // *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International magazine of experimental education]. – 2014. – No. 8. – P. 81–82.
10. Fokina, E. N. Khoreografiya v obshcheobrazovatel'noy shkole kak sredstvo garmonizatsii razvitiya lichnosti [Horeografiya at comprehensive school as means of harmonization of development of the personality]: dis. ... cand. ped. sciences / E. N. Fokina. – Tyumen, 2002. – 23 p.
11. Frishman, I. I. Metodika raboty pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya [Methods of work of the teacher of additional education] / I. I. Frishman. – Moscow: Akademiya, 2004. – 160 p.
12. Eidelman, L. N. Horeografiya and classical dance in physical training of preschool children / L. N. Eidelman // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [News of the Russian state pedagogical university of A. I. Herzen]. – 2009. – No. 109. – P. 140–143.
13. Yunusova, E. B. The main functions of a technique of formation of choreographic abilities at children of preschool age / E. B. Yunusova // *Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, ijun' 2011 g.)* [Topical issues of modern pedagogics: materials between – plank beds. scientific conference. (Ufa, June, 2011)]. – Ufa: Summer, 2011. P. 62–64.

Received 12.11.2014

**ГЕНЕЗИС ИНФОРМАЦИОННО-РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(вторая половина XIX в.)**

Автор раскрывает методологические подходы и методы изучения отечественной культуры в научных работах разных периодов: в исследованиях XIX в., трудах советских и современных российских ученых. Рассмотрены основные типы культуры, бытовавшие в России во второй половине XIX в. Выделен принцип патернализма как основополагающий в системе общественных отношений того времени. Представлена актуальность изучения информационно-рекламной коммуникации в политической сфере для комплексного культурологического исследования. Раскрыты сущность и задачи информационно-рекламной коммуникации в политической сфере в исследуемый период. Выявляются факторы, которые обусловили зарождение и развитие информационно-рекламной политической коммуникации в пореформенной России. Автор выясняет причины политико-экономических реформ, нового этапа модернизации общественного устройства. Раскрыты особенности политического поведения, так называемой культуры подданных, связанной с российским менталитетом. Рассмотрена структура общественно-политических сил российского общества по различным основаниям: имущественному положению, политическим взглядам. Обозначены направления деятельности по организации политической коммуникации в обществе. Одним из основных было создание благоприятного имиджа власти и государства в целом. Классифицированы средства формирования имиджа политических субъектов: визуальные, вербальные, звуковые, институциональные. Определен приоритет визуальных средств, который объясняется традицией их использования и соответствующим уровнем развития техники и технологий для осуществления эффективной коммуникации между властью и населением. Перечислено все многообразие имиджеобразующих средств, от парадного портрета до плоскости потребительской упаковки товаров массового потребления. Выявлена важная роль периодических изданий в организации информационного взаимодействия между властью и обществом, которое происходило в обстановке повышенного интереса населения к печатному слову. Делается вывод о предпосылках генезиса информационно-рекламной коммуникации в политической сфере, в условиях системных изменений в культуре.

Ключевые слова: реклама, информационно-рекламная политическая коммуникация, история российской рекламы, пореформенная Россия XIX в., патернализм, модернизация

Для цитирования: Лешуков, А. Г. Генезис информационно-рекламной коммуникации в политической сфере пореформенной России (вторая половина XIX в.) / А. Г. Лешуков // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 151–157.

Изучение научной литературы, освещающей вопросы развития русской культуры после начала реформ 60-х гг. XIX в., позволяет отметить различие методологических подходов и оценок изменений в системе общественно-политических отношений, произошедших в результате. Так, ученые конца XIX – начала XX в. подчеркивали по-

зитивный характер реформ, их обусловленность острой государственной необходимостью, особой важностью крестьянского вопроса, с точки зрения как власти, так и общественного мнения [7, с. 395], традицией активного обсуждения в обществе проектов по освобождению крестьян, предлагаемых правительством [11, с. 467–471]. Мето-

ды исследования – историко-статистический анализ, научное описание фактов.

Ученые советского периода в рамках формационного подхода критиковали результаты реформ, отдельные «пережитки крепостничества», отмечали прогрессивный характер перехода к капиталистической социально-экономической формации. Основными причинами реформ объявлялись: острый кризис феодального земледелия [13, с. 410–413], рост классового сознания крестьянства в ходе освободительной борьбы [5, с. 3–6], «замедленное, деформированное развитие капитализма» и наличие хронического структурного кризиса в системе общественных отношений [12, с. 7]. Методы исследования связаны с выяснением классовых позиций и социально-экономических противоречий между основными социальными группами.

Современные российские исследователи рассматривают культурные процессы в пореформенной России с позиций системно-функционального подхода. В этот период выделяют несколько типов культур: элитарная – дворянская, сельская – крестьянская, городская – мещанская. Отмечают сословный характер культуры в целом, определяющий основные черты ее составляющих, постепенный слом четких границ между разными типами, начало диалога и взаимовлияния [9, с. 7]. Также период реформ назван очередным этапом модернизации, который определил вектор перехода к развитому утилитаризму, а затем и к материализму как социально-нравственной мотивации, ориентированной на потребности, развитие и самосовершенствование личности [1, с. 246]. При этом выделяют патерналистский характер культуры, что напрямую связано с формой управления государством – неограниченной монархией. «Российское самодержавие, как форма политической организации общества, опиралось на устойчивый культурный тип общественных отношений, основанных на принципах патернализма» [3, с. 237].

В 1830-х гг. была разработана теория официальной народности, основой которой являлась формула «православие, самодержавие, народность» – своеобразная попытка идеологически аргументировать внутренний политический курс

правительства, «патернализм нашел свое обоснование в ряде идейных течений общественной мысли. Наибольшее распространение имели славянофильство, западничество и теория официальной народности» [Там же]. Прославление самодержавия как института, в его неразрывной связи с государственной религией и народом, формировало в обществе убеждение о традиционности, несокрушимости, богоданности бытующих порядков.

Система патерналистских отношений между властью и населением предполагала иерархическую структуру подчинения субъектов низших уровней субъектам-патронам высших уровней в виде опеки, покровительства и контроля. Отдельная личность не имела собственной индивидуальной ценности в обществе, но только как носитель определенных функций, «общественная составляющая человеческой деятельности в наибольшей мере выражена наверху социальной пирамиды, а осуществление общественных функций является наследственным предназначением правящей феодальной элиты. В то время, как остальная часть общества выполняет общественные функции лишь в дополнение к своей частной деятельности, направленной на поддержание личного существования» [2, с. 60]. Крепостные крестьяне не являлись самостоятельной общественной силой, они олицетворяли традиционалистскую культуру, «прежде всего крестьянскую культуру – культуру подавляющего большинства тогдашнего населения. Даже среди формировавшегося рабочего класса преобладал этот крестьянский тип культуры с его достаточно прочными патриархальными устоями» [14].

Внешние проявления культуры определенного типа наиболее заметны при изучении конкретных социокультурных феноменов. Одним из них становится информационно-рекламная политическая коммуникация. Направление потоков информации можно рассматривать как от власти к населению, так и обратно (сигналы представлены в виде журналистских материалов или прямых обращений посредством прессы). Для выявления истоков зарождения и причин развития политической информационно-рекламной коммуникации необходимо рассмотреть структуру

общества, взаимодействие основных участников и влияние этого на культуру.

Политико-экономические реформы начала 1860-х гг. были инициированы властью с целью модернизации общественного устройства при сохранении общих принципов, «не разрушая традиционных форм социальной и политической жизни, за счет имманентных ресурсов имперской модели государственности» [3, с. 237]. При этом следует учесть, что социально-культурные проблемы, вызванные экономическим укладом, основанным на крепостном владении крестьянами, возникли еще в конце XVIII в., произошел «глубочайший национальный раскол страны, при котором большая часть ее населения оказалась в ситуации фактически колониального существования» [2, с. 62]. В рамках единой патерналистской культуры сосуществовали элитарная культура и крестьянская.

К началу реформ в обществе уже бытовали устойчивые традиции формирования общественных объединений, часто оппозиционно настроенных. Это были общественные организации, литературные кружки, студенческие объединения, профессиональные союзы разной политической ориентации: монархические, либерально-буржуазные, революционно-демократические. Первые высказывались за сохранение самодержавия, сословности и остатков крепостничества, вторые – за парламентаризм и демократизацию жизни, третьи – за революционное обновление общества. Образованная элита склонялась к европеизации общества и выражала свое мнение через журнальные публикации, анонимные политические тексты, организацию и выпуск нелегальных оппозиционных периодических изданий в России и за границей.

Нормы политического поведения, уровень полномочий и ответственности представителя власти определялись местом в иерархии. Взаимоотношения между членами разных уровней властной структуры строились больше на бытовавшем чиновничестве, чем на основе закона. В этих условиях актуальной становилась проблема обеспечения коммуникативного взаимодействия между населением и властью, разработка формально-содержательных критериев межгрупповой социальной коммуникации. Сущест-

вовала общая «культура подданных», отдельные разновидности которой представляли культуры различных социальных страт – чиновников, военных, мещан, пролетариев, предпринимателей и торговцев [14].

Политика всегда находится в области интересов разных социальных групп. В первую очередь – это политическая элита, которая определяет направления внешней и внутренней политики государства. В пореформенной России воплощением всей власти являлся император, его особа считалась священной и неприкосновенной, был создан сакральный образ божьего помазанника. На фоне европейских революций в обществе стали звучать предложения о переходе от абсолютной монархии феодального типа к ограниченной буржуазной монархии, «...страна приступила к следующему этапу модернизации, направленному на преодоление тяжелейших последствий глубокого социального разрыва, препятствовавшего дальнейшему развитию системы» [2, с. 62–63]. В обстановке зарождающегося гражданского противодействия политике императора и его правительства возникла необходимость целенаправленного формирования имиджа главы государства, для создания в общественном мнении определенного отношения к нему. Применялся комплекс рационально-эмоциональных средств воздействия на аудиторию (публицистика, визуальные и акустические образы, устойчивые словесные конструкции, прямая пропаганда идей).

Основными направлениями деятельности по формированию имиджа главы государства были упрощение восприятия населением важной социально-политической информации; создание верноподданнического отношения к личности императора, с акцентом на положительных характеристиках, важных в сознании людей, – сила, власть, строгость, бескомпромиссность, доброта и совесть; обеспечение переноса этого отношения на все решения, принятые монархом – олицетворением закона.

Задачи информационно-рекламной политической коммуникации – доведение информации до населения и установление взаимоотношений между властью и народом посредством понятной знаковой системы, с использованием при этом

различных образов, символов, мифов, т. е. взаимоотношений между императором, как субъектом, и подданными, как объектом воздействия. Кроме того следует учитывать мозаичный характер представленного образа. Воспринималась только часть личности императора, тот образ, который постоянно воспроизводился самим императором и средствами коммуникации. Особенности русской политической культуры во многом влияли на имидж самодержца. Это касается авторитарной традиции, с такими характерными признаками, как конформизм, непротивление насилию, верноподданническое терпение и надежда на «доброту царя», почтение к нему, как и ко всякой власти.

Основную группу средств формирования имиджа политика составляли визуальные средства: парадные портреты и скульптурные изображения царствующих особ; мемориальные и социальные архитектурные сооружения; коронационные альбомы и монеты; копии парадных портретов государей, изображения основных политических символов, которые издавались в виде массовой полиграфической продукции – почтовых карточек, лубков, открыток; официальные знаки почтовой оплаты; особые регалии высших лиц государства, ордена и медали, которые определяли политический статус их обладателей; рекламные материалы и упаковка товаров, где использовались государственные символы – портреты главы государства, изображения гербов, значимых зданий и сооружений.

К вербальным средствам формирования имиджа главы государства можно отнести большой титул российского императора, который оглашали во время придворных ритуалов и церемоний, титулы членов императорского дома; политический язык – специальные словесные формулы-обращения к людям, имеющим дворянский титул, воинское или духовное звание; именование правящей династии и государя в официальных документах; особые эпитеты имени царя в историографии; признанные у населения (во всех сословиях) названия страны; политическая топонимика. К звуковым средствам отнесем – гимн Российской империи; произведения музыкального искусства патриотической направленности.

К средствам институциональной рекламы – политические символы страны: государственный флаг, полковые армейские знамена; придворные, государственные, военные церемонии, связанные с соблюдением множества условностей, определенных процедур; праздничные даты в истории государства; даты в жизни императорской семьи; церковные праздники; мундиры императора, придворных, военных, чиновников; использование политической символики в повседневной одежде; благотворительная деятельность членов августейшей фамилии; канонизация новых святых русской православной церкви; гуманистическая активность государства на внешнеполитической арене.

С развитием массовой периодической печати и началом использования фотоизображений, как наиболее эффективного средства политической коммуникации, в прессе начинается публикация материалов о важных событиях в жизни правящей фамилии, проведенных встречах, обращениях к группам подданных. Тексты и основные положения законов, манифестов, указов, нормативные документы по порядку их исполнения, уставы, регламенты, инструкции публиковались в официальных и частных изданиях. В официальных газетах часто печатали публичные обращения различных социальных групп к императору и его ответы на эти обращения. В прессе начинается публичная общественная дискуссия по наиболее важным проблемам, касающимся взаимоотношений власти и общества, например, о свободе печати, цензурном законодательстве, гласности [6, с. 71]. «Традиция обсуждения законопроектов была заложена в печати еще во времена “великих” реформ Александра II» [4, с. 81]. Государство начинает активно контролировать содержание прессы путем систематического ужесточения цензурного законодательства и общего усиления цензуры.

Это происходило на фоне роста интереса к чтению, распространения грамотности и увеличения потребности населения в печатной продукции. Пресса обозначает свои задачи на этом этапе так: «содействовать распространению в народе точного понимания гражданских его прав и обязанностей пред законом... религиозных и

нравственных истин, практических и научных сведений» [10, с. 3]. В анонсах изданий указывают цель и основные задачи: «отмечать все касающееся общественной жизни... с полной независимостью суждения высказываться по тем или иным... вопросам, существенным образом затрагивающим интересы общества» (газета «Родина»); «помещаются официальные сведения о жизни и деятельности Государя Императора и всего Императорского семейства, правительственные узаконения, распоряжения и мероприятия, явления общественной деятельности, городской и земской» («Всеобщая газета»); «предлагать в сжатом виде возможно полный отчет за неделю по всем текущим вопросам жизни – политики, литературы, науки, искусств и торговли» («Газета А. Гатцука») [8]. Пропагандируется идея «уплаты долга» народу: «с решением великого вопроса об освобождении крестьян, простолюдин в настоящее время приобрел обширные гражданские права... Долг образованных сословий братски помочь крестьянину в деле устройства его быта на новых, прочных основаниях и в стремлении его к расширению своего прежнего, узкого круга деятельности и понятий» [10, с. 3].

Несмотря на это в российском обществе наблюдались революционно-демократические тенденции, которые выражались в литературном противостоянии власти, печати и распространении прокламаций, призывающих к неповиновению власти. Действующими силами были: либерально настроенная часть дворянства, разночинная интеллигенция, студенчество, литературные деятели.

Постепенно в стране складывалась неустойчивая социально-политическая ситуация с выраженной поляризацией сил. Развитие революционного движения, тактика террора радикальных организаций, неоднократные покушения на высших лиц – все это объединяло силы, защищающие государство, на основе официальной идеологии. Активные силы стремились к просвещению народа, которое выражалось в «хождении» интеллигенции в народ, организации рабочих и

церковно-приходских школ, читален, выпуске массовой печатной продукции (лубков, народной азбуки, дешевых изданий классиков литературы, журналов и газет, изданий религиозно-нравственного содержания).

Таким образом, в пореформенный период в России произошли радикальные изменения во многих сферах, в том числе в политике. Наблюдалась систематическая смена циклов либеральных реформ и консервативной реакции, когда происходил откат от уже достигнутого в процессе либерализации общества.

Вместе с тем основная властная доктрина подразумевала незыблемость самодержавия. Поэтому прилагались усилия по созданию благоприятного имиджа власти. Использовались уже известные формы информационно-рекламной политической коммуникации и появлялись новые. Художественные и фотопортреты императора, скульптурные памятники, государственные символы, памятные монеты, произведения печатной рекламы с политической символикой, устойчивые речевые конструкции официального обращения, благотворительные мероприятия элиты – все должно было прославлять самодержавие, церковь и государство в целом.

На поддержку самодержавия также была направлена публикация в прессе текстов законодательных актов, распоряжений власти; привлечение внимания к православной нравственности; формирование коммуникации между императором и населением, просвещение народа путем его информирования по важнейшим вопросам.

Действия правительства сопровождалось ростом революционного движения, выраженного в объединении недовольных, распространении нелегальной литературы и в пропаганде идей неповиновения власти.

Политическая ситуация в пореформенной России оказала стимулирующее влияние на развитие информационно-рекламной политической коммуникации, вызывая усложнение ее структуры и возникновение новых форм.

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1998. – 804 с.
2. Глинчикова, А. Г. Демократическая модернизация и национальная культура / А. Г. Глинчикова // Понимание. – 2010. – № 6. – С. 54–67.

3. Ермоленко, Т. Ф. Патернализм в России: культурологический анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Т. Ф. Ермоленко. – Ростов-на-Дону, 2000. – 251 с.
4. Исхаков, Р. Л. Пресса и государственность: к вопросу о роли СМИ в легализации и легитимации государственности / Р. Л. Исхаков // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 48. – С. 79–86.
5. Клибанов, А. И. Народная социальная Утопия в России. XIX в. / А. И. Клибанов. – Москва: Наука, 1978. – 344 с.
6. Макушин, Л. М. Дискуссия 1862 г. о гласности и свободе печати / Л. М. Макушин // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3 (67). – С. 71–79.
7. Милуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 2. Национализм и общественное мнение / П. Н. Милуков. – Санкт-Петербург: Мир Божий, 1903. – 424 с.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1886. – № 1.
9. Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 384 с.
10. Пермские губернские ведомости. – 1863. – № 4.
11. Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая / В. И. Семевский. – Санкт-Петербург: Общественная польза, 1888. – 630 с.
12. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / под ред. чл.-кор. АН СССР Б. А. Чагина. – Ленинград: Наука, 1978. – 416 с.
13. Струмилин, С. Г. Очерки экономической истории России и СССР / С. Г. Струмилин. – Москва: Наука, 1966. – 530 с.
14. Холодковский, К. Политическая культура России: нерешенные проблемы [Электронный ресурс] / К. Холодковский // Политическое образование. Информационно-аналитический журнал. – 7 авг. 2009. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/politicheskaya-kultura-rossii-nereshennye-problemy>.

Получено 15.12.2014

A. Leshukov

competitor of degree of Candidate of Sciences,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

E-mail: fdpt@chgaki.ru

GENESIS OF INFORMATION AND ADVERTISING COMMUNICATION

IN THE POLITICAL SPHERE OF POST-REFORM RUSSIA (second half of the XIX century)

Abstract. *The author opens methodological approaches and methods of studying of domestic culture in scientific works of the different periods: in researches of the XIX century, works of the Soviet and modern Russian scientists. The main types of culture occurring in Russia in the second half of the XIX century are considered. The principle of a paternalism as fundamental in system of the public relations of that time is allocated. Relevance of studying of information and advertizing communication in the political sphere for complex culturological research is presented. The essence and problems of information and advertizing communication in the political sphere during the studied period are opened. Factors which caused origin and development of information and advertizing political communication in post-reform Russia come to light. The author finds out the reasons of political and economic reforms, a new stage of modernization of a social system. Features of political behavior, the so-called culture of citizens connected with the Russian mentality are opened. The structure of social and political forces of the Russian society on various bases is considered: to a property status, political views. Activities on the organization of political communication in society are designated. Creation of favorable image of the power and state in general was one of the main. Means of formation of image of political subjects are classified: visual, verbal, sound, institutional. The priority of visual means which is explained by tradition of their use*

and an appropriate level of development of technology and technologies for implementation of effective communication between the power and the population is defined. All variety the imidzheobrazuyushchikh of means, from a smart portrait to the plane of consumer packing of the consumer goods is listed. The important role of periodicals in the organization of information exchange between the power and society which occurred in the conditions of keen interest of the population in the printing word is revealed. The conclusion about prerequisites of genesis of information and advertizing communication in the political sphere, in the conditions of system changes in culture is drawn.

Keywords: advertizing, information and advertizing political communication, history of the Russian advertizing, post-reform Russia in XIX century, paternalism, modernization

For citing: Leshukov, A. Genesis of information and advertising communication in the political sphere of post-reform Russia (second half of the XIX century) / A. Leshukov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 151–157.

References

1. Akhiezer, A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1: Ot proshlogo k budushchemu [Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). Vol. 1: Of the past to the future] / A. S. Akhiezer. – Novosibirsk: Sibir. chronograph, 1998. – 804 p.
2. Glinchikova, A. G. Democratic modernization and national culture / A. G. Glinchikova // Polis [Policy]. – 2010. – № 6. – P. 54–67.
3. Ermolenko, T. F. Paternalizm v Rossii: kul'turologicheskij analiz [Paternalism in Russia: culturological analysis] / T. F. Ermolenko. – Rostov-on-Don, 2000. – 251 p.
4. Iskhakov, R. L. Pressa and statehood: to a question of a role of mass media in legalization and legitimation of statehood / R. L. Iskhakov // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Ural state university]. – 2007. – № 48. – P. 79–86.
5. Klibanov, A. I. Narodnaya sotsial'naya Utopiya v Rossii. XIX v. [A national social Utopia in Russia. XIX century] / A. I. Klibanov. – Moscow: Science, 1978. – 344 p.
6. Makushin, L. M. Discussion of 1862 about publicity and freedom of press / L. M. Makushin // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Ural state university]. – 2009. – № 3 (67). – P. 71–79.
7. Milyukov, P. N. Oчерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 2. Национализм и общественное мнение [Sketches on stories of the Russian culture. H. 3. Вып. 2. Nationalism and public opinion] / P. N. Milyukov. – Saint Petersburg: Mir bozhy, 1903. – 424 p.
8. Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti [Orenburg diocesan sheets]. – 1886. – № 1.
9. Oчерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда [Sketches of the Russian culture of the XIX century. Vol. 1. Public and cultural environment]. – Moscow: Publishing house of Moscow University, 1998. – 384 p.
10. Permskie gubernskie vedomosti [Perm provincial sheets]. – 1863. – № 4.
11. Semevsky, V. I. Krest'yanskiy vopros v Rossii v KhVIII i pervoy polovine KhIX veka. Т. 2. Krest'yanskiy vopros v tsarstvovanie Imperatora Nikolaya [Krest'yansky a question in Russia in the XVIII and first half of the XIX century. Vol. 2. A country question in reign of the Emperor Nikolay] / V. I. Semevsky. – Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1888. – 630 p.
12. Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii. Oчерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века [Sociological thought in Russia. Sketches of history of not Marxist sociology of the last third XIX – the beginnings of the XX century] / ed. of the member correspondent of Academy of Sciences of the USSR B. A. Chagin. – Leningrad: Nauka, 1978. – 416 p.
13. Strumilin, S. G. Oчерки экономической истории России и СССР [Sketches of economic history of Russia and USSR] / S. G. Strumilin. – Moscow: Nauka, 1966. – 530 p.
14. Holodkovsky, K. Politicheskaya culture of Russia: unresolved problems [Electronic resource] / K. Holodkovsky // Politicheskoe obrazovanie [Political education]. – 7 Aug. 2009. – URL: <http://www.lawinrussia.ru/politicheskaya-kultura-rossii-nereshennye-problemy>.

Received 15.12.2014

***Д**искуссии*

Рубрику, посвященную проблемам социокультурного проектирования библиотеки будущего, продолжает статья кандидата философских наук А. А. Дыдрова, которая раскрывает вопросы, связанные с перспективами книги, книжной культуры, деятельности библиотек. Соотношение традиционных и электронных библиотек, причины популярности последних являются предметом исследования многих современных специалистов не только в области библиотековедения, но и других отраслей науки.

УДК 02

А. А. Дыдров

канд. филос. наук, доцент,

Южно-Уральский государственный университет

E-mail: zenonstoik@mail.ru

ПРОТИВОСТОЯНИЕ БИБЛИОТЕК И «ЭФФЕКТ СГУЩЕНИЯ»

Ученые-футурологи еще в 1970-х гг. заметили определенные тенденции, непосредственно связанные с будущим книги, книжной культуры и библиотеки. Они оказались противоречащими друг другу: с одной стороны, число книг из года в год неуклонно росло, а вместе с ним росло и число библиотек, с другой стороны, книги, вероятно, могли перестать быть основным источником информации. Действительно, так называемый «иконический поворот» – явление упадка книжной культуры. С возрастанием значения интернет-технологий книжная культура претерпела метаморфозы. Необходимо было узнать, какую информацию молодые поколения извлекают из сети, пользуются ли они обширными электронными библиотеками. Если нет, то можно было бы говорить об абсолютном кризисе книжной культуры. В данной статье представлены результаты социологического опроса. Респондентами стали учащиеся различных факультетов Южно-Уральского государственного университета г. Челябинска. В ходе исследования определялись частота посещения студентами библиотек, причина выбора электронной или традиционной библиотеки, преследуемые цели пользования тем или иным ресурсом. Приоритетная задача опроса – выявление причин популярности электронных библиотек. В статье сделаны необходимые выводы, в том числе, вынесены суждения о действии так называемого «эффекта сгущения» – эффекта, неизменно влияющего на поведение многих читателей. Большая плотность информации, близость к различным информационным потокам, сравнительно быстрый доступ к какому-либо электронному ресурсу, а также высокая скорость перехода от ресурсов одной страны к ресурсам другой обуславливают силу данного эффекта.

Ключевые слова: библиотека, книга, электронная библиотека, социологический опрос, «эффект сгущения»

Для цитирования: Дыдров, А. А. Противостояние библиотек и «эффект сгущения» / А. А. Дыдров // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 159–163.

Метаморфозы, происходящие с различными социальными институтами, организациями, структурами, подогревают интерес и писателей-фантастов, и ученых-футурологов. Библиотека является одним из социальных институтов, судьба которого тоже остается без внимания. В книге

«Футурошок» американский исследователь О. Тоффлер указывал на экспоненциальный рост выпуска книг. Книги дешевеют и становятся доступными для широких масс. Вместе с тем возрастает и число библиотек [8, с. 184–185]. Упрощая мысль американского футуролога, скажем о том,

что создание библиотеки – уже не многовековой процесс. Число библиотек неуклонно растет, а «смертность» книг чрезвычайно низка в сравнении с «рождаемостью». Тем не менее О. Тоффлер учитывает и иной вариант развития событий, ссылаясь на футуролога С. Корнберга: чтение, вероятно, перестанет быть основным видом получения информации [Там же, с. 185]. Книга, ставшая предметом массового производства, утрачивает былую славу, а информация, содержащаяся в книгах, становится все менее и менее полезной. Согласно «пессимистическому» сценарию, в библиотеку будут забредать «одинокие путники», надеющиеся извлечь из недр информации нечто ценное. Вполне вероятно и то, что в библиотеке будут представлены не только книги, но и иные материалы (аудио и видео). В фондах библиотек XXI в., как известно, имеется и видео-, и аудиопродукция.

На сегодняшний день одна из приоритетных задач библиотеки – привлечь внимание людей различных возрастов и социальных слоев. Так, Л. В. Дмитриева пишет о калифорнийской Millennium Library, в стенах которой работа с информацией становится «увлекательным и полезным занятием» [6]. Но Millennium Library – уникальное явление, наряду с которым существуют традиционные библиотеки. Современная библиотека, согласно справедливому замечанию Ю. В. Гушул, – «полифункциональная единица» [2, с. 80]. Но несмотря на полифункциональность этих библиотек, их будущее, вероятно, не столь радужно. Внешняя среда, по выражению того же исследователя, трансформирует библиотеку, а традиционную, по советской модели, как пункт выдачи книг и место работы с книгой один на один, – в массе даже уничтожает [3, с. 83]. Как правило, новые технологии действительно попирают те или иные традиции. Устойчивые, стабильные отношения и институты в одночасье оказываются «пережитком», antique.

Электронные технологии, влияющие так или иначе на все общественные отношения и институты, интенсивно внедряются и в библиотечное дело. Hi-Tech влияют на отношения читателя и библиотеки, читателя и книги, библиотеки и книги. Существенный рост значимости Интерне-

та очевиден. Тот факт, что люди различных возрастов и социальных статусов регулярно «попадают» в Сеть, не нуждается в комментариях. Небезынтересно, однако, выявить то, как пользование интернет-ресурсами влияет на традиционное взаимодействие читателя с библиотекой.

Безусловно, следует обратить внимание на мнения самих пользователей и читателей (оставляем в стороне дискуссию о различении этих понятий). Фиксированное слово другого, возможно, является лучшим доказательством того или иного предположения. А предположить, что интернет-порталы в определенной мере конкурируют с традиционными библиотеками, в общем, не трудно.

Нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие небольшое количество студентов второго года обучения Южно-Уральского государственного университета. Группа опрошиваемых была разделена на несколько подгрупп, каждая из которых является сравнительно устойчивым, сложившимся коллективом. Члены подгрупп объединены по специальностям. Все опрошенные студенты обучаются на историческом факультете и на факультете экономики и управления, а в их образовательную программу включены как общегуманитарные, так и специальные дисциплины. В ходе опроса было задано семь вопросов, среди которых: 1. Каково число посещений вами библиотеки за предыдущий учебный год? 2. Предпочитаете ли вы электронные библиотеки? 3. На чем основывается ваше предпочтение? Одни вопросы требовали односложного, другие – развернутого ответа.

Только двое респондентов – студентов факультета экономики и управления посещали библиотеку в прошлом учебном году более десяти раз. Один из них пользовался библиотекой, расположенной по месту жительства, а другой ходил в университетскую. Среди опрошенных учащихся исторического факультета число посещавших библиотеку более 10 раз больше (6 человек). Остальные ответы разительно отличаются от обозначенных выше. Большинство опрошенных студентов посещало библиотеку три или четыре раза в год. Один из респондентов, проигнорировав предварительные замечания, ответил: «редко (получить и сдать учебники)».

Тем не менее о существовании и функционировании вузовской библиотеки известно всем. Респонденты называли ее «обычной». Библиотека – одно из крупнейших структурных подразделений вуза. Не заметить это подразделение невозможно. Результаты проведенного опроса показали, что предпочтения отдаются электронным библиотекам. Студенты посещают сайты www.lib.ru, www.yanko.lib.ru, www.gumer.info, www.aldebaran.ru и другие. Наша задача заключалась в определении тех или иных мотивов, побуждающих человека выбирать. В итоге возник «перечень» мотивов, составлена своеобразная «карта» мнений читателей и пользователей. Студенты отдают предпочтение электронным библиотекам, потому что:

- 1) электронной библиотекой можно пользоваться в домашних условиях («уют», «комфорт», «удобство» – означающие, выявленные в тексте);
- 2) нет времени на посещения библиотек, на ожидание выдачи нужных книг;
- 3) создателями электронных библиотек обеспечен сравнительно быстрый и легкий доступ к информации;
- 4) число книг в электронной библиотеке не ограничивается размерами помещения, залов, архивов, стеллажей;
- 5) портал электронной библиотеки почти всегда открыт читателю, в такую библиотеку можно попасть даже ночью;
- 6) нет необходимости возвращать книгу;
- 7) материалами электронной книги можно пользоваться, выделяя и копируя различные фрагменты, не боясь нанести книге вред.

Не сложно заметить, что лишь один мотив (последний в приведенном перечне) выражается в стремлении позаботиться о сохранности книг. Все приведенные суждения спорны. Однако наша задача не сводилась к организации дебатов и дискуссий. Мнения респондентов интересовали нас вне зависимости от аргументации, обоснования.

Следует ли из результатов опроса то, что «обычная» библиотека обречена на поражение? Быть может, людям XXI столетия суждено жить в эпоху «заката» библиотеки? Такое следствие

было бы не вполне обоснованным. Влечение человека к вещам невозможно изжить. Человек – «желающая машина», по выражению Ж. Делеза [4, с. 13–14], – стремился и стремится к производству и овладению, к раскрытию своего я в вещи. Вещи заставляют человека переживать аффекты. Связь человека с вещами чрезвычайно крепка. Не случайно Аристотель, критикуя учение Платона об идеальном государстве, указал на противоестественность жизни без частной собственности. Человеку нужно обнять вещь и сказать: «моя». В этом единении с предметом человек забывает о самом себе, «становится-вещью» (Ж. Делез писал о мысленном слиянии с предметом, о «растворении» в вещи и мощнейшей аффектации [5, с. 217]). Ответы некоторых респондентов, не отдавших предпочтения электронным библиотекам, показали, что книга тоже является объектом желания. Речь идет уже не о содержании, а о форме книги, о «конституции». Наслаждение запахом типографской краски, ощущение шероховатостей бумаги или, напротив, восхищение белизной и безупречной гладкостью страниц – все это раскрывающаяся страсть к вещам. Книга – это не только информация, не только содержание. Начинка сокрыта оболочкой, внутренности не видны под «кожей» книги. Коллекционные, специальные, «штучные» издания свидетельствуют о том, что книга – знак, нередко указывающий на социальный статус читателя. Книга может быть предметом роскоши, индексом умственных способностей и общественного положения (еще В. В. Розанов писал о том, что книга должна быть дорогой, она – не «публичная девка» [7, с. 240–241]). Быть может, любовь к вещи и функциональность библиотеки (библиотека как аpoтhеса информации) и есть спасительные маяки. Нужно надеяться на то, что книги и библиотека не будут иметь *лишь* эстетическую ценность. Это опасение не беспочвенно. Современный писатель М. Елизаров, по-видимому, сам того не подозревая, указывает на грозящую традиционной библиотеке опасность: «Думаю, что в российской глубинке еще долго сохранятся именно те традиционные библиотеки, к которым мы привыкли. Мне кажется, в этом есть некий эстетизм» [1].

Отношение читателя к библиотеке не обусловлено ни желанием приобрести книгу в собственности, ни жадной роскоши. Читателю требуется содержание, а не форма книги (кто не ликовал, когда получал старую, потрепанную, редкую книгу, необходимую для написания квалификационной работы?). Читатель хочет пользоваться «книгой-содержанием», а не «книгой-формой». Оформление книги в какой-то момент отступает в тень, и на авансцене оказывается смысл, скрытый переплетом и обложкой. В этом «требую содержания!» – прошлое, настоящее и будущее библиотеки – и попираемой, и дополняемой электронными ресурсами, обеспечивающими книгам долгую жизнь в Интернете.

Завершая рассуждение, необходимо обратить внимание хотя бы на одну из причин популярности электронных библиотек. Нет никаких оснований полагать, что электронные библиотеки в меньшинстве, в сравнении с традиционными. И тем не менее множественность рассеянных в интернет-пространстве библиотек не подобна множественности библиотек, рассеянных по стране и миру. В интернет-пространстве множественность «сгущается», имеет большую «плотность». «Эффект сгущенности» не отсылает к какому-либо правилу или закону. Но влияние этого эффекта на пользователя очевидно.

Доступность электронных библиотек (о чем

респонденты не преминули написать), конечно, в отдельных случаях затруднена (например, необходимостью регистрироваться на сайте). Но рассеянные по стране библиотеки все же неизменно проигрывают и будут проигрывать электронным, открывающим портал фактически любому посетителю. «Эффект сгущения» информации связан, во-первых, с объемом ресурсов, во-вторых, с доступностью информации, в-третьих, со свободным «парением» от одной базы данных к другой. Пространство словно «свертывается», «схлопывается», а воздух все более и более насыщается. Пользователь белорусской library.by через несколько секунд оказывается в немецкой deutschland.de, российской lib.ru, американской American Libraries и т. д. Именно влиянием «эффекта сгущения» объясняются многочисленные и однородные суждения респондентов о пользовании электронными библиотеками: «экономит время», «это гораздо удобнее», «легкость поиска информации», «не нужно выходить из дома». Быть может, человек сделал очередной рывок на пути преодоления препятствия, имя которому – «пространство». Борьба с мощью «эффекта сгущения», по видимому, трудна. Противостояние потребует концентрации всех резервов и сил традиционных библиотек, многие из которых уже давно сняли с себя ярлык «обычных».

1. Библиотека будущего: 10 трендов развития по версии РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: digit.ru/technology/20120419/391094532.html (дата обращения: 28.11.2014).
2. Гушул, Ю. В. Современная библиотека как проектируемое социокультурное пространство (постановка проблемы) / Ю. В. Гушул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 79–86.
3. Гушул, Ю. В. Субъект информационных институтов знаниевого общества: информационная диагностика проблемы / Ю. В. Гушул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 3 (35). – С. 80–84.
4. Делез, Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
5. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 288 с.
6. Дмитриева, Л. В. Библиотека будущего [Электронный ресурс] / Л. В. Дмитриева. – Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/9977> (дата обращения: 28.11.2014).
7. Розанов, В. В. Опавшие листья / В. В. Розанов. – Санкт-Петербург: Лениздат, 2012. – 448 с.
8. Тоффлер, О. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 2002. – 557 с.
9. Сафина, Л. З. Участие библиотек республики в мегапроекте «Пушкинская библиотека» / Л. З. Сафина // Библиотечный вестник. – 2003. – № 1. – С. 86–88.
10. Семенов, А. П. Восполнение лакун книжного фонда библиотеки в условиях цифровых технологий (на примере библиотеки СВФУ) / А. П. Семенов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 72–75. Получено 1.12.2014

A. Dydrov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Southern Ural State University
E-mail: zenonstoik@mail.ru

CONFRONTATION LIBRARIES AND «THICKENING EFFECT»

Abstract. Scientists-futurists in the 1970-ies. noticed certain trends that are directly related to the future of books, book culture and libraries. These trends were contradictory: on the one hand, the number of books each year has steadily grown, and with it grew and the number of libraries, on the other hand, the book probably could cease to be the main source of information. Indeed, the so-called «iconic turn» – the phenomenon of the decline of literary culture. With the growing importance of Internet technology book culture has undergone a metamorphosis. It was necessary to find out what information the younger generations removed from the network, whether they use the vast digital libraries. If not, it would be possible to speak of an absolute crisis of literary culture. This article presents the results of a poll. Respondents were students from various faculties of the South Ural State University, Chelyabinsk. The survey determined the frequency of visits by students libraries reason for choosing electronic or traditional library, pursued the purpose of use in some resource. The priority task of the survey – identify reasons for the popularity of digital libraries. As a result, the list was created by the respondents indicated the reasons for choosing digital libraries. The article made the necessary conclusions, including, handed down judgments on the effects of the so-called «thickening effect» – the effect invariably affects the behavior of many readers. The high density of information, proximity to a variety of information flows, relatively quick access to any electronic resources, as well as the high speed of the transition from one country to share resources other cause strength of this effect.

Keywords: library, e-library, book, sociological survey, «thickening effect»

For citing: Dydrov, A. Confrontation libraries and «thickening effect» / A. Dydrov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 159–163.

References

1. Biblioteka budushchego: 10 trendov razvitiya po versii RIA Novosti [Library of the Future: 10 development trends according to «RIA Novosti»] [Electronic resource]. – URL: digit.ru/technology/20120419/391094532.html (date of access: 28.11.2014).
2. Gushul, Yu. V. Modern Library as the projected socio-cultural space (problem) / Yu. V. Gushul // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2013. – № 1 (33). – P. 79–86.
3. Gushul, Yu. V. Information subject knowledge-society institutions: information diagnostics problems / Yu. V. Gushul // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2013. – № 3 (35). – P. 80–84.
4. Deleuze, G. Kapitalizm i shizofreniya [Capitalism and Schizophrenia] / G. Deleuze. – Ekaterinburg: U-Faktorija, 2007. – 672 p.
5. Deleuze, G. Chto takoe filosofija? [What is philosophy?] / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Aleteija, 1998. – 288 p.
6. Dmitrieva, L. V. Future library [Electronic resource] / L. V. Dmitrieva. – URL: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/9977 (date of access: 28.11.2014).
7. Rozanov, V. Opavshie list'ja [Fallen Leaves] / V. Rozanov. – Saint Petersburg: Lenizdat, 2012 – 448 p.
8. Toffler, A. Shok budushchego [Future Shock] / A. Toffler. – Moscow: AST, 2002. – 557 p.
9. Safina, L. Z. Participation in the libraries of the republic megaproject «Pushkin Library» / L. Z. Safina // Biblioteknyj vestnik [Library Bulletin]. – 2003. – № 1. – P. 86–88.
10. Semenov, A. P. Filling gaps book collection library in the digital technologies (for example, library NEFU) / A. P. Semenov // Territorija novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i servisa [The territory of the new features. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service]. – 2003. – № 1. – P. 72–75.

Received 1.12.2014

ЭТО НАША ПОБЕДА. ТОЧКА

Мы смогли то, чего не смогла ни одна страна в мире.

И. М. Ильинский

Вступительную статью к рубрике мы озаглавили, скопировав название волнующей нас до глубины души вот уже пять лет брошюры¹ – выступления Игоря Михайловича Ильинского на митинге преподавателей, сотрудников и студентов Московского гуманитарного университета, посвященном 65-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 29 апреля 2010 г. Эту брошюру нужно прочитать всем, кто гордится и хочет гордиться Россией, она – резкий ответ всем тем, кто фальсифицирует русскую историю, пытается принижать русский народ. Надеемся, иницируемая нами рубрика, посвященная уже 70-летию Великой Победы, будет звучать в унисон с этим патриотическим и таким возвышенным и возвышающе-окрыляющим текстом, актуальным до сих пор. В мире ничего не изменилось, разве только жестче стали нападки, откровеннее фальсификации, яростнее подтасовки фактов, коварнее ухмылки по отношению к нашей стране, нашей истории.

Ученые-коллеги откликнутся и поддержат нас своими статьями. Тем более что цель у нас благородная – защитить и вдохновить наше будущее, нашу молодежь, дать им веру в их возможное будущее. Прочитав И. М. Ильинского: «...У значительной части молодого поколения уже убиты уважение к прошлому своей страны, и особенно – советского народа, опорочено чувство патриотизма, посеяны зерна безбудущности России и преклонения перед Западом. Наши неприятели во многом контролируют наше прошлое, а значит, и будущее России. Давайте скажем сегодня себе и молодым, как это было в критические годы Великой отечественной: “Ни шагу назад! Отступать некуда, позади – Россия!”. Давайте защитим свою Историю! Давайте перейдем в историческое наступление! Давайте просто поставим все события и факты великого прошлого на свои места. ...Есть же сюжеты, ясные как божий день, когда мы правы на все сто. Почему же, когда нас гнобят и унижают, не поднять гордо голову, не бросить прямо в лицо: “Умолкните! Не вам судить! Стыдитесь!”».

Спасибо тем, кто на уроках истории, в тишине библиотечных залов, один на один с книгами классиков о войне пытается понять, как это было: блокада Ленинграда, битва за Москву, сражение за Сталинград, на Курской дуге и через много дней, городов и сел, километров и стран, человеческих жизней – бой за Берлин и – Победа! Спасибо за то, что помнят и стараются понять Прошлое, историю своего Отечества и непреходящее величие подвига, свершенного их предками»².

И мы говорим заранее «спасибо» всем тем ученым, кто откликнется и станет автором нашей Победной рубрики. Она рассчитана на 2015 г. – год, когда будет отмечаться 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Рубрика публикуется в год, который руководители независимых государств объявили Годом ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в СНГ. Наше изучение великого подвига великого народа будет проходить в год, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую страны отмечать 70-летие окончания Второй мировой войны. Мы не можем не поддержать интеллектуально все эти события.

«Все вместе – ветераны и молодые – мы должны поднять и возвеличить Россию»³.

Ю. В. Гушул

¹ Ильинский И. М. Это наша Победа. Точка. М., 2010. 26 с. (65-летию Великой Победы посвящается).

² Там же. С. 5–23.

³ Там же. С. 24.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выделены группы источников: государственные, собственные библиотечные и личные архивные фонды, периодические издания военных лет. Библиотечные архивы содержат намного больше разнообразных и малоизученных документов, нежели государственные, и поэтому имеют большое значение для работы историков.

На основе архивных документов воссоздана библиографическая деятельность библиотек в годы Великой Отечественной войны. Акцентировано внимание на разноплановой работе библиотек Урала. Указано, что воссоздание исторических традиций является основой для поиска законов и закономерностей развития библиотечного дела и его важнейшей составляющей – библиографического обслуживания читателей. Эта работа, в свою очередь, является базисом для выявления тенденций развития и возможных аргументов сохранения в информационном обществе интеллектуальной сферы и библиотечного дела как ее носителя и хранителя через продвижение гуманистического и знаниевого потенциала социума.

На историческом материале показано становление библиографических служб в библиотеках, выделение новых направлений работы, все более актуальных сегодня – письменного библиографического обслуживания, реферативной и обзорной деятельности, целенаправленного информирования как информационного сопровождения научной и производственной деятельности специалиста, а также важнейшей составляющей библиографии – информационного предвидения в работе со специалистами. Это подчеркивает важность библиографии и для информационного общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, библиографическая работа библиотек, Урал, библиографическое обслуживание, библиографический отдел, библиография, библиограф

Для цитирования: Гушул, Ю. В. Библиографическая деятельность библиотек в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Гушул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 165–177.

Библиотечное дело Урала в годы Великой Отечественной войны было обусловлено в том числе факторами эвакуации в регион не только отдельных заводов и фабрик, но и целых отраслей, в первую очередь оборонной, промышленности; формирования не имеющего аналогов в мировой истории [10, с. 39] оборонно-индустриального комплекса; воссоздания на Урале полностью разрушенных эвакуацией производственной, социальной, научной коммуникаций; перестройкой работы научно-исследовательских учреждений в направлении получения скорейших практических результатов и др. Кроме того, эвакуация

большого количества промышленных предприятий, научных учреждений, вузов и учреждений культуры коренным образом изменила демографическую, экономическую, социальную, культурную ситуации на Урале. Конкретные цифры и факты приведены в работах П. П. Данилова, А. Н. Лымарева, В. Д. Павленко и Г. К. Павленко, Н. П. Палецких, Ю. А. Полякова, М. Н. Потемкиной, А. В. Сперанского, В. С. Толстикова и др. [см., например: 6; 9; 19–21; 23; 24; 28; 29]. Мы видим, что эвакуированные предприятия и учреждения стали основой качественно нового военно-промышленного комплекса страны, главный

центр которого утвердился на Урале. Эвакуация проведена в крайне сжатые сроки, в течение 1941–1942 гг. было вывезено более 700 предприятий¹ [7, с. 161]. Такое массированное производство требовало значительного расширения масштабов научно-исследовательской деятельности, укрепления ее связи с производством.

На Урал эвакуированы десятки научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов, учреждений культуры, вместе с которыми прибыли ученые и специалисты, работники искусства, писатели, артисты и др., среди них конструкторы М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Н. А. Кучеренко, Ж. Я. Котин; академик Е. О. Патон (написал за несколько лет эвакуации 7 монографий), профессора Б. П. Городецкий, С. С. Данилов, К. Н. Державин, С. С. Макульский и др. Кроме того, «на Урале был собран цвет рабочего класса страны» [Там же, с. 166], «повысился удельный вес инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих...» [Там же, с. 172]. Все это привело к тому, что в годы войны резко вырос и интеллектуальный потенциал региона, функционирование которого было невозможно без научного и информационного сопровождения производственной деятельности, осуществляемого в первую очередь библиотеками. По данным А. В. Сперанского, на Урале в годы войны было сконцентрировано 15,8 % всех библиотек страны [28, с. 152], что инициировало «удивительный ...всплеск в развитии духовного потенциала региона» [Там же, с. 148]. Безусловно, этому способствовало

¹ Среди них известные: харьковский танковый, московский станкостроительный им. С. Орджоникидзе и Мариупольский броневой заводы (в Нижней Тагил), брянский «Красный Профинтерн», киевский «Большевик» (в Свердловск), ленинградский тракторный «Кировский», Харьковский дизель-моторный, Московский часовой заводы (в Челябинск, легендарный «Танкоград») и др. В один лишь Магнитогорский металлургический комбинат было влито 34 эвакуированных предприятия. На Урал не только эвакуировано огромное количество промышленных мощностей. В короткие сроки были дополнительно построены Челябинский и Чебаркульский металлургические, Богословский алюминиевый, Миасский автомобильный заводы, Челябинская и Соликамская ТЭЦ.

и приобщение эвакуированных и уральцев к уникальным книжным собраниям библиотек из западных регионов страны, вывозимых на Урал. Так, к примеру, осенью 1941 г. были эвакуированы рукописные материалы Государственной библиотеки им. В. И. Ленина; только в г. Молотов (ныне Пермь) «с книгами библиотеки прибыло 40 вагонов. Молотовская областная библиотека... и библиотека клуба им. Свердлова приняли свыше 700000 книг» [26, с. 71]. Таким образом, информационные потребности специалистов оказалось возможным удовлетворять обращением к обогащенным библиотечным фондам. Приняв традиционные для военной поры формы работы – подготовка книжных выставок, дежурство у книжных выставок, массовые мероприятия, – библиографические службы уральских библиотек целиком и полностью использовали библиографические ресурсы в оборонно-мобилизационных целях. Причем библиографическим службам библиотек Урала в 1941–1945 гг. наряду с общими для подобных отделов были присущи некоторые отличительные черты.

Мы провели содержательный анализ состояния библиографических служб областных библиотек Урала в годы Великой Отечественной войны на основе изучения документов из собственно библиотечных архивов и архивных материалов их библиографических служб [см., например: 4; 5]. Большинство источников было выявлено и проанализировано впервые [2]. Работа продолжается по различным направлениям, для которых обнаружение исторических закономерностей является основой для выводов и определения возможных перспектив развития [3; 27].

Региональные документы военных лет свидетельствуют, что областные библиотеки Урала оперативно перестроили свою деятельность, ориентируясь на первостепенное обслуживание ученых, инженерно-технических работников, а также политпросветработников в соответствии с требованиями момента. Специалисты библиотек констатировали факт: «Требования и запросы на книги у этих читателей повышены, и удовлетворение этих за-

просов явилось серьезным испытанием качества работы библиотек» [11, с. 7]. Удовлетворение информационных потребностей в первую очередь специалистов, но не массового читателя, как было в предыдущие десятилетия, – в этом проявляется специфика работы библиографических служб областных библиотек Урала в годы Великой Отечественной войны. Так, библиографы Молотовской областной библиотеки выделяли как приоритетную «помощь трудящимся, обращающимся в отдел за справками производственного, технического, общеполитического и научного характера. Для каждого работника отдела ясно, что хорошо выполненная справка помогает улучшению работы промышленных предприятий, сельскохозяйственных, других научных учреждений, а это в условиях военного времени является вкладом в дело ускорения окончательного разгрома озверелого фашизма» [16]. Библиографы Свердловской областной библиотеки отмечали, что «справки, выдаваемые по Уралу, в основном предназначались научно-исследовательским институтам и учреждениям, Академии наук¹, а также ...студентам-дипломникам. На темы геология, гидрология, сельское хозяйство, металлургия...» [17].

Отличие работы библиографических служб уральских библиотек от аналогичных в других регионах проявляется также в значительно возросшем количестве коллективных абонентов по сравнению с довоенным периодом. Это было указано во всех отчетах библиографических служб областных библиотек Урала за 1941–1945 гг. Так, библиографы Молотовской библиотеки отмечали, что «главным образом работа шла по удовлетворению запросов организаций и отдельных читателей в виде письменных библиографических справок...» [4]. В Свердловской областной библиотеке «для достижения лучших показателей» библиографической службой заключались «индивидуальные соцдоговора» на справочно-

библиографическое обслуживание учреждений и организаций. Справки выдавались «городским, районным библиотекам, городским учреждениям, учреждениям в район. Всего справочно-библиографический отдел в 1942 г. обслужил 245 учреждений» [17].

Немаловажным фактом деятельности библиографических служб уральских библиотек в рассматриваемый период является также изменение ассортимента предоставляемых библиографических продуктов и услуг. Анализ отчетов, сосредоточенных в собственных архивах областных уральских библиотек, позволил проследить значительное увеличение письменных библиографических справок² по сравнению с довоенными годами и преимущественное составление научно-вспомогательных и профессионально-вспомогательных списков литературы. Резкое увеличение письменных библиографических справок диктовалось военной действительностью, когда необходимая информация должна была доставляться прямо на рабочее место специалиста. Это повлекло за собой формирование функциональной направленности специалистов библиографических служб. К примеру, в самой передовой – Молотовской – библиотеке сотрудницы Н. А. Степанова и С. Е. Кузьмина были ориентированы именно на осуществление письменного справочно-библиографического обслуживания [22]. Такая функциональная специализация работников, зафиксированная в делопроизводственной документации учреждения, характерна именно для Молотовской библиотеки в сравнении с другими уральскими областными.

Нередко запросы читателей поступали по телефону. Предвидеть и тем более запланировать такое резкое увеличение письменных библиографических справок в начале 1941 г. было невозможно. Став приоритетными, эти запросы выполнялись в первую очередь, не-

¹ В Свердловск была эвакуирована Академия наук СССР.

² К примеру: Свердловская областная библиотека: письменных справок в 1942 г. – 1506. Молотовская областная библиотека: письменных справок в 1941 г. – 251 (для учреждений – 111); в 1942 г. – 195 (для учреждений – 112); в 1943 г. – 124; в 1944 г. – 74.

редко – за счет невыполнения других пунктов плана (в частности, ограничение подготовки бюллетеней новых поступлений в фонд библиотеки), в связи с чем в 1941 г. заведующая справочно-библиографическим отделом Молотовской библиотеки Н. А. Степанова вынуждена была написать объяснительную записку [12]. Как видим, работа библиотеки в целом и справочно-библиографического отдела в частности строго контролировалась. За малейшие отступления от плана приходилось отчитываться. Контроль осуществляли функционеры, которые, не понимая сути библиографической работы и не владея ситуацией в библиотеке, не принимали во внимание невыполнение плана в направлениях, ставших приоритетными (дача письменных справок, подготовка научно-вспомогательных библиографических пособий).

Изменение контингента читателей привело к востребованности в первую очередь научной литературы, «по вопросам узкотехническим» [18, л. 2]. Сопоставительный анализ отчетов о работе библиографических служб областных уральских библиотек показывает изменение тематики библиографических запросов. Запросы усложнились, и библиографам приходилось отвечать на вопросы «по производствам новым... которых до войны не было» [Там же, л. 4], «по вопросам освоения новых производств, новых методов работы, рационализации, изобретения и т. д.» [26, с. 79]. В целях удовлетворения запросов «работникам отдела» Свердловской областной библиотеки «по ряду вопросов пришлось консультироваться у специалистов, как-то в технической библиотеке, в сельскохозяйственном институте, у агронома и т. д.» [17]. Особый интерес читателями Молотовской библиотеки, к примеру, был проявлен к изучению местного края, его богатств, роли в Великой Отечественной войне. В отчете справочно-библиографического отдела этой библиотеки подчеркнуто, что запрос «Кунгурская ледяная пещера» был сделан для изучения возможности использования объекта со «специальной» целью [26, с. 80]. Такая активность библиогра-

фических служб областных библиотек Урала была обусловлена активным формированием внешней среды их функционирования, в том числе взаимодействием с издательским делом и, в конечном итоге, обеспеченностью его продукцией для поиска информации. В эти годы на Урал были эвакуированы многие центральные специализированные издательства: Гослестехиздат, Гостехтеориздат, Сельхозгиз, а также крупнейшие центральные отраслевые издательства, обеспечивающие выпуск литературы по ставшим стратегически важными в военные годы отраслям промышленности – Металлургиздат и Машгиз.

В отчете о работе Свердловской областной библиотеки за 1945 г. впервые появился раздел «Научно-исследовательская работа». В нем отмечалось, что «научная работа библиотеки в 1945 г. состояла в разработке капитальных библиографических указателей литературы и в сборе материала о работе библиотек в годы Отечественной войны» [15]. В отчете назывались три крупных библиографических указателя, которые готовились к изданию: «Великие деятели Урала», «История г. Екатеринбурга», «Писатели Урала». Издан был лишь последний.

Многогранная содержательная деятельность библиографических служб областных библиотек Урала была углублена благодаря работе специалистов из библиотек запада страны, эвакуированных на Урал с началом войны. Это дало возможность обмена опытом и повышения квалификации уральских библиографов. Так, в Свердловской областной библиотеке были составлены два больших аннотированных указателя: «Русские города в борьбе за свою волю и независимость Родины» и «Традиции русского патриотизма в произведениях классиков». Основными составителями выступили московские специалисты Л. С. Мандельштам и Е. М. Сабсович. В пермской библиотеке работал библиотекарь ГБЛ Л. Д. Сокольский, который инициировал подготовку библиографического указателя «Урал в Великой Отечественной войне».

Разнообразие и уровень информационных потребностей новых для областных библиотек

Урала читателей-специалистов требовал высокой квалификации библиографов, которая у последних в основном имела. Так, в отчете справочно-библиографического отдела Свердловской библиотеки уже в 1942 г. выделен раздел «Иностранная библиография» и отмечено, что в целях пополнения «справочной картотеки» было расписано 63 журнала на английском, французском и немецком языках [17]. Кроме того, в целях повышения квалификации библиотечных работников Отдел культуры при СНК РСФСР инициировал проведение в Челябинской областной библиотеке специальных учебных курсов, ответственность за подготовку которых была возложена на заместителя директора В. И. Главизнину. Весьма показательно, что в числе прочих на курсах была прочитана лекция «Справочно-библиографическая работа». Здесь мы видим проявление участия государственных органов самого высокого уровня в активизации внешней среды функционирования библиографических служб областных библиотек. Такое участие было конструктивным и направлено на поддержку библиографических служб библиотек в период максимальной их востребованности в целях информационного обеспечения промышленного взрыва на Урале в рассматриваемый период. В данном случае проявляется заинтересованность государства в поступательном развитии библиографии и пример зависимости уровня промышленного развития от информационного и библиографического его сопровождения и обеспечения и – в первую очередь – наоборот: развитие промышленности, экономический рост требуют повышения качества, оперативности и разнообразия библиографической работы: информирования, предупреждения запросов, текущего информационно-библиографического слежения, реферирования, обзорно-аналитической работы.

Сопоставительный анализ отчетов библиографических служб областных библиотек Урала за 1941–1945 гг. позволяет выделить динамику изменения запросов в военное пятилетие. Они были обусловлены изменяющи-

мися потребностями общественно-политической, экономической ситуации военного времени и ярко их иллюстрируют. Причем библиотекари и библиографы не только отвечали на запросы, но и старались предупредить их, составляя рекомендательные списки литературы, к примеру, по огородничеству: «Что читать начинающему огороднику», «Что читать по индивидуальному огородничеству» (пермская библиотека). Большая работа в этом направлении проводилась Молотовской библиотекой. Востребованность библиографической информации по данной тематике подтверждает издание типографским способом библиографического указателя «В помощь индивидуальному и коллективному огородничеству», подготовленного Свердловской областной библиотекой. Безусловно востребованными оставались производственные темы.

Изменение тематики информационных потребностей повлекло за собой организацию и ведение новых тематических картотек. К примеру, в Свердловской областной библиотеке – картотеки по экономике, в челябинской – картотек социально-экономической литературы и «Будь готов к противоздушной (а также: противохимической, санитарной) обороне».

В годы войны важной формой библиографического информирования стало доведение библиографической информации до потребителей в режиме ее избирательного распространения (ИРИ). В этот период четко просматриваются характерные черты этой формы индивидуального библиографического обслуживания: 1) в качестве абонентов системы ИРИ выступали ведущие ученые, специалисты и производственные коллективы, наиболее остро нуждавшиеся в строго профилированной библиографической информации; 2) информационные потребности абонентов были сформулированы в виде перечня тем, в соответствии с которыми осуществлялось распространение библиографической информации; 3) библиографическая информация доводилась до потребителей оперативно и регулярно; 4) система ИРИ обеспечивала абонентов не только и не

столько библиографической информацией, сколько первичными документами.

В годы Великой Отечественной войны на уральские производства пришло много новых рабочих, не имеющих нужной профессиональной квалификации. Развернулась подготовка новых кадров в системе трудовых резервов (школами фабрично-заводского обучения, ремесленными и железнодорожными училищами), индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно на производстве, производственный инструктаж, курсы техминимума, обучение вторым и смежным профессиям. Сформировалась потребность пропаганды начальных технических знаний. Особо активно эту работу выполняли массовые библиотеки. По свидетельству современников, в первую очередь перед массовыми библиотеками встал задача «помогать в овладении новыми профессиями новичкам производства» [25], решаемая через доведение до читателей преимущественно популярной литературы. Эта работа весьма активизировалась, когда в регион начали возвращаться инвалиды войны, которым необходимо было найти приложение своим силам. Следует подчеркнуть, что на Урале массовые библиотеки также решали задачу информационного обеспечения инженерно-технических специалистов, но в гораздо меньшем объеме, нежели областные. Областные библиотеки пропагандировали литературу в помощь овладению новыми профессиями. Особенно эта работа была характерна для Свердловской областной библиотеки: из 139 рекомендательных списков и указателей, составленных научно-библиографическим отделом в годы войны, примерно четвертая часть посвящена теме «В помощь овладевающим новыми профессиями» [11, с. 43]. Только в 1942 г. библиографы разработали 6 «кругов чтения» для овладения техническими профессиями и 16 – сельскохозяйственными [17]. Молотовские библиографы разрабатывали памятки и рекомендательные списки литературы о профессиях. Некоторые из них озвучивались по радио (по типу: Начинающему фрезеровщику, слесарю, шоферу, шлифовальщику, кузнецу, токарю).

В годы войны актуальной для уральских библиотек стала пропаганда патриотической книги в целях формирования патриотизма и героизма, активизации в советском человеке чувства непримиримой ненависти к врагу, что типично при сравнении с другими библиотеками страны. В этих целях создавались картотеки, как например: «Войны русские» (свердловская библиотека) и др.

Широко практиковались выступления по областному радио с библиографическими обзорами литературы (в том числе новых поступлений), а также публикации в местных газетах тематических библиографических списков литературы в рубриках «Книжная полка», «Новые издания», «Новые книги» («Звезда», «Красный Курган», «Сталинская смена», «Челябинский рабочий» и др.). Эта практика, продолжавшаяся на Урале со второй половины 1920-х гг., в годы войны активизировалась. Она является типичной для библиотек страны в годы войны. Это подчеркивается во многих публикациях, освещающих деятельность библиотек в рассматриваемый период.

Итак, к главным направлениям деятельности библиографических служб уральских областных библиотек в этот период, наложившим отпечаток на их организационное функционирование, относятся, во-первых, справочно-библиографическое обслуживание коллективов, организаций и учреждений, осуществляемое преимущественно через предоставление письменных справок. Причем активное библиографическое обслуживание возросшего количества читателей обусловило образование в библиотеках библиографической службы именно как системы распределенных элементов библиографической деятельности в ней. В справочно-библиографическом обслуживании, по веянию времени, принимали участие не только специалисты библиографических отделов и библиотекари других отделов библиотек, но организовывались дополнительные структурные единицы, выполняющие библиографическую работу. Так, в 1942 г. в Свердловской областной библиотеке на базе отдела абонемента был орга-

низован справочный стол, сотрудник которого именовался «справочник». Он составлял и вел так называемый «алффикатор и указатель к нему» [17]. В 1941 г. в молотовской библиотеке при справочно-библиографическом отделе был создан «библиографический кружок», члены которого, также из числа наиболее активных и грамотных библиотечных читателей-специалистов, подготавливали и озвучивали «литературные обзоры» [13].

Во-вторых, активизировавшись, стало целенаправленным создание научно-вспомогательных и профессионально-вспомогательных списков литературы по темам, актуальным для конкретной области профессиональной деятельности. Так, например, Курганская область являлась сельскохозяйственной, что повлекло за собой преимущественно сельскохозяйственное содержание тематических списков литературы, предоставляемых коллективному пользователю. Молотовская область рассматривалась как преимущественно ресурсная, в результате чего основное внимание уделялось подготовке списков литературы по обнаружению, разработке, освоению, обогащению полезных ископаемых. Челябинская область – промышленная, здесь преобладали темы по налаживанию производства, повышению производительности труда, интенсификации производства, увеличению выпуска продукции.

В-третьих, в данный период произошло еще большее, по сравнению с предыдущими десятилетиями, развертывание методической работы библиографических служб областных библиотек по отношению к библиотекам города и области и ее закрепление в делопроизводственной документации служб и библиотек. В рамках оказания методической помощи для библиотекарей области преимущественно проводились библиографические обзоры новинок профессиональной литературы, составлялись и рассылались рекомендательные списки и библиографические пособия по всем вопросам и темам, выдвигаемым текущим моментом, и т. д., а также осуществлялись выезды библиографов в библиотеки города и области с целью «постановки спра-

вочно-библиографической работы и передачи... опыта»¹.

В-четвертых, стали традиционными библиографические выступления по областному радио и публикации в местной печати – было увеличено количество каналов продвижения библиографической информации в общество в условиях чрезвычайной ситуации в жизни общества.

Условия труда в военное пятилетие были нелегкими. Не хватало бумаги, каталожных карточек для росписи фонда. По воспоминаниям С. Ф. Ильюшиной, А. С. Тарасова, заведующая справочно-библиографическим отделом челябинской областной библиотеки с 1944 г., выходила из положения, вырезая из школьных тетрадок листочки размером с каталожную карточку. Заполняла их и расставляла в каталоги и картотеки. Таким образом, и внешне последние оставались аккуратными и привлекательными, удобными для читателей. Библиографы Свердловской областной библиотеки отмечали, что «библиотекой совершенно не получают справочно-библиографические издания» [17]. Отличие деятельности библиографической службы молотовской библиотеки в годы войны проявляется в том, что на отдел дополнительно были возложены еще большие, по сравнению с предыдущим десятилетием, обязанности по комплектованию фонда библиотеки, «в том числе на иностранных языках, музыкальному отделу, детской литературой», ведению генерального каталога, распределению и расстановке книг по отделам.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны, с одной стороны, произошло некоторое торможение процесса организации

¹ Свердловская областная библиотека (на примере 1942 г.): выезды в районные библиотеки – 6, в городские – 20, методические письма в библиотеки – 75, Методические консультации – 20, составлено, размножено и послано библиотекам города и области рекомендательных списков литературы – 33, составлена программа семинаров.

Челябинская областная библиотека: обзоры новых поступлений – 20, из них для библиотекарей области – 15, Челябинска – 5, методические консультации – 2, составлено, размножено и послано библиотекам города и области рекомендательных списков литературы – 21.

библиографических служб в библиотеках страны, с другой – в действующих библиотеках утвердилось распределение библиографической работы по подразделениям библиотеки. Так как именно в эти годы, в условиях острой нехватки кадров, необходимости активизации информационного сопровождения научной и производственной деятельности, библиографическая работа начала целенаправленно и планомерно вестись всеми структурными подразделениями библиотеки. Это положение особенно характерно для библиографических служб областных библиотек Урала, активно функционировавших в этот период, что отличало их от библиотек западных регионов страны, либо разрушенных, либо эвакуированных на восток, а также сибирских, библиографическая деятельность в которых, по утверждению М. И. Кирсановой, в эти годы «была временно свернута» [8, с. 215]. Преобладающим в работе библиографических служб библиотек стал процесс библиографирования литературы; наиболее активно использовался письменный канал распространения библиографической информации; тематика библиографической продукции была определена нуждами военного времени. В эти годы ярко проявилось прикладное значение библиографической деятельности библиотек: помощь оборонным заводам и предприятиям в разрешении сложных производственных вопросов, в разыскании и использовании местных источников сырья, материальных, производственных, людских ресурсов.

Не наблюдается типовой картины развития библиографических отделов библиотек и в этот период. В работе каждого из них были свои отличительные черты. Так, библиографический отдел Молотовской областной библиотеки развивался более стабильно и целенаправленно, как и в предыдущие годы. Штат отдела в 1941 г. составлял 5 человек. Для справочно-библиографического отдела Челябинской областной библиотеки в рассматриваемый период характерна крайняя нестабильность штатной ситуации. В то же время на его примере особенно ярко видна роль

профессионала в становлении библиографической службы библиотеки. Общественность Урала признала специфику и важность библиографического труда в 1944 г. В газетной публикации о работе Челябинской областной библиотеки корреспондент впервые употребил наименование профессиональной специализации: «библиограф» вместо безликих в предыдущие годы «библиотекарь» либо «специалист» [1]. Весьма знаменательно то, что в обществе формировался имидж библиографа как специалиста, который «ответит на все задаваемые вопросы» [Там же].

Архивные документы подтверждают активный отток кадров из уральских библиотек уже в годы войны. Так, например, в апреле 1943 г. переехала в Москву библиограф справочно-библиографического отдела челябинской библиотеки Н. М. Трахтман. С середины 1944 г. в книге приказов по библиотеке начали появляться записи об увольнении сотрудников в связи с их возвращением на прежнее место жительства: Сурыгиной, О. И. Ганапольской – в Киев, Арговой – в Москву, Т. Л. Кацнельсон – в Ленинград, И. И. Брик – в Эстонию. Этот процесс проходил во всех уральских библиотеках. Однако массовый отток кадров из библиотек в результате реэвакуации не повлиял ни на качество, ни на объем работ. Профессиональная школа уже была заложена. В библиотеках, в том числе библиографических службах, оставались специалисты, которые могли развить сформировавшийся опыт работы.

Военное пятилетие внесло свои коррективы в деятельность библиографических служб областных библиотек. Окончательно сформировались библиографические отделы как организационные формы библиографических служб. Необходимость значительной активизации работы при одновременном значительном сокращении специалистов в библиотеках повлекла за собой распределение работы по отделам и специалистам библиотеки. Именно в эти годы впервые наблюдается присутствие распределенной системы библиографической деятельности в библиотеке, когда основной объем работ выполняет библиографический

отдел, а часть распределяется (перенаправляется) между библиотекарями из других отделов. Точно так же, как обратный процесс: большая часть библиотечных обязанностей вынужденно выполнялась специалистами библиографической службы. Возможность распределения библиографической работы между сотрудниками различных отделов библиотеки, в зависимости от состава фонда этих отделов, в рассматриваемый период прошла апробацию в областных библиотеках и закрепилась в сознании специалистов. В последующий период развития библиографических служб областных библиотек, с выделением и укреплением в последних отраслевых отделов, функциональное распределение библиографической работы между отраслевыми отделами, имеющими отраслевые фонды литературы, укрепится. Кроме того, вновь видим участие читателей в осуществлении библиографической работы в библиотеке, а именно – аудиторный канал распространения информации, в том числе библио-

графической. Вновь возросшая востребованность работы и увеличение ее объемов спровоцировали возможно большее привлечение грамотных участников к ее ведению.

Таковы уроки и заповеди работы библиотек в исследуемый период: востребованность интеллекта и библиотек как его концентрации определяется объединяющей и возвышающей все общество Идеей; обуславливается подъемом и, соответственно, серьезными реальными запросами производства, нуждающегося для своего потенциального развития в интеллектуальном социуме. Ради этого государство готово финансировать, обучать, образовывать, развивать. Увидим ли мы все это в информационном обществе – общенациональную идею, стремление к прогрессивному развитию, востребованность интеллекта? Будет ли сформирована и провозглашена гуманистическая идея развития, нуждающаяся в библиотеках и их высшем интеллектуальном проявлении – библиографии? Это пока вопрос.

1. Вайнштейн, Л. В областной библиотеке / Л. Вайнштейн // Челябинский рабочий. – 1944. – 8 апр.
2. Гушул, Ю. В. Возникновение и развитие библиографических служб областных универсальных научных библиотек: 1918–1961 гг. (на материале Уральского региона): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ю. В. Гушул; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сибир. отд-ния Рос. акад. наук. – Челябинск, 2008. – 21 с.
3. Гушул, Ю. В. Современная библиотека как проектируемое социокультурное пространство (постановка проблемы) / Ю. В. Гушул, И. А. Коженкин, К. Б. Лаврова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 79–86.
4. Гушул, Ю. В. Справочно-библиографические отделы уральских библиотек в годы войны / Ю. В. Гушул // Библиография. – 2010. – № 3. – С. 78–83.
5. Гушул, Ю. В. Становление библиографических служб библиотек: поиск закономерностей (к постановке проблемы периодизации истории библиографических служб) (отклик на статью А. В. Соколова) / Ю. В. Гушул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 3 (19). – С. 17–31.
6. Данилов, П. П. Эвакуация населения и оборудования из Ленинграда в 1941–1943 гг. / П. П. Данилов // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 55–64.
7. История Урала / отв. ред.: Б. В. Личман, В. Д. Камынин; Урал. отд. Рос. акад. наук; ин-т истории и археологии. – Екатеринбург: СВ-96, 1998. – Кн. 2: XX век. – 327 с.
8. Кирсанова, М. И. Обзор состояния и перспективы развития библиографии народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока в свете ленинских указаний / М. И. Кирсанова // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Карташов. – Новосибирск, 1972. – С. 215–220.
9. Лымарев, А. Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Лымарев. – Челябинск, 2002. – 22 с.
10. Новоселов, В. Н. Этапы развития оборонно-промышленного комплекса на Южном Урале (1930–1960-е гг.) / В. Н. Новоселов // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума: в 2 ч. Ч. 1. Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: [материалы регион. науч.-практ. конф. 18–20 апр. 2005 г.] / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Челяб. обл. краеведч. музей; Челяб. обл. универс. науч. б-ка; под ред. В. Я. Рушанина и др. – Челябинск, 2005. – С. 37–42.

11. О работе массовых библиотек Свердловской области в годы Великой Отечественной войны советского народа (1941–1945 гг.) / сост. Ф. Н. Толкачева. – Свердловск, 1948. – С. 73.
12. Объяснительная записка к отчету справочного отдела за 3-й квартал 1941 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Пермской краевой государственной универсальной библиотеки.
13. Отчет за 1941 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Пермской краевой государственной универсальной библиотеки.
14. Отчет за третий квартал 1941 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Пермской краевой государственной универсальной библиотеки.
15. Отчет о работе библиотеки за 1945 г. [Рукопись] // Архив Свердловской областной универсальной научной библиотеки.
16. Отчет о работе справочно-библиографического отдела за 1944 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Пермской краевой государственной универсальной библиотеки.
17. Отчет Федотовой Е. С. (о работе в колхозе им. Орджоникидзе. 1942 г.). Отчет о проделанной работе Справочно-библиографического отдела за 1942 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Свердловской областной универсальной научной библиотеки.
18. Отчет о работе Челябинской государственной областной библиотеки за 1941 г. [Рукопись] // Архив Челябинской областной универсальной научной библиотеки.
19. Павленко, В. Д. Библиотеки Урала в годы Великой Отечественной войны / В. Д. Павленко, Г. К. Павленко // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума: в 2 ч. Ч. 1. Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: [материалы регион. науч.-практ. конф. 18–20 апр. 2005 г.] / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Челяб. обл. краеведч. музей; Челяб. обл. универс. науч. б-ка; под ред. В. Я. Рушанина и др. – Челябинск, 2005. – С. 210–215.
20. Павленко, В. Д. Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941–1945 гг. / В. Д. Павленко, Г. К. Павленко. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2005. – 312 с.
21. Палецких, Н. П. Социальная политика Советского государства на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. П. Палецких. – Челябинск, 1996. – 28 с.
22. План работы справочно-библиографического отдела 1942 г. [Рукопись] // Архив Информационно-библиографического отдела Пермской краевой государственной универсальной библиотеки.
23. Поляков, Ю. А. Московский государственный университет в Свердловске (1942–1943 гг.) / Ю. А. Поляков // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 55–59.
24. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы: монография / М. Н. Потемкина. – Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т, 2002. – 265 с.
25. Пример Миасской библиотеки // Челябинский рабочий. – 1944. – 16 янв.
26. Прокофьева, Н. И. Библиотечное дело в Пермской области в пореволюционный период / Н. И. Прокофьева. – Пермь, 1949. – С. 91.
27. Соколов, А. В. Детерминизм и деонтология в документной коммуникационной системе (постановка проблемы) / А. В. Соколов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4 (16). – С. 6–34.
28. Сперанский, А. В. Культура Урала как важнейший фактор Великой победы / А. В. Сперанский // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума: в 2 ч. Ч. 1. Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: [материалы регион. науч.-практ. конф. 18–20 апр. 2005 г.] / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Челяб. обл. краеведч. музей; Челяб. обл. универс. науч. б-ка; под ред. В. Я. Рушанина и др. – Челябинск, 2005. – С. 148–153.
29. Толстиков, В. С. Научная деятельность на Урале в условиях войны 1941–1945 гг. / В. С. Толстиков // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума: в 2 ч. Ч. 1. Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: [материалы регион. науч.-практ. конф. 18–20 апр. 2005 г.] / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Челяб. обл. краеведч. музей; Челяб. обл. универс. науч. б-ка; под ред. В. Я. Рушанина и др. – Челябинск, 2005. – С. 153–156.

Получено 6.03.2015

Yu. Gushul

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: disser2007@yandex.ru

BIBLIOGRAPHIC ACTIVITIES OF LIBRARIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. *Selected groups of sources: public archival collections, private library and personal archival collections, periodical journals. The attention is focused on private library archival collections as the most important source for the historians. Library archival collections contain a lot of various and unknown still documents, more than in the state archives.*

A bibliographic activities of a libraries in the period of the Great Patriotic war recreated in accordance to an archives documents. The Urals libraries are the locus of attention of the author. Pointed out the reconstruction of historical traditions is the basis for the search of the laws of librarianship and of the most important work such as bibliographic service of readers. This work in the first place is the basis for identifying trends and arguments of an all-round and harmonious development of librarianship and bibliography in the information society. The main trend is the preservation of humanism and the high quality of knowledge in society.

According to archival documents the author shows the history of the formation of bibliographic service in libraries, the allocation of new trends of work more actual today such as written bibliographic service, abstracts and review activities, information support of scientific and industrial activity specialist. The most important works was an information analysis, information conversion for the specialists. There are the most modern trends of the information industry. All of these emphasize the importance of the information and bibliographic work for the information society.

Keywords: *the Great Patriotic War, home front, library, bibliographic activities of a libraries, Urals, library service, bibliographic department, bibliography, librarian*

For citing: *Gushul, Yu. Bibliographic activities of a libraries during the Great Patriotic war / Yu. Gushul // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 165–177.*

References

1. Weinstein, L. In regional library / L. Weinstein // Chelyabinskiy rabochiy [Chelyabinsk worker]. – 1944. – 8 Apr.
2. Gushul, Yu. V. Vozniknovenie i razvitie bibliograficheskikh sluzhb oblastnykh universal'nykh nauchnykh bibliotek: 1918–1961 gg. (na materiale Ural'skogo regiona) [Emergence and development of bibliographic services of regional universal scientific libraries: 1918–1961 (on material of the Ural region)] / Yu. V. Gushul; State public scientific and technical library of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences. – Chelyabinsk, 2008. – 21 p.
3. Gushul, Yu. V. Modern library as the projected sociocultural space (statement of a problem) / Yu. V. Gushul, I. A. Kozhenkin, K. B. Lavrova // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2013. – P. 1 (33). – P. 79–86.
4. Gushul, Yu. V. Help and bibliographic departments of the Ural libraries in the years of war / Yu. V. Gushul // Bibliografiya [Bibliography]. – 2010. – № 3. – P. 78–83.
5. Gushul, Yu. V. Formation of bibliographic services of libraries: search of regularities (to statement of a problem of a periodization of history of bibliographic services) (a response to A. V. Sokolov's article) / Yu. V. Gushul // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2009. – № 3 (19). – P. 17–31.
6. Danilov, P. P. Evacuation of the population and the equipment from Leningrad in 1941–1943 / P. P. Danilov // Otechestvennaya istoriya [National history]. – 2006. – № 3. – P. 55–64.
7. Istoriya Urala [History of the Urals] / ed. B. V. Lichman, V. D. Kamynin; Urals office of the Russian Academy of Sciences; in-t of history and archeology. – Yekaterinburg: SV-96, 1998. – Book 2: XX century. – 327 p.

8. Kirsanova, M. I. The review of a state and prospect of development of the bibliography of a national economy of Siberia and the Far East in the light of Lenin instructions / M. I. Kirsanova // *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Scientific libraries of Siberia and the Far East] / ed. N. Kartashov. – Novosibirsk, 1972. – P. 215–220.
9. Lymarev, A. N. *Periodicheskaya pechat' Yuzhnogo Urala nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1939–1945 gg.)* [Periodicals of South Ural on the eve of and in days of the Great Patriotic War (1939–1945)] / A. N. Lymarev. – Chelyabinsk, 2002. – 22 p.
10. Novoselov, V. N. Stages of development of defense industry complex in South Ural (the 1930–1960th) / V. N. Novoselov // *Voyna. Kul'tura. Pobeda: v 2 ch. Ch. 1. Rol' Urala kak arsenala Pobedy. Kul'tura i iskusstvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [War. Culture. Victory: in 2 p. P.1. Role of the Urals as Victory arsenal. Culture and art of the Urals in days of the Great Patriotic War] / Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts; Chelyabinsk regional museum of local lore; Chelyabinsk region universal scientific library; ed. of V. Ya. Rushanin, etc. – Chelyabinsk, 2005. – P. 37–42.
11. *O rabote massovykh bibliotek Sverdlovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny sovetskogo naroda (1941–1945 gg.)* [About work of mass libraries of Sverdlovsk region in days of the Great Patriotic War of the Soviet people (1941–1945)] / comp. F. N. Tolkacheva. – Sverdlovsk, 1948. – P. 73.
12. An explanatory note to the report of help department for the 3rd quarter 1941 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Permskoy kraevoy gosudarstvennoy universal'noy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of the Perm regional state universal library].
13. The report for 1941 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Permskoy kraevoy gosudarstvennoy universal'noy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of the Perm regional state universal library].
14. The report for the third quarter 1941 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Permskoy kraevoy gosudarstvennoy universal'noy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of the Perm regional state universal library].
15. The report on work of library for 1945 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Sverdlovskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of Sverdlovsk regional universal scientific library].
16. The report on work of help and bibliographic department for 1944 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Permskoy kraevoy gosudarstvennoy universal'noy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of the Perm regional state universal library].
17. Fedotova E. S. report (about work in collective farm of Ordzhonikidze. 1942). The report on the done work of Help and bibliographic department for 1942 [Manuscript] // *Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Sverdlovskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki* [Archive of Information and bibliographic department of Sverdlovsk regional universal scientific library].
18. The report on work of the Chelyabinsk state regional library for 1941 [Manuscript] // *Arkhiv Chelyabinskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki* [Archive of the Chelyabinsk regional universal scientific library].
19. Pavlenko, V. D. Libraries of the Urals in days of Great Patriotic War / V. D. Pavlenko, G. K. Pavlenko // *Voyna. Kul'tura. Pobeda: v 2 ch. Ch. 1. Rol' Urala kak arsenala Pobedy. Kul'tura i iskusstvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [War. Culture. Victory: in 2 p. P. 1. Role of the Urals as Victory arsenal. Culture and art of the Urals in days of the Great Patriotic War] / Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts; Chelyabinsk regional museum of local lore; Chelyabinsk region universal scientific library; ed. of V. Ya. Rushanin, etc. – Chelyabinsk, 2005. – P. 210–215.
20. Pavlenko, V. D. *Ognennyi rubezh fronta i tyla: Chelyabinskaya oblast' v 1941–1945 gg.* [Fiery boundary of the front and back: Chelyabinsk region in 1941–1945] / V. D. Pavlenko, G. K. Pavlenko. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University, 2005. – 312 p.

21. Paletskikh, N. P. Sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Social policy of the Soviet state in the Urals in days of the Great Patriotic War] / N. P. Paletskikh. – Chelyabinsk, 1996. – 28 p.
22. Plan of work of help and bibliographic department of 1942 [Manuscript] // Arkhiv Informatsionno-bibliograficheskogo otdela Permskoy kraevoy gosudarstvennoy universal'noy biblioteki [Archive of Information and bibliographic department of the Perm regional state universal library].
23. Poles, Yu. A. Moscow State University in Sverdlovsk (1942–1943) / Yu. A. Polyakov // Otechestvennaya istoriya [National history]. – 2005. – № 2. – P. 55–59.
24. Potemkina, M. N. Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na Ural: lyudi i sud'by [Evacuation in days of the Great Patriotic War to the Urals: people and destinies] / M. N. Potemkina. – Magnitogorsk: Magnitogorsk State University, 2002. – 265 p.
25. Example of the Miass library // Chelyabinskiy rabochiy [Chelyabinsk worker]. – 1944. – 16 January.
26. Prokofieva, N. I. Bibliotchnoe delo v Permskoy oblasti v porevolutsionnyy period [A library science in the Perm area during the porevolutsionnyy period] / N. I. Prokofieva. – Perm, 1949. – P. 91.
27. Sokolov, A. V. Determinizm and medical ethics in document communication system (statement of a problem) / A. V. Sokolov // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2008. – № 4 (16). – P. 6–34.
28. Speransky, A. V. Culture of the Urals as the most important factor of the Great victory / A. V. Speransky // Voyna. Kul'tura. Pobeda: v 2 ch. Ch. 1. Rol' Urala kak arsenala Pobedy. Kul'tura i iskusstvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [War. Culture. Victory: in 2 p. P. 1. Role of the Urals as Victory arsenal. Culture and art of the Urals in days of the Great Patriotic War] / Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts; Chelyabinsk regional museum of local lore; Chelyabinsk region universal scientific library; ed. of V. Ya. Rushanin, etc. – Chelyabinsk, 2005. – P. 148–153.
29. Tolstikov, V. S. Scientific activity in the Urals in the conditions of war of 1941–1945 / V. S. Tolstikov // Voyna. Kul'tura. Pobeda: v 2 ch. Ch. 1. Rol' Urala kak arsenala Pobedy. Kul'tura i iskusstvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [War. Culture. Victory: in 2 p. P. 1. Role of the Urals as Victory arsenal. Culture and art of the Urals in days of the Great Patriotic War] / Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts; Chelyabinsk regional museum of local lore; Chelyabinsk region universal scientific library; ed. of V. Ya. Rushanin, etc. – Chelyabinsk, 2005. – P. 153–156.

Received 6.03.2015

Рецензии

ОТ TACTICA CONCLAVIUM ДО НОВОЙ МУЗЕОЛОГИИ**(Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург, 2014. 136 с.)**

Представлена рецензия на учебно-методическое пособие В. Г. Ананьева, в котором анализируется концепция трех «музейных революций», разработанная голландскими учеными супругами ван Мени, различные историографические концепции периодизации музеологии. Сама периодизация рассматривается в качестве важного элемента исследовательской деятельности. Отмечается тесная связь периодизации музеологии с периодизацией музейного дела. Основной акцент делается на проблемах музеологии донаучной стадии (XVI – конец XIX в.), эмпирически описательной и стадии анализа и синтеза. Особое внимание уделено становлению национальных профессиональных организаций и музейной периодики. В пособии раскрываются истоки формирования музейного менеджмента и маркетинга, а также представления о музее как агенте социальной инклюзии. Анализ теоретических доктрин музеологии включает круг вопросов, связанных с предметом, методом, структурой науки, проблематикой музейной коммуникации. Анализируя вклад ученых различных национальных школ, В. Г. Ананьев характеризует идеи «новой» и «критической» музеологии, значение феномена нематериального культурного наследия для определения основных, конституирующих элементов музеологии. Пособие написано на материалах зарубежной историографии, в научный оборот вводится значительное количество иноязычных источников. Оно включает обширные биографические очерки и разнообразную иконографию.

Ключевые слова: музеология, периодизация, история науки, музейная революция, профессиональные музейные организации, международное сотрудничество

Для цитирования: Андреева, И. В. От tactica conclaviium до новой музеологии / И. В. Андреева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 179–185.

Обретение наукой исторического нарратива о собственном прошлом и настоящем – свидетельство статусирования ее в академическом статусе и, в значительной степени, претензия на зрелость. Потому оставим в стороне терминологические дискуссии о музеологии как синтезе «музейного знания» и теоретическом ядре музееведения [16, с. 17–18] и обратимся к первому в отечественной литературе опыту истории зарубежной музеологии.

Формат учебно-методического пособия не снижает его теоретического значения: во-первых, потому что пособие написано на материалах зарубежной историографии и автор вводит в научный оборот значительное количество не актуализированных в исследовательской практике иноязычных источников.

Во-вторых, в данном случае мы имеем дело с первой работой обобщающего характера по историографии музеологии. В-третьих, характер концептуализации материала в пособии В. Г. Ананьева тяготеет к монографическому исследованию темы на авторитетной методологической основе и тем самым преодолевает узкопрагматические рамки потребностей учебного процесса.

Опираясь на концепцию трех «музейных революций», разработанную голландскими учеными супругами ван Менш, автор пособия формирует матрицу исторической типологии зарубежной музеологии [5]. С этой матрицей логически корреспондируются созданные зарубежными и отечественными музеологами системы периодизации музейной науки. Ею

же определяется структура пособия. Три следующих за проблематикой периодизации раздела посвящены донаучной стадии музеологии (XVI – конец XIX в.), эмпирически описательной стадии и стадии анализа и синтеза. В каждой из них автор выделяет системообразующие элементы, их обоснование и анализ структурируют содержание разделов. В итоге история зарубежной музеологии раскрывается на нескольких содержательных уровнях: персонафицированной теории (творчества ученого или видного деятеля эпохи); парадигмальном (постановка и решение общих вопросов музеологии); исторически конкретного периода развития науки; основ институционализации различных национальных школ. Сразу отметим, что персональное измерение истории музейной науки делает чтение пособия особенно занимательным. Тщательно написанные биографические очерки создают образы незаурядных людей, причастных к музейной науке. Впечатляет масштаб их личностей: в разные времена она создавалась усилиями королевских библиотекарей, придворных врачей, ученых мирового масштаба, университетской профессуры, новаторов педагогики, деятелей правительственных комиссий. Разнообразная иконография не только повышает информативность издания, но и успешно визуализирует тему.

Начало донаучной стадии ознаменовано первыми опытами рефлексии (направленной на институционализацию коллекционирования), связанными с каталогами и путеводителями ренессансных собраний, а также изданием обобщающего труда Самюэля фон Квикхеберга (1565 г.) [9]. Музеологическая ситуация эпохи Возрождения ознаменована переходом от контекстных к самостоятельным формам представления музейности, а значит изменением статуса предмета коллекции. Это побуждает мыслителей эпохи к созданию классификационных схем вещей, они в свою очередь служат практическим целям, составляя основы технологий учета, хранения, а также каталогизации и презентации. Траектория эволюции статуса предмета приводит к утверждению

значимости его информационных свойств (фактически знаменуя зарождение музейного источниковедения), а также художественной ценности, что в итоге закрепляет за объектом коллекционирования значение первоисточника знаний и эмоций.

Дальнейшее развитие музейной теории связано с именами ученых, философов, писателей, гуманистов XVII – XVIII вв. – Ф. Бэкона, О. Ворма, И. Майора, М. Валентини, В. Лейбница, К. Линнея, Ф. Гегеля. В предмете коллекционирования они ценят прежде всего источник научного познания, а в коллекции – «один из наилучших способов познания всемогущества бога» [3, с. 20]. Логика анализа музеологических текстов (в том числе беллетристических) в пособии базируется на представлении о музее как культурной форме, на анализе его изоморфности структуре самой культуры [12; 13]. Это позволяет охарактеризовать приоритет естественно-научных собраний в музеологическом дискурсе эпохи Просвещения как проекцию энциклопедического подхода, значимости опытного знания, позитивной науки, естествознания как основной модели мировоззрения. Переход от Просвещения к Романтизму и формирование эстетики как новой культурной парадигмы эпохи, а также практика перемещения ценностей на рубеже XVIII – XIX вв. в свою очередь переносит центр внимания на художественные собрания и актуализирует аспекты художественного значения произведения и контекста его презентации. Формируются принципы систематики в экспозициях художественных галерей и организации собраний нового времени. Рождается научное направление, призванное осмыслить музейное знание, эмансипированное от профильной науки. Немецкий ученый Георг Ратгебер в 1839 г. впервые определяет его как «музеологию», о чем наши современники вспомнят только в 2005 г. [3, с. 30].

Начало эмпирически описательной стадии связано с профессионализацией музейного сектора – появлением национальных профессиональных организаций и музейной периодики. Супруги ван Менш предложили рассмат-

ривать эти феномены как симптоматику первой «музейной революции». Материал данного раздела пособия логично группируется вокруг проблем формирования социальной структуры профессии и ее коммуникации. Национальные, а затем и международные профессиональные общества стали, с одной стороны, каналами связи с правительствами, с другой – инициаторами обсуждения технологических, этических и образовательных проблем музейного дела. Феноменологические аспекты изучения музея в это время получили освещение в первых трудах по истории музеев и музейных собраний.

В это же время музеи оказываются в фокусе внимания социальных реформаторов, начинают оцениваться ими с позиций ресурсов социальной стабильности. На примере деятельности двух сторонников «движения за музейную модернизацию» в США – Гуда и Гилмана – автор пособия раскрывает истоки формирования музейного менеджмента и маркетинга. В поле зрения этих практикующих исследователей попадает музейный посетитель, соответственно предметом рефлексии становятся организация музейной экспозиции, образовательная деятельность, информационное обеспечение, архитектура и дизайн музейного пространства. Яркой страницей наследия американских музеологов является идея интегрированного («полезного») музея Д. Даны, предвосхитившая концепцию «общинного» музея современности и постановку вопроса о миссии музея в обществе. Апофеоз развития этой идеи – новое представление о музее как агенте социальной инклюзии, сформированное видным представителем Лестерской школы музейных исследователей Р. Сандэллом уже в начале XXI в. [6].

Само определение данной стадии музеологии как «эмпирически описательной» говорит о ее «накопительном» характере. В период между двумя мировыми войнами и в первые послевоенные десятилетия происходит не только аккумуляция информации, но и консолидация сил как в национальном, так и в международном масштабах. Деятельность

Международного бюро музеев и издание им 50 номеров журнала «Музейон», публикация в 1931 г. книги «Музеи: международное исследование по вопросу реформы публичных галерей», создание Международного совета музеев – свидетельства формирования условий для деятельности международного научного сообщества на новом концептуальном уровне [4]. Кризис культуры 1960–1970-х гг. стал симптомом «второй музейной революции» и катализатором качественно новых процессов осмысления музейной теории и практики. Им было ознаменовано вступление в новую стадию – анализа и синтеза. Ей посвящена последняя, самая обширная глава пособия, характеризующая различные национальные школы и теоретические доктрины музеологии преимущественно европейских стран и США.

Музеология, активно развивавшаяся в системе университетского образования стран Восточной и Центральной Европы, в последние десятилетия XX в. утратила черты прикладной науки, определяющей только методологию музейной работы. В понимании сущности музеологии были преодолены институциональные рамки. Разработанная чехословацким ученым З. Странским теория музеальности как реализации потребности в сохранении ценности реальности и как «особой документальной ценности предмета» приобрела значение метатеории музеологии, не потерявшей значимости теоретического базиса и для исследований наших дней [См., напр.: 17]. Немаловажным явилось признание аксиологических и гносеологических оснований науки (З. Странский, А. Грегорова), а также ее междисциплинарного, или интердисциплинарного, характера [См., напр.: 14; 18]. Попытки определить место музеологии в системе наук предопределили направления исследований музейного феномена, не утратившие актуальности и в наши дни. В отечественной исследовательской практике рубежа XX – XXI вв. основой методологии, как правило, становится культурологический подход, «который предполагает рассмотрение условий, обстоятельств или целей создания музейного предмета, его значе-

ния в контексте данной культуры, породившей его реальности» [14]. Признание культуроведческого статуса музееведения при этом восходит к трудам М. С. Кагана [12], Т. П. Калугиной [13]. Музеологическое наследие З. Странского, И. Мороевича, Т. Шолы задает другой – документационный вектор исследований, имеющий сегодня своих сторонников среди ученых смежных наук [См. напр.: 1; 10], но пока недостаточно востребованный музееведами.

Вместе с тем несмотря на науковедческие штудии ряда европейских ученых в отношении музеологии вопрос о ее предмете, методе, структуре остался открытым. Проблематика теоретической музеологии «как некоего общего когнитивного пространства» [3, с. 99] с 1977 г. стала предметом обсуждения международного профессионального сообщества в рамках симпозиумов Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) [7].

В развитии музейной практики в этот период утверждается новый взгляд на миссию музея: традиционный подход, ориентированный на развитие коллекций, уступает место приоритету посетителя и музейной аудитории. Появляются первые работы, посвященные проблематике музейной коммуникации. Не претендуя на «новое слово» по поводу самой теории музейной коммуникации, В. Ананьев вводит в тему ранее не фигурировавшие в отечественной литературе источники. Комментируя идеи Камерона, автор анализирует публикации сотрудников Национального музея естественной истории Смитсоновского института. Сложившееся музейное знание, таким образом, обретает свою непростую «биографию», открывается адресату издания через полемический контекст.

В 1980-е гг. формируются идеи «новой», социально ориентированной музеологии. Их смыслообразующим элементом стали не коллекции, а наследие, что, как справедливо утверждается в пособии, «самым радикальным образом повлияло именно на восприятие основных, конституирующих элементов музеологии и, в итоге, привело к широкому призна-

нию такого феномена, как нематериальное культурное наследие» [3, с. 110].

Другое направление – «критическая музеология» – создает корпус методологических инструментов позиционирования музея в качестве института идентификации, способствующего «формированию культурных субъектов, превращая посетителей в граждан» [Там же, с. 114]. Идеи критической музеологии (без апелляции к первоисточникам) активно обсуждались российскими музееведами на пике процессов демократизации общества в конце 1990–2000-х гг. и во многом предопределили направления создания и модернизации экспозиций по истории XX в. Таким образом, третья «музейная революция», обусловленная инклюзивным подходом к музеям, – событие последних лет.

Почти пятисотлетний обзор истории музейной науки поучителен во многих смыслах. Пособие содержательно пронизано множеством взаимосвязей с комплексом дисциплин профессионального и специального циклов, предусмотренных ГОС, так как охватывает все аспекты музейной реальности и способствует лучшему пониманию мировой и отечественной музейной практики. Принципиальна для становления профессионального мировоззрения широкая гуманитарная платформа анализа мировой музеологической мысли. Пройдя путь от разработки прикладных аспектов музейной работы к обоснованию философских подходов, музеология закрепила за гуманитаристикой значение теоретического и методологического фундамента развития всей музейной сферы и, шире, сферы функционирования культурного наследия. Потому так важны в пособии характеристики философских теорий как источника вдохновения научного творчества музеологов.

Выход пособия оставляет трепетную надежду на продолжение исторических публикаций и прежде всего на создание аналогичного труда по истории отечественной и сравнительной музеологии. Первые основательные шаги в этом направлении уже сделаны [См., напр.: 1–3; 15], остается ждать обобщающих результатов.

1. Ананьев, В. Г. Из истории дискуссий 1920-х гг. об архивном документе как музейном предмете / В. Г. Ананьев // Отечественные архивы. – 2010. – № 5. – С. 3–11.
2. Ананьев, В. Г. «Идеальный археологический музей» В. А. Городцова: Из истории дискуссий 1920-х гг. / В. Г. Ананьев // Археологические вести. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. – Вып. 19. – С. 272–277.
3. Ананьев, В. Г. История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург, 2014. – 136 с.
4. Ананьев, В. Г. История формирования и основные направления деятельности Международного бюро музеев / В. Г. Ананьев // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Культурология. Искусствоведение. Музеология. – 2012. – № 11. – С. 224–232.
5. Ананьев, В. Г. К вопросу о периодизации музеологии / В. Г. Ананьев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 38–42.
6. Ананьев, В. Г. Лестерская школа музеологии: История, персоналии, идеи / В. Г. Ананьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2013. – Т. 2. – С. 127–134.
7. Ананьев, В. Г. Национальные и международные музейные организации: учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург: Исторический факультет СПбГУ, 2013. – 140 с.
8. Ананьев, В. Г. О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле советской России 1920-х гг. / В. Г. Ананьев // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Культурология. Искусствоведение. Музеология. – 2011. – № 17 (79). – С. 275–283.
9. Ананьев, В. Г. Первый музеолог / В. Г. Ананьев // Мир музея. – 2013. – № 10 (314). – С. 48–49.
10. Берестова, Т. Ф. Документ: методологические основания изучения, предыстория возникновения, сущность и явление // Постигание. Избранное. 1977–2012 / Т. Ф. Берестова. – Челябинск, 2012. – С. 241–258.
11. Грицкевич, В. П. История музейного дела до конца XVIII века / В. П. Грицкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2004. – 406 с.
12. Каган, М. С. Музей в системе культуры / М. С. Каган // Вопросы искусствоведения. – 1994. – № 4. – С. 445–460.
13. Калугина, Т. П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. – 244 с.
14. Мастеница, Е. Н. Интердисциплинарность музееведения и ее отражение в концепции музееведческого образования [Электронный ресурс] / Е. Н. Мастеница // Музейное образование. История и современные концепции: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2002 г.) / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2004. – Режим доступа: <http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp>. (дата обращения: 16.01.2015).
15. Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв.: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва: Этерна, 2010. – 960 с., ил.
16. Сапанжа, О. С. Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология: моногр. / О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург, 2011. – 98 с.
17. Сапанжа, О. С. Методология теоретического музееведения / О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 115 с.
18. Museology exploring the concept of MLA (Museums-Libraries-Archives) [Electronic resource] // 38th annual ICOFOM symposium. Tsukuba, Japan, September 13–18, 2015. Call for abstracts. – URL: http://network.icom.museum/fileadmin/user_upload/minisites/icofom/pdf/MuWoP%20%20%281981%29%20Eng.pdf (date of access: 16.01.2015).

Получено 20.02.2015

I. Andreeva

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
E-mail: andreevairina7@gmail.com

FROM TACTICA CONCLAVIUM TO NEW MUSEOLOGY

(Ananiyev V. G. *Istoriya zarubezhnoy muzeologii* [History of a foreign muzeology]. Saint Petersburg, 2014. 136 p. In russ.)

Abstract. It's a review of a textbook by V. G. Ananiev "The history of foreign museology". The author analyzes concept of three "revolutions museum" developed by Dutch scientists van Mensch, various historiographical concepts of periodization of museology. Periodization itself is considered as an important part of research. The author marks the close connection between periodization of museology and periodization of museum field in general. The focus is on the problems of museology prescientific stage (XVI – XIX cent.), empirical-descriptive stage and the stage of analysis and synthesis. Particular attention is paid to the organization of national professional organizations and museum periodicals. Authors disclose the origins of museum management and marketing. Analysis of national schools and theoretical doctrines museology includes a range of issues associated with object, method, structure of science, museum communication issues. V. Ananiev characterizes the idea of "new" and "critical" museology, the value of the phenomenon of the Intangible Cultural Heritage to determine the main constituting elements of museology. The textbook is written on materials foreign historiography, the author introduces the scientific revolution a significant amount of foreign-language sources. It's includes extensive biographical sketches and diverse iconography.

Keywords: museology, periodization, history of science, museum revolution, professional museum organizations, international cooperation

For citing: Andreeva, I. *From tactica conclavium to new museology* / I. Andreeva // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2015. – № 1 (41). – P. 179–185.

References

1. Ananiev, V. G. From the history of the debate about archival document as a Museum object in the 1920s / V. G. Ananiev // *Otechestvennye arhivy* [Domestic archives]. – 2010. – № 5. – P. 3–11.
2. Ananiev, V. G. «The Ideal Archaeological Museum» of V. A. Gorodtsov: the History of Discussions in the 1920s / V. G. Ananiev // *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news]. – Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. – Ed. 19. – P. 272–277.
3. Ananiev, V. G. *Istoriya zarubezhnoy muzeologii* [The history of foreign museology] / V. G. Ananiev. – Saint Petersburg, 2014. – 136 p.
4. Ananiev, V. G. The history of forming and the main trends in activity of International museum office / V. G. Ananiev // *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya* [Bulletin of Russian State Humanitarian University. Series: Culturology. Arts. Museology]. – 2012. – № 11 (91). – P. 224–232.
5. Ananiev, V. G. Due to the topic of museology periodization / V. G. Ananiev // *Vestnik Cheljabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. – 2013. – № 2 (34). – P. 38–42.
6. Ananiev, V. G. Leicester school of museum studies: history, persons, ideas / V. G. Ananiev // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Herald of Saint-Petersburg State University. Series 2: History]. – 2013. – Vol. 2. – P. 127–134.
7. Ananiev, V. G. *Nacional'nye i mezhdunarodnye muzejnye organizacii* [National and international Museum organizations] / V. G. Ananiev. – Saint Petersburg: Faculty of History SPbSU, 2013. – 140 p.

8. Ananiev, V. G. On some projects of application of the sociological approaches to the museums of Soviet Russia during 1920th / V. G. Ananiev // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya [Bulletin of Russian State Humanitarian University. Series: Culturology. Arts. Museology]. – 2011. – № 17 (79). – P. 275–283.
9. Ananiev, V. G. First museolog / V. G. Ananiev // Mir muzeja [World of museum]. – 2013. – № 10 (314). – P. 48–49.
10. Berestova, T. F. Document: methodological foundations of the study, the background history, essence and phenomenon // Postizhenie. Izbrannoe. 1977–2012 [Comprehension. Favorites. 1977–2012] / T. F. Berestova. – Chelyabinsk, 2012. – P. 241–258.
11. Gritskevich, B. P. Istorija muzejnogo dela do konca XVIII veka [History Museum until the end of XVIII century] / B. P. Gritskevich. – Saint Petersburg: SPbGUKI, 2004. – 406 p.
12. Kagan, M. S. Museum in the system of culture / M. S. Kagan // Voprosy iskusstvovedenija [Questions of Art]. – 1994. – № 4. – P. 445–460.
13. Kalugina, N. P. Hudozhestvennyj muzej kak fenomen kul'tury [Art Museum as a cultural phenomenon] / N. P. Kalugina. – Saint Petersburg: Petropolis, 2008. – 244 p.
14. Mastenitsa, E. N. Interdisciplinarity museology and its reflection the concept of museological education / E. N. Mastenitsa // Muzejnoe obrazovanie. Istorija i sovremennye koncepcii [Museum Education. History and modern concepts]. – Saint Petersburg: SPbGUKI, 2004. – URL: <http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp> (date of access: 16.01.2015).
15. Muzevedcheskaja mysl' v Rossii XVIII – XX vv. [Museological thought in Russia in the XVIII – XX centuries]. – Moscow: Jetera, 2010. – 960 p.
16. Sapanzha, O. S. Teorija muzeja i muzejnosti: istoriograficheskij obzor i istoricheskaja tipologija [The theory of Museum and museality: historiographical overview and historical typology] / O. S. Sapanzha. – Saint Petersburg, 2011. – 98 p.
17. Sapanzha, O. S. Metodologija teoreticheskogo muzevedenija [The methodology of theoretical museology] / O. S. Sapanzha. – Saint Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2008. – 115 p.
18. Museology exploring the concept of MLA (Museums-Libraries-Archives) [Electronic resource] // 38th annual ICOFOM symposium. Tsukuba, Japan, September 13–18, 2015. Call for abstracts. – URL: http://network.icom.museum/fileadmin/user_upload/minisites/icofom/pdf/MuWoP%20%20%281981%29%20Eng.pdf (date of access: 16.01.2015).

Received 20.02.2015

*Научный
профиль*

СИНТЕЗ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Беседу с доктором философских наук Н. Г. Апухтиной ведет доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств В. С. Невелева.

Нина Георгиевна Апухтина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств, заслуженный работник высшей школы

В нашем вузе Н. Г. Апухтина работает более 40 лет, и многие преподаватели академии были ее студентами, аспирантами, соискателями. Нина Георгиевна имеет основательную научную базу, окончив аспирантуру при кафедре философии естественных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова и докторантуру при кафедре истории философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (ныне – УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина). Ее докторская диссертация на тему «Отечественные истоки глобально-экологического мышления: историко-философский анализ» (2000) была рекомендована Президиумом ВАК РФ к монографированию.

С 1983 по 2002 г. Нина Георгиевна возглавляла кафедру философских наук, совмещая преподавательскую, учебную, научно-исследовательскую работу. В эти годы она была инициатором и руководителем крупных коллективных госбюджетных исследований кафедры: «Философия человека в контексте культуры» (с 2000 г.), «Совершенствование теории и практики преподавания социо-гуманитарных дисциплин в вузе культуры и искусства» (1983–2002); ряда региональных и всероссийских научных конференций: «Пути формирования культуры студенческой молодежи» (1991), «Проблема духовности человека в раскрывающихся горизонтах отечественной философии» (1993), «Современная западная философия: мир человека и мир культуры на пороге третьего тысячелетия» (1995), «Философское сознание в постмарксистском состоянии» (1996), «Человек – экология – культура» (1997) и др.

С 2002 по 2006 г. в качестве проректора по научной работе Нина Георгиевна являлась одним из инициаторов и организаторов ряда крупных научных проектов – «Возрождение культуры народов Урала», «Лазаревские чтения», «Природное и культурное наследие Урала», Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура», «Молодежь в науке и культуре XXI века». Некоторые из них на сегодняшний день стали регулярными и являются широко известными научной общественности России и зарубежья. Нина Георгиевна – один из инициаторов открытия в академии аспирантуры по философии и докторского диссертационного совета, уч-

реждения периодического научного журнала «Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств». По инициативе Нины Георгиевны с 2006 по 2010 г. в академии работал Региональный институт философских и культурологических исследований (РИФКИ), в составе которого осуществляли подготовку диссертаций по философии и культурологии более двух десятков аспирантов.

Нина Георгиевна – автор нескольких монографий, научный редактор более 75 сборников научных материалов, более 300 научных работ, учебных пособий, учебно-методических изданий; член трех диссертационных советов при Челябинской государственной академии культуры и искусств и Челябинском государственном университете.

В течение пятнадцати лет Нина Георгиевна руководит научной работой аспирантов и соискателей, 20 из которых на сегодняшний день успешно защитили кандидатские диссертации по культурологии и философским наукам в диссертационных советах Челябинска, Магнитогорска, Тюмени, Кемерово, Саранска. За эти годы при ее самом активном участии на кафедре философских наук сложилась научно-педагогическая школа. Многие из ее учеников ныне работают в вузах городов Урала, являются руководителями подразделений, активно продолжают самостоятельные научные исследования.

Об истоках и основных направлениях своей научной деятельности Нина Георгиевна рассказала нам в интервью.

Кого Вы считаете своими наставниками и учителями? Без кого Ваш путь в науку и в науке мог бы не состояться и не быть столь уверенным и успешным?

Истоки жизни каждого человека связаны с возможностями, заложенными родителями, в моем случае отцом Федором Никитиевичем Роминым и мамой Зоей Семеновной Вяткиной – людьми трудо- и жизнелюбивыми, оптимистичными, ответственными за любое дело.

В наше время было в ходу понятие *любимый учитель*; для меня это целая плеяда школьных учителей – Мария Даниловна Семахина, Семен Григорьевич Шор, Исаак Григорьевич Кляйнершехет, Раиса Филипповна Петраченкова и мн. др. Во время учебы в Челябинском педагогическом институте для профессии, жизни многое мне помогли понять и освоить, как ни парадоксально, «обществоведы» – Э. А. Ершова, Р. П. Ратникова, Ф. Е. Губницкий, В. Н. Лежнев, Е. Н. Алешко. Это они ковали характер, трудолюбие, добросовестность, тягу к новому. Непосредственные помощники в моем научном становлении – доктор философских наук, профессор П. Е. Сивоконь (МГУ им. М. В. Ломоносова) и доктор философских наук, профессор, академик РАЕН Б. В. Емельянов (УрГУ им. А. М. Горького).

Как бы Вы определили магистральную линию в Ваших научных интересах? Какие из Ваших собственных научных достижений (идей, работ) Вы считаете наиболее значимыми?

Центральной темой, очевидно, стала тема связи философии и науки (на материале современной биологии), когда серьезному анализу был подвергнут принцип редукционизма, возобладавший во второй половине XX в. и тормозивший становление теоретической биологии. В докторском исследовании связь философии и науки была также центральной. Именно этот синтез позволил понять становление глобально-экономической культуры мышления в конце XX в. и доказать глубокую укорененность проблематики в отечественной философии и науке начиная с середины XIX в. Это убеждение позволило критически пересмотреть гипертрофированную оценку «Римского клуба», теоретиков ряда экологических движений мира. Глобальные проблемы современности получили развернутый анализ причин, понятийный статус, оптимальную классификацию и т. д.

Каковы другие направления Вашей научной деятельности? Чем обусловлен интерес к тем темам, проблемам в науке, которые в разное время становились или являются сейчас значимыми для Вас?

Раскрытые в диссертационных исследованиях темы настолько широки и с точки зрения современности обладают повышенным метафизическим смыслом, содержанием и функционированием, что исчерпать их не представляется возможным. Это фронтальная тема, захватившая не только меня, но и большинство моих учеников (М. П. Меняева, Л. И. Бахтеева, И. А. Сапожникова, Н. Ф. Герман, Л. Д. Александрова, В. К. Биче-оол, П. Ф. Сумской, Е. П. Емченко, Я. В. Кривошипца и др.).

Вы давно и успешно руководите научной работой аспирантов и соискателей. Что для себя в этой работе Вы считаете наиболее важным, с какими сложностями, трудностями она для Вас сопряжена?

Начиная работу, даже знакомство с аспирантом, я стремлюсь очертить круг его интересов, любопытств, несогласий со сложившейся в науке или практике позицией. Это позволяет ему уточнить целый веер тем, определить актуализм, выбрать наиболее значимую с точки зрения науки проблему и начать ее освоение. Моих аспирантов отличают четкие формы работы, предоставление ее в срок и даже раньше, своевременная защита, причем не только в академии, но и в

диссоветах других вузов и городов (Магнитогорск, Тюмень, Кемерово, Саранск). Работа над текстом, кристаллизация идей, яркое выступление на защите, краткие и четкие ответы на вопросы членов диссовета, как правило, приводят к успешной и блестящей защите, беспроblemному утверждению ВАКом.

Как бы Вы обозначили перспективы собственной научной деятельности? С чем Вы их связываете?

Конечно, одна из проблем – продолжение собственных изысканий. Так, неожиданно энтропийные события в Украине актуализировали вопросы глобализации, геополитики, сдвига цивилизации с индустриального состояния к потребительско-досуговому. Актуализированы вопросы о границах и возможностях толерантности, сегодняшнем содержании духовной составляющей человека и социума. Для различных поисков еще в самом начале 2000-х гг. была создана программа «Философия человека в контексте культуры», составившая основу научно-педагогической школы, в которую с 2003 г. входят доктор философских наук, профессор Н. Г. Апухтина, доктор философских наук, профессор В. С. Невелева и более 30 учеников.

Научная жизнь

**ЧЕЛЯБИНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

В. Ф. Кочеков

**ПАРАД ДИРИЖЕРОВ – ЭФФЕКТИВНАЯ
ФОРМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАРОДНО-
ОРКЕСТРОВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА**

Новый, 76 сезон в Большом зале Башкирской государственной филармонии открылся 23 октября 2014 г. Парадом дирижеров. Музыкальное мероприятие было посвящено легендарной исполнительнице русских народных песен Людмиле Зыкиной, которой в истекшем году исполнилось бы восемьдесят пять лет. «Имя Людмилы Георгиевны Зыкиной ассоциируется не только с русским народом, русской песней, но и со всем многонациональным Советским Союзом, – сказала московская гостья народная артистка России, исполнительница русских народных песен Надежда Крыгина, – в ее репертуар входили песни разных народов, башкирского в том числе».

То, что открытие филармонического сезона состоялось специально под Парад дирижеров, является событием во многом уникальным в среде профессиональных дирижеров оркестров народных инструментов. Это показатель высокого академического уровня народных инструментов, безусловное признание значимости и важности народно-оркестрового исполнительства как одной из главных составляющих народно-инструментальной культуры России.

Парад дирижеров – это концерт, во время которого одним оркестром по очереди управляют разные дирижеры. Подобные первые музыкальные мероприятия дирижеров России проводил в 1990-х гг. Н. Н. Калинин, будучи руководителем Национального академического оркестра народных инструментов России им. Н. П. Осипова. Проведение Парада дирижеров имело целью привлечь внимание к дирижерским проблемам русского народно-инструментального исполнительства России. Подобная акция Н. Н. Калинина была направлена: а) на поддержку функционирования и развития народно-оркестрового исполнительства в регионах; б) повышение статуса дирижеров, руководителей оркестров русских народных инструментов.

Первый Парад дирижеров и проведение в дальнейшем серии подобных мероприятий имели мощный общественный резонанс. В больших трехчасовых концертах, проходивших в зале им. П. И. Чайковского, принимали участие 25–30 значимых российских дирижеров оркестров народных инструментов. Челябинскую область в 1996 г. представляли два дирижера – В. Лебедев и В. Лавришин (по два участника было еще только от двух городов – Москвы и Санкт-Петербурга, что характеризует Уральский регион как один из важных в сфере народно-оркестрового исполнительства).

Проведение серии Парадов дирижеров, огромная работа Н. Н. Калинина во всех российских регионах в контакте с губернаторами привели к мощному движению в области народно-оркестрового искусства – в стране было создано более 100 профессиональных оркестров народных инструментов. Н. Н. Калинин в контексте вышеуказанной деятельности во многом оказал содействие в организации одного из главных героев состоявшегося праздника музыки – прекрасного коллектива, Национального оркестра народных инструментов Республики Башкортостан.

«Предтечей» уфимских Парадов дирижеров можно обозначить конкурсы дирижеров и научно-практические конференции по тематике народно-оркестрового исполнительства, которые проходили в Челябинске с 2004 г. На заключительных концертах в качестве дирижеров выступали члены жюри конкурсов и участники конференций. Традиция прижилась и ее «апогеем» стала Всероссийская научно-практическая конференция «Ансамблево-оркестровое исполнительство на русских народных инструментах и вопросы подготовки дирижерских кадров», состоявшаяся 17 января 2011 г. в Челябинске. В концерте приняло участие 11 дирижеров: от Челябинска – А. Кузнецов, В. Бычков, В. Лавришин, Д. Арсланбеков; от Башкортостана – А. Семенов, В. Турченко, О. Буланкина, Ю. Селезнев; от Оренбурга – А. Асабин; от Тюмени – Т. Жданова; от Перми – Н. Шулёпова.

Данная практика показала свою жизнестойкость и большой интерес со стороны как дирижеров-участников, так и слушательской аудитории. Перспектива подобных мероприятий легла в основу проведения уфимских Парадов дирижеров, инициаторами которых выступили заслуженный артист РФ, народный артист РБ художественный руководитель и главный дирижер Национального оркестра народных инструментов РБ Р. Гайзуллин и заслуженный работник культуры РФ и РБ, заслуженный деятель искусств профессор В. Лавришин.

Нужно сказать, что до проведения первого Парада дирижеров осуществлялась своего рода подготовительная работа, опробовались элементы и форма будущих мероприятий, готовился фундамент для конечной реализации проекта. С самого начала создания Национального оркестра народных инструментов РБ его руководитель Р. Гайзуллин ориентировался на практику участия дирижеров из разных регионов России в концертах оркестра. На юбилеях оркестра регулярно выступало 5–6 дирижеров. Постепенно их количество увеличивалось. Этот количественный рост привел к необходимости качественного изменения содержания концертного участия сторонних дирижеров – организации Парада дирижеров.

Необходимо добавить, что проведению музыкально-дирижерского форума способствовало трепетное отношение слушателей ко всему, что связано с башкирским фольклором, национальными традициями, уважением и любовью к народным инструментам. Постоянный и широкий интерес публики к музыкальным мероприятиям с участием народных инструментов, с одной стороны, и всесторонняя поддержка административных органов, понимающих непреходящее значение развития национальной культуры, – с другой, обусловили возможность организации новой для Башкортостана концертно-дирижерской формы.

Первый Парад дирижеров, посвященный выдающемуся дирижеру Н. Калинину, состоялся в конце прошлого сезона, и в нем участвовали руководители оркестров народных инструментов из разных городов Башкортостана.

Он сразу доказал наличие в республике очень интересных и талантливых коллективов и профессиональных дирижеров.

О значимости и масштабах второго Парада дирижеров говорят многие факты. Огромный объем работы осуществила Филармония: работа на местах, мощная рекламная кампания через средства массовой информации, Интернет, обеспечение самого широкого информационно пространства. В преддверии состоялась большая пресс-конференция, посвященная проблемам народно-инструментального искусства. Убедительным доказательством результативности проделанной работы, всеобщего интереса горожан служит следующий пример – за неделю до начала Парада были проданы все билеты (хотя их цена составляла не совсем маленькую сумму – 500 руб.). Билеты приобретались через кассы и через Интернет. Также значимость музыкального мероприятия подтверждается освещением концерта телевидением – 4 передвижные телевизионные станции и 12 камер, снимающих с разных ракурсов.

Дирижерский корпус был представлен семнадцатью музыкантами, в их числе: народный артист РФ, художественный руководитель и главный дирижер Санкт-Петербургского государственного академического русского оркестра им. В. Андреева Д. Хохлов; заслуженный работник культуры РФ и РБ профессор В. Линник; заслуженный деятель искусств России, заслуженный работник культуры РБ, главный дирижер Оркестра русских народных инструментов театрально-концертного объединения Стерлитамака В. Турченко; отличник просвещения РФ, руководитель оркестра русских народных инструментов Уфимского училища искусств В. Слягузов; заслуженные работники культуры РБ Р. Ахмедзянов и Е. Токарчук; заслуженный деятель искусств РБ профессор Ю. Селезнев; лауреат международных и всероссийских конкурсов, доцент кафедры оркестрового дирижирования УГАИ им. З. Исмагилова О. Буланкина; лауреат всероссийских и республиканских конкурсов, руководитель оркестра башкирских народных инструментов Уфимского училища искусств Р. Халиков; лауреат международных и всероссийских конкурсов, отличник образования РБ

Д. Абубакиров; лауреаты международных и все-российских конкурсов Ю. Никифоров и Л. Давлетбаев; лауреат Открытого республиканского конкурса хоровых дирижеров им. Ш. Ибрагимова, художественный руководитель и главный дирижер Государственной академической хоровой капеллы Республики Башкортостан А. Хасбиуллина; руководитель оркестра русских народных инструментов ССМК М. Сафин; гости мероприятия: лауреат международных конкурсов, художественный руководитель и главный дирижер Государственного академического русского народного ансамбля «Россия» им. Л. Зыкиной Д. Дмитриенко и заслуженный работник культуры РФ и РБ, заслуженный деятель искусств профессор В. Лавришин.

Помимо инструментальной музыки концерт к открытию сезона БГФ украсили мастера эстрады: народная артистка РФ Н. Крыгина; народные артисты РБ В. Хызыров, Р. Вальмухаметов и Ф. Ганеев; заслуженная артистка РБ Л. Ишемьярова; лауреат международных конкурсов В. Суходоева. Своей филигранной игрой вызвали восторг у зрителей баянист, заслуженный артист РФ, народный артист РБ Р. Фасхетдинов и домристка, лауреат международных конкурсов И. Куравина.

Конкурсы исполнителей можно организовывать на базе различных организаций: филармоний, учебных заведений, дворцов культуры и т. д. Содержание таких конкурсов, их организация и проведение с участием инструменталистов во многом унифицировано, стандартно, отработано. Но Парад и конкурс дирижеров всегда имеют особенность, во многом усложняющую данный процесс: они должны проводиться на базе квалифицированного оркестра, который не ориентирован на воспитание манерой одного дирижера. Оркестр должен быть универсальным, готовым к восприятию различных дирижерских техник, обладать исполнительской гибкостью, умением откликнуться на минимальные мануальные действия дирижера. Время, отводимое дирижерам на конкурсах, Параде, очень ограничено. В этом специфика таких мероприятий. Дирижер не может повести за собой оркестр, объясняя только словами требуемые задачи, как бы убедительно, конкретно и подробно они ни изла-

гались. Поэтому весь арсенал дирижерского мастерства реализуется через мануальные действия. Здесь самым важным фактором становится профессионализм оркестра, его исполнительский уровень, мастерство осуществить дирижерский замысел, исходя из творческого взаимодействия с дирижером любого индивидуального почерка, адекватно реагировать на многообразные дирижерские манеры. Но, помимо всего этого, музыканты оркестра должны быть в достаточно хорошей физической форме, так как подготовка обширных программ требует выносливости, мобилизации всех моральных и физических сил. Поэтому не каждый оркестр может осуществить такую емкую и напряженную работу.

Национальный оркестр народных инструментов РБ (под руководством заслуженного артиста РФ, народного артиста РБ Р. Гайзуллина) с честью выполнил возложенные на него функции и подтвердил свой высокий статус академического коллектива: мобильного, высокохудожественного, техничного и коммуникабельного. Это отражает объем программы, исполнительское мастерство, совершенство владения всей многообразной тембровой палитрой различных инструментов. «Встреча с новым оркестром – это всегда небольшой стресс, но и возможность открытий, – признался Д. Дмитриенко. – Будучи не только дирижерами, но и экспертами в области музыкального искусства, мы хорошо видим высокий профессионализм уфимских музыкантов, работающих в таком уникальном оркестре и влюбленных в свои инструменты». Безусловно, участие оркестра в подобных мероприятиях – самая лучшая аттестация данного коллектива, по большому счету являющаяся исчерпывающей характеристикой всего творческого ареала территории нахождения оркестра, отношения местных государственных органов к состоянию и развитию национальной культуры, народно-инструментального искусства.

Проблема взаимообогащения культур, взаимовлияния, их своеобразная «конвергенция» ярко отразилась во многих моментах прошедшего мероприятия. Репертуар представлял собой обширный музыкальный спектр, звучали произведения зарубежных, российских и башкирских

авторов. Музыкальный «интернационализм» убедительно проявился в авторских произведениях композиторов различных национальностей: башкирских (А. Кукубаев, Н. Даутова, Ф. Абдраков, З. Исмагилов); калмыцкого (А. Маджиев); татарского (А. Каримов); бурятского (А. Прибылов); узбекского (А. Назаров); русских (А. Бызов, А. Цыганков, Г. Пономаренко, Л. Лядова).

Еще одним, существенным показателем музыкального «интернационализма» является совместная работа дирижеров национальных оркестров, оркестров русских народных инструментов, симфонистов (Л. Давлетбаев) и представителей академического хорового искусства – выступление Государственной академической хоровой капеллы под руководством А. Хасбиуллиной с Национальным оркестром народных инструментов РБ. К этому нужно добавить, что дирижерские традиции уфимской школы – творческий консенсус народников, симфонистов и хоровиков – составляют единую, прочную и прогрессивную основу всего дирижерского искусства Башкортостана. Одна из ведущих ролей в подготовке квалифицированных дирижеров по праву принадлежит кафедре народных инструментов Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова. Через обучение на кафедре прошли многие талантливые музыканты, ставшие профессиональными дирижерами высочайшего класса и продолжившие свои творческие карьеры в качестве дирижеров оркестров народных инструментов, симфонических оркестров (например, В. И. Платонов – главный дирижер симфонических оркестров Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского и Башкирского государственного театра оперы и балета).

Парад дирижеров высвечивает множество проблем, одной из которых является приглашение «чужих» дирижеров на какой-либо конкретный оркестровый коллектив. К большому сожалению, эта традиция отсутствует в сфере народно-оркестрового исполнительства, в отличие от симфонического, где данный процесс проходит самым активным образом. Повсеместное отсутствие практики обмена дирижерами оркестров русских народных инструментов носит во мно-

гом субъективный характер. Многие оркестры стали «оркестрами одного дирижера». Руководители таких коллективов со временем определили свою организационно-творческую «колею», которую считают единственно правильной. Данная стратегия вырабатывает инерцию, отсутствие желания совершенствовать мастерство. Такая творческая «скорлупа» вызывает у руководителя естественную боязнь допуска на свой коллектив другого дирижера, так как оркестр может сразу ощутить разницу в профессионализме (часто не в пользу своего руководителя). Такое положение вещей, конечно, не стимулирует общее развитие дирижерского искусства всей обширной сферы народно-оркестрового исполнительства.

Р. М. Гайзуллин – один из немногих руководителей, постоянно приглашающих других дирижеров, что характеризует его как совершенно уверенного в себе специалиста и личность, лишенную мелких амбиций; человека, искренне и горячо болеющего за процветание национальной народно-оркестровой культуры, всей своей практической деятельностью способствующего консолидации всего дирижерского корпуса России.

Заслуженный деятель искусств России В. Лавришин следующим образом обосновывает необходимость данного вида дирижерской деятельности: «Такая практика работы оркестра с разными дирижерами обогащает обе стороны. Оркестр повышает свою квалификацию, расширяет репертуар. Дирижеры в свою очередь знакомятся с музыкой разных народов, которая по-новому звучит в исполнении оркестра, где есть башкирские народные инструменты. Не надо забывать, что мы живем в многонациональном государстве, и народные инструменты играют большую роль в межэтническом общении».

Большой успех дирижерско-оркестрового праздника, атмосфера доброжелательности, взаимопонимания и уважения во многом определились стратегическим подходом организаторов: им удалось сделать главный акцент не на составительской, а на содержательной. Несомненная творческая удача состоявшегося музыкального мероприятия стимулирует в будущем проведение Парада дирижеров, выявляет необходимость системной работы в этом направлении.

Инициатор Парада дирижеров Р. Гайзуллин однозначно дал понять, что они станут традиционными. Следующий проект планируется сделать международным. Свое согласие на участие в нем уже выразили друзья и коллеги Р. Гайзуллина из Узбекистана, Азербайджана, Казахстана.

Состоявшиеся два Парада дирижеров, все направления работы в сфере народно-оркестрового исполнительства, дирижерского искусства наглядно демонстрируют, что Башкортостан на Урале выходит вперед по многим позициям и приобретает статус региона с высоким творческим потенциалом.

КУЛЬТУРА – ИСКУССТВО – ОБРАЗОВАНИЕ

Накануне Дня российской науки – 6 февраля – прошла XXXVI научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава академии «Культура – искусство – образование: научные и прикладные аспекты». Лейтмотивом раскрытия заявленной проблематики стало осмысление теоретических и прикладных проблем социокультурной практики, художественного творчества и образовательной деятельности.

К началу работы научно-практической конференции был подготовлен и издан сборник материалов. Около 140 включенных в него научных докладов представителей всех факультетов и подразделений академии объективируют теоретико-методологические (философские и культурологические), исторические и прикладные аспекты познания социокультурных явлений и процессов, предметные сферы, задающие специфику исследовательских дискурсов, – социальные коммуникации, художественное творчество, образование в сфере культуры и искусства, высшее профессиональное образование.

Пленарное заседание конференции, в котором приняло участие около 200 преподавателей, сотрудников, аспирантов академии, открыл приветственным словом проректор по научно-исследовательской и инновационной работе кандидат педагогических наук, доцент А. В. Штолер, также выступивший с докладом, посвященным подведению итогов 2014 г. и определению перспектив научно-педагогического потенциала вуза, «Научно-исследовательская работа профес-

сорско-преподавательского состава академии: достижения, проблемы, перспективы».

Свидетельством масштаба и интенсивности данного направления деятельности научно-педагогического коллектива вуза в 2014 г. являются представленность академии на 194 научных и творческих форумах различного уровня, публикация свыше 500 работ (в том числе 99 статей в ведущих рецензируемых научных журналах), 6 защит в диссертационных советах академии, 12 защит кандидатских диссертаций аспирантами и соискателями. В прошедшем году 77 педагогов и сотрудников академии прошли различные формы повышения квалификации, выступили в качестве организаторов и ведущих семинаров, мастер-классов как внутри, так и за пределами вуза.

Проблемы отражения научных исследований в ведущих базах данных и исчисления индекса цитирования работ ученых и учреждения были отражены в выступлении «Библиометрические инструменты проектирования исследовательской траектории» директора Научной библиотеки академии И. А. Бачуриной. Роли и месту литературы в современной социокультурной ситуации посвящен доклад «Литература как инструмент социально-культурного проектирования» кандидата культурологии, доцента кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, секретаря Союза писателей России Н. А. Ягодинцевой.

В работе 27 секций научно-практической конференции «Культура – Искусство – Образование» приняло участие более 200 преподавателей, сотрудников, аспирантов, соискателей, магистрантов нашей академии, их вниманию было представлено более 140 научных докладов и сообщений. В рекомендациях, принятых по итогам секционных заседаний, подчеркивалась необходимость проведения междисциплинарных (межкафедральных), проблемно ориентированных круглых столов и дискуссий, использования новых форм научной коммуникации.

Данные выводы обуславливают актуальность формата ежегодной научной конференции профессорско-преподавательского состава академии, нацеленной на обозначение содержательных границ предметного поля научного поиска, представление целостной картины исследовательских при-

тязаний педагогов, аспирантов, сотрудников во всем многообразии изучаемой проблематики и используемых методологических подходов.

Материал подготовлен

Т. Ю. Катричевой

ЛИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В Челябинской государственной академии культуры и искусств 2–6 июня 2014 г. пройдут Международные VII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония и диалог смыслов», посвященные памяти известного уральского ученого, филолога, фольклориста Александра Ивановича Лазарева (1928–2001).

Центральная проблема предстоящих чтений: «Традиционная культура – фольклор – наследование коллективных смыслов». В рамках этой проблемы предполагается обсуждение следующих вопросов: этнонациональная память и идентичность традиционной культуры; основания и детерминанты традиционной культуры; сакральное и профанное в социальной памяти; презумпция «разумности» традиционной культуры; культура как полилог смыслов; традиционная культура и проблемы базисных смыслов; традиционная культура и культура «модерна»: пространство совместимостей; региональная специфика традиционной культуры как «культуры места»; фольклоризм как жанрово-стилевая черта литературы, культуры и искусства; национальное самосознание в языке и литературе; этнография детства: приобщение детей к традиционной культуре как условие жизнедеятельности толерантного общества; традиция и празднично-обрядовая культура: формы взаимодействия; праздник как пространство полилога субкультурных образований; республиканские и региональные дома дружбы народов и национально-культурные объединения как центры сохранения национальной идентичности и формирования национальной безопасности народов; этнографические деревни культуры и быта как пространство сохранения и трансляции традиционной культуры; реконструкция как

форма «возврата» культурного факта; место и роль образовательных и воспитательных учреждений в сборе, хранении и трансляции объектов традиционной культуры.

В программу конференции включаются доклады по проблемам, составившим круг научных интересов профессора А. И. Лазарева: народная традиционная культура, теория и методология фольклористики, типология литературного фольклоризма, своеобразие языка фольклора, фольклор в контексте современного образования и культуры, этические и эстетические ценности фольклора, образовательные возможности фольклора в школе и дошкольных учреждениях.

Структура конференции предусматривает проведение пленарного заседания, работу научных секций, круглых столов: «Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального», «Место фольклора и традиционных ценностей в сохранении национальных культур», «Хореографический фольклор: проблемы изучения и воплощения», «Фольклор и фольклорная традиция в деятельности досуговых учреждений культуры». В рамках чтений пройдут курсы повышения квалификации клубных работников области (отдел непрерывного образования), по окончании которых будет выдан сертификат; к лекционной и практической работе привлечены известные ученые Урала: этнологи, историки и философы культуры, фольклористы, лингвисты и литературоведы. Также во время работы конференции будут проведены мастер-классы с участием ведущих специалистов Челябинска в области театрально-игровой, песенно-танцевальной, инструментальной народной культуры и прикладного творчества. Состоится открытие архива А. И. Лазарева; Третий этнофестиваль видеофильмов «Уральское подворье»; реконструкция весенне-летнего праздника Стрелы и др.

Приглашаем Вас принять участие в предстоящих чтениях. Заявку и текст доклада в виде статьи со списком литературы присылать не позднее 10 апреля 2015 г. на электронный адрес: **lazarevskie-Ural@yandex.ru**.

*Материал предоставлен
Управлением науки и инноваций*

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ

В декабре 2014 г. состоялось заседание **диссертационного совета Д 210.020.02** в связи с защитой кандидатских диссертаций М. В. Слесарь «Развитие полиэтнической культуры школьников в социально-культурной деятельности» и И. Н. Вишняковой «Формирование гуманных отношений младших школьников средствами фольклора в детских творческих объединениях» по специальности 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности.

Очередное заседание совета прошло 27 марта 2015 г. На нем состоялась защита кандидатской диссертации С. В. Кокориной «Общедоступные библиотеки в процессе формирования культуры межнационального взаимодействия» по специальности 05.25.03 – библиотековедение, библиографоведение и книговедение.

Темы исследований вызвали интерес своей актуальностью, при обсуждении работ состоялись дискуссии. Результаты голосования показали, что защиты прошли успешно. Соискателям присвоено ученое звание кандидатов педагогических наук.

В Челябинской государственной академии культуры и искусств в 2014 г. возобновил свою работу **диссертационный совет Д 210.020.01** по специальностям 09.00.13 – философская антропология, философия культуры и 24.00.01 – теория и история культуры.

В декабре 2014 г. – феврале 2015 г. прошло 5 заседаний совета. Весьма успешными были защиты аспирантов академии В. М. Андреева (тема «Археологический памятник в современном культурном пространстве: культурологический анализ», научный руководи-

тель канд. пед. наук, доцент С. С. Соковиков) и Д. О. Усановой (тема «Виртуальная культура: концептуализация феномена и репрезентации в современном социокультурном пространстве», научный руководитель доктор культурологии, профессор Л. Б. Зубанова). Также по специальности 24.00.01 прошла защита аспирантки Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова Н. А. Подчередниченко (тема «Отражение картины мира ребенка в детском музыкальном фольклоре», научный руководитель доктор филос. наук, профессор Н. М. Терехин, г. Архангельск).

По итогам защит соискателям присуждены степени кандидатов культурологии.

Докторскую диссертацию по названной специальности представила Г. Е. Гун (тема «Художественная культура города: структура, динамика, перспективы»), чья защита соответствовала не только традиционной требовательности совета, но и продемонстрировала высокий уровень профессионализма соискателя.

Столь же интересным было заседание совета, посвященное защите кандидатской диссертации Е. Г. Ланганс (тема «Самоопределение как способ бытия человеком в современную кризисную эпоху», научный руководитель доктор филос. наук, профессор В. С. Невелева). Серьезная философская дискуссия завершилась присуждением старшему преподавателю академии соответствующей степени.

Поздравляем всех соискателей и научных руководителей с успешными защитами!

*Материал подготовлен
Ю. Б. Тарасовой, З. В. Руссак*

Играют Лариса и Виктор Герасимовы: хрест. для дуэта (аккордеон – баян): для студентов ср. спец. и высш. учеб. заведений, концертующих исполнителей. Вып. 1 / ред.-сост. В. Герасимов, Л. Герасимова; авт. предисл. В. Бычков; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Изд. 2-е, доп. – Челябинск, 2014. – 158 с.

В хрестоматию, предлагаемую широкому кругу музыкантов-исполнителей, вошла часть произведений из репертуара дуэта, которая чаще всего исполняется музыкантами на многочисленных концертах: произведения русских и зарубежных классиков, эстрадные и джазовые композиции, обработки народных мелодий, оригинальные сочинения для дуэта. Данный репертуар может исполняться различными по составу дуэтами: например, дуэтом баянистов или дуэтом аккордеонистов.

Издание предназначено для студентов средних специальных, высших учебных заведений, концертующих исполнителей.

Мартьянов, Б. Избранные пьесы и обработки народных тем: для аккордеона [Ноты] / Б. Мартьянов; сост.: О. В. Слеуева, Н. Н. Малыгин; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 54 с.

Сборник включает избранные произведения уральского композитора Б. Мартьянова и методические комментарии к исполнению Н. Малыгина. Издание адресовано профессиональным исполнителям – аккордеонистам, учащимся средних и высших музыкальных учебных заведений.

Андреев, Е. А. Сервисология: учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 100100 Сервис / Е. А. Андреев; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 98 с.

Учебное пособие посвящено теоретическим трактовкам ключевых понятий сервисологии как науки. В работе автор рассматривает основные субъекты сервисной деятельности, понимание потребности и их классификацию в философском, социально-психологическом, экономическом и социальном аспектах. Также описаны

структура и составные элементы социокультурного сервиса, технологии работы. Издание предназначено для студентов очной и заочной форм обучения направления подготовки 100100 (43.03.01) Сервис.

Цена: 150,00 руб.

Малыгин, Н. За окном черемуха колышется...: концертные пьесы для ансамблей баянов и аккордеонов [Ноты] / Н. Малыгин; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2015. – 55 с.

Издание включает концертные пьесы для ансамблей баянов и аккордеонов (дуэты и трио).

Произведения адресованы профессиональным концертным исполнителям, учащимся средних и высших музыкальных учебных заведений.

Ракипов, М. Р. Пластика слова. Словотворчество (по книге К. Чуковского «От двух до пяти»): сб. упр. по дисциплине «Сценарное мастерство» для студентов специальности «Режиссура театрализованных представлений и праздников» / М. Р. Ракипов; А. А. Мордасов (предисл.); Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2-е изд. – Челябинск, 2015. – 36 с.

Издание предназначено для студентов, изучающих основы сценарного мастерства. Упражнения направлены на отработку навыка словообразования в зависимости от темы замысла. Преподавателям пособие позволит быстро и эффективно проверить творческие способности студентов.

Цена: 50,00 руб.

Русский альбом [Ноты]: играют Шаукат Амиров и Николай Малыгин / Урал. гос. консерватория; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2015. – 65 с.

Издание содержит пьесы для балалайки и баяна отечественных композиторов из концертного репертуара инструментального дуэта Ш. Амирова (балалайка) и Н. Малыгина (баян). Сборник адресован профессиональным концертным исполнителям, а также студентам средних и высших музыкальных учебных заведений.

Музейный вестник / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Н. В. Овчинникова. – Челябинск, 2015. – Вып. 18. – 184 с., цв. вкл.

Выпуск 18 «Музейного вестника» продолжает публикацию статей по музееведению, истории Отечества и родного края, воспитанию студентов, о ветеранах вуза. Появилась рубрика «70 лет Победе в Великой Отечественной войне», продолжена публикация воспоминаний выпускников об учебе, отдыхе, преподавателях вуза, работе по специальности после окончания учебного заведения.

Издание адресовано преподавателям, сотрудникам и студентам академии; тем, кого интересуют вопросы краеведения, музееведения, истории вуза, судьбы преподавателей, сотрудников, выпускников и студентов академии.

Песни и игры народного праздника как память культуры: репертуар. сб. / [ред.-сост. Л. Н. Лазарева, М. А. Архипова (подгот. нот. текста), В. С. Складова (подгот. хореогр. текста)]; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2015. – 328 с.

Сборник состоит из семи разделов: в нем представлены песни календарного цикла; русской свадьбы; казачьей вольницы; главного праздника страны – Дня Победы; впервые введены авторские песни, близкие общему репертуару, но меньше пульсирующие в пространстве устного бытования – устной традиции, т. е. меньше подверженные процессу фольклоризации; игровой фольклор, танцевальный и студенческий (последний составлен по рукописям А. И. Лазарева).

Издание подготовлено для режиссеров театрализованных представлений и праздников. Его актуальность продиктована активным обращением данной группы профессионалов к реконструкции древних народных ритуально-обрядовых действий, в целом – традиционной народной культуры, и этот процесс охватил не только Россию, но и весь мир.

Цена: 200,00 руб.

Тузовский, И. Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» / И. Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 389 с.

Монография посвящена проблематике информационного общества как научной концепции

и социального проекта. Автор рассматривает вопрос связи между всей совокупностью научных и идеологических идей об информационном обществе и утопическом дискурсе. В работе предлагается видение информационного общества в качестве идеального типа, которому частично соответствует современное quasi информационное общество, и дается обзор основных черт последнего.

Моргенштерновские чтения – 2014. Библиография в эпоху цифровых коммуникаций: традиции и новации: материалы регион. науч.-практ. конф. (Челябинск, 29 сент. 2014 г.) / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, Челяб. гос. акад. культуры и искусств; [сост. Н. П. Ситникова, зам. директора ЧОУНБ]. – Челябинск, 2015. – 72 с.

Первые Моргенштерновские чтения «Библиография в эпоху цифровых коммуникаций: традиции и новации» проводились совместными усилиями специалистов библиотеки и педагогического коллектива Челябинской государственной академии культуры и искусств. В ходе конференции рассматривались актуальные вопросы информационно-библиографической деятельности, организации, управления и использования СПА в библиотеках разных типов и видов, проблемы отражения электронных ресурсов в электронных каталогах, модернизации всех составляющих элементов справочно-поискового аппарата и современные формы информационного обслуживания пользователей библиотек.

Рубанова Татьяна Давыдовна: библиограф. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; отв. за вып. В. Я. Рушанин; сост. Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина. – Челябинск, 2015. – 81 с.: цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный библиографический указатель содержит перечень основных трудов и литературы о жизни и деятельности профессора, доктора педагогических наук Т. Д. Рубановой. Издание рассчитано на специалистов информационно-библиотечной сферы, преподавателей, аспирантов, студентов.

Цена: 280,00 руб.

Библиотечно-информационная деятельность: подготовка к итоговой государственной аттестации. Конспекты обзорных лекций по направлению 071900 Библиотечно-информационная деятельность, квалификация (степень) – бакалавр / отв. ред. И. Ю. Матвеева; Челябинск, 2015. – 145 с.

Конспекты обзорных лекций для подготовки к государственному экзамену по направлению 071900 Библиотечно-информационная деятельность адресованы студентам выпускного курса очного и заочного отделений.

Культура – Искусство – Образование: научные и прикладные аспекты: XXXVI науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава acad. / сост., авт. предисл. А. В. Штолер; Челябинск, 2015. – 456 с.

В сборнике в виде научных докладов представлены итоги научных изысканий преподавателей академии. Центральным лейтмотивом раскрытия заявленной проблематики стало осмысление научных и прикладных аспектов преобразования социокультурной практики, художественного творчества и образовательной деятельности.

Партитуры для оркестра русских народных инструментов [Ноты]. Вып. 1 / перелож. С. В. Кошевого; Челябинск, 2015. – 83 с.

Сборник содержит в себе инструментовки четырех произведений. Данные переложения использовались в учебном процессе Челябинской государственной академии культуры и искусств и исполнялись студенческим оркестром русских народных инструментов. Целью данного издания является расширение репертуара, популяризация музыки в исполнении оркестра.

Рябков, В. М. Историография педагогических проблем эффективности социально-культурной деятельности России (вторая половина XX – начало XXI века):

монография / В. М. Рябков; Челябинск, гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2015. – 177 с.

Данная монография является результатом исследования проблем эффективности социально-культурной деятельности России (второй половины XX – начала XXI века), в частности культурно-просветительной работы и культурно-досуговых учреждений. Это важное историографическое издание. Историография социально-культурной деятельности находится в начале научного пути. Впервые идет рассказ о работах ученых, которые пытались исследовать эффективность клубных учреждений, отдельных направлений их деятельности, в том числе и самодетельного художественного творчества. В приложении приведены методические рекомендации Министерства культуры РФ по измерению эффективности культурно-досуговых учреждений.

Хайрятдинов, Р. К. Духовные искания и религиозная жизнь: с древности до наших дней. Пластовский район / Р. К. Хайрятдинов; отв. за вып. В. Я. Рушанин; Пластовский районный музей; Челябинск, гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2015. – 144 с., цв. ил.

Читатели познакомятся с религиозной жизнью в Пластовском районе от каменного века до настоящего времени. Факты, изложенные в книге, взяты из документов, из книг ученых, специалистов по данной тематике, из воспоминаний жителей нашего района.

Здесь нет ни строчки о преимуществе одной религии перед другой, эта книга об истории духовной жизни на Пластовской земле.

По вопросам приобретения обращаться в сектор распространения издательской продукции Челябинской государственной академии культуры и искусств по адресу:

454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе 36а, каб. 3101; тел. (351) 263-86-83; e-mail: lib18@chgaki.ru.

Подробная информация на сайте: https://chgaki.ru/sectr_raspr_izdat_prod.

*Материал подготовлен
С. А. Ульяновой*

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ» В 2014 ГОДУ**

РАЗДЕЛ I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

- Астахова Л. В.** Информационное мировоззрение: понятие и уровни. № 4 (40). С. 9–16.
- Кокорина С. В.** Общедоступные библиотеки в условиях культурного (этнического) многообразия: основания для типологии. № 4 (40). С. 25–31.
- Колпакова Н. С.** Формирование информационной компетентности будущих педагогов-музыкантов на основе факультативного учебного курса и повышения роли вузовской библиотеки. № 3 (39). С. 24–29.
- Крылова Н. Б., Руссак З. В.** Новое поколение – новые технологии в привлечении к чтению классики. № 2 (38). С. 22–27.
- Люттов С. Н.** Традиции книжности в современных интерпретациях. № 3 (39). С. 7–12.
- Массерова Л. М.** Библиотеки православных религиозно-общественных организаций Оренбургской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). № 1 (37). С. 20–23.
- Матвеева И. Ю.** Проблемы и перспективы высшего библиотечного образования в России. № 2 (38). С. 14–21.
- Морозов Д. А.** Процессная структура сервис-ориентированной системы взаимодействия библиотек. № 2 (38). С. 28–31.
- Полтавская Е. И.** Воссоздание схемы научной категории как путь к познанию предмета исследования. № 4 (40). С. 17–24.
- Полтавская Е. И.** Науки документа-коммуникационной сферы в системе социально-гуманитарного научного знания. № 1 (37). С. 9–13.
- Сметанникова Н. Н.** Чтение, которое объединяет (*окончание*). № 1 (37). С. 14–19.
- Соколова И. С.** Новации в области авторской подготовки произведений для научных изданий по естествознанию. № 2 (38). С. 7–13.
- Улановская Н. С.** Научно-педагогическое наследие в структуре историко-педагогической подготовки библиотечно-информационных кадров (на примере вклада В. Н. Денисьева). № 3 (39). С. 20–23.
- Штолер А. В.** История регионального книжного дела: уральский локус. № 3 (39). С. 13–19.

РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

- Александрова Л. Д.** Опыт философского осмысления «дополненной реальности» в онтологическом континууме «виртуальность – реальность». № 4 (40). С. 59–63.
- Андреев В. М.** Смысловое поле археологического памятника: уточнение понятия. № 1 (37). С. 47–52.
- Батурин Д. А.** Виртуальная реальность фэнтезийного неомифа. № 2 (38). С. 66–69.
- Бауэр Н. В., Шабатура Л. Н.** Инновационные направления развития городского ландшафтного дизайна. № 1 (37). С. 63–67.
- Белов Е. А.** Проблема классификации культурных артефактов. № 1 (37). С. 43–46.
- Бредихин С. С.** Человек в труде: элементы синтетической концепции. № 3 (39). С. 70–75.
- Варова Е. И.** Храмовая архитектура Китая как триада Космос – Человек – Дао. № 2 (38). С. 62–65.

- Гудова М. Ю.** Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования. № 3 (39). С. 82–88.
- Дыдров А. А.** Понятия нового и новизны: поиск смыслов и корней. № 3 (39). С. 65–69.
- Епифанова А. Г.** Дизайн в визуальной культуре: социокультурные смыслы и функции. № 3 (39). С. 104–107.
- Замураева П. Б.** Обычное право в организации и развитии гендерных отношений в традиционной культуре бурят второй половины XVIII – начала XIX в. № 1 (37). С. 58–62.
- Ильина Е. Л.** Культура как социопреобразующий фактор развития. № 1 (37). С. 39–42.
- Каминская Е. А.** Культурные смыслы традиционного фольклора. № 2 (38). С. 45–49.
- Лукина О. Г., Шабатура Л. Н.** Закономерности формирования культурных общностей на территории Российского Севера. № 4 (40). С. 73–79.
- Майны Ш. Б., Майны Ш. Б., Чооду О. А.** Традиционная праздничная культура: понятие и сущность. № 2 (38). С. 56–61.
- Мордовина Д. А.** Жизненный путь в философской антропологии: понятие, актуальные проблемы и аспекты исследования. № 4 (40). С. 64–68.
- Морозова И. Н.** Богословский дискурс о религии и культуре: варианты понимания. № 2 (38). С. 33–38.
- Морозова И. Н.** О понимании культуры как возделывания души в христианстве. № 3 (39). С. 46–53.
- Морозова И. Н.** Религия как фактор динамики культуры: о традициях и направлениях изучения проблемы в философии культуры и теологии. № 4 (40). С. 51–58.
- Мошкина О. В.** Медиакультура как система информационного общества: специфика и сущность. № 3 (39). С. 95–99.
- Опарина Н. А.** Игра как уникальное наследие народной педагогики. № 3 (39). С. 60–63.
- Панкина М. В.** Эволюция принципов дизайн-проектирования: культурологический анализ. № 2 (38). С. 50–55.
- Пашенко О. В.** Роль будущего в жизни современного человека. № 4 (40). С. 69–72.
- Помелов В. А.** Геймер: игроман или креативная личность? № 3 (39). С. 76–81.
- Радзиевский В. А.** Базовые резонансные субкультуры: теоретико-исторические аспекты. № 3 (39). С. 54–59.
- Серяков А. В.** Символ и образ в авангарде XX века. № 1 (37). С. 53–57.
- Синецкий С. Б., Синецкая Т. М.** Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (*начало*). № 3 (39). С. 41–45.
- Синецкий С. Б., Синецкая Т. М.** Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (*окончание*). № 4 (40). С. 46–50.
- Соковиков С. С.** Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (*начало*). № 1 (37). С. 32–38.
- Соковиков С. С.** Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (*окончание*). № 2 (38). С. 39–44.
- Степанова И. Н.** Философская антропология: уход или возвращение? № 1 (37). С. 25–31.
- Усанова Д. О.** Виртуальная культура как основа формирования субкультурных практик. № 3 (39). С. 100–103.
- Флиер А. Я.** Историческое развитие культуры познания. № 3 (39). С. 31–40.
- Флиер А. Я.** Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (*начало*). № 4 (40). С. 33–39.
- Фукс Д. А.** Проблемное поле трансляторов речевой культуры в современном пространстве развлекательного телевидения. № 4 (40). С. 80–85.

Хисматуллина А. Р. Актуальные проблемы современной башкирской антропонимической культуры. № 3 (39). С. 89–94.

Шумихина Л. А. Проблема «научности» в науках о культуре. № 4 (40). С. 40–45.

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Борщ Е. В. Коллекция французских увражей и книжных иллюстраций XVIII века в Ирбитском музее гравюры и рисунка: описание, атрибуция, происхождение. № 4 (40). С. 102–108.

Буланов И. В. Смычковые хордофоны Бурятии: музыкально-акустический аспект. № 3 (39). С. 130–135.

Варламов Д. И. Академизация народного искусства и образования исполнителей на русских народных инструментах. № 2 (38). С. 79–84.

Гладкова О. И., Рыбальченко А. Н. Балет «Лани» Ф. Пуленка: к вопросу о взаимовлиянии джаза и европейской музыкальной стилистики первой половины XX в. № 3 (39). С. 121–124.

Гордеева Т. Ю. Энтелехия как способ накопления творческого потенциала певческой культуры. № 1 (37). С. 69–73.

Ергиев И. Д. Алгоритм воспитания артистизма исполнителя-инструменталиста. № 2 (38). С. 85–91.

Калентьева Н. В. Клавесинное искусство Санкт-Петербурга на современном этапе: мастер-классы и открытые академии. № 2 (38). С. 119–124.

Калужских Е. В. Специфика построения документальной и вербатим-пьес. № 1 (37). С. 74–76.

Камоцкая И. Ю. Пьесы Жана Ануя 1940-х гг. в контексте эволюции творчества. № 2 (38). С. 71–78.

Карачевцева И. М. Характеристичность как свойство инструментального стиля К.-М. Вебера (на примере Скрипичных сонат). № 4 (40). С. 113–117.

Колос Д. Н. Украинский игровой кинематограф 1990-х: в поисках свободы самовыражения. № 1 (37). С. 97–100.

Косполова Н. Э. Реконструкция антропологического персонализма у Боттичелли. № 4 (40). С. 98–101.

Кочиков В. Ф. Классическая шестиструнная гитара в народно-инструментальной культуре России (к статусу классической шестиструнной гитары). № 2 (38). С. 92–96.

Кочиков В. Ф. Культурно-исторические предпосылки становления профессионального народно-инструментального исполнительства на Южном Урале (1920–1930-е гг.). № 3 (39). С. 114–120.

Кузовчикова Т. И. Театр шансонье: формирование исполнительской традиции во французском кабаре. № 1 (37). С. 101–104.

Лавришин В. И. Г. Е. Авксентьев – известный деятель оркестрового исполнительства на русских народных инструментах. № 1 (37). С. 91–96.

Маркова А. В. Дискурс речевой палитры семейных ситкомов на современном российском телевидении. № 2 (38). С. 109–113.

Мороз В. Д., Слеува О. В. Из истории становления и развития коллективного инструментального музицирования в России. № 4 (40). С. 87–91.

Павлов Д. Н. Методы работы над тематизмом в процессе композиционной деятельности учащихся музыкантов-исполнителей. № 1 (37). С. 82–85.

Покровская Н. Н. Обучение игре гамм на арфе (французская и русская школы). № 2 (38). С. 97–101.

Самсонова П. В. Элементы синтоистского действа кагура в представлении японской традиционной ритуально-театральной модели ногаку. № 4 (40). С. 109–112.

Смирнов Б. Ф. Преломление художественно-невербальной коммуникации в дирижерском исполнительстве: полемические заметки (о новой диссертации по теории дирижерского искусства). № 1 (37). С. 77–81.

Сумская А. С. Продюсерские телевизионные проекты провинциального мегаполиса. № 2 (38). С. 102–108.

Тугай А. В. Методологические подходы к изучению танца. № 2 (38). С. 114–118.

Хисамутдинова Р. М. Поэтика башкирской протяжной народной песни озон-кюй. № 3 (39). С. 125–129.

Чернышов М. Ю. Смысловая организация произведений С. С. Прокофьева. Часть II. Прием выражения смыслов путем выстраивания смысловыражающих мелодических линий и циклических структур в фортепианном цикле «Мимолетности» (*начало*). № 3 (39). С. 109–113.

Чернышов М. Ю. Смысловая организация произведений С. С. Прокофьева. Часть II. Прием выражения смыслов путем выстраивания смысловыражающих мелодических линий и циклических структур в фортепианном цикле «Мимолетности» (*окончание*). № 4 (40). С. 92–97.

Шарабарин М. И. Предпосылки появления музыки для смешанных ансамблей русских народных инструментов в народной инструментальной культуре. № 1 (37). С. 86–90.

Эшанкулов М. Э. История и развитие таджикской музыкальной культуры. № 2 (38). С. 125–129.

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Авдашкин А. А. Структурный подход в исследовании диаспор Челябинской области (1989–1996 гг.). № 1 (37). С. 152–159.

Алтухова М. А. Информационные компетенции как основа развития познавательной активности студентов вуза физической культуры. № 2 (38). С. 170–173.

Вильчинская-Бутенко М. Э. Реализация функций социально-культурного сопровождения персонала организаций. № 4 (40). С. 137–145.

Гревцева Г. Я. Принципы подготовки студентов к воспитательной работе. № 4 (40). С. 131–136.

Гунбина С. В. Содержательный аспект развития социально-педагогической активности студентов вуза культуры. № 3 (39). С. 165–169.

Данилова А. А. Организационно-педагогические условия проектирования деловых игр по формированию корпоративной культуры студентов в вузе. № 2 (38). С. 156–159.

Ерыкалина А. Ю. Педагогические курсы в системе образования на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. № 2 (38). С. 147–150.

Зозуля О. Ю. Поступательное развитие художественно-творческого потенциала молодого художника в творческом коллективе. № 1 (37). С. 129–132.

Зозуля О. Ю. Развитие творческой индивидуальности художника на основе изучения содержательных форм искусства. № 2 (38). С. 140–146.

Ильченко О. М. Управление человеческими ресурсами: учебная дисциплина и компетенции. № 3 (39). С. 147–151.

Калимуллина О. А. Организационно-управленческие принципы процесса формирования творческой направленности личности. № 1 (37). С. 139–146.

- Креницына Е. В.** Педагогическая эмпирика в социокультурном пространстве вуза в современный период. № 3 (39). С. 137–141.
- Липская Л. А.** Гуманитарное образование: смена социокультурных оснований. № 1 (37). С. 123–128.
- Литвак Р. А., Слесарь М. В.** Развитие полиэтнической культуры молодежи средствами социально-культурной деятельности в учреждениях дополнительного образования. № 4 (40). С. 146–150.
- Нарская Т. Б.** Деятельность хореографа как фактор социализации творческой личности. № 1 (37). С. 118–122.
- Ооржак С. Ю.** История становления детского музыкального образования в Туве. № 1 (37). С. 147–151.
- Осипова Т. В.** Система подготовки будущего педагога-хореографа к управлению творческим коллективом. № 3 (39). С. 170–175.
- Позднякова У. С.** Особенности нормативно-правового регулирования и принципы организации и деятельности (включая анимацию) детских спортивно-оздоровительных организаций. № 2 (38). С. 160–164.
- Рушанин В. Я. И. А.** Тихомиров – студент Санкт-Петербургского Императорского историко-филологического института (1870–1874). № 1 (37). С. 107–117.
- Рушанин В. Я.** Иван Александрович Тихомиров – директор Екатеринбургского учительского института (1912–1919). № 2 (38). С. 131–139.
- Сапожникова Н. В., Ценаев Д. Л.** Влияние педагогического потенциала вуза на воспитание профессиональной культуры будущих спортивных педагогов. № 2 (38). С. 165–169.
- Сергеева Л. Б.** Стратификация функций управленческой культуры руководителей в современном вузе. № 3 (39). С. 142–146.
- Тажеев А. А.** Профессиональное мышление как основа формирования ключевых компетенций будущих выпускников вуза юридической направленности. № 4 (40). С. 151–154.
- Толстиков В. С.** Библиотеки в культурной жизни населения закрытых городов Урала во второй половине 1940–1980-х гг. (на примере г. Озерска). № 4 (40). С. 119–124.
- Фокина Н. Н.** Система контроллинга в вузе искусства и культуры. № 3 (39). С. 157–164.
- Худяков В. Н.** Понятийно-терминологический аппарат автодидактики как одного из важнейших методов обучения в сфере социально-культурной деятельности. № 4 (40). С. 125–130.
- Шамаева Р. М.** Факторы формирования профессиональной компетентности студентов-музыкантов. № 1 (37). С. 133–138.
- Шамаева Р. М.** Формирование исполнительской культуры будущего педагога-музыканта: теоретические аспекты. № 3 (39). С. 152–156.
- Шарипов М. Ф.** Моделирование развития готовности бакалавра физической культуры к спортивно-педагогическому менеджменту. № 4 (40). С. 155–159.
- Юркина Т. В.** Инновационные формы социально-культурной деятельности в развитии успешности студентов вуза культуры. № 2 (38). С. 151–155.

ДИСКУССИИ

- Соколов А. В.** Философия информации на страницах «Вестника ЧГАКИ» (начало). № 2 (38). С. 175–182.
- Соколов А. В.** Философия информации на страницах «Вестника ЧГАКИ» (окончание). № 3 (39). С. 177–183.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ НОВОЙ БИБЛИОТЕКИ

Жаркова Т. И. Вузовская библиотека как образовательная площадка по развитию навыков профессионально ориентированного чтения на иностранном языке. № 2 (38). С. 183–189.

Коженкин И. А. Тенденции развития физического пространства библиотеки и библиотечного оборудования под влиянием внедрения информационных технологий. № 1 (37). С. 161–167.

РЕЦЕНЗИИ

Гушул Ю. В. Национальная библиография Украины: через прошлое к будущему. № 4 (40). С. 161–169.

DIGEST

Берестова Т. Ф. Как подготовить реферат. № 1 (37). С. 169–173.

Berestova T. F. Paradigms of Bibliography science: book, document, resource. № 2 (38). С. 191–195.

Gushul Yu. V. Actual problems of library practice (review). № 3 (39). С. 185–191.

Gushul Yu. V. Socio-cultural projection of the new library in the information society. № 1 (37). С. 175–177.

Neveleva V. S., Apukhtina N. G. Words-concepts and conceptions of the activity (to the philosophical comprehension of the library theory and practice). № 1 (37). С. 174.

НАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

Берестова Т. Ф. Retro- и респективы науки (полушутливо и очень серьезно о дорогом для меня человеке). № 3 (39). С. 179–182.

Дыдров А. А. «Со-звучие», «со-гласие», «со-трудничество»: несколько слов о философии В. С. Невелевой. № 3 (39). С. 203–205.

Панферов В. И. Педагог, хореограф, исследователь. № 3 (39). С. 183–185.

Путилов В. Д. Концертино для баяна с оркестром русских народных инструментов: роль в композиторском творчестве В. В. Бычкова. № 4 (40). С. 171–175.

Рубанова Т. Д. Юрий Николаевич Столяров: анализ публикационного массива. № 3 (39). С. 193–202.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Мацевский И. В. Роман Федорович Зелинский и современное этномузыкознание. № 2 (38). С. 206–208.

Свободов В. А. Валерий Филиппович Платонов – музыкант и ученый. № 2 (38). С. 209–210.

Сведения об авторах

Андреева Ирина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и музееведения Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*

Астахов Олег Юрьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств. *E-mail: astahov_oleg@mail.ru*

Бенгардт Дарья Владимировна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Челябинского государственного университета. *E-mail: da-re@mail.ru*

Биче-оол Владимир Кызыл-оолович – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры. *E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru*

Буриев Курбонали Бозорович – кандидат исторических наук, доцент, директор научно-исследовательского института культуры и информации Министерства культуры Республики Таджикистан. *E-mail: kurbonalib@mail.ru*

Гушул Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, директор НОЦ «Информационное общество» Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: disser2007@yandex.ru*

Данилова Юлия Николаевна – аспирант кафедры философии Курганского государственного университета. *E-mail: uriko73@mail.ru*

Дударева Надежда Васильевна – соискатель кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: kaf-ped@chgaki.ru*

Дыдров Артур Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета. *E-mail: zenonstoik@mail.ru*

Иванова Екатерина Константиновна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и развития образования факультета управления и социальных технологий Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. *E-mail: Ivanova_EK_chuvsu@mail.ru*

Кара-оол Чинчи Александровна – аспирант Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: Chinchi.Karaool@mail.ru*

Карачканов Арман Амангельдыевич – аспирант Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: arman5879@mail.ru*

Кочекон Владимир Фёдорович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкального образования Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: v_Kochekov@mail.ru*

Кузнецов Александр Борисович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: kafinf@chgaki.ru*

Лешуков Алексей Григорьевич – соискатель кафедры культурологии и социологии, декан факультета декоративно-прикладного творчества Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: info@chgaki.ru*

Литвак Римма Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: kaf-ped@chgaki.ru*

Невелева Вера Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: vsneveleva@mail.ru*

Пупина Олеся Александровна – старший преподаватель кафедры камерного ансамбля Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского. *E-mail: lesiapu@gmail.com*

Руссак Зоя Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: fdk3@chgaki.ru*

Сафаралиев Бозор Сафаралиевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru*

Слюсаренко Татьяна Александровна – ассистент кафедры культурологии Национального юридического университета Украины им. Ярослава Мудрого. *E-mail: izida8888@mail.ru*

Смирнов Данила Михайлович – аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности. *E-mail: dms18-89@yandex.ru*

Сокольская Лэся Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: fdk3@chgaki.ru*

Флиер Андрей Яковлевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского института культурологии, совместитель Московского гуманитарного университета. *E-mail: andrey.flier@yandex.ru*

Халина Елена Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского государственного университета физической культуры. *E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru*

Худяков Виктор Никитевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: kafinf@chgaki.ru*

Чемерилова Ирина Альбертовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и развития образования факультета управления и социальных технологий Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. *E-mail: irina737983@mail.ru*

Чемодуров Константин Викторович – аспирант кафедры философии Курганского государственного университета. *E-mail: kostya4500@mail.ru*

Ширинкин Павел Сергеевич – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурных технологий и туризма Пермской государственной академии искусства и культуры. *E-mail: ethnic1@yandex.ru*

Ширяева Ольга Фёдоровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: shiryayeva_olga72@mail.ru*

Штолер Андрей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения и издательского дела, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: shtolerav@chgaki.ru*

Штолер Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник учебно-методического управления Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: shtoler@chgaki.ru*

Ягодинцева Нина Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. *E-mail: litmast@mail.ru*

Authors

Andreeva Irina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Tourism and Museology of the Chelyabinsk State Academy of Cultural and Arts. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*

Astakhov Oleg – Candidate of Culturology, Associate Professor of Culturology of the Kemerovo State University of Culture and Arts. *E-mail: astahov_oleg@mail.ru*

Bengardt Daria – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer of Department of Philosophy of the Chelyabinsk State University. *E-mail: da-re@mail.ru*

Biche-ool Vladimir – Candidate of Culturology, Assistant Professor of Social-humanitarian Sciences Department of the Ural State University of Physical Education. *E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru*

Buriev Kurbonali – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Research Institute of Culture and Information Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan. *E-mail: kurbonalib@mail.ru*

Chemerilova Irina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Pedagogy and Development of Education Department of Faculty of Management and Social Technologies of the Chuvash State University named after I. Ulyanov. *E-mail: irina737983@mail.ru*

Chemodurov Konstantin – post-graduate student of Department of Philosophy of the Kurgan State University. *E-mail: kostya4500@mail.ru*

Danilova Yuliana – post-graduate student of Department of Philosophy of the Kurgan State University. *E-mail: uriko73@mail.ru*

Dudareva Nadezhda – competitor of a scientific degree, Candidate of Pedagogical Sciences of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: kaf-ped@chgaki.ru*

Dydrov Artur – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Philosophy of the Southern Ural State University. *E-mail: zenonstoik@mail.ru*

Flier Andrey – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, chief researcher Russian Institute of Cultural Science, part-time worker of the Moscow Humanities University. *E-mail: andrey.flier@yandex.ru*

Gushul Yulia – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Library and Information Work, Director of the Scientific-educational Centre “Information society” of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: disser2007@yandex.ru*

Ivanova Ekaterina – Doctor of Pedagogical Science, Professor of Pedagogy and Development of Education Department of Faculty of Management and Social Technologies of the Chuvash State University named after I. Ulianov. *E-mail: Ivanova_EK_chuvsu@mail.ru*

Karachkanov Arman – post-graduate student of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: arman5879@mail.ru*

Kara-ool Chinchi – post-graduate student of the East Siberian State Academy of Culture and Arts. *E-mail: Chinchi.Karaool@mail.ru*

Khalina Elena – Candidate of History, Assistant Professor of Foreign Languages Department of the Ural State University of Physical Education. *E-mail: vladimir-bichel@rambler.ru*

Khudyakov Viktor – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Informatics of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: kafinf@chgaki.ru*

Kochekov Vladimir – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Music Education of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: v_Kochekov@mail.ru*

Kuznetsov Aleksandr – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Informatics of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: kafinf@chgaki.ru*

Leshukov Aleksei – competitor of a scientific degree, Candidate of Sciences of Department of Cultural Science and Sociology of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: info@chgaki.ru*

Litvak Rimma – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics and Psychology of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: kaf-ped@chgaki.ru*

Neveleva Vera – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophical Sciences of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: vsneveleva@mail.ru*

Pupina Olesja – senior lecturer of Department of Chamber Ensemble of the Kharkov National University of Arts of I. P. Kotlyarevsky. *E-mail: lesiapu@gmail.com*

Russak Zoia – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Library and Information Work of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: fdk3@chgaki.ru*

Safaraliev Bozor – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru*

Shiriaeva Olga – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of Department of History and Theory of Music of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: shiryaeva_olga72@mail.ru*

Shirinkin Pavel – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Perm State Academy of Arts and Culture. *E-mail: ethnic1@yandex.ru*

Shtoler Andrey – Candidate of Pedagogical Sciences, Vice Rector for Research and Innovative Work of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: shtolerav@chgaki.ru*

Shtoler Natalia – Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, Head of Educational Department of the Chelyabinsk State Academy of Cultural and Arts. *E-mail: shtoler@chgaki.ru*

Sliusarenko Tatiana – assistant lecturer of Culturology Department of the Yaroslav Mudryi National Law University. *E-mail: izida8888@mail.ru*

Smirnov Danila – post-graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property. *E-mail: dms18-89@yandex.ru*

Sokolskaya Lesia – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Library and Information Work of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: fdk3@chgaki.ru*

Yagodintseva Nina – Candidate of Culture Studies, Associate Professor of Directions of the Dramatized Representations and Holidays of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. *E-mail: litmast@mail.ru*

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

1. К печати принимаются материалы, содержащие результаты самостоятельных научных исследований авторов. Тематика публикаций должна отвечать профилю журнала (в присланных материалах необходимо указывать название раздела журнала). О материале, отклоненном от публикации, редакция сообщает автору. В редакционном портфеле статья может находиться до года.

2. Рукопись передается в электронном виде и сопровождается письмом (по факсу или непосредственно в редакцию по образцу, который находится на сайте ЧГАКИ в разделе «Вестник ЧГАКИ»), подписанным научным руководителем (для соискателей) и автором (авторами).

Подпись автора подтверждает отсутствие плагиата и некорректного цитирования и означает согласие на передачу прав ЧГАКИ на распространение печатных и электронных вариантов представленной работы.

3. Объем статьи не должен превышать 5–6 стр. для аспирантов и соискателей, 10–12 стр. для докторантов; объем остальных материалов устанавливается редколлегией. Параметры предоставляемых материалов: формат А4, поля с каждой стороны – 2 см, интерлиньяж – 1,5, кегль – 14, расширение документа .doc или .rtf.

4. Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество автора (на русском и английском языках);
- краткие сведения об авторе (ученая степень, в том числе искомая, звания, место работы, должность);
- примерная дата защиты;
- контактная информация (обязательно действующий e-mail, а также телефон или факс, домашний адрес);
- название статьи (на русском и английском языках);
- **краткая аннотация** (3–4 предложения, объем – не более 0,5 стр.) и **ключевые слова** (на русском и английском языках).

5. К рукописи обязательно приложить 2 рецензии на статью, полученные самим автором у специалистов соответствующего профиля.

6. Все представленные работы редакция журнала направляет на анонимное рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

7. Отбор и структурирование содержания материалов желательно производить исходя из интересов широкого круга читателей, а не только специалистов узкого профиля.

В связи с этим изложение материала следует выстроить в определенной логической последовательности, которая предполагает:

- постановку проблемы и анализ существующих подходов к ее решению;
- выделение объектной и предметной сфер анализа, выдвижение гипотез и предположений;
- описание методического замысла и процедуры его реализации;
- предъявление основных исследовательских результатов и их научную интерпретацию;
- формулирование основных теоретических выводов и их аргументацию;
- разработку конкретных рекомендаций для работы специалистов в соответствующей сфере;
- список источников должен содержать не менее 10 позиций, включая исследования последних годов;
- отдельно необходимо предоставить список источников на английском языке (имена собственные транслитерируются).

8. Статья должна быть написана четко, ясно, без длинного введения и повторений, тщательно выверена автором.

9. Сокращения слов (аббревиатуры) допускаются для повторяющихся в тексте ключевых выражений или для часто употребляемых терминов, при этом все сокращения должны быть сначала приведены в статье полностью; сокращений не должно быть более 5–6.

10. Таблицы (не более 2–3) и рисунки (не более 3–4) должны быть построены наглядно и иметь название; их заголовки – соответствовать содержанию граф, все цифры в таблицах – тщательно выверены автором.

11. Источники в пристатейном библиографическом списке следует составить в алфавитном порядке и пронумеровать; каждый оформляется с новой строки. В списке перечисляются только те источники, ссылки на которые приводятся в тексте. В описании источника указывается до трех фамилий авторов. Библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», описание электронных ресурсов – по ГОСТ 7.82-2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления».

Источники на иностранных языках приводятся после отечественных. Фамилии иностранных авторов даются в оригинальной транскрипции.

За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы.

Ссылки на литературу должны быть указаны в квадратных скобках [номер источника из списка литературы, цитируемые страницы].

12. Редакция оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку без искажения смысла.

На всех стадиях работы с рукописями для связи с авторами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Статья, нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и научного редактора. Автор должен учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний; в случае несогласия с рецензентом или редактором кратко и четко обосновать свою позицию.

Прошедшая редакционную обработку статья высылается автору в pdf-формате для согласования. При отсутствии ответа от автора материал не может быть опубликован и остается в редакционном портфеле до получения ответа.

13. Соискателю кандидатской научной степени для публикации в журнале следует оформить годовую подписку на «Вестник ЧГАКИ» (копию квитанции предоставить в редакцию), оплата статей других авторов определяется при заключении договора.

При нарушении автором условий статья отклоняется от публикации и затраченные средства не возмещаются.

Адрес редакции: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201.

Тел./факс: (351) 263-28-45; 263-94-67.

E-mail: vestnik@chgaki.ru

Научное издание

ВЕСТНИК
Челябинской государственной академии
культуры и искусств

2015 / 1 (41)

Сдано в РИО 10.02.15
Формат 60x84 1/8
Заказ № 1476

Подписано в печать 31.03.2015
Объем 24,6 п. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта РОССИИ" Ф. СП-1

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на		газету	48677(индекс издания)									
		журнал										
Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств												
										количество комплектов		
на 2015 год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда		(почтовый индекс)					(Адрес)					
Кому		(Фамилия, инициалы)										

						на	газету	48677(индекс издания)				
							журнал					
ПВ	место	ли-тер										
наименование издания												
Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств												
		подписки		руб. коп.								
Стоимость		каталожная		руб. коп.		кол-во комплектов						
		переадресовки		руб. коп.								
на 2015 год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда		(почтовый индекс)					(Адрес)					
Кому		(Фамилия, инициалы)										

**Вестник
Челябинской
государственной
академии
культуры и искусств**

рекомендован

ВАК

*Министерства образования и науки
Российской Федерации*

**см. Перечень российских
рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты
диссертаций на соискание ученых
степеней доктора
и кандидата наук**

Электронная версия журнала доступна в НЭБ

eLIBRARY.ru